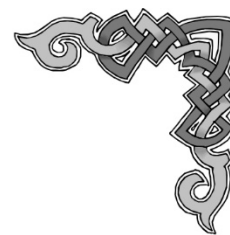

ООО «Наука и образование»

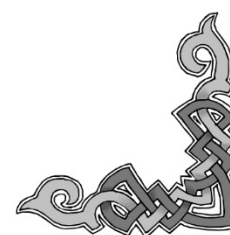
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

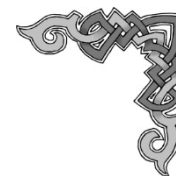

**№ 5
2022**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2022, № 5

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Заместители председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Гугуева Дарья Александровна, (по работе со студентами, магистрантами, аспирантами), кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

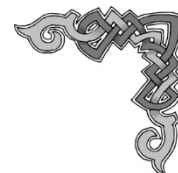
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University;

Darya Gugueva, (for work with students, undergraduates, postgraduates), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Branch and Applied Sociology of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander Viktorovich Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Кареева Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель Отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

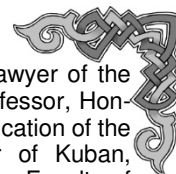
Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета. г.Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Zelensky V. Dmitriyevich, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of Kuban Agrarian University;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Private Law and Business Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Sergei A. Nevsky, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Scientific Work, Head of the Research Center № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образжиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор филологических наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению уголовное право Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;

Narbut N. Petrovich, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia;

Konstantin V. Obrazhiyev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Mr. Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yury E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Irina N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology of Rostov State University of Economics;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimshikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Financial Management of the Kuban State Technological University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Ugra State University doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal»;

Evgeny M. Kharitonov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Director of the All-Russian Rice Research Institute.

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аллайуа К.В. Эволюция теоретических подходов к определению гендера	15
Барановский С.Б., Сорокин В.А. Роль цифровых инноваций в институте физической культуры и спорта (на примере российской молодежи)	19
Бочарова Т.А. «Социальное казначейство» как компонент цифровой системы социального обеспечения	24
Вагина В.О. Патриотические практики молодежи на Юге России: основные агенты формирования и проблемы патриотического воспитания	28
Гафиатулина Н.Х., Сизова Н.М., Шолудченко И.Е. Детерминанты деструктивного поведения в молодой семье: социально-психологическое осмысление	33
Гутова С.Г., Целищева З.А., Самохина Н.Н. Управление коммуникационным процессом как форма профилактической работы с молодежью в сфере информационной безопасности	38
Загирова Э.М. Домашнее насилие в оптике общественного мнения дагестанских народов	46
Ивашиненко Н.Н., Варызгина А.А., Михайлова В.В. Формирование цифрового капитала у населения России	50
Кильдюшева О.А. Динамика социальной структуры Республики Мордовия в 2018–2020 гг. и ее особенности	55
Климин В.Г., Вдовин К.Э., Мальцева Ю.А. К вопросу о развитии экспорта медицинских услуг в регионах	59
Клиценко М.В., Оттева И.В., Медведева Г.Г. Трансформация регионального медиа пространства на примере Хабаровского края	64
Мирзаханова З.А., Мирзаханов Д.Г. Роль СМИ в формировании ценностных ориентаций у современной российской молодежи	68
Рамазанов Р.О. Оценка волонтерской деятельности в общественном сознании (на примере Дагестана)	73
Родюкова Т.Н. Теоретический подход к определению специфики профессионализма государственных гражданских служащих	77
Тринадцатко А.А. Современное цифровое пространство как среда социокультурной реабилитации инвалидов по зрению	83
Тужба Э.Н. Этнорелигиозные процессы в Северо-Кавказском регионе	90

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Барашева Е.В., Пьянкова А.А., Степаненко А.С. К вопросу о правовом регулировании труда надомников	97
Бешукова З.М., Шадже А.М. История формирования международно-правовых норм о запрещении биологического оружия и борьбе с биологическим терроризмом	100

Бондаренко Н.А. Влияние трудовой миграции на региональный рынок труда Хабаровского края	105
Греков М.Л., Назаров А.А. К вопросу о практике назначения наказания за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	109
Дмитренко А.А. Причины коррупции в следственных органах и меры по ее предупреждению	112
Знобищева А.С. Криминологическая характеристика уклонения от административного надзора лиц, совершивших преступление при опасном и особо опасном рецидиве преступлений	116
Зяблова Т.Е., Комарова Я.Б. Периодизации истории политических и правовых учений Г.Л. Зайндлера	119
Конорезов Н.А. К вопросу о классификации субъектов гражданских процессуальных правоотношений	122
Кортаева М.А. Халатность при родовспоможении	126
Крылова В.Н. Тактические особенности производства допроса по уголовным делам о вовлечении несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни	129
Куемжиева Е.Г., Червоная Ю.А. Проблемные вопросы алиментного законодательства в России	132
Курбатова С.М. О правовом положении лиц с ограниченными возможностями в уголовном судопроизводстве советского государства в период с 1917 по 1960 гг.	135
Лаптев Д.Б. Альтернативные и дополнительные меры уголовно-правового характера	140
Леонова Т.В. К вопросу о прекращении уголовных дел судом первой инстанции по специальным основаниям на примере ст. 322.3 УК РФ	144
Лозовский Д.Н., Заикин В.Ю. Отдельные аспекты деятельности по расследованию преступлений, связанных с осуществлением незаконных операций в сфере налогообложения в составе организованной группы	147
Лозовский Д.Н., Лозовская Н.Н. Отдельные аспекты деятельности следователя по выдвижению и проверки версий	150
Матвеева Т.П., Кузнецова Н.А. Проблемные вопросы «самозанятых» и пути их решения	153
Мигачева А.Ю., Пченушай К.А. Наследование интернет аккаунтов: опыт регулирования в зарубежных странах	157
Михайлов А.Е., Зыков Д.А. Проблематика определения понятия «цена преступности»	163
Назаров А.А. К вопросу о санкциях за контрабанду наркотиков в УК РФ и УК Казахстана: сопоставительный анализ	167
Нечаева О.А. Проблемы реализации молодежной политики в Российской Федерации	171
Николаева М.И., Рябчиков В.В. Проблемы применения ст. 308 УК РФ	174
Нинчиева Т.М. Эффективность процессуально-правового регулирования и ее критерии: общетеоретический аспект	177
Павлова Т.В., Мурашова С.В. Актуальные проблемы трансформации охраны авторского права в современных условиях	181
Петрикин В.Ю., Шипицина В.В. Обеспечение права на защиту при изменении обвинения в судебном разбирательстве	186

Пшихожев А.Х. Проблемные аспекты реализации жилищных прав сотрудников российской полиции	191
Ругина О.А. Роль актов Конституционного суда РФ в правоприменении норм уголовного закона	195
Рябова О.А., Кузнецова Н.В. О некоторых вопросах компенсации морального вреда, причиненного преступлением	200
Савин А.А., Семенов С.А. Подробно о структуре уголовно-правовой нормы	204
Скрипниченко Д.А., Куемжиева Е.Г. Переход из упрощенного производства в исковое или административное судопроизводство в арбитражном процессе: право или обязанность суда	207
Старцев П.С. Отдельные аспекты производства осмотра места происшествия в процессе расследования преступлений, совершенных с использованием сервиса каршеринга	211
Ткачева Ю.С. К вопросу о понятии «криминальное насилие»	214
Хачак Б.Н., Цеева С.К., Шадже Л.А. Правовое обеспечение эпидемиологической безопасности в России в период пандемии COVID-19	217
Чимаров С.Ю., Бялт В.С. Теоретико-правовой анализ некоторых суждений о признаках современного демократического государства в контексте философии права	222
Чунихина Т.Н. Конституционная матрица духовных ценностей российского общества	225
Штырхунова Н.А., Попов Е.А., Сыротюк М.В. Анализ понятия «безопасность дорожного движения» в действующем законодательстве России	229
Штырхунова Н.А., Голубкина К.В., Абрамян С.К. Некоторые аспекты контрольно-надзорной деятельности в сфере обеспечения безопасности дорожного движения	232
Экономюк В.С. Криминалистическая характеристика личности потерпевшего при совершении телефонного мошенничества, осуществляемого с территории учреждений уголовно-исполнительной системы	235
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Бытко М.А. Оценка систем управления освещением в индустрии гостеприимства	241
Владимиров Д.Ю., Мисиркаева К.Р. Система экологических платежей при негативном воздействии на окружающую среду, ее совершенствование в Российской Федерации	244
Попова Ю.А. Проблемы бухгалтерского учёта основных средств	251
Расулова З.Д. Перспективные направления социального вычета по налогу на доходы физических лиц	255
Таранов П.В., Басенко А.М. Мировая экономика XXI века в эпоху цифровой трансформации	259
Фирсова А.Е., Солнцева О.Г., Ковалева Н.И. Поисковое продвижение и контекстная реклама в сфере гостеприимства	263

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Katrin V. Allayua Evolution of theoretical approaches to the definition of gender	15
Sergey B. Baranovsky, Vladimir A. Sorokin The role of digital innovations in the institute of physical culture and sport (on the example of russian youth)	19
Tatiana A. Bocharova «Social treasury» as a component of the digital social security system	24
Victoriya O. Vagina Patriotic practices of youth in the South of Russia: main agents of formation and problems of patriotic education	28
Natalya Kh. Gafiatulina, Natalya M. Sizova, Inessa E. Sholudchenko Determinants of destructive behavior in a young family: social and psychological consideration	33
Svetlana G. Gutova, Zuhra A. Tselishcheva, Natalia N. Samokhina Communication process management as a form of preventive work with youth in the field of information security	38
Elvira M. Zagirova Domestic violence in the optics of public opinion of dagestan peoples	46
Nina N. Ivashinenko, Alla A. Voryzgina, Veronika V. Mikhailova Formation of digital capital of the population of Russia	50
Olga A. Kildyusheva Dynamics of the social structure of the Republic of Mordovia in 2018–2020 and its features	55
Vladimir G. Klimin, Kirill E. Vdovin, Yulia A. Maltseva On the issue of the development of the export of medical services in the regions	59
Maksim V. Klitsenko, Irina V. Otteva, Galina G. Medvedeva Regional media space transformation. Khabarovskiy krai case	64
Zarema A. Mirzakhanova, Dzhabrail G. Mirzakhanov The role of the media in forming value orientations of modern russian youth	68
Rashid O. Ramazanov Evaluation of volunteer activities in the public consciousness (on the example of Dagestan)	73
Tatiana N. Rodyukova A theoretical approach to determining the specifics of the professionalism of public civil servants	77
Anton A. Trinadtsatko Modern digital space as a environment for socio-cultural rehabilitation of the disabled people with visual impairments	83
Emir N. Tuzhba Ethno-religious processes in the North Caucasian region	90
JURISPRUDENCE	
Eleva V. Barasheva, Anna A. Pyankova, Alexey S. Stepanenko On the issue of legal regulation of the work of homeworkers	97
Zarema M. Beshukova, Azamat M. Shadzhe The history of the formation of international legal norms on the prohibition of biological weapons and the fight against biological terrorism	100
Natalia A. Bondarenko The impact of labor migration on the regional labor market of the Khabarovsk territory	105

Mikhail L. Grekov, Anton A. Nazarov On the issue of the practice of sentencing for crimes related to combating drug trafficking	109
Alena A. Dmitrenko Causes of corruption in investigative agencies and measures to prevent	112
Anastasiya S. Znobishcheva Criminological characteristics of evasion of administrative supervision by perpetrators of dangerous and especially dangerous recidivism	116
Tatiana E. Zyablova, Yana B. Komarova Periodization of the history of political and the legal teachings of G.L. Seidler	119
Nikolay A. Konorezov On the issue of classification of subjects of civil procedural legal relations	122
Marina A. Korotaeva Khalatnost during childbirth	126
Victoria N. Krylova Tactical features of interrogation in criminal cases on the involvement of a minor in the commission of actions that pose a danger to his life	129
Elena G. Kuemzhieva, Yulia A. Chervonaya Problematic issues of alimony legislation in Russia	132
Svetlana M. Kurbatova On the legal status of persons with disabilities in the criminal proceedings of the soviet state in the period from 1917 to 1960	135
Dmitry B. Laptev Alternative and additional criminal law measures	140
Tatyana V. Leonova On the issue of termination of criminal cases by the court of first instance on special grounds on the example of Art. 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation	144
Denis N. Lozovsky, Vadim Yu. Zaikin Certain aspects of the investigation of crimes related to the implementation of illegal transactions in the field of taxation as part of an organized group	147
Denis N. Lozovsky, Natalia N. Lozovskaya Certain aspects of the investigator's activities for the nomination and verification of the version	150
Tamara P. Matveeva, Natalia A. Kuznetsova Problematic issues of the «self-employed» and ways to solve them	153
Anna Ju. Migacheva, Kazbek A. Pchenushay Inheritance of internet accounts: experience of foreign regulation	157
Alexey E. Mikhailov, Daniil A. Zykov The problems of defining the concept of «the price of crime»	163
Anton A. Nazarov On the question of sanctions for drug smuggling in the CC RF and the CC of Kazakhstan: a comparative analysis	167
Olesya A. Nechaeva Problems of implementation of youth policy in the Russian Federation	171
Marina I. Nikolaeva, Vadim V. Ryabchikov Problems of application of Article 308 of the criminal code of the russian federation	174
Tamila M. Ninzieva Effectiveness of procedural and legal regulation and its criteria: general theoretical aspect	177
Tatiana V. Pavlova, Svetlana V. Murashova Actual problems of transformation of copyright protection in modern conditions	181
Vladimir Yu. Petrikin, Victoria V. Shipitsina Ensuring the right to a defense in case of a change in charges in court proceedings	186
Azamat Kh. Pshikhozhev Problematic aspects of the implementation of housing rights of Russian police officers	191
Olga A. Rugina The role of acts of the Constitutional Court of the Russian Federation in the enforcement of criminal law	195

Olga A. Ryabova, Natalia V. Kuznetsov About some issues of compensation for moral damage caused by a crime	200
Andrey A. Savin, Sergei A. Semenov Details about the structure of the criminal law norm	204
Dmitry A. Skripnichenko, Elena G. Kuemzhieva Transfer from summary proceedings to action or administrative proceedings in the arbitration process: the right or duty of the court	207
Pyotr S. Startsev Certain aspects of vehicle inspection in the process of investigating crimes committed in the field of carsharing	211
Yulia S. Tkacheva On the question of the concept of criminal violence	214
Bela N. Khachak, Svetlana K. Tseeva, Leila A. Shadzhe Legal provision of epidemiological safety in Russia during the COVID-19 pandemic	217
Sergey Yu. Chimarov, Viktor S. Byalt Theoretical and legal analysis of some judgments about features modern democratic state in the context philosophy of law	222
Tatiana N. Chunikhina Constitutional matrix of spiritual values Russian society	225
Natalya A. Shtyrkhunova, Evgeny A. Popov, Maya V. Sirotyuk Analysis of the concept of «road safety» in the current legislation of Russia	229
Natalya A. Shtyrkhunova, Ksenia V. Golubkina, Syuzanna K. Abramyan Some aspects of control and supervisory activities in the field of road safety	232
Viktoriya S. Ekonomiyk Forensic characteristics of the personality of the victim during the commission of telephone fraud, carried out from the territory of institutions of the penitentiary system	235
ECONOMIC SCIENCES	
Matvei A. Bytko Evaluation of lighting control systems in the hospitality industry	241
Dmitry Yu. Vladimirov, Karina R. Misirkaeva System of environmental payments with negative impact on the environment, its improvement in the Russian Federation	244
Julia A. Popova Problems of accounting of fixed assets	251
Zagirat D. Rasulova Promising areas of social deduction for personal income tax	255
Petr V. Taranov, Alexander M. Basenko World economy of the XXI century in the age of digital transformation	259
Anna E. Firsova, Oksana G. Solntseva, Natalia I. Kovaleva Search promotion and contextual advertising in the hospitality	263

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аллайуа Катрин Весамовна
аспирантка департамента социологии,
Финансовый университет
при правительстве
Российской Федерации
KVAllajua2020@edu.fa.ru

Эволюция ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГЕНДЕРА

Аннотация. В статье определяется важность исследования понятия «гендер» и теоретических подходов к его определению. Прослеживается взаимосвязь эволюции определения понятия «гендер» с трансформацией «женского вопроса» в «гендерный вопрос». Рассматривается трансформация определения понятия «гендер» в контексте эволюции классического, модернистского и постмодернистского подходов. Выявляется роль теории интерсекциональности и применения интерсекционального анализа в трансформации подходов к определению гендера. Уделяется внимание закреплению исследуемого понятия на уровне понятийного аппарата в российской социологической науке.

Ключевые слова: гендер, теоретический подход, женский вопрос, гендерный вопрос, мужественность, женственность, пол, интерсекциональность.

Понятие «гендер» является относительно новым в науке, хотя играет важную роль в системе исследования психологических и социальных особенностей мужчин и женщин, тех ролей, которые они играют в общественных отношениях. Находя, при этом, применение в различных областях знаний, способствуя развитию антропологии, медицины, сексологии, психологии, социологии и др., определение исследуемого понятия было подвержено трансформациям, определяемым расширением исследуемых психических, социологических явлений, гендерных исследований и гендерной проблематики.

В современных условиях общественного развития, осложняемых распространением пандемии COVID-19, актуализируется интерес к гендерным исследованиям и понятию «гендер», что объясняется различным воздействием инфекции на женщин и мужчин и необходимостью учета гендерных факторов при разработке мероприятий по борьбе с коронавирусом и его последствиями. Согласно информационно-разъяснительной записки от 14 мая 2020 г. Всемирной организации здравоохранения, риск инфицирования отдельных людей, как правило, неодинаков и зависит от индивидуальных биологических и гендерных характеристик [10]. В связи с этим, выявление

Katrin V. Allajua
Postgraduate Student
of the Department of Sociology,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
KVAllajua2020@edu.fa.ru

EVOLUTION OF THEORETICAL APPROACHES TO THE DEFINITION OF GENDER

Annotation. The article defines the importance of studying the concept of «gender» and theoretical approaches to its definition. The interrelation of the evolution of the definition of gender with the transformation of the «women's issue» into a «gender issue» is traced. The article considers the transformation of the definition of the concept of «gender» in the context of the evolution of classical, modernist and postmodern approaches. The role of intersectionality theory and the application of intersectionality analysis in the transformation of approaches to the definition of gender is revealed. Attention is paid to the consolidation of the studied concept at the level of the conceptual apparatus in Russian sociological science.

Keywords: gender, theoretical approach, women's issue, gender issue, masculinity, femininity, gender, intersectionality.

сущности понятия «гендер» и теоретических подходов к данному понятию вызывает значительный интерес.

Эволюция теоретических подходов к определению гендера проходила в условиях развития и совершенствования социального и гуманитарного знания и способствовала более глубокому пониманию человека и общества. Одновременно с этим, возможность утверждения исследуемого понятия в науке и использования в практике социологических исследований предоставило его отражение в международных программах на законодательном уровне, разрабатываемых с целью достижения гендерного равенства.

Анализ исследований Г.Г. Силласте позволяет сделать вывод о взаимосвязи эволюции определения понятия гендера с трансформацией «женского вопроса» в «гендерный вопрос» в процессе развития общественных отношений, что и обусловило сам факт его возникновения [4].

Именно «женский вопрос», заключающийся в обсуждении общественного положения женщин; ответственности фактического положения идеальному, которое бы обеспечило защиту их прав и интересов; причин данного несоответствия, в случае его

выявления, и способов их устранения, создал предпосылки для последующего возникновения и использования исследуемого понятия [5, с. 4].

Следовательно, период распространения «женского вопроса», который охватывает конец XIX – конец XX в., можно рассматривать как начало формирования общественных отношений, развитие которых привело к возникновению понятия «гендер». Так, одним из результатов Всемирной конференции по положению женщин в Пекине 1995 г., продемонстрировавшей активизацию мирового интереса к «женскому вопросу», необходимости улучшения женского положения в обществе, стало принятие Пекинской декларации и Платформы действий, ставящей задачу расширения прав и возможностей всех женщин. Тем самым, конец XX века ознаменовал новую постановку «женского вопроса», проявившегося в использовании понятия «гендерный» в его контексте. Платформа действий по улучшению положения женщин содержала положения о необходимости устранения гендерных различий в доступе ко всем областям высшего образования; учета гендерных аспектов в создании системы образования и т.д. [11].

Новизна используемого понятия «гендер» вызвала необходимость формирования контактной группы в Нью-Йорке под председательством Сельмы Ашипала (Намибия), которая должна была решить вопрос о толковании данного понятия с целью достижения согласия по его значению, о чем было сделано соответствующее заявление Председателя Всемирной конференции по положению женщин в Пекине. Тем самым, применение понятия «гендер» на уровне международной конференции и введение его в данных условиях в общемировой научный оборот стимулировало активное развитие гендерных исследований.

В данном случае, следует отметить, что термин «гендер» впервые возник в качестве лексической единицы с целью обозначения представителей того или иного рода в процессе работы Д. Мани (1955 г.) над проблемами сексуальной идентичности. В процессе же развития социологических исследований, приведших к необходимости различения биологического и социального пола по причине невозможности объяснить особенности личности человека только на основе биологических характеристик, понятие «гендер» вводится в психологическую науку и социологию. Так, американским ученым Р. Столлером в 1963 г. на конгрессе психоаналитиков в Стокгольме употребляется данное понятие в контексте самосознания и идентификации, получивших название гендерного самосознания и гендерной идентификации. В ходе последующего развития гендерных исследований «гендер» рассматривался как социальный пол человека, что предполагало оценку личности с точки зрения социальных аспектов ее развития.

Однако вплоть до настоящего времени, в науке нет единой точки зрения на сущность исследуемого понятия; актуальными остаются дискуссии касательно его оценки с точки зрения стратификационной категории, мыслительного конструкта,

отражающего социально-культурные функции пола, либо же, с точки зрения социального конструкта, изучение которого требует охвата гендерной системы, социального взаимодействия формирующего специфику полоролевых моделей в отношении социального положения человека, полоролевой идентичности и т.д. А.М. Лушников, М.В. Лушникова и Н.Н. Тарусина обращают внимание на то, что классическим для социологии определением понятия «гендер» является определение Э. Гидденса, согласно которому, «гендер» представляет собой «социально формируемые особенности «мужественности» и «женственности»» [3, с. 39].

С точки зрения Е.Э. Шишловой, в процессе развития общественных отношений и социологических исследований трансформация определения понятия «гендер» проходила в контексте эволюции классического, модернистского и постмодернистского подходов [8, с. 148]:

– классический подход предполагает оценку гендера в качестве единой социально-биологической характеристики, посредством которой осуществляется дифференциация людей по полу. Согласно данному подходу, проявлением гендера является совокупность поведенческих паттернов, характерных для определенного пола в конкретном обществе, с учетом его особенностей, позволяющих выделять формы поведения и самосознания мужчин и женщин, сформированные под воздействием социума;

– с позиции модернистского подхода гендер определяется в качестве совокупности личностных качеств, сформированных в условиях определенной культурной среды, и способов взаимодействия в социуме, в зависимости от которых индивид квалифицирует себя как представителя того или иного пола;

– в качестве промежуточного звена между указанными подходами выделяется концепция, согласно которой, гендер трактуется в качестве системы межличностного взаимодействия, являющейся основой формирования и реализации представлений о «мужественности» и «женственности» в условиях определенного общества и социального порядка;

– постмодернистский подход предполагает рассмотрение пола человека исключительно с точки зрения гендера, в отрыве от биологической составляющей. Гендр, оценивающийся как социальный конструкт, с позиции данного подхода, имеет не столько приоритет над биологическим полом, сколько охватывает его, включает в свое содержание в качестве эффекта особой социальной перцепции телесного состояния.

Следовательно, трансформация определения понятия «гендер» в контексте эволюции классического, модернистского и постмодернистского подходов проявляется в изменении взглядов на роль биологических и социально-психологических признаков в структуре гендерного конструкта. На основе проведенного исследования указанных подходов, Е.Э. Шишлова делает вывод

о том, что гендер представляет собой «динамический конструкт, отражающий роль биологических и социально-психологических факторов поведения мужчин и женщин в конкретной культурно-исторической среде» [8, с. 149].

По данным исследований Т.В. Гаврилюк и В.Ю. Бочарова, эволюции теоретических подходов к понятию «гендер» способствовало возникновение теории интерсекциональности и применение интерсекционального анализа, который, в частности, предусматривает изучению во взаимосвязи гендера, класса и возраста, их влияния на социальную дифференциацию, формирование системы доминирования. Так, отмечается, что в течение длительного времени (вплоть до 1980 гг.) в социологических исследованиях конвенциональный анализ, предполагающий исследование и интерпретацию поведения людей, оставался в стороне от гендерных исследований. Одновременно с этим, гендерная теория отрицала необхо-

димость учета социального положения и классовой принадлежности при оценке индивидуальной субъектности [2, с. 573].

В процессе последующей эволюции теоретических подходов и дискуссий в отношении классового анализа, гендера, социального неравенства, ряд из которых можно представить в виде таблицы, происходит формирование и развитие теории интерсекциональности, представленной Кимберли Креншоу в 1989 г., и позволившей устранить противоречия между указанными подходами.

Следовательно, гендер является одной из категорий, которая, согласно теории интерсекциональности, в сочетании с классом и другими системами подавления (к которым, например, относятся национальность, возраст и др.), порождает формы неравенства на индивидуальном и институциональном уровне.

Таблица

Ряд теоретических подходов и дискуссий в отношении классового анализа, гендера, социального неравенства, определяющих возникновение и развитие теории интерсекциональности [2; 9]

Исследователи	Период	Теоретический подход
Stanworth (Мишель Стэнворт)	1984 г.	Гендер оказывает влияние на формирование классовой системы общества посредством определения позиции женщины в данном обществе
Daleetal (Анджела Дэйл)	1985 г.	Классовое положение женщин в обществе определяется их положением на рынке труда, что позволяет выделить их в качестве единицы классового анализа
Butler (ДжудитБатлер)	1990 г.	Источником возникновения гендера является дискурс, многократные перформативные действия, в условиях определенного культурного контекста, в связи с чем, отрицается существование истинной природы женщины или мужчины, обусловленной их телесными особенностями
Yuval-Davis (НираЮваль-Девис)	2001 г.	Социальное неравенство определяется пересечением категорий социальных различий, требующих анализа

Как отмечает О.А. Воронина, данная категория является той основой, которая демонстрирует превращение биологических различий между мужчинами и женщинами в отношения и структуры, характеризующиеся иерархичностью, асимметричностью, социальными различиями и распределением власти в обществе [1, с. 11].

Использование понятия «гендр» в качестве аналитической категории позволяет исследовать оппозицию между женщинами и мужчинами в качестве механизма создания различных видов иерархии, включая социальную, культурную, политическую. В данных условиях интертекстуальность «позволяет обозначить взаимное конституирование механизмов гендерных и других властных разделений» [7, с. 15].

Следовательно, активного развития гендерная проблематика, в частности, предполагающая утверждение определения понятия «гендер» в той формулировке, которая наиболее полно отражает его сущность и способствует решению задач гендерных и социологических исследований, в целом, получила в конце XX и начале XXI века. Эволюция теоретических подходов к гендеру

демонстрировала не только изменение взглядов на роль биологических и социально-психологических признаков в структуре гендерного конструкта, но и постепенно привела к расширению его содержания с точки зрения субъекта гендерных исследований. Толкование содержания «гендер» трансформировалось от концептуализации мужского доминирования до всестороннего взаимодействия мужского и женского начал.

На уровне Российской Федерации активизацию развития гендерных исследований, соответственно, предполагающих определение их базового понятия «гендер», ознаменовала работа Первого социологического конгресса постсоветской России в Санкт-Петербурге в 2000 г., в рамках которой были проведены институциональные изменения в области социологических исследований, и сформировалось новое направление – «гендерная социология». В 2003 г. в «Социологическую энциклопедию» было включено определение понятия «гендер», который трактовался как «культурологическая характеристика поведения, соответствующая полу в данном обществе в данное время» [6, с. 193]. Данный факт означал закрепление исследуемого понятия на уровне

понятийного аппарата в российской социологической науке.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что эволюция теоретических подходов к определению гендера способствовала развитию гендерных исследований, как в России, так

Литература:

1. *Воронина О.А.* Конструирование и деконструкция гендера в современном гуманитарном знании / О.А. Воронина // Вестник Пермского университета. 2019. № 1. С. 11–25.
2. *Гаврилюк Т.В.* Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства / Т.В. Гаврилюк, В.Ю. Бочаров // Журнал исследований социальной политики. 2018. № 16. С. 537–545.
3. *Лушников А.М.* Гендер в законе : монография / А.М. Лушников, М.В. Лушникова, Н.Н. Тарусина. М., 2015. 480 с.
4. *Силласте Г.Г.* От решения женского вопроса к новому гендерному порядку: движение в модусах социального времени / Г.Г. Силласте // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 5.
5. *Силласте Г.Г.* Социальные трансформации и формирование нового гендерного порядка / Г.Г. Силласте // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 3–16.
6. *Социология. Энциклопедия* / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. М., 2003. 1312 с.
7. *Темкина А.А.* Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях / А.А. Темкина, Е.А. Здравомыслова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 5. С. 15–38.
8. *Шишлова Е.Э.* Гендер как инновационный научный и философский дискурс / Е.Э. Шишлова // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 1. С. 148–151.
9. *Yuval-Davis N.* Power, Intersectionality and the Politics of Belonging / N. Yuval-Davis // Feminist Research Center in Aalborg. 2001. № 75. P. 11–31.
10. *Гендерные вопросы и COVID-19. Информационно-разъяснительная записка 14 мая 2020 г.* // Всемирная организация здравоохранения. URL : https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/332080/WHO-2019-nCoV-Advocacy_brief-Gender-2020.1-rus.pdf (дата обращения 02.08.2021).
11. *Report of the Fourth World Conference on Women. Beijing, 4–15 September 1995* // United Nations General Assembly. URL : <https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/fwcwn.html> (date of appeal 03.08.2021).

и в зарубежных странах. В свою очередь, благодаря данному развитию, происходит утверждение таких направлений прикладного научного знания, как гендерная социология, гендерная психология, гендерная экономика, что способствует решению важной задачи достижения гендерного равенства.

Literature:

1. *Voronina O.A.* The construction and deconstruction of gender in modern humanitarian knowledge / O.A. Voronina // Bulletin of Perm University. 2019. № 1. P. 11–25.
2. *Gavrilyuk T.V.* Intersectionality as a way of conceptualizing gender and class inequality / T.V. Gavrilyuk, V.Yu. Bocharov // Journal of Social Policy Research. 2018. № 16. P. 537–545.
3. *Lushnikov A.M.* Gender in law : monograph / A.M. Lushnikov, M.V. Lushnikova, N.N. Tarusina. M., 2015. 480 p.
4. *Sillaste G.G.* From solving the women's issue to a new gender order: movement in the modes of social time / G.G. Sillaste // Humanities of the South of Russia. 2017. Vol. 6. № 5.
5. *Sillaste G.G.* Social transformations and the formation of a new gender order / G.G. Sillaste // Woman in Russian society. 2019. № 2. P. 3–16.
6. *Sociology. Encyclopedia* / Comp. A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko. M., 2003. 1312 p.
7. *Temkina A.A.* Intersectional turn in gender studies / A.A. Temkina, E.A. Zdravomyslova // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2017. № 5. P. 15–38.
8. *Shishlova E.E.* Gender as an innovative scientific and philosophical discourse / E.E. Shishlova // Bulletin of MGIMO University. 2013. № 1. P. 148–151.
9. *Yuval-Davis N.* Power, Intersectionality and the Politics of Belonging / N. Yuval-Davis // Feminist Research Center in Aalborg. 2001. № 75. P. 11–31.
10. *Gender issues and COVID-19. Informational and explanatory note on May 14, 2020* // World Health Organization. URL : https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/332080/WHO-2019-nCoV-Advocacy_brief-Gender-2020.1-rus.pdf (date of appeal 02.08.2021).
11. *Report of the Fourth World Conference on Women. Beijing, 4–15 September 1995* // United Nations General Assembly. URL : <https://www.un.org/womenwatch/daw/beijing/fwcwn.html> (date of appeal 03.08.2021).

Барановский Сергей Борисович

кандидат педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
физического воспитания и спорта,
Донской государственной
технической университет
sergey.baranovski@mail.ru

Сорокин Владимир Алексеевич

старший преподаватель кафедры
физического воспитания и спорта,
Донской государственной
технической университет
mr.vova.976@mail.ru

Роль цифровых инноваций в институте физической культуры и спорта (на примере российской молодежи)

Аннотация. Целью данной статьи является обобщение имеющегося опыта внедрения цифровых инновационных технологий в российский институт физической культуры и спорта (ФКИС), а также – рефлексия роли цифровых инноваций для молодежного физкультурно-спортивного движения. В статье приведены наиболее распространенные «умные» цифровые технологии (смарт-технологии) в сфере ФКИС российской молодежи, в числе которых: спортивные очки, плеер для спортсменов, «умная экипировка», «умный футбольный мяч» и др.

Ключевые слова: цифровые инновации, инновационные технологии, институт ФКИС, трансформация, российская молодежь, физическая культура, спорт.

На современном этапе развития российского общества актуализируется понимание роли и долгосрочных перспектив внедрения цифровых инноваций в институт физической культуры и спорта – в области физкультурно-спортивных (ФКИС) и оздоровительных технологий, оказывающих трансформационное влияние на все сферы жизнедеятельности молодежи и, так или иначе, изменяющих ее поведение [1; 2].

В российском социуме применяется множество инновационных технологий, основанных на цифровых технологиях, и институт физической культуры и спорта – отнюдь не исключение. В современные инновационные технологии входят дифференциация упражнений для определенных уровней здоровья молодых спортсменов, тестирование физических возможностей и подготовки, вопросов организации практической реализации

Sergey B. Baranovsky

Candidate of Pedagogical Sciences,
Senior Lecturer of the Department
of Physical Education and Sports,
Don State Technical University
sergey.baranovski@mail.ru

Vladimir A. Sorokin

Senior Lecturer of the Department
of Physical Education and Sports,
Don State Technical University
mr.vova.976@mail.ru

THE ROLE OF DIGITAL INNOVATIONS IN THE INSTITUTE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT (ON THE EXAMPLE OF RUSSIAN YOUTH)

Annotation. The purpose of this article is to summarize the existing experience of introducing digital innovative technologies in the Russian Institute of Physical Culture and Sports (PKiS), as well as to reflect on the role of digital innovations for the youth physical culture and sports movement. The article presents the most common «smart» digital technologies (smart technologies) in the field of physical culture and sports of Russian youth, including: sports glasses, a player for athletes, «smart equipment», «smart soccer ball», etc.

Keywords: digital innovations, innovative technologies, Institute of Physical Culture and Sports, transformation, Russian youth, physical culture, sports.

этих технологий [3]. Как подчеркивают В.Ю. Путилина и др., «цифровые технологии влияют на существующий корпоративный мир и открывают новые возможности управления. Спортивный менеджмент не исключен из этой трансформации» [4, с. 100].

О том, что вопросам цифровизации и цифровой трансформации института ФКИС уделяется существенное внимание, указывает федеральный документ «Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» [5].

Цифровые инновации, по мнению Е.В. Гуняева и В.А. Висягиной, насуточно необходимы для осознания значения физической культуры и спорта в жизни каждого человека с целью «улучшения спортивной формы» [6, с. 31]; а также, профилактики аддикций и повышения здоровья, в целом,

на всех его уровнях: от физического до социального уровня здоровья [7; 8].

Как показывает практика, инновационность – это присутствие новых, оригинальных авторских идей, приемов, методов, способов и форм работы относительно имеющегося базиса. Развитие личностной мотивации к занятиям физической культурой и спортом, особенно у молодежи, происходит именно за счет инновационного подхода. Это связано с тем, что молодежь в повседневной жизни очень часто обращается к различного рода инновационным цифровым технологиям, что они быстро становятся привычными и понятными для каждого из молодых людей.

Институт статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики применил интеллектуальный анализ больших данных с целью обнаружения наиболее перспективных цифровых технологий в сфере ФКиС, которые способствуют повышению мотивации к физическому воспитанию молодежи, а также поднимают планку спортивных достижений.

Что представляют собой инновационные технологии в области ФКиС?

Инновации представляют собой внедряемое или внедренное новшество, обеспечивающее увеличение результативности, продуктивности процессов и / или улучшения качества деятельности или ее результатов.

Для того, чтобы понять, какую роль цифровые инновации играют в физкультурно-спортивной деятельности молодежи, необходимо разобраться, что подразумевается под понятием «инновационные технологии». Впервые понятие «инновация» описал Йозеф Шумпетер в 1911 году. В его понимании термин синонимичен понятию «нововведение». В современном мире инновации воплощаются в инновационных технологиях (в том числе и в сфере социального оздоровления молодежи) [9].

Какова же роль инновационных технологий в институте физкультуры и спорта, а также, физкультурно-спортивной деятельности молодежи, каким образом цифровые инновации трансформируют ФКиС молодежи?

Как подчеркивают С.Б. Олонец и Ю.Н. Касперович, «инновационные технологии в рамках физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности позволяют сделать занятия физической культурой полезными для здоровья, раскрыть потенциал молодежи, заинтересовать ее тем или иным видом спорта, стать победителем в различных спортивных соревнованиях, олимпиадах и конкурсах, что в дальнейшем окажет положительное влияние, как на физические способности молодого человека, так и на его личное портфолио» [10, с. 99].

Инновации проявляются во всех сегментах спортивной индустрии – от подготовки и выступления

спортсменов до проведения и трансляций соревнований, создания всестороннего цифрового опыта молодежи [11].

К числу инновационных технологий в области физической культуры и спорта, способствующих мотивации к физическому развитию и самосовершенствованию молодежи относятся:

– «Умная экипировка» – современная удобная одежда с функциональными особенностями для занятий конкретным видом спорта; Например, форма из материала e-Textile обеспечивает передачу информации о состоянии мышечных волокон, частоте сердечных сокращений и интенсивности движений молодого спортсмена.

– Технические приспособления для контроля и отслеживания физического состояния и достижений в тренировочной деятельности. Как подчеркивают А.В. Алдошина и др., с помощью «системы датчиков и микропроцессора спортивная электроника может контролировать многие показатели физического состояния человека: силу воздействия на тело, электрические импульсы от сердца и нервной системы, кровяное давление, ритм ходьбы и бега, нагрузку на суставы и многое другое» [12, с. 34].

Большие данные служат для углубленного анализа текущих функциональных характеристик, производительности, выносливости и техники молодого спортсмена, позволяют сформировать индивидуальные планы тренировок, обнаружить ранние тревожные сигналы, а при повреждениях – отслеживать восстановление от мышечных и костных травм и оптимизировать планы реабилитации.

Наиболее распространенными сегодня считаются целый ряд смарт-технологий («умных» ЦТ) в сфере физкультурной и спортивной деятельности российской молодежи:

– ReconJet. ReconJet – это спортивные очки, необходимые для занятий на воздухе со встроенной камерой. Очки отслеживают географическое положение и положение в пространстве, благодаря встроенным датчикам GPS, акселерометр, гироскоп и магнитометр. Для соединения со смартфоном или другими устройствами используется Bluetooth 4.0, ANT+ и WIFI.

– iPod Nano – плеер для спортсменов, отслеживает статистику выполнения ряда спортивных упражнений, позволяет контролировать результаты тренировок и следить за достижениями поставленных целей.

– miCoach Smart Ball – «умный» футбольный мяч, в котором сенсоры считывают каждое движение мяча, могут определить силу удара, траекторию полета, силу вращения, качество исполнения штрафных ударов. Специальное мобильное приложение выводит на экран компьютерного устройства все данные о работе футболиста с мячом. Мяч подсказывает молодому человеку, в

какую область лучше всего сконцентрировать и направить силу удара для достижения желаемой цели.

Разнообразные спортивные приложения, например, Strava – совмещают функции дневника тренировок, GPS-тренера и социальные сети. Кроме того, в Strava можно не просто записывать свою физическую активность, но и сопроводить ее фотографиями, а затем, получать за нее зачеты и комментарии от подписчиков. В Strava будут отображены все ключевые показатели: темп, расстояние, скорость, набор высоты и затраченные калории, пульс, пульсовые зоны, зоны мощности, интенсивность нагрузок за тренировку.

– Тренировка для дома – инновационная технология, программа тренировок, расписанная на каждый день для всех основных групп мышц, благодаря ей, отпадает необходимость в специальном оборудовании и личных спортивных тренерах – имеются возможности улучшить физическую форму, даже не выбираясь в тренажерный зал.

Ниже в таблице 1 представлены наиболее значимые инновационные цифровые технологии (ЦТ) в современной физкультурно-спортивной сфере, являющиеся стимулирующим фактором влияния на современную российскую молодежь [13].

Таблица 1

Топ-15 инновационных технологий в спортивной индустрии по итогам 2020 г.

Ранг	Технологии	Индекс значимости
1	Системы поддержки принятия решений	1.00
2	Технологии 5G	0.69
3	Виртуальная реальность	0.49
4	Анализ данных в режиме реального времени	0.33
5	Технологии персонализации	0.18
6	Дополненная реальность	0.17
7	Блокчейн-платформы управления мероприятиями	0.13
8	Носимые устройства	0.12
9	Редактирование генома	0.08
10	Геймификация	0.04
11	Сенсорные технологии	0.03
12	Сервисы потокового медиа	0.03
13	Интеллектуальная сегментация клиентов	0.02
14	Цифровые билеты	0.02
15	Когнитивные тренировки	0.02

Рынок спортивных технологий, по предположению экспертов ВШЭ, достигнет 42млрд. долл. к 2026 г.; ведущие спортивные клубы реализуют стратегии цифровой трансформации; спортивные федерации сотрудничают с научными центрами в области развития спортивной медицины и нейротехнологий; на стыке спорта и физкультурно-спортивных развлечений сформировалось новое и довольно широкое направление sportainment.

П.К. Петров, проведя анализ развития ЦТ в институте ФКиС, обнаружил, что одним из главных трендов цифровизации является цифровая трансформация физкультурно-спортивного образования и воспитания молодежи. В числе цифровых образовательных ресурсов следует отметить:

- мультимедийные презентации, цифровые мультимедийные контролирующие программы и тесты для анализа и понимания успешности обучения в рамках ФКиС;
- цифровые мультимедийные обучающие программы;
- курсы для дистанционного обучения [14].

Согласно социологическим исследованиям информационно-образовательной среды по ФКиС в

РЭУ им. Г.В. Плеханова, проведенным Т.Н. Шутовой, Л.Б. Андриященко и др., зафиксирована «достигнутая положительная динамика морфофункционального состояния студентов, их мотивации к занятиям ФКиС и уровня двигательной активности в результате расширения информационно-цифровых ресурсов и увеличения средств фитнеса. В переустройстве ФК 45 % студентов рекомендовали расширить внедрение мобильных приложений, 26,7 % интересует тема по быстрым и эффективным методикам укрепления мышечного компонента, повышения тонуса мышц, снижения массы тела» [15, с. 14].

Таким образом, в ситуации интенсивного развития цифровых инноваций в рамках функционирования института ФКиС и введения разнообразных смарт-технологий в физкультурно-спортивную деятельность российской молодежи, занятия стали гораздо проще, доступнее и интереснее, что, так или иначе, способствует формированию мотивации молодежи к занятиям физической культурой и спортом и психофизическому развитию. Данные инновации, бесспорно, облегчают занятия ФКиС в молодежной среде, способны привить неподдельный интерес к ней, сократить время и финансовые затраты на поездки в фитнес-клубы, а также, сэкономить средства на оплату спортивных центров, специальное спортивное оборудование и тренеров.

Литература:

1. Directions of state policy to improve the accessibility of youth mass sports in modern Russia / N.N. Bykov, S.B. Bolozin, S.B. Baranovsky [et al.] // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. Vol. 8. № 2. P. 1–9.
2. Applying of information and communication technologies in the education process / N. Gafiatulina [et al.] // Collection: E3S Web of Conferences. 13. Ser. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, Interagromash 2020». 2020. P. 15031.
3. Ушакова М.С. Инновационные педагогические технологии в школе / М.С. Ушакова; Под общ. ред. Ю.Г. Кузьмичева // Адаптация учащихся всех ступеней образования в условиях современного образовательного процесса. Сб. статей XIV Всероссийский науч.-практ. конф. с междунар. участием. Арзамас, 2018. С. 272–276.
4. Путилина В.Ю. Основные направления цифровой трансформации культуры и спорта в России / В.Ю. Путилина // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2021. № 9. С. 100–106.
5. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 г. №3081-р. URL : <http://www.garant.ru>
6. Гуняев Е.В. Значение инноваций в области физической культуры и спорта для мотивации и самосовершенствования физического развития человека / Е.В. Гуняев, В.А. Висягина // Сетевое издание «Наука 2020. Физическая культура, спорт, туризм: традиции и инновации». 2021. № 4 (49). С. 30–35.
7. Касьянов В.В. Специфика социальной адаптации молодежи как механизм профилактики поведенческих аддикций / В.В. Касьянов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 70–74.
8. Тютюнников В.И. Перспективы развития оздоровительных аспектов физической культуры и спорта у современной российской молодежи / В.И. Тютюнников, В.А. Сорокин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 112–115.
9. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье молодежи в контексте современных инноваций в российском обществе / Н.Х. Гафиатулина // Инновационная наука и современное общество. Сб. статей междунар. научно-практ. конф. Уфа, 2015. С. 149–153.
10. Олонец С.Б. Молодежь в физкультурно-спортивном движении: инновационные технологии / С.Б. Олонец, Ю.Н. Касперович. Ростов-н/Д., 2021. 148 с.

Literature:

1. Directions of state policy to improve the accessibility of youth mass sports in modern Russia / N.N. Bykov, S.B. Bolozin, S.B. Baranovsky [et al.] // International Journal of Applied Exercise Physiology. 2019. Vol. 8. № 2. P. 1–9.
2. Applying of information and communication technologies in the education process / N. Gafiatulina [et al.] // Collection: E3S Web of Conferences. 13. Ser. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, Interagromash 2020». 2020. P. 15031.
3. Ushakova M.S. Innovative pedagogical technologies at school / M.S. Ushakova // Adaptation of students at all levels of education in the conditions of the modern educational process. Collection of articles XIV All-Russian Scientific and Practical. conf. with international participation / under total. ed. SOUTH. Kuzmichev. Arzamas, 2018. P. 272–276.
4. Putilina V.Yu. The main directions of digital transformation of culture and sports in Russia / V.Yu. Putilina // News of the Tula State University. Physical Culture. Sport. 2021. № 9. P. 100–106.
5. Strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation of 11/24/2020. № 3081-r. URL : <http://www.garant.ru>
6. Gunyaev E.V. The value of innovations in the field of physical culture and sports for motivation and self-improvement of human physical development / E.V. Gunyaev, V.A. Visyagina // Network edition «Science 2020. Physical culture, sports, tourism: traditions and innovations». 2021. № 4(49). P. 30–35.
7. Kasyanov V.V. The specifics of social adaptation of young people as a mechanism for the prevention of behavioral addictions / V.V. Kasyanov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 12. P. 70–74.
8. Tyutyunnikov V.I. Prospects for the development of health-improving aspects of physical culture and sports among modern Russian youth / V.I. Tyutyunnikov, V.A. Sorokin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 2. P. 112–115.
9. Gafiatulina N.Kh. Social health of youth in the context of modern innovations in the Russian society / N.Kh. Gafiatulina // Innovative science and modern society: coll. articles of the international scientific and practical. conf. Ufa, 2015. P. 149–153.
10. Olonets S.B. Youth in physical culture and sports movement: innovative technologies / S.B. Olonets, Yu.N. Kasperovich. Rostov-on-D., 2021. 148 p.

11. *Гафиатулина Н.Х.* Спортивное движение как эффективное средство развития социального здоровья российской молодежи / Н.Х. Гафиатулина, С.С. Косинов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 19–22.

12. *Алдошина А.В.* Организация и планирование самостоятельных занятий по развитию скоростной выносливости / А.В. Алдошина // Наука. 2020. № 5. С. 30–35.

13. URL : <http://webmaster.yandex.ru>

14. *Петров П.К.* Цифровые тренды в сфере физической культуры и спорта / П.К. Петров // Теория и практика физической культуры. 2021. № 12. С. 6–8.

15. *Шутова Т.Н.* Цифровой подход в организации физической культуры и спорта в вузе / Т.Н. Шутова // Теория и практика физической культуры. 2021. № 3. С. 12–14.

11. *Gafiatulina N.Kh.* Sports movement as an effective means of developing the social health of Russian youth / N.Kh. Gafiatulina, S.S. Kosinov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 3. P. 19–22.

12. *Aldoshina A.V.* Organization and planning of self-study for the development of speed endurance / A.V. Aldoshina // Nauka. 2020. № 5(41). P. 30–35.

13. URL : <http://webmaster.yandex.ru>

14. *Petrov P.K.* Digital trends in the field of physical culture and sports / P.K. Petrov // Theory and practice of physical culture. 2021. № 12. P. 6–8.

15. *Shutova T.N.* Digital approach to the organization of physical culture and sports at the university / T.N. Shutova // Theory and practice of physical culture. 2021. № 3. P. 12–14.

Бочарова Татьяна Александровна

кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра информатики,
Тихоокеанский
государственный университет
kitaal@yandex.ru

Tatiana A. Bocharova

Candidate of Sociological Sciences
Associate Professor,
Department of Informatics,
Pacific Public University
kitaal@yandex.ru

**«СОЦИАЛЬНОЕ КАЗНАЧЕЙСТВО» КАК
КОМПОНЕНТ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЫ
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

**«SOCIAL TREASURY»
AS A COMPONENT OF THE DIGITAL
SOCIAL SECURITY SYSTEM**

Аннотация. Статья посвящена анализу уровня информатизации системы социального обеспечения, а также - степени ее готовности к реализации новой модели социальной защиты в формате «Социальное казначейство». Отмечается, что с целью сбора сведений о мерах социальной поддержки, предоставляемых гражданам, функционирует ряд разрозненных информационных систем в сфере социального обеспечения. Как полагают автор, создание интегрированного реестра на базе единой цифровой платформы позволит повысить эффективность оказываемых мер и оперативность процесса управления системой социальной защиты.

Annotation. The article is devoted to the analysis of the level of informatization of the social security system, as well as the degree of its readiness for the implementation of a new model of social protection in the "Social Treasury" format. It is noted that in order to collect information about the measures of social support provided to citizens, a number of disparate information systems in the field of social security are functioning. The creation of an integrated registry based on a single digital platform will increase the effectiveness of the measures provided and the efficiency of the process of managing the social protection system.

Ключевые слова: «социальное казначейство», электронный реестр, информационная система социального обеспечения, информатизация социальной сферы.

Keywords: «social treasury», electronic registry, social security information system, informatization of the social sphere.

В современной России формируются условия, способствующие активному и целенаправленному использованию информационных технологий во всех сферах деятельности человека. Социальный аспект информатизации общества заключается в переходе к новому информационному образу жизни. Процесс информатизации влечет за собой глобальные социальные перемены, результатом которых становится трансформация социальной структуры и социальной системы. Продуцирование информации, ее обработка, хранение и передача в социальной сфере все активнее осуществляется с использованием компьютерной и вычислительной техники, а также – информационно-коммуникационных средств.

Концепция системы социального обеспечения имеет сложную структуру, цифровая трансформация которой невозможна без качественного развития в расширяющемся информационном поле.

В стремительно цифровизируемом обществе социальное взаимодействие все чаще происходит с использованием и за счет использования цифровых технологий. Социальная сфера представляет собой систему, объединяющую людей для удовлетворения их потребности во взаимодействии, естественное функционирование, развитие и управление которой невозможно без налаженного процесса информационного обмена и коммуникационной связи с социумом [1].

Повсеместное внедрение информационно-коммуникационных технологий способствует регулированию информационного сопровождения деятельности любой организации, в том числе, социальной. Целью информационного сопровождения деятельности социальных учреждений является обеспечение для всех членов социума доступности, достаточности и достоверности данных, размещенных на соответствующих информационных ресурсах. Сведения о том, где содержится социальная информация, что является ее источником, какие потребители в ней заинтересованы, а также уровень доступности и адаптированности для практического применения, определяют эффективность использования информационных ресурсов.

Информационное сопровождение деятельности социальных учреждений способствует повышению качества и эффективности оказываемых социальных услуг и включает:

- сбор, обработку и распространение социально-значимой информации;
- информирование населения;
- налаживание и упрощение взаимодействия поставщиков и получателей социальных услуг [2].

Электронная форма предоставления услуг в сфере социальной поддержки включена в специальную государственную информационную систему, объединяющую государственные федеральные, региональные и муниципальные информационные порталы [3]. С целью сбора сведений о мерах социальной поддержки, предоставляемых гражданам, функционирует ряд информационных систем в сфере социального обеспечения:

- Единая государственная информационная система социального обеспечения граждан (ЕГИССО);
- Автоматизированная информационная система Пенсионного фонда России (АИС ПФР);
- Единая государственная информационная система здравоохранения (ЕГИСЗ);
- Единая цифровая платформа в социальной сфере.

Уже сейчас большинство граждан, обращающихся за помощью по вопросам социального обеспечения, делают это удаленно посредством сети интернет. И в последующие годы процент таких обращений будет только расти [4]. При этом основной перечень льгот и социальных услуг, предоставляемых в форме организации дистанционного взаимодействия с заявителем, утверждается Правительством РФ, однако, этот список может быть дополнен высшим органом исполнительной государственной власти каждого субъекта РФ.

Разработка стратегии автоматизации и развития цифровой системы социальной поддержки в условиях глобальной информатизации напрямую зависит от двух основных факторов: уровня развития и внедрения информационных технологий, а также, уровня цифровой грамотности и компетентности специалистов социальных учреждений. Между социальными организациями разного уровня, подведомства существуют значительные различия с точки зрения кадровых ресурсов и информационных систем. Разрозненность данных по разным порталам, отличия в перечнях предоставляемых услуг в разных субъектах РФ, использование нескольких информационных систем, интегрирующих данные независимо друг от друга, приводят к тому, что, при наличии хороших рабочих инструментов в сфере социального обеспечения в виде информационных систем, оказание услуг оказывается недостаточно эффективным [5].

Решению вышеперечисленных проблем будет способствовать комплексный подход к разработке и осуществлению ряда технических, организационных, нормативных, а также информационных процедур, реализуемых с целью создания

единого центра координации и контроля предоставления мер социальной защиты. В феврале 2021 года решением Правительства Российской Федерации была утверждена «Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы». В рамках данной концепции анонсирован переход к предоставлению региональных и муниципальных мер социальной поддержки в формате «Социальное казначейство» – новой модели социальной защиты, меняющей форму сбора и учета данных, а также порядок и способы организации работы с ними [6].

Управление отраслью социальной защиты населения осуществляется с помощью различных IT-систем с использованием цифровых технологий. Концепция социального казначейства подразумевает не столько создание принципиально новой единой автоматизированной системы учета, сколько консолидацию и систематизацию существующих систем социального обеспечения путем цифровой интеграции, содержащихся в них информационных данных. Созданный таким образом реестр позволит осуществлять информационный обмен в сфере социальных услуг между поставщиками (органами социальной поддержки) и получателями (гражданами). Ключевым отличием проекта «Социальное казначейство» является его проактивность. Получатель не только будет избавлен от необходимости осуществлять сбор документов и подавать заявление, но информирование о доступных мерах социальной поддержки также будет включено в функционал создаваемой системы. Базис цифровой платформы социального казначейства, которая призвана объединить информационные базы Пенсионного фонда, Фондов социального и медицинского страхования, строится на основе информационных систем ПФР. Со временем планируется расширять платформу ресурсами, необходимыми для назначения всех мер социальной поддержки [7].

Формируемая цифровая система социального обеспечения требует проведения глобальных реформ и трансформации в области цифровизации министерств и ведомств всех уровней. Создание и внедрение цифрового компонента организационно-технологической модели социального казначейства планируется реализовать поэтапно:

- создание единой цифровой платформы;
- разработка модели перехода к использованию возможностей платформы исполнительными органами субъектов РФ;
- делегирование функций по организации региональной и муниципальной социальной помощи единой уполномоченной организации на федеральном уровне.

Создание единого центра обработки на основе распределенных баз данных позволит собрать и систематизировать социальные данные о потенциальных получателях и существующих государственных мерах социальной поддержки в одном виртуальном социальном реестре, что позволит повысить эффективность оказываемых мер и

оперативность процесса управления системой социальной защиты [8]. Преимуществами подобной интеграции являются:

- упрощение процесса сбора данных для регистрации потенциальных получателей мер социальной поддержки;
- снижение кадровой нагрузки социальных центров;
- унификация и упрощение процедур оформления социальной помощи;
- прозрачность принципа нуждаемости за счет применения системы единых критериев для получателей;
- сокращение числа мошеннических и ошибочных (преднамеренных или непреднамеренных) действий;
- оптимизация и усиление адресной направленности предоставления социальной помощи;
- повышение уровня контроля за эффективностью социальных программ.

Кроме непосредственного решения задачи по предоставлению получателям мер социальной

Литература:

1. *Архипова Е.Б.* Информатизация социальной сферы в условиях современных модернизационных процессов / Е.Б. Архипова, С.Н. Панкова // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 3. С. 226–231.
2. *Захарова Н.М.* Информационная открытость системы социальной защиты населения / Н.М. Захарова // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 4. С. 137–144.
3. Министерство труда и социальной защиты РФ. Официальный сайт. URL : <https://mintrud.gov.ru> (дата обращения 13.03.2022).
4. *Муравлева Т.В.* Цифровая экономика на службе пенсионного страхования / Т.В. Муравлева // Вестник СГСЭУ. 2020. № 3(82). С. 16–19.
5. *Феоктистова О.А.* Зарубежный опыт использования «Единого реестра получателей социальной помощи» и перспективы создания такого реестра в России / О.А. Феоктистова, Е.И. Андреева, Т.В. Фокина // Международный бухгалтерский учет. 2016. Т. 19. Вып. 16. С. 2–16.
6. Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-р (с изменениями на 07 июня 2021 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

помощи, единая платформа позволит реализовать государственные гарантии по обеспечению доступа граждан РФ к информации по вопросам проводимой в государстве социальной политике. На основе полных данных, сведенных в единый реестр, можно моделировать изменения социальной ситуации и строить прогнозы, адекватность и соответствие которых будет значительно выше построенных на совокупности разрозненных сведений сценариев. Информатизация социальной сферы требует координации и согласования информационных потребностей общества и ресурсов. Любой информационный продукт необходимо адаптировать под запросы и нужды социальной среды с целью определения надежности и формирования общественного доверия, в результате чего цифровой компонент становится надежным компонентом, последствия внедрения и использования которого предсказуемы и надежны.

Таким образом, проект «Социальное казначейство», интегрируя и аккумулируя все виды социальных льгот и выплат федерального, регионального и муниципального уровней, становится не просто компонентом цифровой системы социального обеспечения, а образует ее информационное ядро.

Literature:

1. *Arkhipova E.B.* Informatization of the social sphere in the conditions of modern modernization processes / E.B. Arkhipova, S.N. Pankova // Bulletin of the Omsk University. Series «Economics». 2015. № 3. P. 226–231.
2. *Zakharova N.M.* Information openness of the system of social protection of the population / N.M. Zakharova // Economics. Taxes. Right. 2017. № 4. P. 137–144.
3. Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. Official site. URL : <https://mintrud.gov.ru> (date of application 13.03.2022).
4. *Muravleva T.V.* Digital economy in the service of pension insurance / T.V. Muravleva // Vestnik SSEU. 2020. № 3(82). P. 16–19.
5. *Feoktistova O.A.* Foreign experience in using the «Unified register of recipients of social assistance» and the prospects for creating such a register in Russia / O.A. Feoktistova, E.I. Andreeva, T.V. Fokina // International Accounting. 2016. Vol. 19. Iss. 16. P. 2–16.
6. On approval of the Concept of digital and functional transformation of the social sphere, related to the field of activity of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, for the period up to 2025: Decree of the Government of the Russian Federation of February 20, 2021 № 431-r (as amended as of June 07, 2021). Access from the reference-legal system «ConsultantPlus».

7. *Моисеева А.В.* «Социальное казначейство» в России: проблемы построения системы по модели интегрированного реестра / А.В. Моисеева // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XX Международной конференции молодых ученых : в 3-х т. М., 2021. С. 357–358.

8. *Феоктистова О.А.* Модель социального казначейства на основе социального реестра как механизм повышения эффективности государственных расходов в сфере социальной поддержки / О.А. Феоктистова, Е.И. Андреева, Д.Г. Бычков // Иннов: электронный научный журнал. 2017. № 4 (33). URL : <http://www.innov.ru/science/economy/model-sotsialnogokaznacheystva-na/> (дата обращения 13.03.2022).

7. *Moiseeva A.V.* «Social treasury» in Russia: problems of building a system based on the integrated registry model / A.V. Moiseeva // Traditions and innovations in the system of modern Russian law: materials of the XX International Conference of Young Scientists : in 3 vol. M., 2021. P. 357–358.

8. *Feoktistova O.A.* A model of social treasury based on the social register as a mechanism for improving the efficiency of public spending in the field of social support / O.A. Feoktistova, E.I. Andreeva, D.G. Bychkov // Innov: electronic scientific journal. 2017. № 4(33). URL : <http://www.innov.ru/science/economy/model-sotsialnogokaznacheystva-na/> (date of application 13.03.2022).

Вагина Виктория Олеговна
аспирантка,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета
vagina.viktoriya@yandex.ru

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ НА ЮГЕ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ АГЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Аннотация. В статье, на основе авторского эмпирического исследования, выделяются основные агенты формирования патриотических практик молодежи. Параллельно рассматриваются проблемы патриотического воспитания молодежи, производные от того, в каком соотношении это влияние агентов патриотизации молодежи находится. В заключении делается вывод о том, что необходимо создать условия для формирования и реализации патриотической субъектности молодежи с тем, чтобы она сама формировала повестку дня для участия в тех патриотических практиках, которые интересны и важны ей. Для этого вся система патриотического воспитания должна быть подчинена этой задаче и быть концептуально выстроена на иных основаниях, нежели на существующих сейчас в рамках нормативно-закрепленных проектах и программ патриотического воспитания граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, патриотические практики, патриотическое воспитание, патриотические установки.

Изучение патриотических практик молодежи, неважно, в каком региональном социуме она локализована – на Юге России или в других частях страны – предполагает выявление основных агентов формирования этих практик. Выявление основных агентов формирования патриотических практик молодежи позволит соотнести характер этих практик с влиянием тех или иных агентов их формирования. Это даст возможность до некоторой степени судить о том, насколько эффективны агенты в формировании патриотических практик молодежи, в нашем случае – молодежи Юга России¹.

Выявление и анализ ситуации с агентами формирования патриотических практик у молодежи строится на результатах опроса экспертов (*авторское исследование при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90012 «Патриотические практики в молодежной среде

Victoriya O. Vagina
Postgraduate Student,
Institute of Sociology and Regional Studies
of the Southern Federal University
vagina.viktoriya@yandex.ru

PATRIOTIC PRACTICES OF YOUTH IN THE SOUTH OF RUSSIA: MAIN AGENTS OF FORMATION AND PROBLEMS OF PATRIOTIC EDUCATION

Annotation. In the article, on the basis of the author's empirical research, the main agents of the formation of patriotic practices of youth are singled out. In parallel, the problems of patriotic education of youth are considered, which are derived from the ratio in which this influence of agents of patriotization of youth is located. In conclusion, it is concluded that it is necessary to create conditions for the formation and implementation of the patriotic subjectivity of young people so that they themselves form the agenda for participation in those patriotic practices that are interesting and important to them. To do this, the entire system of patriotic education must be subordinated to this task and be conceptually built on other grounds than on the currently existing within the framework of normatively fixed projects and programs of patriotic education of citizens of the Russian Federation.

Keywords: youth, patriotism, patriotic practices, patriotic education, patriotic attitudes.

№ 20-311-90012 «Патриотические практики в молодежной среде полиэтничного Юга России: особенности формирования и формы реализации») и опроса молодежи на Юге России (данные исследования, проведенного в рамках Государственного задания № 28.3486.2017/ ПЧ «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации», в котором автор участвовал в качестве исполнителя). При этом нас интересовало мнение экспертов относительно агентов формирования патриотизма в молодежной среде в двух плоскостях: формирование патриотических ценностей и вовлечение в патриотические практики.

Эмпирическая верификация задач и идейных установок данного исследования осуществлялась на основе результатов авторского

полиэтнического Юга России: особенности формирования и формы реализации».

социологического исследования по типу экспертного опроса, проведенного в 2021 году. В опросе приняло участие 164 эксперта, представляющих органы государственной и муниципальной власти, научные и образовательные учреждения, общественные организации и НКО, молодежные организации и СМИ из таких субрегионов Юга России, как Кабардино-Балкарская Республика (N = 57), Республика Крым (N = 49) и Ростовская область (N = 58). Таким образом, в ходе экспертного опроса сопоставимое количество экспертов от каждого региона.

Патриотические практики в России и ее регионах ориентированы на формирование патриотических ценностей и установок в молодежной среде, о чем говорит характер патриотических организаций – подавляющее большинство из них носят молодежный характер. Следует отметить, что российская молодежь, как и население страны, в целом, считает себя патриотичной [7, с. 1092–1098], и эта положительная динамика, практически, не снижается за последнее десятилетие. Однако, как свидетельствуют данные ВЦИОМ (2020 г.), за последние 20 лет в России почти вдвое снизилось количество тех, кто не относит себя к «безусловным» патриотам, т.е. тех, кто не сомневается в своем патриотизме и на вопрос о том, считает ли он себя патриотом, дает ответ «безусловно, да», но при этом снизилась численность тех, кто не причисляет себя к патриотам, с 16 % до 6 % (с 2000 по 2020 гг.) [4]. Привлекает внимание также тот факт, что за этот же период времени выросло число тех, кто в своем отношении к патриотизму ориентируется не столько на чувство любви к Родине, к своей стране, сколько на конкретные действия ради блага своей страны – таковых стало больше на 9 % (с 35 % до 44 %) [4].

Иными словами, за последнее десятилетие в России более четко оформился запрос на патриотизм иного формата – гражданского. Этот тип патриотизма связан с деятельностью определенными практиками, ориентированные на благополучие и процветание своей страны. Результаты фундаментального социологического исследования, проведенного в южнороссийском регионе, свидетельствуют, что среди тех, кто придерживается такого патриотизма, получившего название гражданского, наибольший процент составляет молодежь [1, с. 78].

Ввиду указанного обстоятельства, привлекают особое внимание к себе патриотические практики региональной молодежи, особенно в таком полиэтничном макрорегионе, как Юг России, имеющем свою историю формирования и межэтнических отношений, и патриотических традиций, формирующихся в пространстве межэтнического взаимодействия и исторической памяти каждого народа данного региона. Вместе с тем, на Юге России, как и в остальных регионах страны, большинство патриотических практик, реализуемых в молодежной среде, носят военно-мобилизационный характер, о чем говорит большое количество военно-патриотических клубов, организаций, движений, мероприятий, в которые вовлекается молодежь при активной поддержке государства и

региональных органов власти именно такого рода патриотических настроений и практик. При том, что не вызывает никакого сомнения необходимость поддержания исторической памяти о героических страницах российской истории, доминирование в субрегионах Юга России такого типа патриотических практик имеет не только положительные последствия. Речь идет о том, что акцентированное внимание на развитии военизированных патриотических практик в молодежной среде может способствовать формированию у молодежи мобилизационно-военизированного сознания. Кроме того, такая направленность патриотического воспитания молодежи не способствует формированию патриотических установок, ориентированных на повседневные реалии и гражданскую жизнь, в которой также можно и нужно проявлять патриотическое сознание в виде конкретной деятельности на благо общества и страны.

В этой связи, встает вопрос об агентах формирования патриотических практик в молодежной среде на Юге России. Не стоит думать, что вопрос о потенциале агентов патриотического воспитания не носит дискуссионный характер, при том, что всегда и во все времена основными из них выступали семья, образование, государство. В современную информационную эпоху появляются и другие агенты, связанные с сетевыми социальными структурами Интернет-пространства, в которое погружена молодежь с раннего детства.

Прежде чем молодежь вовлекается в патриотические практики под влиянием тех или иных агентов, на нее оказывают влияние определенные агенты социализации, формирующие патриотические ценности, установки, ориентации. Анализ результатов авторского экспертного опроса показал, что в числе ключевых агентов, оказывающих доминантное влияние на патриотические ценности молодежи, оказались институты, занимающие по отношению к молодежи примордиальное положение. Суммарно таковых агентов 64 %. Это семья, образовательные учреждения, средства массовой информации, органы государственной власти. Вторую группу составляют агенты, по отношению к которым молодежь может занимать более «свободную» позицию, проявлять субъектность (к примеру, в отличие от семьи, молодой человек может вступить в патриотический клуб, а может не вступить; он может вообще ничего не знать о его существовании и пр.). Таковых в числе агентов 31,5 %. Замыкают рейтинг агенты, которые нельзя свести в одну группу, но их эксперты выбирали реже всего при определении наиболее влиятельных агентов формирования патриотических ценностей и практик молодежи на Юге России. К ним относятся органы муниципальной власти (3,6 %) и некоммерческие организации (0,9 %).

Итак, «примордиальные» агенты формирования патриотических ценностей молодежи – это такие агенты, влияние которых субъект практически не может избежать. Здесь на первом месте стоит семья. Эксперты считают, что у южнороссийской молодежи патриотические ценности в значительной мере формируются в семье. В семье действует фактор межличностной коммуникации и

влияния родителей. Поскольку человек в современном обществе много времени своей жизни проводит в родительской семье (и тенденции таковы, что эти сроки в общественном масштабе пролонгируются), то, в значительной мере, патриотические ценности формируются именно в семье.

Вторым агентом формирования патриотических ценностей у молодежи Юга России эксперты выделили образовательные учреждения. Здесь действует следующая логика – отношения между образовательными учреждениями и молодежью отличаются высокой степенью примордиальности. Даже если молодой человек поступил в образовательное учреждение по собственной воле, дальше он во многом подчинен логике и требованиям, которые действуют в рамках этих учреждений. Здесь необходимо различать образовательные учреждения по степени примордиальности: школы (высокая степень) и средние профессиональные и высшие учебные заведения (средняя степень). Поскольку в России деятельность учебных заведений четко регламентируется органами государственной и региональной власти, то учебные заведения в плане формирования патриотических ценностей выступают в качестве продолжения политики государства. Для Российского государства патриотическое воспитание занимает важное место, в связи с чем, даже были внесены соответствующие изменения [5] в закон об образовании [6].

Таким образом, образовательные учреждения являются, с одной стороны, проводниками государственной политики, а, с другой стороны – выполняют функции социализации и воспитания молодежи.

Третье место, согласно мнению экспертов, в формировании патриотических ценностей молодежи Юга России занимают средства массовой информации. Позиция примордиальности по отношению к молодежи здесь заключается в том, что молодые люди, по большому счету, не могут влиять на содержание сообщений, которые тиражируются средствами массовой информации. Это справедливо для «традиционных» средств массовой информации: телевидение, радио, газеты. В меньшей степени это характерно для Интернета.

Безусловно, государство заинтересовано в формировании патриотических ценностей у граждан, и молодых их представителей в частности. Однако при всех возможностях, которые есть у современных государств, эксперты при оценке наиболее влиятельных агентов формирования патриотических ценностей у молодежи, поставили органы государственной власти на четвертое место. На наш взгляд, это связано с тем, что оценивалось непосредственное влияние государства, но оно оказывает влияние на формирование патриотизма у молодежи с помощью «посредников»: образовательных организаций, средств массовой информации. Можно предположить, что рычаги опосредованного влияния более эффективны, нежели тогда, когда этим напрямую занимаются государственные чиновники.

«Непримордиальные» агенты формирования патриотических ценностей молодежи характеризуются тем, что они предоставляют молодежи выбор – взаимодействовать с ними или нет. И, во многом, от этого выбора зависит, оказывают ли эти агенты влияние на формирование патриотического воспитания. Не случайно в оценках экспертов этот тип агентов не обладает таким влиянием, каким обладают «примордиальные» агенты.

На первое место здесь эксперты поставили патриотические клубы и движения. Этот агент формирования патриотических ценностей занимает промежуточное положение. С одной стороны, эти клубы и движения действуют не независимо от молодежи, с другой стороны, степень влияния на формирование патриотических ценностей будет определяться тем, насколько высок уровень участия молодежи в таких организациях. Здесь также следует отметить, что патриотические организации, все-таки, в большей степени заточены на организацию патриотических практик и возможное вовлечение в них молодежи. В этом их сильная сторона, но многое зависит от характера самих патриотических организаций, их направленности и задач, которые они перед собой ставят. Многие патриотические организации носят прогосударственный характер, курируются органами государственной власти и, соответственно, формируют патриотизм государственного, державного типа, идейно и содержательно расходящегося с гражданским патриотизмом [3, с. 304–307].

Ближний круг общения (друзья, сверстники) как агента влияния на формирование патриотических ценностей и практик молодежи эксперты выбрали еще реже. Причина, на наш взгляд, здесь проста. Ближний круг такого рода формируется по общности сферы интересов. Сферы интересов молодежи могут быть самыми разнообразными, и патриотизм, как показывают исследования социологов, не входит в число приоритетных ценностей молодежи Юга России, при том, что она считает себя, в целом, патриотичной [2, с. 274]. Кроме того, здесь нужно отметить то, что в отличие от рассматриваемых выше агентов, друзья и сверстники не могут рассматриваться как полноценный агент формирования, поскольку они сами являются объектами формирования патриотических ценностей.

Далее, в этой группе агентов экспертами отмечаются молодежные организации. Здесь можно отметить, что свойства молодежных организаций и патриотических организаций в рассмотрении их влияния на формирование патриотических ценностей и практик у южнороссийской молодежи схожи. Эти организации действуют самостоятельно независимо от молодежи, на которую они могут влиять. И взаимодействие молодежи с такими организациями во многом зависит от того, какой выбор сделает в этом отношении молодежь. Однако есть и отличия. Патриотические организации заточены на патриотическую деятельность, на организацию патриотических практик. В то время как деятельность молодежных организаций может быть направленной на самые разнообразные сферы. Следовательно, молодежные

организации могут оказывать влияние по формированию патриотических ценностей почти исключительно в том случае, если направлены на патриотическую деятельность.

Социальные сети, по мнению экспертов, являются одними из наименее влиятельных агентов формирования патриотических ценностей у молодежи Юга России. Этот вариант эксперты выбирали меньше прочих. Здесь имеет место следующая логика: с точки зрения индивидуального пользователя социальная сеть служит для общения, реализации увлечений и самовыражения, что уменьшает возможности для формирования патриотических ценностей молодежи посредством этого агента.

Наконец, кратко охарактеризуем тех агентов, которые с точки зрения экспертов оказывают наименьшее влияние на формирование патриотических ценностей молодежи, – это органы муниципальной власти и некоммерческие организации. Главная функция муниципальной власти заключается в решении местных проблем на уровне конкретных населенных пунктов. Следовательно, в их узкие задачи формирование патриотических ценностей молодежи может входить, а может не входить. Это нужно смотреть на деятельность конкретных муниципалитетов. По-видимому, эксперты полагают, что на Юге России муниципалитеты больше заняты решением насущных хозяйственных вопросов населенных пунктов. Тем не менее, муниципалитеты могут участвовать в организации патриотических мероприятий. Видимо, чаще всего этим и ограничивается их деятельность по формированию патриотического воспитания.

Некоммерческие организации имеют самый широкий спектр деятельности. Однако, видимо, некоммерческие организации, которые нацелены на деятельность в патриотической сфере, имеют низкий характер. Стало быть, они не оказывают такого широкого влияния на молодежь Юга России в плане формирования патриотических ценностей. Опять-таки, они могут принимать участие в организации патриотических мероприятий.

Значительное количество молодежи Юга России, считая себя патриотами, довольно неохотно принимает участие в патриотической деятельности. Задав вопрос экспертам по поводу причин, порождающих такую ситуацию, мы выяснили, что,

Литература:

1. Гражданский патриотизм и солидаристские практики в локальных сообществах на Юге России : коллективная монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский [и др.]; Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-н/Д. : Фонд науки и образования, 2019. 392 с.
2. Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России : коллективная монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский [и др.]; Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2018. 412 с.

по их мнению, основная причина кроется в том, что молодежь не верит в эффективность патриотических мероприятий с точки зрения изменения сложившейся реальности, улучшения социальной ситуации в стране, регионе. На второй позиции оказалась причина, связанная со слабой информированностью молодежи о проводимых патриотических мероприятиях, а на третьей – отсутствие интереса к патриотическим практикам, которые формируются не ею, а задаются «сверху».

Данная ситуация и полученные ответы коррелируют с мнением экспертов о том, что молодежь, по сути, не является субъектом патриотической деятельности с точки зрения ее организации. Она в большинстве своем является участником тех патриотических мероприятий (так ответило 56% экспертов), которые запланированы без нее, но для нее, что и выступает, с нашей точки зрения, ключевой проблемой, определяемой как низкая патриотическая субъектность молодежи на Юге России.

Таким образом, можно сделать основной вывод по итогам рассмотрения экспертных мнений относительно основных агентов формирования патриотических ценностей молодежи Юга России: основными агентами патриотического воспитания и формирования патриотических практик молодежи являются «примордиальные», такие как семья, образовательные учреждения, средства массовой информации, органы государственной власти. Меньшее и, во многом, вторичное влияние оказывают «непримордиальные» агенты, такие как патриотические организации, ближний круг общения, молодежные организации, социальные сети. Как мы видим, именно те агенты, которые непосредственно связаны с патриотической деятельностью, с практикой, оказываются, с точки зрения экспертов, неэффективными в плане влияния на молодежь.

Мы полагаем, что справедливым будет вывод о том, что необходимо создать условия для формирования и реализации патриотической субъектности молодежи, а для этого вся система патриотического воспитания должна быть подчинена этой задаче и быть концептуально выстроена на иных основаниях, нежели на существующих сейчас в рамках нормативно-закрепленных проектах и программ патриотического воспитания граждан Российской Федерации.

Literature:

1. Civil patriotism and solidarity practices in local communities in the South of Russia: collective monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsy [et al.]; Editor-in-chief Yu.G. Volkov. Rostov-on/D. : Fund for Science and Education, 2019. 392 p.
2. Patriotism, citizenship and solidarity in regional communities in the South of Russia: collective monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsy [et al.]; Editor-in-chief Yu.G. Volkov. Rostov-on/D. : Science and Education Fund, 2018. 412 p.

3. Шевченко О.М. Гражданский патриотизм как идея консолидации молодежи на Юге России: специфика и трудности формирования / О.М. Шевченко, В.О. Вагина // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 3. С. 300–309.

4. ВЦИОМ. 11 июня 2020 г. Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать! URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat> (дата обращения 04.05.2022).

5. Госдума приняла закон о воспитании патриотизма // Коммерсантъ. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4426128> (дата обращения 04.05.2021).

6. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 04.05.2021 г.).

7. Civil patriotism groups in regional communities in the South of Russia / A.V. Vereshchagina, A.V. Lubsky, Yu.G. Volkov, I.V. Pechkurov, Ya.A. Aslanov // Humanities & Social Sciences Reviews. 2020. Vol 8. № 3. P. 1092–1098.

3. *Shevchenko O.M.* Civil patriotism as an idea of youth consolidation in the South of Russia: specifics and difficulties of formation / O.M. Shevchenko, V.O. Vagina // Humanitarian of the South of Russia. 2017. Vol. 6. № 3. P. 300–309.

4. VCIOM. June 11, 2020 Patriotism today: not only to love, but also to work! URL : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat> (date of application 04.05.2022).

5. The State Duma adopted a law on the education of patriotism // Kommersant. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4426128> (date of application 05.04.2021).

6. Federal Law «On Education in the Russian Federation» dated December 29, 2012 № 273-FZ // Consultant Plus. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (date of application 04.05.2021).

7. Civil patriotism groups in regional communities in the South of Russia / A.V. Vereshchagina, A.V. Lubsky, Yu.G. Volkov, I.V. Pechkurov, Ya.A. Aslanov // Humanities & Social Sciences Reviews. 2020. Vol 8. № 3. P. 1092–1098.

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Сизова Наталья Мироновна

кандидат философских наук,
преподаватель
кафедры административного права,
Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
natasizo@mail.ru

Шолудченко Инесса Евгеньевна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики,
Ростовский государственный медицинский
университет Минздрава России
inessluck@yandex.ru

**ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕСТРУКТИВНОГО
ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ**

Аннотация. Современная социальная реальность обременена серьезными политическими трансформациями, эскалацией международного конфликта, перманентными общественно-экономическими кризисами, связанными с утратой социальных и гуманитарных приоритетов, в том числе, кризисом института семьи и брака и трансформацией семейных ценностей. Статья посвящена социально-психологическому осмыслению причин деструктивного поведения в молодой семье. В качестве теоретико-методологического подхода рассмотрены детерминанты деструктивного поведения в молодой семье применяется микросоциальный и микропсихологический анализ семейных интеракций с точки зрения социализационного подхода, теории виктимности, а также концепции риска.

Ключевые слова: молодежь, молодая семья, социально-психологические детерминанты, деструктивное поведение, агрессия, социализация.

Современная социальная реальность обременена серьезными политическими трансформациями, эскалацией международного конфликта, перманентными общественно-экономическими кризисами, связанными с утратой

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor
of the Department of Regional Sociology
and Modeling of Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

Natalya M. Sizova

Candidate of Philosophical Sciences,
Lecturer of the Department
of Administrative Rights,
Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs Russian Federation
natasizo@mail.ru

Inessa E. Sholudchenko

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Pedagogy,
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inessluck@yandex.ru

**DETERMINANTS OF DESTRUCTIVE
BEHAVIOR IN A YOUNG FAMILY: SOCIAL
AND PSYCHOLOGICAL CONSIDERATION**

Annotation. Modern social reality is burdened with serious political transformations, escalation of the international conflict, permanent socio-economic crises associated with the loss of social and humanitarian priorities, including the crisis of the institution of family and marriage and the transformation of family values. The article is devoted to the socio-psychological understanding of the causes of destructive behavior in a young family. As a theoretical and methodological approach to considering the determinants of destructive behavior in a young family, a microsocial and micropsychological analysis of family interactions is used from the point of view of the socialization approach, the theory of victimization, and the concept of risk.

Keywords: youth, young family, socio-psychological determinants, destructive behavior, aggression, socialization.

социальных и гуманитарных приоритетов, в том числе кризисом института семьи и брака и трансформацией семейных ценностей. В этой связи, в кризисных социально-экономических условиях молодая семья переживает целый ряд проблем,

детерминированных общей кризисной ситуацией в российском обществе, а также социальной и психоэмоциональной незрелостью молодых супругов [1; 2], что требует отдельной научной рефлексии.

Бесспорно, что социологическое исследование молодой семьи имеет серьезное практическое значение, поскольку, с одной стороны, молодая семья несет в себе воспроизводственный потенциал нации и представляет собой фактор общественно-политического баланса; а с другой, – является немаловажной предпосылкой понимания многих социальных процессов, происходящих в обществе.

Как подчеркивают А.В. Романова и Г.М. Цинченко, сегодня семья «единственная и на всю жизнь» становится все чаще исключением, брак выстраивается на статусном положении супругов, которое в процессе модернизации становится неустойчивым» и рискогенным. Парадокс состоит в том, что стремление молодых женщин и мужчин к равенству позволяет обнаружить напряженную, рискогенную и агрессивную ситуацию имеющегося неравенства [3, с. 205].

На протяжении последних десятилетий на основе социологического анализа выявлено много причин деструктивного поведения в молодой семье и многообразие форм внутрисемейной агрессии, под которой подразумевается особая форма социального (неконструктивного) поведения, которая, с одной стороны, формируется внутренним социально-психологическим миром молодого самого индивида, а с другой – воздействует на социальный и психологический мир других индивидов. Отсюда следует, что при рассмотрении проявлений агрессии существенное внимание уделяется агрессивному поведению как выражению деструктивной формы поведения во взаимоотношениях между молодыми супругами. Поэтому при социологическом анализе молодой семьи как важнейшего общественного института первичной социализации молодых поколений изучаются не конкретно взятые семьи, а именно, типы существующего в них семейного поведения, характерные для определенного социокультурного сообщества «или социальной группы, имеющих специфическое поведение в семейных отношениях» [3, с. 205].

В числе исследователей, занятых изучением трансформации института семьи и деструктивного поведения молодой семьи, известны такие ученые, как: А.И. Антонов, Н.А. Безвербная, А.В. Верещагина, С.И. Голод, Т.А. Гурко, Е.В. Змановская и др. Трансформация института семьи, по мнению А.В. Верещагиной, «затронула все аспекты семейных отношений и семейного поведения, отразившись на репродуктивных, супружеских и родительских установках» [4, с. 3]. Т.А. Гурко акцентирует внимание на том факте, что в условиях трансформации семейного поведения, дальнейшего разделения институтов брака и родительства, формируются совершенно новые модели норм поведения в семье [5, с. 3].

Социолог И.В. Родина озвучивает три подхода, группирующие социально-психологические теории, объясняющие и обуславливающие деструктивное поведение и агрессию в семье, в целом, что также имеет непосредственное отношение и к молодой семье, в частности:

- макросоциальный уровень общества, в котором отмечается деструктивное поведение в семье;
- микросоциальный и микропсихологический уровень семейной среды;
- уровень личностно-индивидуальных характеристик членов семьи (жертв и обидчиков в ней) [6, с. 73].

Здесь, на наш взгляд, можно добавить еще один подход, характеризующий мезосоциальный уровень того или иного регионального сообщества, в котором отмечается деструктивное поведение в семьях на уровне определенных регионов, например, полиэтнических, о чем свидетельствуют результаты социологических исследований, например, на Юге России [7; 8].

По нашему мнению, наиболее сильный интерес в рамках данного проблемного поля исследования, представляет микросоциальный и микропсихологический анализ семейных интеракций с точки зрения социализационного подхода (первичной социализации) и рассмотрения детерминант деструктивного поведения в молодой семье. Безусловно, что поведение представителей молодых поколений оказывает серьезное влияние на то, каким образом с ними обращаются родители. Согласно исследованиям зарубежных социальных психологов и социологов, дети, которые подвергались в семье регулярным негативным воздействиям, к подростковому возрасту, и далее в ходе взросления и личностного становления обнаруживают постепенное развитие чрезвычайно выраженных наклонностей к деструктивному (агрессивному) поведению [9]. В ряде отечественных и зарубежных исследований показано, что различные формы деструктивного обращения социализирующих агентов – родителей с детьми (в рамках первичной социализации), так или иначе, влияют на формирование и развитие агрессивности и деструктивных форм поведения молодых людей в семейно-брачных отношениях. Стоит заметить, что к формам деструктивного обращения социализирующих агентов имеет отношение не только грубость и жестокость, но откровенное игнорирование детей. Исследователи солидаризируются в вопросе о том, что родительское отвержение и неприятие личности ребенка имеет антисоциальные последствия и является фактором, детерминирующим деструктивное поведение в молодой семье [6; 9].

Теоретические концепции микросоциального уровня, по мнению И.В. Родина, в качестве единицы анализа рассматривают семью и «пытаются вычленить те особенности семейной динамики, которые повышают вероятность семейной агрессии»; факторами риска обозначаются «внутрисемейная напряженность и неадекватные

коммуникативные навыки», имеющие непосредственное отношение к современной молодежи. Характер интерактивного взаимодействия между молодыми супругами, а также их поведенческие паттерны по отношению друг к другу способны «вызывать определенную реакцию, в том числе и агрессивное поведение» [6, с. 77].

Согласно типологии виктимности, социально-психологические детерминанты деструктивного поведения молодых семей могут строиться на характеристиках объекта агрессии. К ним могут быть отнесены:

- во-первых, возрастные критерии (формы деструктивного поведения в отношении пожилых людей и/или детей);
- во-вторых, гендерные критерии, как детерминанты гендерных стереотипов (деструктивное поведение в супружеских отношениях молодых супругов);
- в-третьих, социально-медицинские и социально-психологические критерии, (обусловленные агрессией молодого супруга/супругов по отношению к слабым и недееспособным членам семьи);
- в-четвертых, кровно-родственные характеристики (деструктивное поведение по отношению к кровным родственникам – братьям, сестрам, детям).

С позиций нормативных оснований, структуру молодой семьи можно рассматривать как особую форму взаимодействия молодых индивидов, которая детерминируется наличием установленных семейных традиций и статусно-ролевых предписаний, унаследованных образцами семейного поведения, транслирующимися молодыми поколениями. В этой связи, с точки зрения нормативных оснований, деструктивное поведение в молодой семье может проявляться в двух формах:

- внешне-деструктивном (экстернальном) поведении молодых людей, направленном на нарушение тех или иных социальных норм;
- внутри-деструктивном (интернальном) поведении, направленном на саму личность. В группе внутри-деструктивного поведения принято выделять: парасуицидальное, суицидальное, нарциссическое, фанатическое и аутическое поведение – как формы аутоагрессивного поведения. Причем, как подчеркивает Ю.А. Мыльникова, внешние мотивы поведения часто не соответствуют его истинным причинам, что может иметь отношение и к разводам как деструктивным формам поведения молодежи [10].

Так, многие фамилисты, наряду с данными Российского статистического ежегодника (Росстат), указывают на увеличивающееся в последние годы количество разводов среди молодых семей, причем детерминанты этого деструктивного явления имеют как социальный, так и психологический характер [11; 12]. Так, распаду браков, по мнению

Я.А. Черной, могут способствовать: «материально-экономические, жилищно-бытовые условия, социально-психологическая, психолого-педагогическая неподготовленность молодежи к семейной жизни, неумение решать семейные проблемы и предотвращать конфликтные ситуации, отсутствие знаний, необходимых для молодоженов, что может привести к негативным отношениям между молодыми супругами» и деструктивному поведению [11, с. 187].

Если обратиться к данным Росстата, то в соответствии с его данными, обнаруживается неуклонный рост разводов, особенно среди молодых семей: так, на 2018 г. зафиксировано 583942 разводов; на 2019 г. – уже 620730; а на 2021 г. – 644207. К сожалению, согласно данным Росстата, с 2014–2015 гг. количество свадеб в российском обществе стало резко снижаться, достигнув в 2020 году своего минимума за 70 лет [12].

Исходя из приоритетности у молодежи ценности «семья», вполне правомерно предположить, что высокий показатель разводов среди молодых семей в российском социуме отнюдь не является следствием распада ценностей личности. Согласно исследованиям М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги (2020), экономическая причина является главной детерминантой разводов, т.к. «заключается в низком жизненном уровне молодежи, ее неспособности решить бытовые вопросы жизнедеятельности семьи (особенно жилищную проблему)» [13, с. 186].

В числе социально-психологических детерминант (как реальных, так и потенциальных), обуславливающих деструктивное поведение и конфликты в молодой семье, исследователи Е.В. Змановская и Т.Е. Карташова выделяют:

- «нивелирование гендерных различий в установках и ролевом поведении молодых людей в браке (в форме размывания традиционных ролей, повышении маскулинности женщин и феминности мужчин);
- высокий уровень конкуренции за лидерство в семье со стороны обоих супругов; конфликтное отношение молодых мужчин и женщин к собственной лидирующей роли в семье (стремление к лидерству в сочетании с уходом от ответственности и ожиданием высокой инициативы со стороны партнера);
- противоречия в ролевых ожиданиях супругов: в ряде случаев супруги ожидают друг от друга одни те же качества (например, лидерство); в ожиданиях супругов отсутствует ролевая согласованность» [14, с. 73–74].

Размытость и неопределенность социальных норм поведения в семье, существенное их ослабление, а также, «во многих случаях и вовсе сведение на нет традиционных проявлений лидерства и подчинения, поставили перед семьей и ее субъектами проблему выбора способа ролевого взаимодействия и формирования отношений членов семьи к разным сторонам ролевого поведения» [15, с. 85].

Также, при анализе возникновения агрессивного поведения в молодой семье необходимо брать в расчет тесную связь индивидуально-личностной диспозиции с социокультурными факторами, в частности: социализацией молодых супругов, ситуационно-контекстных и информационных переменных, осмыслением социально-политической ситуации и социально-экономического положения семьи. Такого рода внешние условия как социальная безработица (сложности трудоустройства на молодежном рынке труда), крайне низкий уровень доходов молодых супругов либо детерминированные относительно невысоким культурным уровнем жизненные ценности и личностные убеждения молодых людей могут оказать определенное влияние на модели поведения и характер взаимоотношений в молодой семье [6].

Литература:

1. *Загирова Э.М.* Система ценностей молодежи и духовная безопасность современного российского общества / Э.М. Загирова // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. 2017. С. 241–246.
2. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье молодой семьи: показатели и уровни оценки / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9. С. 21–25.
3. *Романова А.В.* Молодая семья: современные проблемы / А.В. Романова, Г.М. Цинченко // Вопросы управления. 2019. № 3(39). С. 204–214.
4. *Верещагина А.В.* Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе : автореф. ... д-ра социол. наук. Ростов-н/Д., 2009. 46 с.
5. *Гурко Т.А.* Трансформация института родительства в постсоветской России : автореф. ... д-ра социол. наук. М., 2008. С. 3.
6. *Родина И.В.* Насилие в семье: теоретическое осмысление и ключевые понятия / И.В. Родина // Социальная политика и социология. 2008. № 2. С. 69–79.
7. Institutional space of a family in the south of Russia: specificity of traditions and innovations / K.S. Chikaeva [et al.] // Revista San Gregorio. 2019. № 34. С. 127–137.
8. *Artamonova Ya.V.* Life world of young family in space of multicultural region: sustainability and risks of disintegration / Ya.V. Artamonova // State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021. № 1. P. 233–236.
9. *McCard J.* A forty year perspective on effects of child abuse and neglect. Child Abuse and Neglect, 7. 1993. P. 265–270.
10. *Мыльникова Ю.А.* Клинические и социально-психологические предикторы аутоагрессивного

В связи с этим, большой интерес вызывают вопросы, в результате каких стилей и методов воспитания в семье может проявляться и прогрессировать сначала детская, а позже - и молодежная агрессивность, и какое влияние в развитии анти-социальных тенденций принадлежит негативным санкциям (наказаниям морального или физического характера).

Молодая семья в значительной степени (в отличие от зрелых семей) нуждается в помощи со стороны общества и государства, т.к. имеет особенный общественно и государственно значимый статус, и характер для перспективного и успешного построения социума в целом.

Literature:

1. *Zagirova E.M.* Youth value system and spiritual security of modern Russian society / E.M. Zagirova // Humanitarian knowledge and spiritual security. Collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference. 2017. P. 241–246.
2. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of a young family: indicators and levels of assessment / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 8–9. P. 21–25.
3. *Romanova A.V.* Young family: modern problems / A.V. Romanova, G.M. Tsinchenko // Management issues. 2019. № 3(39). P. 204–214.
4. *Vereshchagina A.V.* Transformation of the family institution and demographic processes in Russian society : author. ... dr. sociol. sciences. Rostov-on/D., 2009. 46 p.
5. *Gurko T.A.* Transformation of the Institute of Parenthood in Post-Soviet Russia : author. ... dr. sociol. sciences. M., 2008. P. 3.
6. *Rodina I.V.* Violence in the family: theoretical understanding and key concepts / I.V. Rodina // Social policy and sociology. 2008. № 2. P. 69–79.
7. Institutional space of a family in the south of Russia: specificity of traditions and innovations / K.S. Chikaeva [et al.] // Revista San Gregorio. 2019. № 34. С. 127–137.
8. *Artamonova Ya.V.* Life world of young family in space of multicultural region: sustainability and risks of disintegration / Ya.V. Artamonova // State and Municipal Management. Scholar Notes. 2021. № 1. P. 233–236.
9. *McCard J.* A forty year perspective on effects of child abuse and neglect. Child Abuse and Neglect, 7. 1993. P. 265–270.
10. *Mylnikova Yu.A.* Clinical and socio-psychological predictors of auto-aggressive behavior of persons of

поведения лиц допризывного и призывного возраста : дис. ... канд. мед. наук. Краснодар, 2021. 157 с.

11. *Черная Я.А.* Развод в молодой семье: деструктивная тенденция нового поколения или следствие кризиса ценностей института семьи? / Я.А. Черная // Сборники конференций ниц социосфера. 2014. № 40. С. 185–191.

12. Российский статистический ежегодник. Статистика разводов и браков в России 2021–2022: таблицы по годам и регионам. URL : <https://top-rf.ru/places/149-braki-razvody.html>

13. *Горшков М.К.* Молодежь в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований : монография / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М., 2020. 688 с.

14. *Змановская Е.В.* Психологические детерминанты деструктивных супружеских конфликтов в условиях кризиса института семьи и брака / Е.В. Змановская, Т.Е. Карташова // Вестник психотерапии. 2013. № 45. С. 62–75.

15. *Хубиев Б.Б.* Современная семья: к вопросу об институциональном кризисе / Б.Б. Хубиев // Социальная политика и социология. 2008. № 2. С. 80–90.

pre-conscription and military age : dis. ... Ph.D. sciences. Krasnodar, 2021. 157 p.

11. *Chernaya Ya.A.* Divorce in a young family: a destructive trend of the new generation or a consequence of the crisis in the values of the family institution? / Ya.A. Chernaya // Collections of conferences on the sociosphere. 2014. № 40. P. 185–191.

12. Russian Statistical Yearbook. Divorce and marriage statistics in Russia 2021-2022: tables by year and region. URL : <https://top-rf.ru/places/149-braki-razvody.html>

13. *Gorshkov M.K.* Youth in the mirror of sociology. To the results of many years of research : monograph / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. M., 2020. 688 p.

14. *Zmanovskaya E.V.* Psychological determinants of destructive matrimonial conflicts in the context of the crisis of the institution of family and marriage / E.V. Zmanovskaya, T.E. Kartashova // Bulletin of psychotherapy. 2013. № 45. P. 62–75.

15. *Khubiev B.B.* Modern family: on the issue of institutional crisis / B.B. Khubiev // Social policy and sociology. 2008. № 2. P. 80–90.

Гутова Светлана Георгиевна

доктор философских наук,
профессор,
кафедра социально-гуманитарных наук
и туризма,
Нижевартовский
государственный университет
svetguts.07@mail.ru

Целищева Зухра Абдурашидовна

кандидат культурологии,
доцент,
кафедра социально-гуманитарных наук
и туризма,
Нижевартовский
государственный университет
teacherzuhra@mail.ru

Самохина Наталья Николаевна

кандидат философских наук,
доцент,
кафедра социально-гуманитарных наук
и туризма,
Нижевартовский
государственный университет
natalia58@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ

**КОММУНИКАЦИОННЫМ ПРОЦЕССОМ
КАК ФОРМА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ
РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ В СФЕРЕ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Аннотация. В статье рассматриваются современные коммуникационные технологии как важнейшие инструменты профилактической работы, препятствующие широкому распространению экстремистской идеологии в молодежной среде. Особое внимание уделяется молодежи как наиболее уязвимой и подверженной внешнему деструктивному влиянию категории населения. Цель работы состоит в обосновании необходимости практического взаимодействия специалистов в области современных коммуникаций, ответственных не только за профилактику, но и за формирование устойчивой гражданской, правовой, социальной позиции молодежи в интересах обеспечения государственного благополучия. Делается вывод, что определенные технологии в сфере коммуникаций могут играть двойственную роль. В статье утверждается, что для проведения цикла мероприятий для молодежи с учетом их возрастных и психологических особенностей, направленных на решение межнациональных и межконфессиональных проблем, наиболее актуальны задачи, направленные на взаимодействие власти и молодежи, создание условий для вовлечения молодежи в соответствующие социальные практики.

Svetlana G. Gutova

Doctor of Philosophy,
Professor,
Department of Social Sciences
and Humanities and Tourism,
Nizhnevartovsk State University
svetguts.07@mail.ru

Zukhra A. Tselishcheva

Candidate of Cultural Studies,
Associate Professor,
Department of Social Sciences
and Humanities and Tourism,
Nizhnevartovsk State University
teacherzuhra@mail.ru

Natalia N. Samokhina

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Department of Social Sciences
and Humanities and Tourism,
Nizhnevartovsk State University
natalia58@yandex.ru

**COMMUNICATION PROCESS
MANAGEMENT AS A FORM
OF PREVENTIVE WORK WITH YOUTH IN
THE FIELD OF INFORMATION SECURITY**

Annotation. The article examines modern communication technologies as the most important tools for preventive work that prevent the widespread dissemination of extremist ideology among the youth. Particular attention is paid to young people as the most vulnerable and subject to external destructive influence of the population category. The question is raised about the need for interaction of specialists in the field of modern communications, who are responsible not only for prevention, but also for the formation of a stable civil, legal, social position among young people. It is concluded that certain technologies in the field of communications can play a dual role. The article argues that in order to conduct a cycle of events for young people, taking into account their age and psychological characteristics, aimed at solving interethnic and interfaith problems, the most relevant tasks are aimed at interaction between the authorities and youth, creating conditions for involving young people in appropriate social practices.

Ключевые слова: профилактика экстремизма, молодежь, безопасность, коммуникационные технологии, работа с молодежью, экстремизм, терроризм.

Keywords: prevention of extremism, youth, security, communication technologies, works with youth, extremism, terrorism.

Введение.

Для современной России особую важность приобретают вопросы, связанные с надежным обеспечением национальной безопасности и реализацией конституционных прав граждан. Стремительное развитие коммуникационных технологий привело к тому, что появились новые угрозы в сфере информационной безопасности. Многие современные исследователи обращают внимание на невозможность игнорировать в сложившейся ситуации вызовы со стороны деструктивных элементов общества, активно эксплуатирующих информационное пространство. «Проблема заключается в том, что в пространстве Интернета представлены различные коммуникаторы, часть из которых транслирует антигосударственные и антиправовые установки» [1, с. 24], которые легко воспринимаются молодежью, отличающейся обостренным чувством справедливости, желающей проявить героизм и не всегда осознающей, что подверглась манипуляции заинтересованных антиправительственных сил.

Для успешного достижения поставленной цели стратегического развития мирового сообщества необходимо обеспечить безопасность внутри каждой страны и способствовать формированию устойчивого гуманистического мировоззрения в области национальной, религиозной и гражданской позиции общества, особенно среди молодежи. Современное молодое поколение находится под воздействием общемировых процессов, информатизации, новейших способов и манипулятивных технологий в коммуникационной сфере. Важным детерминантом современного сознания молодежи становится политическая жизнь общества и мировые тенденции, направленные на формирование массовой коммуникации, легко манипулирующей общественным мнением. Так, сегодня: «Массовая информация превратилась в разновидность дешевого, общедоступного и повсеместно распространенного продукта. Практически вся незакрытая информация сегодня существует для всех» [2, с. 5]. В тоже время: «Массово-коммуникативная среда создает и свой особый пространственно-временной контекст, специфическую реальность бытия коммуницируемых текстов» [3, с. 47]. В современном мире получили широкое распространение различные проявления радикального экстремизма и терроризма, которые провоцируют нестабильность в обществе, способствуют ослаблению государственности, порождают сепаратистские настроения и создают для экстремистов и террористов благоприятную возможность реализации их преступных целей и задач. Таким образом, можно констатировать, что: «... Влияние средств массовой коммуникации на формирование ценностей и потребностей личности становится все более заметным, а сами манипулятивные технологии при этом менее выраженными, опосредованными и более изощренными» [4, с. 6652].

1. Современные подходы к проблеме информационной безопасности в отечественных и западных исследованиях.

В современной научно-исследовательской литературе [5; 6] активно обсуждаются вопросы, связанные с проблемой информационного экстремизма и терроризма в мире, его постепенной трансформации под влиянием новейших технологий, дающих новые возможности для деструктивной деятельности. В частности, Joseph S. Tuman предлагает рассматривать терроризм с коммуникативной точки зрения и очевидно, что в таком ракурсе экстремистские и террористические действия будут иметь более широкое толкование, что в свою очередь требует использования новых подходов к пониманию этого явления [7, с. 35].

Так, например, коммуникации в социально-антропологическом измерении имеют тенденцию к увеличению своей роли в жизни общества, а связи, установленные вне контроля со стороны общественных структур, могут иметь деструктивный характер. Следовательно, проникновение экстремистских идей в современное пространство коммуникаций способно привести к проблемам выявления такого рода воздействий на массовую аудиторию. Max Abrahms предложил рассматривать современные цели и задачи экстремистов и террористов как вполне рациональные, поскольку они используют свою идеологию в первую очередь для «установления прочных аффективных связей», то есть, для того, чтобы закрепиться в коммуникационном пространстве [8]. Новые технологии глубоко проникли в сферу повседневной жизни, особенно заметна их роль в области коммуникаций. Глобализация привела к тому, что волна насилия из реального мира переместилась в виртуальное пространство, появились новые способы информационного обмена, общения, более изощренные методы вербовки, а так же опасность представляют набирающие силу атаки в киберпространстве.

В исследованиях российских ученых особое внимание уделяется не только самой проблеме распространения идеологии экстремизма в молодежной среде, но и вопросам профилактической работы в этом направлении [9; 10; 11]. Особенно важны превентивные меры, позволяющие адекватно реагировать на самые изощренные методы, связанные с определенным видением «социальной справедливости» и принятием деструктивных решений в отношении наиболее острых социальных и политических конфликтов.

2. Основные задачи и методы исследования.

В качестве новизны исследования в рамках данной темы предлагается обратить внимание на конкретные способы работы с молодежью в области информационной среды и цифровых

коммуникаций, которые позволяют эффективно организовать и направлять профилактическую деятельность, занимающую важнейшее место в сфере управления и организации молодежных движений и т.д. Возможности современных коммуникационных технологий, реализуемых на практике системно, конкретно и целенаправленно, позволят, на наш взгляд, осуществлять работу с молодежью максимально эффективно, особенно в направлении формирования правового сознания. Исследование возможностей информационно-коммуникативных технологий в борьбе с экстремистскими идеологиями в области теоретического анализа проводится на основе социокультурного подхода. В качестве теоретико-методологической базы использовались труды как западных, так и российских ученых. В частности, интерес представили классические работы, посвященные исследованию информационного общества, угрозам и рискам, с которыми столкнулся новый глобализирующийся мир [12], а также, современные труды, раскрывающие влияние информационно-коммуникационных технологий на функционирование различных социальных групп, общностей, в том числе и молодежи.

3. Коммуникационные процессы и безопасная информационная среда: контроль и управление.

В последние десятилетия все больше исследователей пишут о сложном и амбивалентном характере перемен в коммуникационном пространстве. Особо подчеркивается, что эффекты от интернет-коммуникаций оцениваются учеными максимально противоречиво. Интернет одновременно может рассматриваться, с одной стороны, как инструмент репрессивной и доминирующей социальной иерархии, а с другой стороны как нечто большее, с точки зрения эволюции человека и общества в ближайшем будущем [13]. Такое толкование базируется на широком охвате интернета, всех возможных взаимодействиях: от особенностей межличностного общения до массовых коммуникаций. Неоднозначность, вошедших в нашу жизнь новейших коммуникационных технологий, часто связывают с тем, что они становятся все более доступными в повседневной практике. В первую очередь, затрагиваются процессы, отвечающие за социализацию молодого поколения. Формирование у молодежи навыков противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма требует деятельностного подхода и межведомственного сотрудничества. Существующие условия, применяемые методы, формы и механизмы в профилактической работе должны представлять собой комплекс практических мер, опирающихся при этом на научную теоретическую и практическую базу – научные фундаментальные и конкретные социологические исследования, резолюции совещаний и «круглых столов», совместные межведомственные проекты. Особый интерес, в этом ключе, представляет специфика интеграции глобальной сети в повседневную жизнь подрастающего поколения и возможности, которые открываются перед самой молодежью.

Широкое распространение социальных сетей и социальных медиа ставит совершенно новые задачи в сфере обеспечения безопасности, которые пока еще слабо осознаны обществом. В то же время, выделяется еще один фактор опасности социальных сетей, с которым уже приходится сталкиваться – это киберхулиганство, которое сегодня приобрело глобальные масштабы в мировой и российской практике.

Управление в сфере коммуникаций сегодня предполагает знание правил использования передовых технологий, в том числе, в области кибербезопасности и конфиденциальности, в сфере политики и т.д. Особое внимание современные ученые уделяют вопросам конфиденциальности информации. Эффективность работы в этом направлении проявляется, прежде всего, на уровне государственной безопасности отдельных стран и мирового сообщества в целом. Для этого разрабатывается целая система социально-коммуникативных технологий, которая является деятельностью по управлению коммуникацией социальных субъектов, направленных на решение социально-значимых задач. В первую очередь, для реализации данных технологий, важен результат взаимодействия различных социальных структур, институтов и государства который позволяет не только обменяться опытом в области развития новых действенных профилактических мер в борьбе с деструктивными идеологиями, но и успешно закрепить положительный эффект уже представленный в работе с молодежью.

Несмотря на эффективность ряда технологий в сфере управления коммуникациями, существуют множество проблем, которые на данном этапе требуют особого подхода. Как отмечал Кагель: «СМИ не являются независимыми переменными, формирующими поведение. Их сообщения, эксплицитные или влияющие на подсознание, перерабатываются индивидами, помещенными в специфические социальные условия, видоизменяющие тем самым подразумеваемый эффект сообщения» [14, с. 322]. Следовательно, процесс воздействия новых информационных технологий в сфере коммуникаций не может рассматриваться как односторонний. Его многоплановость, порожденная мультикультурной реальностью глобального мира, создает благодатную почву для гибких форм информационного обмена, избегающих прямого контроля. Поэтому исследование данных процессов так же представляет сложность с методологической позиции и с точки зрения их сравнительного анализа с традиционными, нормативно ориентированными технологиями. В качестве наиболее острой проблемы, представленной на уровне такого рода взаимодействий, можно обозначить отсутствие комплексного подхода со стороны задействованных ведомств и организаций.

Сфера научных исследований сегодня также ориентирована на формирование устойчивых практик в сфере противодействия экстремизму, терроризму и любым другим деструктивным способам поведения. Научное знание не только должно описывать и объяснять имеющиеся факты, но и активно участвовать в

целенаправленном изменении, в доведении результатов научных исследований до стадии реализации. Это, прежде всего, связано с разработкой практически ориентированных проектов, которые должны лежать в основе применения новых социальных технологий и управлять современными коммуникационными процессами в обществе. Контроль в области применения новых социальных технологий представляет не столько ограничение информационной свободы, сколько формирует гражданскую позицию, чувство коллективизма, общечеловеческие ценности и идеалы.

3.1 Информационно-коммуникативная среда как основа профилактической работы с молодежью.

Современные технологии, особенно компьютерные, представляют собой систему, способную управлять массовым сознанием, направлять его и конструировать. Социо-гуманитарные исследования выступают с критическим анализом процессов, сопровождающих ускоренное и необдуманное внедрение данных технологий в жизнь. Необходимо учитывать, что вместе с увеличением связей в обществе растет информационный поток, который не только потребляет социальную информацию, но и бесконечно ее воспроизводит, а это значит, что контроль за данными потоками может быть утерян. Еще одно «дополнительное измерение», которое Карен Ф. Эванс, описывает как результат влияния информационных и коммуникационных технологий способно существенно преобразовывать отношения в обществе, обнаруживать новые способы передачи информации и выстраивания связей, ускользающих от прямого контроля со стороны общественных структур [13, с. 27–52]. Важно учитывать, что именно молодежь сегодня является создателем нового информационного поля, в котором будут доминировать ее ценности. Выделяют два основных концептуальных подхода к деятельности в сфере информационных коммуникаций, связанных с участием молодежи:

– во-первых – это подход «спонсируемого развития» с относительно доминирующим участием старшего поколения;

– второй подход – «органический», при котором молодежь берет на себя ответственность за производство собственных средств массовой информации. Во втором случае у молодежи больше шансов быстро и эффективно справиться с угрозами, регулярно появляющимися в информационном пространстве.

Проблема массовой коммуникации и ее роли в распространении деструктивных идей в общественном сознании, часто связана в современных исследованиях с пониманием общества как утратившего свою стабильность. Доминирование в таком обществе одного единственного информационного канала маловероятно. Поэтому в сфере информационных коммуникаций возникает и распространяется плюрализм как основа для формирования индивидуальной позиции и одновременно как благоприятная платформа для

деструктивных манипуляций. При этом важно помнить, что плюрализм и амбивалентность ближе всего молодежному сознанию. Также, немаловажным фактом, дестабилизирующим обстановку в обществе, является то, что большой процент нелегальных трудовых мигрантов (как правило, с низким уровнем образования и квалификации), незаконно находящихся на территории страны, интегрируется в группы по национальному и религиозному признаку, что приводит к межкультурным конфликтам и вспышкам ксенофобии. Таким образом, безусловно, важнейшие задачи российского государства в настоящее время состоят:

– во-первых, в защите молодежи от влияния подобных идеологий;

– во-вторых, в формировании информационного пространства, в котором эффективное функционирование экстремистских идей будет сведено к минимуму.

В работах современных российских исследователей подчеркивается, что: «...Интернет усиливает процесс опосредованного общения людей, участники которого чаще всего имеют поверхностные, неглубокие межличностные отношения» [15, с. 107–108], что нередко позволяет широко распространяться, в первую очередь, намеренно примитивному и деструктивному (чаще – фейковому) информационному контенту. Массовость и анонимность современных коммуникаций создают благодатную почву для вовлечения молодежи и ее погружения в опасную и нестабильную среду. В современных условиях именно высшие образовательные учреждения имеют все возможности, что бы стать центрами для профилактики социально-негативных явлений в молодежной среде, так как они, по сути, являются интеллектуальными центрами, где аккумулируются знания, опыт и вырабатываются инновационные решения для вновь возникающих вызовов современности.

Таким образом, сознание молодежи формируется сегодня под влиянием информационной среды. В результате этого, молодые люди не только потребляют некий информационный контент, но и часто находятся под воздействием конкретных манипулятивных технологий, вовлекающих их в различные деструктивные практики. Так, например, существуют смыслотехники, которые способны воздействовать и вызывать изменения смысловых установок в форме опосредованной трансляции террористической и экстремистской идеологии: положительная привлекательность ощущение принадлежности к тайной могущественной организации (решение проблемы самоидентификации). В этом смысле, человек обретает символическое бессмертие, у него происходит деформация смысла жизни в трактовках экзистенциальных ценностей (ценности группы, дающие смысл жизни и смерти). Профилактическая работа в данном направлении призвана сформировать у молодого поколения сознательное и ответственное отношение к общественным событиям и конкретным действиям, выражающим их гражданскую позицию.

Реализация ряда профилактических задач возможна через проведение цикла мероприятий для молодежи с учетом их возрастных и психологических особенностей, направленных на решение межнациональных и межконфессиональных проблем в молодежной среде, повышение уровня доброжелательности в многонациональном обществе. Особое значение имеет проведение форумов, которые становятся базовой площадкой для межкультурного диалога и гармонизации отношений в обществе. Проведение мероприятий в таком формате показывает насколько важно уделять внимание обучению молодежи антиэкстремистской и антитеррористической безопасности посредством практической деятельности, мотивирующих игровых процессов, мастер-классов, тренингов. Таким образом, на примере конкретных мероприятий можно рассматривать, как на уровне различных структурных взаимодействий происходит обмен информацией, опытом, разработка новых технологий в работе с молодежью и определение наиболее эффективных и прогрессивных мер воздействия на сознание молодежи.

3.2 Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма на примере отраслевого взаимодействия социальных институтов.

Коммуникационные взаимодействия всех заинтересованных сторон дают более широкие возможности охвата аудитории и это существенное преимущество по сравнению с работой в отдельно взятых, часто изолированных социальных группах. Так, например, правоохранительные органы по большей части работают с контингентом, который в той или иной степени проявляет делинквентные формы поведения или потенциально может оказаться в группе риска. При этом учреждения высшего образования, напротив, чаще имеют дело с избирательной аудиторией, менее склонной к правонарушениям, активной в культурном плане и более социально организованной. В целом, преимущества интегративных коммуникаций очевидны, поскольку слаженные действия равноправных субъектов, организующих информационное пространство и имеющих больший охват аудитории, предлагают комплексный характер мер, направленных на формирование устойчивых антиэкстремистских взглядов.

В качестве примера можно рассмотреть особенности коммуникационных технологий на уровне социальных взаимодействий, осуществляемых на базе образовательных учреждений. Инновационные процессы в системе высшего образования требуют адаптивования и применения интерактивных форм и методов работы с молодежью. Приобщение и обучение навыкам борьбы с особо опасными социально-негативными явлениями становится крайне важным направлением для педагогов, научного сообщества и специалистов в сфере молодежной политики. В связи этим, существует необходимость внедрения качественно иных подходов, новых форм работы, методов и приемов в учебно-воспитательный процесс высших учебных заведений, которые позволят оптимально сочетать теорию и практику, отвечая запросам современного общества и положению дел

в государстве. Такие требования актуальны, поскольку новые технологии имеют преимущество в массовой информационной среде, которая развивается в рамках виртуального мира культуры, не имеющего конкретных, четко очерченных границ. Цифровая культура сегодня – это пространство взаимодействия и трансформации медиа-технологий, новой эстетически, идентичности и религиозного самовыражения.

Исследования последних лет показывают, что наиболее актуальны задачи направленные на взаимодействия органов власти, средств массовой информации, религиозных институтов и молодежи, создание условий для вовлечения молодежи в соответствующие социальные практики.

Учитывая высокую степень изменчивости информационно-коммуникативной среды, изощренные техники воздействия на общественное сознание и массовую психику населения адептов террористической идеологии, нужно постоянно совершенствовать формы и методы управления в интересах национальной безопасности, осваивать специфику организации массовой информационной деятельности – коммуникативистики, журналистики, блогерства, социальной инженерии, рекламного дела и пр. Сложная сфера отношений власти и «свободного творчества» требует специальной подготовки членов антитеррористических комиссий, и привлекаемых к информационной работе специалистов-информациологов. Необходимо согласование ресурсов и методов высшей школы, силовых структур, гражданского общества в единстве триады обеспечения национальной безопасности: гражданин – общественность – органы государственного и муниципального управления. Существует практическая необходимость подготовки квалифицированных специалистов в таких специфических областях противодействия терроризму как противодействие идеологии терроризма (по отраслям: культура, образование, молодежная политика, межнациональные и межконфессиональные (внутриконфессиональные отношения), ядерному, химическому, биологическому терроризму, кибертерроризму и другим его видам. Работа в этом направлении уже сегодня ведется активно. Эффективность достигается благодаря проверенным технологиям. В этом плане важно подчеркнуть, что современное молодое поколение особое внимание уделяет именно новым технологиям в сфере коммуникаций, поэтому молодежь, ориентированная на скорость и оригинальность подачи сообщения, легко поддается на манипуляцию, нередко игнорируя важную содержательную часть информации [16, с. 146].

Другой важный фактор, который необходимо учитывать сегодня, это то, что современное поколение молодежи больше внимания уделяет формам подачи материала. Для молодых людей в возрасте 15–23 лет более важны и интересны мероприятия практического характера, которые более продуктивны по сравнению с привычными встречами и теоретическими работами. Наиболее востребованными так же у молодежи оказались такие методы и формы работы, как:

– обучение по дополнительной образовательной программе «Участие студенческих

объединений в решении проблемы распространения идеологии экстремизма и терроризма»;

– подиумные дискуссии с экспертами в области национальной безопасности, посвященные вопросам гражданской ответственности молодежи в современном обществе.

К современным коммуникативным технологиям можно также отнести проведение интерактивных игр, формирующих устойчивое неприятие любой экстремисткой идеологии. В качестве примера обучающих практик, вызывающих интерес у студенческой молодежи, можно обозначить работу по созданию и выполнению таких вариантов заданий как: «Правила поведения в экстремальных ситуациях», «Как не стать инструментом террориста» и т.д.

Разрабатывая мероприятия по профилактике экстремизма и терроризма, в том числе, информационного противодействия экстремизму с обучающимися различных образовательных организаций, эффективно включить разработку специальных программ для обучения кибердружинников. В рамках деятельности кибердружинников выделяются три приоритетных направления:

– мониторинг сети интернет на предмет выявления противоправного контента в автоматизированной информационной системе;

– активное присутствие на интернет форумах, в чатах, беседах, группах социальных сетей (наиболее популярных у молодежи), по данной тематике;

– непосредственное внедрение в потенциально опасные действующие сетевые объединения и проведение первичного контент-анализа в целях профилактики распространения экстремисткой пропаганды.

Межотраслевые взаимодействия дают более широкие возможности охвата аудитории и это существенное преимущество по сравнению с работой в отдельно взятых, часто изолированных социальных группах. Так, например: «Правоохранительные органы по большей части работают с контингентом, который в той или иной степени проявляет делинквентные формы поведения или потенциально может оказаться в группе риска, при этом учреждения высшего образования, напротив, чаще имеют дело с избирательной аудиторией, менее склонной к правонарушениям, активной в культурном плане и более социально организованной» [17, с. 45]. При этом работа учреждений и отдельных организаций часто находится в центре пересечения интересов в том случае, когда объектом становится молодежь. В такой форме взаимодействия, очевидно, есть преимущества, поскольку в случае системного охвата, можно распространить деятельность на более широкую аудиторию и предложить, таким образом, целый комплекс мер, ориентированных на формирование у молодого поколения развитой позитивной системы ценностей и устойчивых антиэкстремистских взглядов.

Выводы.

Таким образом, обмениваясь с молодежью опытом в сфере современных коммуникаций, работники образования и сотрудники межведомственных организаций создают партнерские условия, содействующие формированию активной гражданской позиции, ответственности при решении важных вопросов. В качестве вывода надо отметить, что работа, направленная на взаимное сотрудничество и использование навыков и знаний самой молодежи, с участием различных общественных организаций, ведомств и других заинтересованных государственных структур, в перспективе, имеет гораздо больший потенциал в плане формирования гражданской позиции у молодого поколения. Особенно важные итоги деятельности в этом направлении: обмен информацией, опытом, разработка новых технологий в работе с молодежью и определение наиболее эффективных и прогрессивных мер воздействия на сознание молодых людей [18, с. 81].

В результате рассмотрения вопросов, связанных с особенностями работы в области информационной безопасности молодежи, предлагаются следующие выводы:

– во-первых, необходимо систематическое проведение сложноорганизованных мероприятий, под которыми подразумевается работа, включающая самые разнообразные виды деятельности (от теоретических дискуссий и мастер классов до практических занятий, учений, связанных с реализацией полученных навыков). Это позволит существенно расширить контингент молодежной аудитории и добиться более значительных результатов в области противодействия идеологии экстремизма и терроризма.

– во-вторых, преимущество комплексных форм работы с молодежью сегодня становится очевидным фактом, поскольку в такой форме теоретические знания закрепляются, а главное, становятся частью ценностных ориентаций молодежи.

Наиболее неприемлемыми способами работы сама молодежь считает технологии, связанные с манипуляцией, принуждением и другими способами некорректного влияния на их выбор, которые современная молодежь довольно хорошо научилась выявлять и игнорировать. Любое такое вмешательство и давление особенно со стороны официальных структур современный образованный молодой человек воспринимает как некое агрессивное влияние доминантной культуры (он, в таком случае, скорее примет сторону контркультуры), а иногда – и как ущемление своих прав в социальном и политическом отношении. Однако важно помнить, что часто воздействие идеологов террористических и экстремистских организаций гораздо более сложное и гибкое, поскольку используется все более и более изощренными методами и технологиями, продуманными с точки зрения психологического влияния.

Эффективность работы с молодежью в этом направлении видится следующим образом: обязательное участие самой молодежи в любых

видах профилактической работы, направленных на формирование ее ценностей, убеждений, мировоззренческих установок, которое предполагает отсутствие односторонней пропаганды, а, следовательно, и сопротивления со стороны молодых людей, и таким образом, делает ее более эффективной. Профилактика экстремизма в молодежной среде является основным способом борьбы с распространением экстремисткой идеологии. Воспитание определенных жизненных приоритетов с опорой на те ценности, которые являются базовыми для российского общества, а не просто абстракций, навязываемой мировым сообществом (так, многие либеральные ценности для западного мира скорее оказались

катализатором хаоса, чем стабилизирующим общество фактором). Пропаганда антиэкстремистских настроений, основанная на серьезной информационной базе, конкретных фактах и главное, на восстановлении доверия со стороны самой молодежи, которая должна иметь возможность участвовать в процессе создания «новой идеологии» современного мира. Таким образом, управление в сфере современного пространства коммуникаций и его постоянное совершенствование имеет определяющее значение для организации профилактической работы, направленной на предотвращение распространения и деструктивного влияния экстремисткой идеологии среди всех слоев населения.

Литература:

1. *Каспаров А.Р.* Воздействие неформальных Интернет-коммуникаций на правосознание молодежи / А.Р. Каспаров, О.А. Стойко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 8. С. 24–27.
2. *Найдорф М.* Очерки современной массовой культуры. Одесса : ВМВ, 2013. 267 с.
3. *Черных А.* Ритуалы и мифы медиа. М. : ЦГИ Принт, 2014. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 160 с. URL : <https://books.google.ru/books> (дата обращения 18.04.2022).
4. Personal information culture: Security and development / S.G. Gutova, N.N. Samokhina, Z.A. Tselishcheva, A.A. Litsuk // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020: 33, Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020, Granada, 10–11 апреля 2019 г. Granada, 2019. P. 6651–6658.
5. *Futrell R.* Political Extremism and Social Movements. In The Wiley Blackwell Companion to Social Movements (eds D.A. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi and H.J. McCammon) / R. Futrell, P. Simi, A.E. Tan. 2018.
6. *Holt T.J.* Technology and Violence. In The Wiley Handbook on the Psychology of Violence (eds C.A. Cuevas and C.M. Rennison) / T.J. Holt, A.M. Bossler. 2016.
7. *Tuman Joseph S.* Communicating terror: the rhetorical dimensions of terrorism. The Rhetorical Dimensions of Terrorism (Paperback). Published by SAGE Publications Inc, United States SAGE, Los Angeles. 2010. P. 221 (San Francisco: University of California Press).
8. *Abrahms M.* What Terrorists Really Want: Terrorist Motives and Counterterrorism Strategy. International Security. 2008. № 32(4). P. 78–105.
9. *Буткевич С.А.* Идеология терроризма и экстремизма: явные и скрытые угрозы / С.А. Буткевич // Общество и право. 2016. № 14(58). P. 88–93.

Literature:

1. *Kasparov A.R.* The impact of informal Internet communications on the legal consciousness of young people / A.R. Kasparov, O.A. Stoyko // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. № 8. P. 24–27.
2. *Najdorf M.* Essays on modern mass culture. Odessa : VMV, 2013. 267 p.
3. *Chernykh A.* Rituals and myths of the media. M. : ZGI Print, 2014. St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2015. 160 p. URL : <https://books.google.ru/books> (date of application 18.04.2022).
4. Personal information culture: Security and development / S.G. Gutova, N.N. Samokhina, Z.A. Tselishcheva, A.A. Litsuk // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020: 33, Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020, Granada, 10–11 апреля 2019 г. Granada, 2019. P. 6651–6658.
5. *Futrell R.* Political Extremism and Social Movements. In The Wiley Blackwell Companion to Social Movements (eds D.A. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi and H.J. McCammon) / R. Futrell, P. Simi, A.E. Tan. 2018.
6. *Holt T.J.* Technology and Violence. In The Wiley Handbook on the Psychology of Violence (eds C.A. Cuevas and C.M. Rennison) / T.J. Holt, A.M. Bossler. 2016.
7. *Tuman Joseph S.* Communicating terror: the rhetorical dimensions of terrorism. The Rhetorical Dimensions of Terrorism (Paperback). Published by SAGE Publications Inc, United States SAGE, Los Angeles. 2010. P. 221 (San Francisco: University of California Press).
8. *Abrahms M.* What Terrorists Really Want: Terrorist Motives and Counterterrorism Strategy. International Security. 2008. № 32(4). P. 78–105.
9. *Butkevich S.A.* The ideology of terrorism and extremism: explicit and latent threats. Society and Law. 2016. № 4(58). P. 88–93.

10. Мельникова А.А. Терроризм в эпоху глобализации: опасности медиакоммуникаций / А.А. Мельникова // Век глобализации. 2020. № 1. С. 102–108.
11. Степанова Е. Долгосрочный прогноз тенденций в области терроризма / Е. Степанова // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1(50). С. 39–52.
12. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман; Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2005. 256 с.
13. Evans K.F. Maintaining community in the information age : the importance of trust, place and situated knowledge. New-York, N.Y. : Palgrave Macmillan. 2005. P. 202.
14. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / М. Кастельс; Пер. с англ.; Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : Гос. ун-т. Высш. шк. Экономики, 2000. 606 с.
15. Богданова А.А. Интернет-СМИ: выявление проблемных ситуаций на пути к медиаобразованности молодежи / А.А. Богданова, Л.И. Петрова // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2017. № 4(195). С. 103–110.
16. Самохина Н.Н. Идеология экстремизма и терроризма как форма деструктивного поведения: философский анализ / Н.Н. Самохина, С.Г. Гутова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-2 (74). С. 145–149.
17. Целищева З.А. Роль межведомственных взаимодействий в профилактике распространения идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде / З.А. Целищева, С.Г. Гутова // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 7(75). С. 42–47.
18. Социальные процессы в молодежной среде: проблемы и особенности: учебнометодическое пособие / С.Г. Гутова, А.А. Лицук, Н.Н. Самохина, З.А. Целищева; Общ. ред. С.Г. Гутовой. Нижневартовск : Изд-во НВГУ, 2021. 191 с.
10. Melnikova A.A. Terrorism in the era of globalization: dangers of media communications / A.A. Melnikova // The age of globalization. 2020. № 1. P. 102–108.
11. Stepanova E. Long-term forecast of trends in the field of terrorism / E. Stepanova // Paths to Peace and Security. 2016. № 1(50). P. 39–52.
12. Luhmann N. Reality of mass media / N. Luhmann Ed. and transl. A.Yu. Antonovsky. M. : Praxis, 2005. 256 p.
13. Evans K.F. Maintaining community in the information age : the importance of trust, place and situated knowledge. New-York, N.Y. : Palgrave Macmillan. 2005. P. 202.
14. Castels M. Information era. Economics, Society and Culture / M. Castels; Transl. from Engl.; Under the scientific editorship of O.I. Shkaratan. M. : State University. Higher School of Economics, 2000. 606 p.
15. Bogdanova A.A. Internet media: identifying problem situations on the way to media education of young people / A.A. Bogdanova, L.I. Petrova // Proceedings of BSTU. Series 4: Print and Media Technologies. 2017. № 4(195). P. 103–110.
16. Samokhina N.N. The ideology of extremism and terrorism as a form of destructive behavior: a philosophical analysis / N.N. Samokhina, S.G. Gutova // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. 2016. №12-2(74). P. 145–149.
17. Tselishcheva Z.A. The role of interdepartmental interactions in preventing the spread of the ideology of extremism and terrorism among the youth / Z.A. Tselishcheva, S.G. Gutova // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2020. № 7(75). P. 42–47.
18. Social processes in the youth environment: problems and features: teaching aid / S.G. Gutova, A.A. Litsuk, N.N. Samokhina, Z.A. Tselishcheva; total ed. S.G. Gutova. Nizhnevartovsk : publishing house of NVGU, 2021. 191 p.

Загирова Эльвира Махачевна

кандидат социологических наук,
младший научный сотрудник,
Дагестанский федеральный
исследовательский центр РАН
elvirazagirova12@mail.ru

**ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В ОПТИКЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
ДАГЕСТАНСКИХ НАРОДОВ**

Аннотация. Насилие, в самых разных формах своего проявления, существует в любом обществе, хотя имеет специфику своего выражения. В статье на основе результатов эмпирического материала показано существующее в массовом сознании дагестанцев отношение к институту домашнее насилие. Верификация социологического материала показывает, что опрошенное население выражение домашнего насилия усматривает в физическом и психологическом воздействии, при этом индикаторами его измерения выступают побои, запреты на трудоустройство, учебу, возможность общения с родственниками и друзьями. Аналитика позволяет сделать вывод о существовании гендерных различий как в понимании природы насилия, так и в определении действий его проявления.

Ключевые слова: насилие, домашнее насилие, формы домашнего насилия, дагестанские народы, индикаторы измерения насилия, психологическое насилие, физическое насилие.

Введение. В последние годы в условиях трансформации российского общества все чаще наблюдаются кризисные явления в семейно-брачных отношениях. Они дают о себе знать в участившихся распадах брачных союзов, обострении семейных конфликтов, росте числа неблагополучных семей и т.п., в распространении агрессии в отношении незащищенных членов семьи (пожилых и детей). В сознании образованного и цивилизованного человека не укладывается существование жестокого обращения с людьми, которые по своим физическим данным и возрасту, не всегда могут противостоять человеку, который сильнее. Кроме того, наряду с открытым проявлением агрессивного поведения, имеет место и психологическое давление, игнорирование интересов взрослых членов семьи, что, может быть, не лучше чем физическое насилие. Но, «проблема насилия в семье появилась в стране не сегодня, но в бывшем СССР она относилась к числу «закрытых» тем. Поэтому, кроме как среди экспертов в милиции и, возможно, работников ЗАГСов, где фиксировались причины разводов, она не была предметом обсуждения, анализа и тем более достоянием общественного

Elvira M. Zagirova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Research Fellow,
Dagestan Federal
RAS Research Center
elvirazagirova12@mail.ru

**DOMESTIC VIOLENCE
IN THE OPTICS OF PUBLIC OPINION
OF DAGESTAN PEOPLES**

Annotation. Violence in various forms of its manifestation exists in any society, although it has the specifics of its expression. Based on the results of empirical material, the article shows the attitude existing in the mass consciousness of Dagestanis towards the institution of domestic violence. Verification of the sociological material shows that the surveyed population sees the expression of domestic violence in physical and psychological impact, while the indicators of its measurement are beatings, prohibitions on employment, study, the ability to communicate with relatives and friends. The analysis allows us to conclude that there are gender differences both in understanding the nature of violence and in determining the actions of its manifestation.

Keywords: violence, domestic violence, forms of domestic violence, Dagestan peoples, indicators of violence measurement, psychological violence, physical violence.

мнения. Демократизация общества позволила снять завесу «закрытости» с проблемы насилия в семье» [1, с. 44].

На существование семейного насилия в обществе внимание обратили только в 50-х гг. прошлого столетия и заметную лепту в его изучение внесли разные специалисты: психологи, юристы, социологи, что позволяет сделать вывод о том, что данный вопрос является одним из актуальных социальных проблем современного общества. Иными словами, «внутрисемейная агрессия и насилие относятся к числу сложных междисциплинарных проблем и изучаются в рамках криминологии, социологии, психологии, медицины и других областей знания, но лишь недавно они стали предметом анализа российской науки. Однако некоторые виды домашнего насилия, а именно крайние его формы – супружеские убийства, убийства детей и родителей в семье – довольно активно исследовались в России уже в начале и во второй половине XX в.» [2, с. 167].

В современной науке существуют следующие теории и подходы исследования насилия:

- а) насилие как пережиток прошлого;
- б) виктимологический подход;
- в) теория социального научения, интерактивной теории;
- г) структурная теория,;
- д) ситуационный подход.

«Обилие подходов к осмыслению источников жесткого обращения в семье позволяет предложить, что эти подходы, взаимодополняя друг друга, отражают насильственные аспекты в различных моделях и/или различных этапах развития семейных отношений» [3, с. 4–6].

Эмпирическая база исследования. Социологический опрос по изучению проблемы домашнего насилия проведен в городах и районах Республики Дагестан в 2022 г. Методом исследования является стандартизированный массовый опрос. N – 639.

В авторском исследовании респондентам был задан вопрос: «*Что Вы понимаете под насилием?*», позволяющий выявить понимание в обществе данного социального явления. По результатам исследования установлено, что под насилием опрошенные понимают «физические действия (избиение, побои, толкание, щипки, таскание за волосы)» (86,4 %), «сексуальное надругательство» (63,5 %), «психологические действия (ругательства, гнев, угрозы, запугивание, запрет встречаться и общаться с родными и друзьями)» (59,9 %), «угроза убийства» (43,3 %), «угроза при разводе отобрать детей, настроить их против матери» (32,9 %). По варианту «физические действия (избиение, побои, толкание, щипки, таскание за волосы)» разночтений в позициях респондентов по разным социальным характеристикам не наблюдается. Вместе с тем, по суждениям «сексуальное надругательство» и «психологические действия» имеет место отличия их оценки по гендерной принадлежности: доля мужчин рассматривающих сексуальное надругательство как насилие составляет 53,6 % против 66,3 % женщин; на психологическое давление указывают 49,3 % опрошенных мужчин и таковых заметно больше в женской подгруппе (62,9 %). Кроме того, с возрастом и образованием опрошенных увеличивается количество считающих сексуальное надругательство проявлением насилия – с 57,7 % в интервале 0–19 лет до 64,7 % в разрезе старше 50 лет, с 42,6 % со средним образованием до 70,9 % с высшим образованием. Далее, среди женщины, в сравнении с мужчинами, больше испытывающих страх за угрозу лишить их детей – 35,3 % и 24,3 %, соответственно. Такая же картина прослеживается и по семейному статусу: среди респондентов связанных брачными узами и разведенных больше таковых, в сопоставлении с когортой не состоящих в брачном союзе – 37,8 %, 40,8 %, 16,4 %, соответственно. Здесь необходимо отметить, что в мусульманском вероучении имеет место положение, предписывающее после развода оставить детей с отцом, чтобы женщина не была обременена детьми и могла иметь

возможность еще раз создать семью. В реальности, очень редко встречаются случаи, чтобы женщина оставляла детей с бывшим супругом, видимо, материнский инстинкт сильнее религиозных постулатов.

Далее, в исследовании был задан «контрольный вопрос»: «На Ваш взгляд, какие действия являются проявлением домашнего насилия?». Полученный на него результат констатирует, что первое ранговое место занимает суждение «избиение, побои, толкание, щипки, таскание за волосы» (85,8 %), с заметным отрывом на второй и третьей позициях расположены варианты «психологическое давление (угрозы, запугивание, запрет встречаться и общаться с родными и друзьями, непристойные шутки, замечания)» (59,9 %) и «скандалы, ругательства» (29,4 %). Во вторую подгруппу агрессивных действий можно включить «изнасилование, сексуальное надругательство» (26,6 %), «необоснованная ревность» (25,0 %) и «запрет без разрешения супруга выходить из дому» (23,9 %); на предпоследних позициях располагаются варианты ответов «запрет на учебу, его продолжение» (17,8 %) и «запрет на трудоустройство» (15,8 %). Последующий анализ социологического материала показывает существование различий в позициях женщин и мужчин: психологическое давление и скандалы как проявление домашнего насилия больше беспокоит первых, по сравнению со вторыми – 64,5 % и 43,6 %, 32,3 % и 19,3 %, соответственно. При этом среди мужчин больше указывающих на физическое воздействие (92,1 %), по сравнению с женщинами (84,0 %). Можно отметить, что в позициях женской подгруппы наблюдается непоследовательность: если в вопросе: «Что Вы понимаете под насилием?» в их массовом сознании таковым считалось проявление сексуального надругательства, то в вопросе: «На Ваш взгляд, какие действия являются проявлением домашнего насилия?» действие «изнасилование, сексуальное надругательство» определено на 6 место (23,4 %), при этом конкретизация вопроса показывает, что для женщин выражением домашнего насилия является запрет на «учебу и его продолжение» (19,6 %), «трудоустройство» (17,0 %) и «без разрешения супруга выходить из дому» (25,7 %). Существование в общественном сознании опрошенных женщин, вернее, обозначение ими вышеперечисленных действий как выражение домашнего насилия, по мнению автора, обусловлено тем, что в традиционном дагестанском обществе, несмотря на существенные трансформации и появление инновационных форм взаимодействия, не утратило своего значения несколько приниженное положение представителей женского пола. Разумеется, нельзя утверждать, что такие тенденции явно выражены, но в латентной форме они имеют место. В этой связи, возникает вопрос: «Как получилось, что при той мощной глобализации и модернизации общества, возросшей потребности владеть информацией, ущемляются права женщин на самореализацию?». Видимо, в данном процессе не последнюю роль играет исламский фактор, усиление значимости мусульманского вероисповедания в современном

дагестанском обществе, соответственно, и жизнедеятельности его носителей. В постсоветский период мусульманское возрождение способствовало вовлечению большого пласта населения в лоно исламского вероучения, на территории Дагестана появилась целая сеть исламских религиозных учебных заведений разного уровня. Кроме того, в сельской местности существуют мужские и женские медресе, в которые могут переводиться дети из светских общеобразовательных школ, где они могут продолжить свое обучение. Также, лица, имеющие отношение к религиозной сфере (работают в духовном управлении), как правило, своих детей отправляют продолжать обучение именно в исламских учебных заведениях. Подробно вопрос гендерных взаимоотношений в семье освещен в исследованиях Т.Ю. Захаровой, Н.Х. Гафиатулиной [4; 5], а также, отражение религиозного возрождения на мировоззренческие установки дагестанских народов подробно рассмотрен в трудах М.М. Шахбановой [6; 7; 8], Р.О. Рамазанова [9]. Также, необходимо отметить, что обозначение респондентами запрет на получение образования также базируется на мусульманском положении, согласно которому, муж обязан материально обеспечивать свою семью (жену, детей).

Литература:

1. *Бодрова В.В.* Насилие в семье / В.В. Бодрова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2000. № 5(49). С. 44–47.
2. *Лысова А.В.* Женская агрессия и насилие в семье / А.В. Лысова // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 167–176.
3. *Горшкова И.Д.* Насилие над женами в российских семьях / И.Д. Горшкова, И.И. Шурыгина. М. : 2003. 83 с.
4. *Zakharova T.Y.* Conceptualising social health of the Russian young family and models of parental behaviour in a risk society / T.Y. Zakharova // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 4. С. 230–235.
5. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье молодой семьи: показатели и уровни оценки / Н.Х. Гафиатулина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9.
6. *Шахбанова М.М.* Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения / М.М. Шахбанова; Сост. М.М. Шахбанова // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов. Махачкала, 2009. С. 15–24.
7. *Верещагина А.В.* Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов / А.В. Верещагина, М.М. Шахбанова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 4. С. 159–177.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что проблема домашнего насилия в современном обществе является актуальной, формы его проявления различны, начиная от открытой агрессии до латентного противостояния. Результаты социологического опроса свидетельствуют о том, что опрошенное дагестанское население под насилием понимает в первую очередь, проявление, вернее, применение физического насилия в отношении другого человека. Однако для респондентов не менее болезненным является психологическое воздействие, которое может выражаться в виде запрета заниматься любимым делом, продолжать учебу до препятствования на поддержание общения с ближним кругом (родители, друзья и т.д.). Кроме того, на формирование определенных форм запрета заметное воздействие оказывает исламский фактор. Мусульманство, как и другие вероисповедания, имеет свод правил поведения мужчины и женщины в публичной и приватной сферах, взаимоотношениях полов, и в основном он направлен на сохранение традиционных устоев общества. Часто, декларируемые ценности и правила отличаются от реальных, потому что человек вносит определенные инновации для адаптации к изменившейся ситуации.

Literature:

1. *Bodrova V.V.* Domestic violence / V.V. Bodrova // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. 2000. № 5(49). P. 44–47.
2. *Lysova A.V.* Female aggression and domestic violence / A.V. Lysova // Social Sciences and modernity. 2008. № 3. P. 167–176.
3. *Gorshkova I.D.* Violence against wives in Russian families / I.D. Gorshkova, I.I. Shurygina. M. : 2003. 83 p.
4. *Gafiatulina N.Kh.* Social health of a young family: indicators and assessment levels / N.Kh. Gafiatulina // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 8–9.
5. *Zakharova T.Y.* Conceptualising social health of the Russian young family and models of parental behaviour in a risk society / T.Y. Zakharova // State and municipal administration. Scientific notes. 2019. № 4. P. 230–235.
6. *Shakhbanova M.M.* The place of religion in the process of forming the culture of interethnic communication / M.M. Shakhbanova; Compiled by M.M. Shakhbanova // Actual problems of the humanities – 2009. Collection of scientific papers. Makhachkala, 2009. P. 15–24.
7. *Vereshchagina A.V.* Interethnic relations in the assessment of Dagestan peoples / A.V. Vereshchagina, M.M. Shakhbanova // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2016. Vol. 19. № 4. P. 159–177.

8. *Шахбанова М.М.* Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан / М.М. Шахбанова; Сост. М.М. Шахбанова // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов. Махачкала : ALEF, 2009. С. 35–47.

9. *Рамазанов Р.О.* Оценка деятельности мактабов в современном дагестанском обществе: гендерный подход / Р.О. Рамазанов; Под ред. С.В. Сиражудиновой // Женская активность: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2021. С. 291–295.

8. *Shakhbanova M.M.* Ethnoconfessional features of the Republic of Dagestan / M.M. Shakhbanova; Compiled by M.M. Shakhbanova // Actual problems of the humanities – 2009. Collection of scientific papers. Makhachkala : ALEF, 2009. P. 35–47.

9. *Ramazanov R.O.* Evaluation of the makhtabs' activity in modern Dagestan society: gender approach / R.O. Ramazanov; Ed. by S.V. Sirazhudinova // Women's activity: history and modernity: materials of the International scientific and practical Conference. Makhachkala, 2021. P. 29–295.

Ивашиненко Нина Николаевна

доктор экономических наук,
кандидат социологических наук,
руководитель
научно-образовательного центра
исследований социальных систем,
Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского
nni@fsn.unn.ru

Варызгина Алла Александровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
проектной деятельности
и проконкурентного регулирования,
Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского
varyzgina@mail.ru

Михайлова Вероника Валерьевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
проектной деятельности
и проконкурентного регулирования,
Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского
mihaylovav.v@yandex.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО
КАПИТАЛА У НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ**

Аннотация. Публикация посвящена процессам становления цифрового капитала в России. На базе обзора теоретических подходов к анализу цифрового капитала предлагается концепция его укорененности в конкретных социумах. Отдельно раскрывается его динамическая природа, обусловленная постоянными как технологическими, так и социетальными изменениями. В качестве эмпирической базы используются данные RLMS с 1994 по 2020 гг. Проведенный анализ показывает, что группа потенциальных обладателей цифрового капитала динамично росла без резких скачков и достигла около трети населения страны. Цифровой капитал, первоначально зародившись в элитных социальных группах за прошедшие с момента становления десять лет, диверсифицировался как плане более широкой географической представленности, так и в плане втягивания в его использования представителей среднего класса. Менее выраженным стала гендерное неравенство его владельцев.

Ключевые слова: цифровой капитал, динамика, социальное неравенство, социальные группы, развитие цифровых технологий.

Nina N. Ivashinenko

Doctor of Economics,
Candidate of Sociological Sciences,
Head of the Scientific and Educational Center
for Research of Social Systems,
Nizhny Novgorod State University
named after N.I. Lobachevsky
nni@fsn.unn.ru

Alla A. Voryzgina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociology of Project Activity
and Competition Regulation,
Nizhny Novgorod State University
named after N.I. Lobachevsky
varyzgina@mail.ru

Veronika V. Mikhailova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociology of Project Activity
and Competition Regulation,
Nizhny Novgorod State University
named after N.I. Lobachevsky
mihaylovav.v@yandex.ru

**FORMATION OF DIGITAL CAPITAL
OF THE POPULATION OF RUSSIA**

Annotation. The paper examines the development of digital capital in Russia. The paper presents a review of theoretical approaches to digital capital analysis, and use the concept of rootedness of digital capital in societies. The authors show the dynamic nature of digital capital, due to constant both technological and societal changes. The empirical base of the paper is RLMS data from 1994 to 2020. The analysis shows that the group of potential owners of digital capital grew dynamically without sharp jumps and reached about a third of the country's population. Digital capital, initially owned by elite social groups, for the past ten years has diversified both in terms of a wider geographical representation and came into use by the middle class. The gender inequality of digital capital' owners has become less.

Keywords: digital capital, dynamics, social inequality, social groups, digital technologies' development.

Подходы к анализу цифрового капитала.

Обзор подходов анализа цифрового капитала демонстрирует широкий спектр теоретических дискуссии: начиная от понимания концепции капитала в целом [6; 7; 10], до попыток детального измерения его индикаторов в конкретной стране в конкретный период времени [2; 3]. В середине этого ряда располагаются концепции, связанные с функциональным назначением данного капитала, такими, как порождение или преодоление цифрового неравенства [1; 2; 9] или, напротив, продвижения инноваций и прогресса [4].

Исследования типов проявления цифрового капитала меняются по мере его развития, расширяя круг повседневных потребительских практик, которые формируют и используют данный капитал. К ним относятся как возможности проведения различных операций, позволяющих избежать дополнительной оплаты, таких, как банковские наценки при оплате ЖКХ или покупке билетов, так и операции на брокерских площадках, нуждающиеся не только в знаниях, но и стартовом материальном капитале.

Отдельный слой исследований представляет собой изучение как ресурсов социальных сетей, формирующихся в интернет и становящихся проводниками поддержки как карьерного продвижения, бизнес-операций, так и формирования новых типов межличностных взаимоотношений. Социальная медиа репутация также включается исследователями в рассмотрение цифрового капитала.

Сравнивая капиталы между собой, следует отметить, что формирование цифрового капитала более динамично, чем материальных капиталов. Цифровой капитал создается быстрее, чем традиционный [1], может провоцировать более сильные разрывы между социальными группами [4],

но также, может достаточно быстро истончаться за счет устаревания знаний и нестабильности цифровой экономики в целом [5].

В рамках нашего исследования, опираясь на обзор существующих подходов, мы используем понятие «цифровой капитал» как единого комплекса, интегрирующего материальные и нематериальные ресурсы, помогающие человеку подняться по социальной лестнице в условиях цифровой экономики. Неравномерное развитие цифровой экономики, быстрая смена инструментов, использующихся для ее реализации, создает проблемы даже в статических исследованиях, не говоря уже об анализе динамики цифрового капитала. Понимая все ограничения, связанные с чувствозью и сопоставимостью результатов анализа развития цифрового капитала в России, мы предлагаем рассмотреть динамику социально-демографических характеристик россиян, которые на протяжении рассматриваемого периода работали на компьютере из дома. Относительное упрощение фильтра отбора позволяет сопоставлять динамику изменений характеристик для данной группы.

Методология.

Статья основана на данных всероссийского социологического лонгитюдного исследования, реализованного РМЭЗ НИУ ВШЭ с 1994 по 2020 гг.¹. Среди волн исследований были отобраны волны с 2003 по 2016 год – период, в который единообразно задавались вопросы, связанные с преодолением цифрового неравенства. В 2003–2004 гг. было опрошено по 1500 домохозяйств и по 4000 индивидов. В период с 2005 по 2014 гг. было опрошено по 2000 домохозяйств и 6000 индивидов. Выборка повторяющаяся, репрезентативная по поло-возрастным характеристикам, что обеспечивает сопоставимость данных разных лет (подробнее о параметрах выборки. URL : <https://www.hse.ru/org/hse/rlms/sample>).

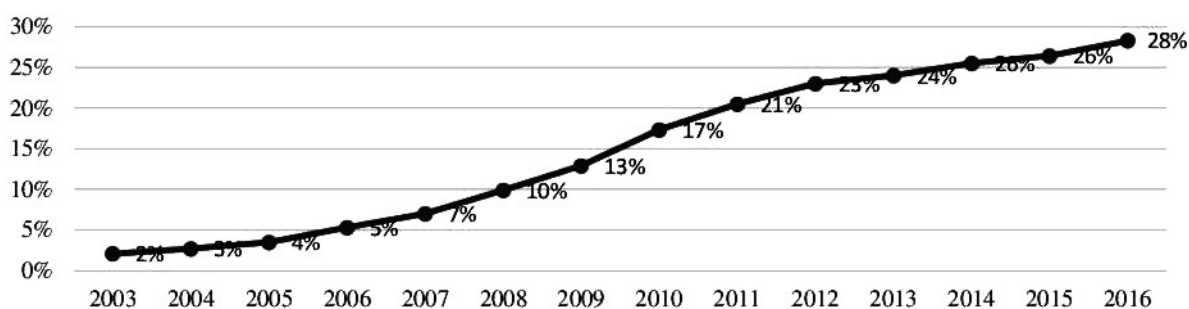

Рисунок 1 – Доля людей, использующих домашний интернет для работы. Динамика изменения размера группы по годам (в %)

За рассматриваемый период времени существенно увеличилась доля людей, использующих домашний интернет для работы. В 2003 году доля

таких людей не превышала в России 2 %, на протяжении ряда лет плавно увеличивалась, и в 2008 году она достигла 10 %. Начиная с 2009 года,

¹ «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE. URL : <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>)».

заметно увеличение скорости прироста людей, обладающих цифровым капиталом. К 2016 году доля владельцев цифрового капитала достигла почти 30 % населения России.

Динамика социально-демографических характеристик владельцев цифрового капитала.

В течение периода времени с 2003 по 2016 год произошло территориальное перераспределение владельцев цифрового капитала. Если в 2003 году подавляющее большинство из них (82 %) проживало в областных центрах, то к 2016 году эта доля составила 53 %, а вторая половина была представлена жителями областных городов и поселков.

В 2003 году персональную компьютерную технику в большей степени использовали специалисты высшего уровня квалификации (до 50 %), а также – законодатели, крупные чиновники, руководители высшего звена (19 %). Однако в период с 2003 года до 2016 можно наблюдать планомерную интеграцию специалистов среднего уровня квалификации в цифровое пространство домашнего офиса. А доля работников сферы торговли и услуг, использующих компьютерные технологии для рабочих целей, к 2016 году увеличилась в 4 раза (с 3 % до 12 %), что, очевидно, обусловлено развитием рынка интернет-торговли.

В течение исследуемого периода времени среди людей, работающих на домашнем компьютере более, чем в два раза, увеличилось число выпускников техникумов (2003 году – 7 %, в 2016 – 18 %), а также, сохранился стабильно высокий процент (более 50 %) респондентов с высшим образованием.

Характеристика изучаемой группы по уровню доходов в целом не изменилась в период с 2003 по 2016 годы. В 2003 году среди владельцев цифрового капитала к средне и более обеспеченным себя относили 45 %, в 2016 году эта доля составила 48 %.

В исследуемой группе произошло снижение числа владельцев цифрового капитала удовлетворённых своим материальным положением (28 % в 2003 году против 18 % в 2016 году), с одной стороны, и увеличение доли тех, кто собственным материальным положением не удовлетворен (13 % против 20 %) – с другой. Данное изменение может являться индикатором

повышения активности использования компьютерных технологий для получения дополнительного заработка.

В течение всего рассматриваемого периода в группе работающих на домашнем компьютере представлена стабильно высокая доля респондентов (от 70 % до 85 %), считающих себя значимыми и уважаемыми в обществе.

Диверсификация владельцев цифрового капитала наблюдается и в гендерном плане. За изучаемый период доля женщин, владеющих цифровым капиталом, возросла с 42 % до 58 %. Цифровой капитал, в силу специфики его связи с интернет-занятостью, в меньшей степени порождает гендерное неравенство, чем материальный капитал.

Исследование динамики изменения социально-демографических характеристик обозначенной группы показало, что формирование индивидуальных стратегий преодоления цифрового неравенства коррелирует с уровнем образования, субъективной оценкой индивида собственного материального положения, а также оценкой своего общественного статуса.

Динамика использования параллельных технологий (на примере банковских карт).

Развитие цифровых навыков, приращение цифрового капитала в значительной степени зависит от развития параллельных цифровых технологий, в частности, банковских карт (рис. 2). Банковские карты вошли в обиход российских граждан далеко не сразу, в том числе, и в обиход граждан, использующих персональный компьютер для работы. Резкий расцвет популярности использования банковских карт среди работающих дома пришелся на 2006 год. Предпосылки столь бурного роста создали, с одной стороны, повышение благосостояния населения страны, с другой стороны, развитие банковского сектора: становление платежной системы в России, что дало возможность расширению зарплатных проектов в стране с 2002 года, а также с 2005 года становление и развитие кредитных карт [8]. Развитие цифровых банковских услуг, банковских карт расширило возможности цифрового пространства для людей, работающих дома.

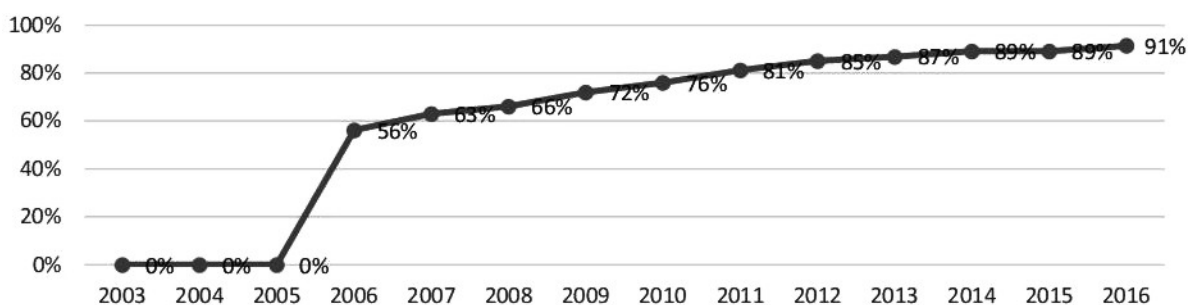

Рисунок 2 – Динамика использования банковских карт (в %%)

Банковский кризис 2008–2009 гг. не затормозил распространение банковских карт в исследуемой группе, хотя и замедлил динамику увеличения в ней доли владельцев банковских карт. Несмотря на это, к 2016 году о наличии у себя минимум одной банковской карты заявляло 91 % работающих на домашнем компьютере.

Заключение.

Изучение цифрового капитала в его динамике создает исследователям дополнительные вызовы анализа сопоставимости индикаторов в контексте степени развитости информационных технологий. Тем не менее, даже базовая схема выделения работников, использующих интернет из дома, позволяет выявить тенденции развития данного типа капитала в России.

Анализ изменений размера групп показывает, что накопление и формирование цифрового капитала в России началось в 2003 году и развивалось постепенно без резких скачков до 2016 года. В 2017 году изначальные базовые индикаторы должны быть пересмотрены в связи с ростом распространённости услуг интернет и появления новых качеств у цифрового капитала.

Литература:

1. *Lindgren S.* Digital Media and Society. London : Sage, 2017; *Park S.* Digital Capital. London : Palgrave Macmillan, 2017.
2. *Ragnedda M.* Conceptualizing digital capital / M. Ragnedda // *Telematics and Informatics*. 2018. № 35. P. 2366–2375.
3. *Ragnedda M.* Measuring Digital Capital: An Empirical Investigation / M. Ragnedda, M.L. Ruiu, F. Addeo. *New Media and Society* 1:1]24. 2019.
4. *Trappel J.* Digital Media Inequalities: Policies Against Divides, Distrust and Discrimination. Göteborg : Nordicom, 2019.
5. *Van Deursen A.* The Third-level Digital Divide: Who Benefits Most from Being Online? / Van Deursen A., E. Helsper In: Robinson L., Cotton S.R., Schulz J., Hale T.M. [et al.] (eds.) *Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications)*. 2015. Vol. 10. Emerald Group Publishing Limited. P. 29–52.
6. *Бурдые В* Формы капитала / В Бурдые; Пер с англ. С. Добряковой // *Экономическая социология*, 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
7. *Вартанова Е.* Цифровой капитал как гибридный капитал: к вопросу о новых концепциях медиаисследований / Е. Вартанова // *Editorial MEDIA альманах* 2021. № 4. С. 8–19.
8. *Всяких Ю.В.* Проблемы развития рынка пластиковых карт в России и отдельные пути их решения / Ю.В. Всяких, М.В. Всяких // *Наука и экономика*. 2011. № 4(8). С. 43–46.

Основным трендом развития цифрового капитала в России является его диверсификация, как в географическом, так и в социально-профессиональном плане. Крупные города как центры ресурсов и технологий дали толчок развитию цифрового капитала. В то же время, расширение интернет-покрытия позволило включиться в эти процессы и жителям периферии.

Зародившись в высоко-ресурсных группах специалистов и чиновников, цифровой капитал, в дальнейшем, был освоен и представителями среднего класса. Как и предполагалось, сохраняется повышенная связь цифрового капитала с уровнем образования и оценками своего общественного статуса.

Обладая комплексной природой, цифровой капитал начинает интегрировать в себя навыки использования самыми разнообразными цифровыми технологиями, что видно на примере использования банковских карт. Приращение цифрового капитала в значительной степени связано с развитием других цифровых технологий в обществе.

Literature:

1. *Lindgren S.* Digital Media and Society. London : Sage, 2017; *Park S.* Digital Capital. London : Palgrave Macmillan, 2017.
2. *Ragnedda M.* Conceptualizing digital capital / M. Ragnedda // *Telematics and Informatics*. 2018. № 35. P. 2366–2375.
3. *Ragnedda M.* Measuring Digital Capital: An Empirical Investigation / M. Ragnedda, M.L. Ruiu, F. Addeo. *New Media and Society* 1:1]24. 2019.
4. *Trappel J.* Digital Media Inequalities: Policies Against Divides, Distrust and Discrimination. Göteborg : Nordicom, 2019.
5. *Van Deursen A.* The Third-level Digital Divide: Who Benefits Most from Being Online? / Van Deursen A., E. Helsper In: Robinson L., Cotton S.R., Schulz J., Hale T.M. [et al.] (eds.) *Communication and Information Technologies Annual (Studies in Media and Communications)*. 2015. Vol. 10. Emerald Group Publishing Limited. P. 29–52.
6. *Bourdieu B* (2002) Forms of capital / Translated from English. S. Dobryakova // *Economic Sociology*, 2002. Т. 3. N 5. С. 60–74.
7. *Vartanova E.* Digital capital as hybrid capital: on the issue of new concepts of media research / E. Vartanova // *Editorial MEDIA almanac*. 2021. № 4. P. 8–19.
8. *Vsyakikh Yu.V.* Problems of development of the market of plastic cards in Russia and separate ways of their solution / Yu.V. Vsyakikh, M.V. Vsyakikh // *Science and Economics*. 2011. № 4(8). P. 43–46.

9. Михайлова В.В. Интернет-поведение и социальная стратификация в моногороде: преодолеваем или закрепляем неравенство? / В.В. Михайлова, Н.Н. Иващенко, А.А. Варыгина // Теория и практика общественного развития. 2022. № 6.

10. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвергенция / В.В. Радаев // Экономическая социология, 2002. Т. 4. С. 22–30.

9. *Mikhailova V. V.* Internet behavior and social stratification in a mono-town: overcoming or perpetuating inequality? / V.V. Mikhailova, N.N. Ivashinenko, A.A. Varyzgina // Theory and practice of social development. 2022. № 6.

10. *Radaev V. V.* The concept of capital, forms of capital and their convergence / V.V. Radaev // Economic sociology, 2002. Vol. 4. P. 22–30.

Кильдюшева Ольга Александровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории, истории
государства и права и философии,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Саранск
kaf_prav@mail.ru

Olga A. Kildyusheva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory, History of State
and Law and Philosophy,
Central Volga Institute (branch)
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice Russia),
Saransk
kaf_prav@mail.ru

**ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ
СТРУКТУРЫ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ
В 2018–2020 ГГ. И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ**

**DYNAMICS OF THE SOCIAL STRUCTURE
OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA
IN 2018–2020 AND ITS FEATURES**

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблеме изменения социальной структуры и стратификации в региональном социуме (на примере Республики Мордовия). Опираясь на имеющиеся по данной тематике публикации и материалы официальной статистики, автор указывает на особенности динамики социальной структуры данного региона. Анализ основных статистических показателей позволил сделать вывод о том, социальная структура Республики Мордовия остается практически неизменной, что не может рассматриваться как положительное явление.

Annotation. This article is devoted to the problem of changing the social structure and stratification in regional society (on the example of the Republic of Mordovia). Based on the publications and materials of official statistics available on this topic, the author points out the peculiarities of the dynamics of the social structure of this region. The analysis of the main statistical indicators made it possible to conclude that the social structure of the Republic of Mordovia remains practically unchanged, which cannot be considered as a positive phenomenon.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальная структура, материальное положение населения, экономическая дифференциация, среднедушевой денежный доход, покупательная способность населения, прожиточный минимум, бедность.

Keywords: social stratification, social structure, financial situation of the population, economic differentiation, average per capita cash income, purchasing power of the population, living wage, poverty.

Вопросы социальной структуры и социальной стратификации занимают центральное место в социологии и являются достаточно разработанными с теоретической и практической точки зрения, что подтверждается большим количеством подходов к пониманию социальной структуры, сложившими на сегодняшний день в социологии.

неоднородностью и действующей в данном обществе системой ценностей и культурных стандартов [1, с. 6–9]. При этом сам П.А. Сорокин определял стратификацию как дифференциацию некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге [2, с. 302]. Он отмечал разнообразие форм социальной стратификации, которое может быть сведено к трем основным: экономической, политической и профессиональной.

Традиционно под социальной структурой понимается совокупность устойчивых связей элементов общества как социальной системы, которая в узком значении понимается социологами как социальная стратификация.

Современная социология стратификацию обществ проводит по четырем главным критериям: доход, власть, образование, престиж. В теории предполагается, что эти критерии взаимообусловлены, но практика показывает, что наиболее адекватным критерием, комплексно отражающим положение людей в различных подструктурах общества, является материальное положение. Таким образом, анализируя социальную структуру и стратификацию Республики Мордовия, обратимся к показателям, отражающим материальное положение населения (рис. 1).

Теория социальной стратификации, предложенная П.А. Сорокиным, может рассматриваться в качестве составной части более масштабной теории структурно-функционального анализа, согласно которой социальная стратификация является функциональной необходимостью и рассматривает общество как систему, представляющую собой дифференциацию ролей и позиций, обусловленных разделением труда и социальной

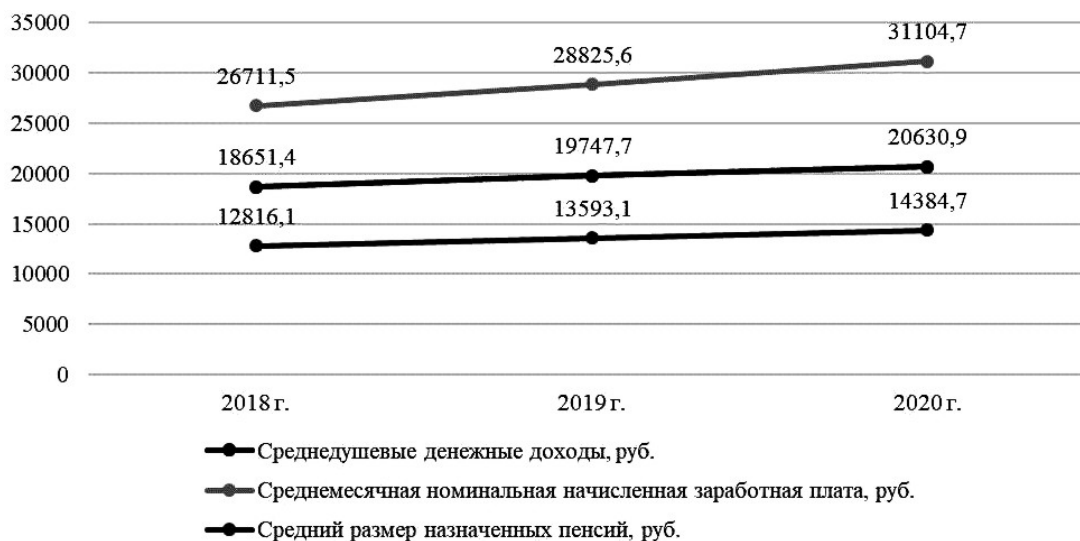

Рисунок 1 – Динамика основных видов денежных доходов населения Республики Мордовия в 2018–2020 гг. [3, с. 133]

Среди показателей, характеризующих материальное положение населения, основными выступают среднедушевые денежные доходы, среднемесячная начисленная заработная плата и средний размер начисленных пенсий. За указанный период все показатели демонстрировали устойчивый рост. Вместе с тем, темпы роста некоторых из них замедлились. Так, среднедушевые денежные доходы в 2018 г. по сравнению с 2017 годом выросли на 102,2 %, в 2019 г. – на 105,9 %, а в 2020 г. – на 104,5 % [4, с. 9]. Размер среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в 2018 г. к предыдущему периоду увеличился на 109,8 %, в 2019 г. и 2020 г. – на 107,9 %. Средний размер назначенных пенсий изменился в 2018 г. на 106,5 %, в 2019 г. на 106,1 %, в 2020 г. на 105,8 %.

Важным для рассмотрения уровня жизни населения Республики Мордовия является величина прожиточного минимума. В 2018 г. он равнялся 8417 руб., в 2019 г. – 9104 руб., в 2020 – 9329 руб. [3, с. 133]. В процентном выражении к предыдущему году рост данного показателя в 2018 г. был на уровне 103,2 %, в 2019 г. – 108,2 %, в 2020 г. – 102,5 % [3, с. 133].

Соотношение заработной платы с величиной прожиточного минимума трудоспособного населения образует еще один важный показатель – покупательную способность заработной платы. Аналогичным образом рассчитывается покупательная способность назначенных пенсий и покупательная способность среднедушевых денежных доходов (рис. 2).

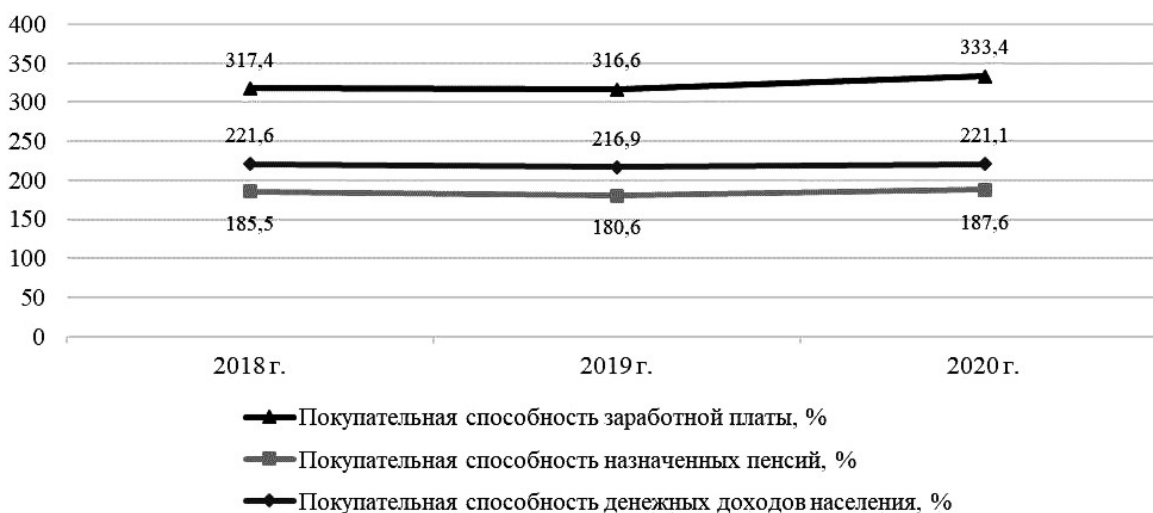

Рисунок 2 – Покупательная способность основных видов денежных доходов населения Республики Мордовия 2018–2020 гг. [3, с. 133]

Динамика данного показателя демонстрирует нам незначительное снижение покупательной способности основных видов денежных доходов населения в 2019 г. и рост в 2020 г.

Необходимо отметить, что показатели дохода не всегда точно отражает степень материальной дифференциации в обществе, поэтому очень важным является показатель численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (рис. 3).

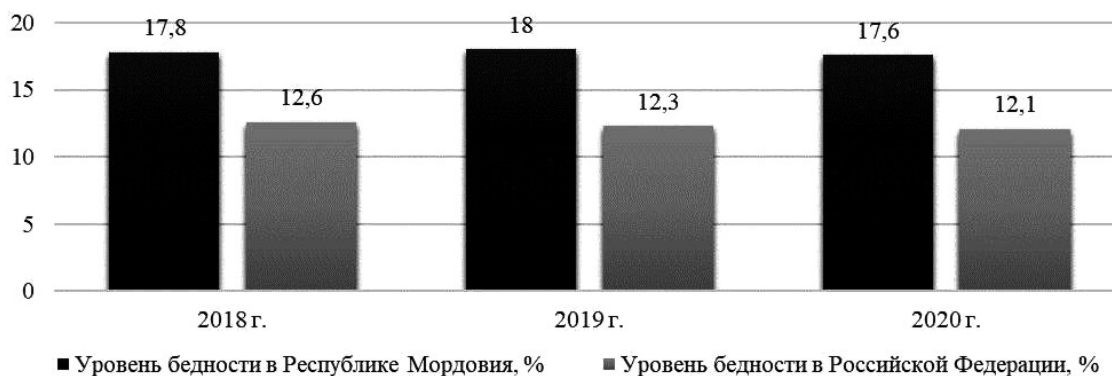

Рисунок 3 – Динамика уровня бедности в 2018–2020 гг. [3, с. 145], [5, с. 148]

Таким образом, примерно каждый пятый житель имел доходы ниже величины прожиточного минимума, т.е. находился за порогом абсолютной бедности.

Распределение населения по размеру среднедушевых денежных доходов в 2018–2020 гг. произошло следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Распределение населения Республики Мордовия по величине среднедушевых денежных доходов в 2018–2020 гг., % [6]

Показатели	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Все население	100	100	100
в том числе со среднедушевыми денежными доходами, руб. в месяц:			
до 7000 руб.	11,3	9,2	8,4
7000,1–10000 руб.	14,4	13,1	12,2
10000,1–14000 руб.	19,2	18,6	17,9
14000,1–19000 руб.	18,7	19,1	19,0
19000,1–27000 руб.	17,9	19,1	19,6
27000,1–45000 руб.	14,0	15,6	16,8
45000,1–60000 руб.	2,9	3,4	3,8
свыше 60000 руб.	1,6	1,9	2,3

Анализ данной таблицы позволяет констатировать последовательное уменьшение количество людей, имеющих среднедушевые доходы до 19000 руб. и увеличение числа тех, чьи доходы превышают данную сумму. Подобная ситуация объясняется государственными мерами социальной поддержки отдельных категорий населения

(малоимущих, малого и среднего бизнеса) в период пандемии коронавирусной инфекции.

Исходя из этого, все население можно разделить на 20-процентные группы (рис. 4).

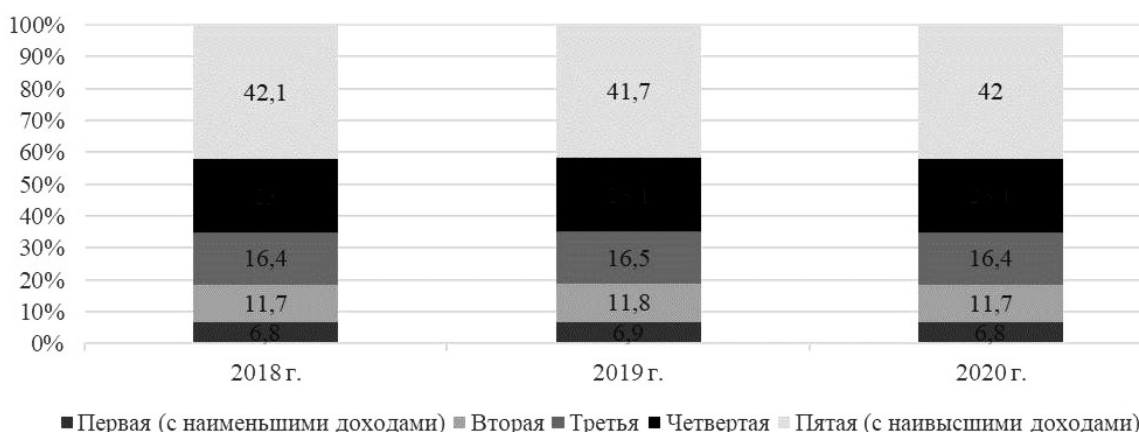

Рисунок 4 – Распределение общего объема денежных доходов населения Республики Мордовия по 20-процентным группам населения в 2018–2020 гг., % [3, с. 149]

Как следует из рисунка 4, численность групп населения Республики Мордовия, локализованных по распределению объема денежных доходов, остается практически неизменной на протяжении

2018–2020 гг., что указывает на консервацию сложившейся социальной структуры и, по сути, отсутствие положительных тенденций в данном вопросе.

Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) характеризует степень социального расслоения и определяется как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10 % населения с самыми высокими доходами и 10 % населения с самыми низкими доходами. В Республике Мордовия в 2018 г. он был равен 10,1, в 2019 – 9,8, в 2020 г. – 9,9.

Таким образом, можно говорить о сокращении данного показателя и, тем самым, о снижении неравенства в доходах населения в 2019 г. и незначительном его увеличении в 2020 г. [3, с. 133].

Важное значение для анализа социальной структуры Республики Мордовия, по нашему мнению, имеет не только то, что в 2018 г. 143,3 тыс. чел. имели доходы ниже величины прожиточного минимума, т. е. находились в состоянии абсолютной бедности; в 2019 г. их численность составляла 143,5 тыс. чел.; а в 2020 г. – 139,05 тыс. чел. [3, с. 133], но и соотношение среднего размера денежных доходов с показателями распределения населения Республики Мордовия по величине среднедушевых денежных доходов. Соотношение этих данных позволяет сделать вывод о том, что число граждан, среднедушевой денежный доход которых ниже среднего размера денежного дохода составляет более половины всего населения Республики Мордовия. Так, в 2018 г. их число составило более 63,6 %, в 2019 г. – более 60 %, а в 2020 г. – более 57,5 %. Положительная динамика, выражающаяся в сокращении численности такого населения не снижает остроты вопроса.

Литература:

1. *Попова М.Б.* Социальная дифференциация и бедность населения / М.Б. Попова. Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1998. 129 с.
2. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин; Общ. ред., сост., предисл. А.Ю. Согомонова; Пер. с англ. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
3. Мордовия: Стат. ежегодник // Мордовиястат. Саранск, 2021. 421 с.
4. Денежные доходы и расходы населения в 2018–2020 гг.: Стат. сб. // Росстат. М., 2021. 88 с.
5. Российский статистический ежегодник. 2021: Стат. сб. // Росстат. М., 2021. 692 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. С. 232; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. // Росстат. М., 2020. С. 273; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. // Росстат. М., 2021. С. 235.

Таким образом, социальная структура современного российского общества вообще, и Республики Мордовия в частности определяется на основе материального положения населения. На сегодняшний день размер денежных доходов является одним из адекватных и объективных критериев социальной стратификации. Поэтому, основными показателями при анализе социальной структуры Республики Мордовия выступили основные виды среднедушевых денежных доходов, величина прожиточного минимума, коэффициент фондов, покупательная способность, имеющие устойчивую положительную динамику при незначительном снижении ее темпов.

Опираясь на данные официальной статистики за период с 2018 по 2020 гг. можно сделать вывод о том, что социальная структура Республики Мордовия практически не изменяется, и представляет собой застывшее явление, что не следует рассматривать с положительной точки зрения. Относительно высокий уровень бедности (более чем на 5 % выше, чем, в целом, по Российской Федерации), при котором практически каждый пятый житель находится в состоянии абсолютной бедности и значительное число населения с доходами ниже среднедушевого денежного дохода указывают на недостаточно продуманную социальную политику, которую следует скорректировать с учетом затянувшейся пандемии коронавирусной инфекции и новых угроз.

Literature:

1. *Popova M.B.* Social differentiation and poverty of the population / M.B. Popova. Petrozavodsk : Publishing house Petrozavod. un-ta, 1998. 129 p.
2. *Sorokin P.A.* Man. Civilization. Society / P.A. Sorokin; General edition, compiler, preface A.Yu. Sogomonova: Trans. from English. M. : Politizdat, 1992. 543 p.
3. *Mordovia: Stat. yearbook // Mordoviyastat.* Saransk, 2021. 421 p.
4. Household cash income and expenses in 2018–2020: Stat. Sat. // Rosstat. M., 2021. 88 p.
5. Russian Statistical Yearbook. 2021: Stat. Sat. // Rosstat. M., 2021. 692 p.
6. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2019: Stat. Sat. // Rosstat. M., 2019. P. 232; Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020: Stat. Sat. / Rosstat. M., 2020. P. 273; Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2021: Stat. Sat. / Rosstat. M., 2021. P. 235.

Климин Владимир Григорьевич

доктор медицинских наук,
доктор экономических наук,
президент,
Национальная межрегиональная
ассоциация медицинского туризма
vladimir.klimin2014@yandex.ru

Вдовин Кирилл Эдуардович

ведущий специалист отдела
организационно-методического
руководства региональными
медицинскими организациями
по профилям «оториноларингология»
и «сурдология-оториноларингология»,
Национальный медицинский
исследовательский центр
оториноларингологии,
исполнительный директор Евразийской
Академии оториноларингологов
vdovin.ke@inbox.ru

Мальцева Юлия Анатольевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры маркетинга
института экономики и управления,
Уральский федеральный университет
имени Первого Президента России
Б.Н. Ельцина
i.a.maltceva@urfu.ru

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЭКСПОРТА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В РЕГИОНАХ

■ ■ ■

Аннотация. В работе сопоставлены результаты 2 эмпирических обследований 2021 года: исследование региональных медицинских учреждений РФ по вопросам развития экспорта медицинских услуг, проведенное ФГБУ «Национальным медицинским исследовательским центром оториноларингологии» ФМБА России и исследование, направленное на выявление проблем маркетинг-менеджмента в развитии медицинского туризма, проведенное Национальной межрегиональной ассоциации медицинского туризма. Выявлено отсутствие прямой корреляции между наличием/отсутствием региональной программы развития экспорта медицинских услуг с результативностью данного вида деятельности и обозначены организационно-управленческие и коммуникационные «проблемные зоны».

Ключевые слова: экспорт медицинских услуг, региональные программы развития экспорта медицинских услуг, развитие экспорта медицинских услуг в регионах, привлечение медицинских туристов, вовлеченность медицинских учреждений в развитие

Vladimir G. Klimin

Doctor of Medicine,
Doctor of Economics,
President,
National Interregional Association
of Medical Tourism
vladimir.klimin2014@yandex.ru

Kirill E. Vdovin

Leading Specialist of the Department
of Organizational and Methodological
Management of Regional
Medical Organizations
in the Profiles of «Otorhinolaryngology»
and «surdology-otorhinolaryngology»,
National Medical Research Center
of Otorhinolaryngology,
Executive Director of the Eurasian
Academies of Otorhinolaryngologists
vdovin.ke@inbox.ru

Yulia A. Maltseva

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Marketing
Department of the Institute of Economics
and Management,
Ural Federal University named after
the First President of Russia B.N. Yeltsin
i.a.maltceva@urfu.ru

ON THE ISSUE OF THE DEVELOPMENT OF THE EXPORT OF MEDICAL SERVICES IN THE REGIONS

■ ■ ■

Annotation. The paper compares the results of 2 empirical studies in 2021. A survey of regional medical institutions of the Russian Federation on the development of the export of medical services, conducted by the FSBI «National Medical Research Center of Otorhinolaryngology» of the FMBA of Russia. A study aimed at identifying the problems of marketing management in the development of medical tourism, conducted by the National Interregional Association of Medical Tourism. The absence of a direct correlation between the presence/absence of a regional program for the development of the export of medical services with the effectiveness of this type of activity was revealed and organizational, managerial and communication «problem areas» were identified.

Keywords: export of medical services, regional programs for the development of export of medical services, development of export of medical services in the regions, attraction of medical tourists, involvement of medical institutions in the development of export of

экспорта медицинских услуг, исполнение региональных программ развития экспорта медицинских услуг, медицинский туризм.

medical services, implementation of regional programs for the development of export of medical services, medical tourism.

Анализ вопросов организации, тенденций и перспектив развития медицинского туризма уже более десяти лет является предметом внимания не только специалистов в сфере организации здравоохранения, но и экспертов в сфере экономико-управленческих направлений. Подчеркнем тесное сопряжение научного дискурса с решением практических задач развития здравоохранения с 2018 года, когда экспорт медицинских услуг становится одним из показателей экономического роста РФ.

Вместе с тем, несмотря на возрастающий интерес к проблематике развития медицинского туризма и экспорта медицинских услуг, исследований, посвященных разработке способов решения менеджеральных проблем, в том числе, и тематики, связанной с коммуникацированием с пациентами – медицинскими туристами в данной сфере, пока не достаточно.

В целях исполнения федерального проекта [2] и достижения заявленных показателей [3], в 71 регионе Российской Федерации реализуются региональные проекты «Развития экспорта медицинских услуг региона» [1].

В каждом из регионов-участников разработан паспорт проекта, включающий в себя цели и задачи для достижения количественных и качественных показателей определённых проектом. В фокусе внимания настоящего исследования только две задачи – «внедрение системы мониторинга статистических данных медицинских организаций по объему оказания медицинских услуг иностранным гражданам» и «разработка программы коммуникационных мероприятий по повышению уровня их информированности» [3; 5].

Подчеркнем, что в соответствии с Паспортом федерального проекта [2], на основании результатов реализации этих задач планировались на период 2019–2024 гг. изменения в формах федерального статистического наблюдения, сбор и выверка данных как о числе иностранных граждан, получивших медицинские услуги в медицинских учреждениях РФ, так и о стоимости этих услуг, обмен данными между федеральными органами исполнительной власти РФ и взаимодействие с органами исполнительной власти субъектов РФ. Исследовательский интерес был также обусловлен результатами эмпирических исследований и экспертными оценками результативности привлечения иностранных пациентов – медицинских туристов, в том числе и региональными практиками, свидетельствующими о наличии коммуникационных и управленческих барьеров развития экспорта медицинских услуг [1; 4; 8; 9].

Во исполнение функций головного (курирующего) медицинского учреждения по профилю «оториноларингология» и задач федерального проекта «Развитие сети национальных медицинских

исследовательских центров и внедрение инновационных медицинских технологий» ФГБУ «НМИЦО» ФМБА России проведено обследование медицинских учреждений третьего уровня – областных, краевых, республиканских и городских больниц региона [5; 6], в том числе, и по вопросам развития экспорта медицинских услуг.

Исследование проводилось с сентября 2020 года по сентябрь 2021 года, было обследовано 66 медицинских учреждений государственной формы собственности в 33 регионах Российской Федерации. В выборку попали регионы, где есть действующая программа развития экспорта медицинских услуг – обследовано 46 медицинских организаций, а также те регионы, в которых на данный момент указанная программа не внесена в список региональных проектов – обследовано 20 организаций. Общее количество учтённых пролеченных иностранных граждан в медицинских организациях, где проводился аудит – 8288 пациентов. Подчеркнем, что исследование как медицинских организаций, находящихся на территории субъектов Российской Федерации с действующими региональными программами «Развитие экспорта медицинских услуг», так и медицинских организации находящихся на территории тех субъектов, где данных программ нет позволило проследить корреляцию исполнения региональных программ, а также эффективность, выраженную в количественном показателе пролеченных иностранных граждан в данных регионах.

Представим эмпирические результаты аудита ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр оториноларингологии» ФМБА России по следующим показателям: статистический учет иностранных граждан, получивших медицинскую помощь, наличие рекламных материалов, билингвальной навигации и количество пролеченных иностранных граждан.

Отметим, что в 20 из 66 медицинских организаций третьего уровня, на момент выездной проверки, не велась работа по учёту пролеченных иностранных граждан. Обращает внимание тот факт, что данная статистика не ведется в 34,78 % медицинских организаций, находящихся в регионах с действующей программой развития экспорта медицинских услуг, и только в 10 % медицинских организациях регионов без нее. Соответственно, каждый пролеченный иностранный гражданин в совокупных 27 % медицинских учреждений, не ведущих статистического учета, не попадает в общий годовой отчет Минздрава России по исполнению федерального проекта. Можно предположить, что заинтересованность в оказании медицинской помощи иностранным гражданам, как дополнительного источника дохода для медицинских организаций и регионов в целом, на прямую не коррелируется с наличием или отсутствием региональной программы «Развитие экспорта

медицинских услуг», что может свидетельствовать как о недостаточном внимании к внутренней заинтересованности медицинских организаций при определении в 2018 году регионов, в которых будет развиваться федеральный проект, так и недостаточной вовлеченности исполнителей проекта в его реализацию.

Акцентируем внимание на показателях наличия рекламных материалов, – в 81,83 % медицинских учреждений в регионах нет никаких рекламных

материалов для информирования возможных иностранных пациентов. В целом, только 4,54 % обследуемых организаций имеют бумажную полиграфию (буклеты), которая в большей части раздается на выставках и симпозиумах, 13,63 % организаций имеют цифровую рекламную информацию. Представим в таблице 1 данные по распределению количества пролеченных иностранных граждан в медицинских организациях, имеющих/не имеющих рекламные материалы.

Таблица 1

Соотношение количества иностранных пациентов наличия/отсутствия рекламных материалов

Отсутствие рекламных материалов		Наличие рекламных материалов	
кол-во субъектов	количество пациентов	кол-во субъектов	количество пациентов
46	5729	12	2559
среднее значение		среднее значение	
124,5		213,25	
		бумажные	цифровые
		501	2058
		среднее значение	
		167	228,7

Подчеркнем, что полученные результаты коррелируют с результатами нашего исследования 2020 года [4], согласно которым, только 32,26 % из опрошенных 385 иностранных граждан, получивших медицинские услуги в России, смогли достаточно легко и быстро найти необходимую информацию.

Показательно, что по результатам опроса представителей медицинских учреждений, проведенного в феврале 2021 года Национальной межрегиональной ассоциацией медицинского туризма (участие в обследовании приняли представители 63 медицинских организаций из 8 федеральных округов) [7], только в 44,4 % организаций централизованы функции по привлечению иностранных пациентов и только чуть более половины опрошенных имеют регламенты коммуникационного взаимодействия с такими пациентами [7].

Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что 61,9 % респондентов отмечают, что представляемые ими медицинские учреждения ведут целенаправленную работу по привлечению иностранных пациентов [7]. ТОП-3 способов первичного коммуницирования с пациентами – медицинскими туристами, обозначенные представителями медицинских учреждений в результате исследования, составляют официальный сайт медицинской организации (30,2 %), телефонная связь (25,4 %), электронная почта (14,3 %). Подчеркнем, что 83,9 % представителей профессионального сообщества единодушно утверждают, что заинтересованы в создании единого общероссийского информационного ресурса для привлечения иностранных пациентов, наиболее востребованными сервисами которого должны стать агрегирование заявок на проведение лечения в конкретном медицинском учреждении (69,4 %), электронный перевод предоставляемых выписок из истории болезни и анализов, его нотариальное заверение (66,1 %), электронное подписание договоров с пациентом, страховой компанией и пр. (58,1 %).

Полученные данные актуализируют не только необходимость интенсификации усилий по разработке и размещению рекламных материалов, с учетом корреляции средств и каналов продвижения с коммуникационными предпочтениями иностранных пациентов, но и работы по формированию коммуникационной политики на трех уровнях – на уровне медицинских учреждений, на уровне региона и на уровне государства в целом.

Третьим показателем в исследовании ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр оториноларингологии» ФМБА России стало наличие навигации на втором языке, в медицинских организациях на момент выездного мероприятия. Билингвальной навигации нет в 86,95 % медицинских организаций, расположенных в регионах, имеющих программу развития экспорта медицинских услуг и в 85 % медицинских организаций, расположенных в регионах, где подобной программы нет. Вместе с тем, подчеркнем, что в ряде организаций навигация вводится не только на русском языке, но и на локальном языке народов субъекта Российской Федерации. Совокупно, навигация на втором языке есть в 13,63 % обследованных учреждений.

Согласно результатам исследования Национальной межрегиональной ассоциации медицинского туризма (НМАМТ), указателей на иностранном языке не имеет более половины медицинских учреждений [7]. Самооценка медицинским персоналом уровня владения английским языком, зафиксированная в обследовании, представлена в таблице 2.

Представленные результаты исследований НМАМТ и ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр оториноларингологии» ФМБА России свидетельствуют, по нашему мнению, о понимании необходимости формирования коммуникационных систем, ориентированных на привлечение иностранных пациентов, в меди-

цинских организациях и активной работе в этом направлении как Координирующего центра по реализации федерального проекта «Развитие

экспорта медицинских услуг», так и представитель медицинских учреждений в регионах РФ.

Таблица 2

Оценка степени владения английским языком персонала медицинского учреждения

Уровень медицинского персонала	Степень владения английским языком			
	Не владеет, %	Низкая, %	Средняя, %	Высокая, %
Руководители медицинской организации (главный врач, президент, директор, заведующий)	1,6	23,8	47,6	27
Врачи	1,6	44,4	50,8	3,2
Младший медицинский персонал	42,8	54	3,2	0

Еще одним показателем в исследовании ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр оториноларингологии» ФМБА России является ключевой показатель исполнения программы, а именно количество пролеченных иностранных граждан. В таблице 3 приводятся количественные показатели оказания медицинской

помощи в привязке к наличию/отсутствию программы развития экспорта медицинских услуг в регионах. В абсолютных числах, медицинские организации, находящиеся в регионах, имеющих программу, пролечили чуть более чем в 2 раза больше иностранных граждан.

Таблица 3

Сравнение абсолютных и средних показателей оказания медицинской помощи иностранным гражданам в регионах России

Есть региональная программа		Нет региональной программы	
кол-во субъектов	количество пациентов	кол-во субъектов	количество пациентов
46	5578	20	2710
среднее значение		среднее значение	
121,3		135	

Среди наиболее обширных категорий иностранных пациентов в конкретном медицинском учреждении представителями профессионального сообщества, согласно результатам исследования Национальной межрегиональной ассоциации медицинского туризма, являются: трудовые мигранты (49,2 %), жители СНГ, приехавшие специально для лечения (26,2 %), родственники мигрантов (8,2 %).

сами представители медицинских учреждений достаточно критично оценивают степень их готовности к работе с иностранными пациентами, выделяя среди типичных проблем учреждений здравоохранения – запрос избыточной информации для отчетной документации (59,6 %), передачу документов вручную (36,8 %), отсутствие системы обратной связи для сотрудников медицинского учреждения (22,8 %).

Резюмируя результаты исследования ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр оториноларингологии» ФМБА России, отметим, отсутствие прямой корреляции между наличием/отсутствием региональной программы развития экспорта медицинских услуг с результативностью данного вида деятельности, которая в настоящий момент детерминирована уровнем заинтересованности и вовлеченности медицинских организаций, привлекательностью дестинации, в том числе и содействием региональных органов исполнительной власти.

Анализ представленных эмпирических данных позволяет сделать вывод о том, что реализация задач региональных проектов по развитию экспорта медицинских услуг в вопросах учёта пролеченных иностранных граждан и реализации мероприятий по привлечению медицинских туристов в субъекты Российской Федерации нуждаются в более тщательной проработке, включающей, в том числе, мероприятия по повышению уровня вовлеченности медицинских учреждений в развитие данного вида деятельности. Мы полагаем, что одними из ключевых факторов успеха могут стать как тиражирование успешных практик медицинских учреждений, так и опора на экосистемный подход при формировании и корректировке задач и показателей региональных проектов.

Подтверждают данный тезис и результаты исследования Национальной межрегиональной ассоциации медицинского туризма, согласно которым

Литература:

1. Координирующий центр по реализации федерального проекта «Развитие экспорта медицинских услуг». URL : <https://russiamedtravel.ru>
2. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах

Literature:

1. Coordinating center for the implementation of the federal project «Development of export of medical services». URL : <https://russiamedtravel.ru>
2. Decree of the President of the Russian Federation «On National goals and strategic objectives of

развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 № 204. URL : <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf>

3. Паспорт федерального проекта «Развитие экспорта медицинских услуг» – Приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Здравоохранение» от 14 декабря 2018 № 3. URL : <http://www.consultant.ru/document/>

4. Маркетинг в медицинском туризме / В.Г. Климин, Ю.А. Мальцева, А.Н. Дайхес, К.Э. Вдовин, Е.Г. Князева. М. : Комментарий, 2020. 158 с.

5. Министерство здравоохранения Российской Федерации / Федеральный проект. URL : <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravooхранenie/nmits>

6. Здравоохранение Российской Федерации итоги 2020. URL : <https://static-0.minzdrav.gov.ru>

7. *Мальцева Ю.А.* Управленческие проблемы и триггеры развития медицинского туризма / Ю.А. Мальцева, В.Г. Климин // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия экономика и право. 2022. № 3.

8. Эксперты обсудили перспективы медицинского туризма после пандемии // Медвестник. URL : <https://medvestnik.ru/content/articles/Eksperty-obsudili-perspektivy-medicinskogo-turizma-posle-pandemii.html?ysclid=I2xifo0gh5>

9. *Карпова Г.А.* Эволюция развития и перспективные направления совершенствования рынка медицинского туризма / Г.А. Карпова, Е.И. Рыбальченко, Е.В. Игнатова // Известия СПбГЭУ. 2020. № 5(125).

the development of the Russian Federation for the period up to 2024» dated 07.05.2018 № 204. URL : <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf>

3. Passport of the federal project «Development of export of medical services» – Appendix to the minutes of the meeting of the project committee on the national project «Healthcare» dated December 14, 2018. № 3. URL : <http://www.consultant.ru/document/>

4. Marketing in medical tourism / V.G. Klimin, Yu.A. Maltseva, A.N. Daikhes, K.E. Vdovin, E.G. Knyazeva. M. : Commentary, 2020. 158 p.

5. Ministry of Health of the Russian Federation / Federal Project. – URL : <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravooхранenie/nmits>

6. Healthcare of the Russian Federation results 2020. URL : <https://static-0.minzdrav.gov.ru>

7. *Maltseva Yu.A.* Management problems and triggers of medical tourism development / Yu.A. Maltseva, V.G. Klimin // Modern science: actual problems of theory and practice. Economics and Law series. 2022. № 3.

8. Experts discussed the prospects of medical tourism after the pandemic // Medvestnik. URL : <https://medvestnik.ru/content/articles/Eksperty-obsudili-perspektivy-medicinskogo-turizma-posle-pandemii.html?ysclid=I2xifo0gh5>

9. *Karpova G.A.* Evolution of development and promising directions for improving the medical tourism market / G.A. Karpova, E.I. Rybalchenko, E.V. Ignatova // Izvestiya SPbSEU. 2020. № 5(125).

Клиценко Максим Вадимович
кандидат социологических наук,
директор Высшей школы медиа,
коммуникаций и сервиса,
Тихоокеанский
государственный университет
007756@pnu.edu.ru

Оттева Ирина Владимировна
кандидат экономических наук,
доцент Высшей школы медиа,
коммуникаций и сервиса,
Тихоокеанский
государственный университет
003768@pnu.edu.ru

Медведева Галина Геннадьевна
кандидат технических наук,
и.о. проректора ТОГУ,
Тихоокеанский
государственный университет
010740@pnu.edu.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО МЕДИА ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «медиа пространство» как вид социального пространства с учетом специфики региона. Авторами предложены основные подходы к пониманию медиа пространства, а также, представлены направления развития коммуникационной политики на территории Хабаровского края с учетом специфических факторов, характерных для рассматриваемой территории. Среди факторов выделены географические, социальные и политические. Представлены варианты трансформации медиа пространства в теоретическом поле.

Ключевые слова: пространство, медиа пространство, Хабаровский край, Хабаровск, трансформация пространства.

Прежде чем говорить о трансформации чего-либо, необходимо определить сам объект, вычленив его характеристики, которые значимы для исследования. В зависимости от сложности объекта и степени его изученности, можно определить не только исчерпывающий список характеристик, но и взять на себя ответственность за прогноз по развитию и изменению объекта. Если мы принимаем в качестве объекта исследования пространство, необходимо понимать, что данный феномен многоаспектен и имеет ряд гносеологических и методологических особенностей.

Maksim V. Klitsenko
Candidate of Sociological Sciences,
Director of the Higher School of Media,
Communications and Service,
Pacific Public University
007756@pnu.edu.ru

Irina V. Otteva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
at the Higher School of Media,
Communications and Service,
Pacific Public University
003768@pnu.edu.ru, address

Galina G. Medvedeva
Candidate of Technical Sciences,
Acting Vice-Rector of TOGU,
Pacific Public University
010740@pnu.edu.ru

REGIONAL MEDIA SPACE TRANSFORMATION. Khabarovskiy Krai Case

Annotation. The article discusses the concept of media space as a type of social space, taking into account the specifics of the region. The main approaches to understanding the media space are proposed, as well as the directions for the development of communication policy on the territory of the Khabarovskiy krai, taking into account the specific factors of the territory. Geographical, social and political factors are mentioned. Options for transforming the media space in the theoretical field are presented.

Keywords: space, media space, Khabarovskiy krai, Khabarovsk, space transformation.

Во-первых, необходимо определить какого рода пространство мы имеем в виду. Т.к. изначально, в фокус научного внимания поставлено медиа пространство, возьмем за основу идею о специфичной коммуникации людей, а, следовательно, медиа пространство лежит в поле изучения социального пространства [1].

Во-вторых, понятие «медиа пространство» не просто нуждается в уточнении, а в осознании самого феномена как объекта научного интереса.

Вопрос теоретизации медиа пространства находится на ранних этапах и, в первую очередь, связан с рассмотрением конкретных случаев, маркирующих современное медиа пространство. Можно встретить работы, где речь идет и фейк-новостях, особенностях медиа-текстов с точки зрения лингвистики, а также медиаобразов. Есть ряд исследований медиа пространства в контексте постмодерна и периода глобализации. Чтобы не запутаться в тематике медиа пространств, отметим лишь факт, что рассматриваемый феномен имеет широкий практический эффект, который и влияет на его теоретическую концептуализацию. Среди российских авторов, наиболее точно описавших видение медиа пространства, стоит выделить Е.Г. Ним [6]. Вслед за ней основные подходы к пониманию медиа пространства можно определить в следующем виде:

а) текстоцентричный подход – медиа пространство рассматривается как совокупность всех медийных текстов, «дискурсивное» пространство;

б) структурный подход – медиа пространство понимается как институциональная сфера, социальное поле, система средств массовой коммуникации;

в) территориальный подход («рыночный») – медиа пространство характеризуется как медийный рынок или информационное пространство региона (города, страны);

г) технологический подход – медиа пространство наделяется особым статусом «виртуальной» реальности, поддерживаемой с помощью материальных технологий;

д) экологический подход – медиа пространство мыслится как глобальная среда обитания, пронизывающая все сферы человеческой деятельности.

Разумеется, исследовать медиа пространство исключительно в одном из подходов практически невозможно. Любое исследование, которое привязано к эмпирике, так или иначе, будет задействовать сразу несколько подходов, поэтому можно заключить, что общей исследовательской программы медиа пространства на сегодняшний день нет.

В силу того, что данное исследование носит теоретический характер, наше право остановиться на одном подходе – структурном, и рассмотреть медиа пространство в контексте социального пространства. В связи с этим, мы вынуждены отталкиваться от тех идей, которые сложились в настоящее время в социологии и других общественных науках.

Начать необходимо с А. Лефевра, который создал теоретическую конструкцию социального пространства [3; 9]. В его видении природа социального пространства связана с взаимоотношениями между властью и городом. Его тезис, что нет одного социального пространства, но есть несколько и даже бесконечное многообразие социальных пространств, позволяет говорить о том,

что и медиа пространство не просто имеет право на существование, но это есть форма взаимоотношений между государством и городом. Забегая вперед отметим, что эти взаимоотношения во многом специфичны в зависимости от территории, в котором они реализуются. Здесь же отметим еще один концепт А. Лефевра «право на город». Ключевая его идея заключается в том, что право на свой город включает и «крик», и «требование». И если «крик» – эмоциональный ответ на кризисные явления в городе, то «требование» – рациональный запрос на создание альтернативной городской жизни [9]. И, в этом плане, исключительное положение медиа пространства заключается в том, что оно может выступать в качестве «крика» как реакция гражданского общества на происходящие события, и в качестве «требования» как ответная реакция жителей определенной местности.

Позже, в 1980-х Д. Харви в своих исследованиях отмечал, что любой социальный феномен «зависит от экономической, социальной и культурной среды, в котором оно разворачивается» [7; 8]. Следовательно, медиа пространство также зависит от этих факторов и чтобы определить тенденции к изменению, необходимо знать, что именно влияет на изучаемый феномен.

Принимая во внимание факт, что экономическая, социальная и культурная среда во многом имеет физические границы (чаще всего, в масштабах города или региона), необходимо определить границы, в которых наше медиа пространство реализуется.

В первую очередь, отметим, что в России понятие «регион» очень широкое. Самые основные представления о регионе можно выделить следующим образом:

– как противопоставление Москве, выступающей в качестве центра политического, экономического, финансового мира России.

– регион может выступать в качестве синонима субъекта РФ;

– регион может выступать в качестве территории, которая не входит в региональный центр. Иными словами, в каждом субъекте есть столица и ее регион;

– регион может рассматриваться как большое пространство, имеющее признаки вернакулярного районирования. При таком подходе, чаще всего, прибегают к понятию агломерации и требует методологического уточнения.

Таким образом, определений региона достаточно много, часть из них носит общественный характер, часть – научный, часть исключительно продиктована формальными признаками.

В нашем случае, под регионом понимается территория Хабаровского края. Такой выбор обусловлен рядом факторов. Во-первых, Хабаровский край (ровно, как и другие субъекты РФ) обладает своей спецификой общественной жизни, которые реализуются в социальных практиках, институ-

тах, а также неформальных практиках [4; 5]. При этом ни чуть не отрицается факт, что медиа пространство в субъектах РФ (раз уж мы говорим о них) во многом, имеет однородную форму в плане концептуальной тематики, подаче, визуале и проч. Большая часть тем в медиа пространстве продиктована федеральной тематикой. Вместе с тем, в каждом субъекте есть свои экономические, социальные и культурные особенности, которые это медиа пространство идентифицируют.

Специфика медиа пространства Хабаровского края обусловлена географией, а также социальными и политическими процессами. Приведем лишь ряд примеров, которые характеризуют региональное пространство.

Принимая во внимание политические процессы и события 2020 года, фокус внимания медиа пространства был напрямую прикован к ним. Около 6 месяцев различные источники информации держали руку на пульсе в отношении многих событий, которые проходили на территории Хабаровского края, особенно в столице. Важно заметить, что события имели социальную основу, а не политическую [2], поэтому резонанс в медиа пространстве был серьезный. Стоит отметить, что Хабаровск и Хабаровский край исторически был очень протестным городом, что влияет, в том числе, и на медиа пространство.

Другая особенность регионального медиа пространства – это миграционный вопрос. При этом подходы для актуализации данной темы могут быть абсолютно разными: строительство жилья, льготная ипотека, поддержка молодежи и многое другое. Разумеется, такая специфика характерна не только для Хабаровского края, но для всего Дальнего Востока России, но стоит заметить, что в разных регионах этот вопрос решается по-разному, по-разному освещается и по-разному воспринимается местным сообществом. В связи с этим, границы Хабаровского края имеют значение для этой темы.

Отметим и события начала 2022 года, которые также повлияли на медиа пространство. Речь идет о том, что многие предприятия Хабаровского края начали оптимизацию работы и многие специалисты стали заниматься сразу несколькими сферами в области медиа. Например, в сервисах, которые занимаются поиском вакансий и поиском специалистов, все чаще можно найти вакансии, где необходимо и писать тексты и уметь фотографировать и брать интервью и многое другое. При этом процесс трансформации только начался, и спрогнозировать даже на ближайшую

Литература:

1. «Пространственный поворот» и его интерпретация в российской науке и институциональной практике / Л.Е. Блякхер [и др.] // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 46–59.
2. Демьяненко А.Н. Хабаровский протест: опыт социологического анализа / А.Н. Демьяненко, М.В. Клиценко // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 125–133.

перспективу как будет выглядеть медиа пространство в разрезе работающих в этой сфере специалистов, практически невозможно.

В заключение отметим, что трансформация медиа пространства с учетом региона – это непрерывный процесс. Это означает, что любые выводы должны рассматриваться лишь как предварительные и актуальные на определенный период. Чувствительность к такой переменной как время – главный индикатор для медиа пространства.

Трансформация регионального пространства во многом зависит от актуальной повестки дня. Региональные события могут стать хедлайнерами, которые актуальные на территории Хабаровского края и вытеснить федеральную повестку.

Трансформация в 2022 году связана не только с территорией и ее социальными и политическими процессами, но и с внутренней инфраструктурой. Блокировка главных информационных сервисов не только стало шоковой терапией для медиа политики, но и возможностью переориентировать информационные потоки на новые сервисы, 2022 год стал поводом для создания стартапов и креативных проектов на платформах, которые, казалось, потеряли свою актуальность. Например, после блокировки Instagram многие самозанятые, которые вели свою деятельность именно в этой сети стали переориентироваться на Vk и Telegram. Многие решили запустить свои проекты на rutube как аналог youtube. Следует отметить, что главной сетью для населенных пунктов в Хабаровском крае (кроме самого Хабаровска) являются «одноклассники», однако, на этой площадке динамика создания новых групп и сообществ существенно не изменилась с начала 2022, т.е., эта платформа остается для многих в качестве общения, но не для развития медиа. Отметим, что этот факт является особенностью Хабаровского края и не распространяется на другие регионы.

Концептуализация медиа политики в региональном пространстве во многом выстраивается за счет протестного феномена Хабаровского края. Медиа пространство во многом сыграло ключевую роль для создания образа Хабаровского края как протестной территории. Это связано не только с политическими событиями, но и с социальными. Среди последних примеров – протесты против реконструкции Дендрария, а также протесты, связанные со сбоями в работе общественного транспорта. Все это становится основанием для более детального исследования регионального медиа пространства.

Literature:

1. «Spatial turn» and its interpretation in Russian science and institutional practice / L.E. Blyakher [et al.] // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 2. P. 46–59.
2. Demyanenko A.N. Khabarovsk Protest: A Sociological Analysis / A.N. Demyanenko, M.V. Klitsenko // Sociological Studies. 2022. № 1. P. 125–133.

3. *Лефевр А.* Производство пространства. М. : Strelka Press, 2015.
4. Маркина Ю.М. Профессиональное PR-сообщество на Дальнем Востоке: идентификация и самоорганизация / Ю.М. Маркина, Я.Н. Пестова // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1(94). С. 108–118.
5. *Маркина Ю.М.* Потенциал Дальневосточного профессионального PR-сообщества в развитии гражданского общества / Ю.М. Маркина, Я.Н. Пестова // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 3(83). С. 36–39.
6. *Ним Е.Г.* Медиапространство: основные направления исследований / Е.Г. Ним // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14. С. 31–41.
7. *Харви Д.* Социальная справедливость и город. М. : Новое литературное обозрение, 2018.
8. *Harvey D.* Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution. London; New-York : Verso, 2012.
9. *Lefebvre H.* The Right to the City / H. Lefebvre // Writings on Cities. Ed. by E. Kofman and E. Lebas. Cambridge, MA: Blackwell, 1996. P. 61–181.

3. *Lefebvre H.* The Production of Space. M. : Strelka Press, 2015.
4. *Markina Y.M.* Professional PR-community in the East of Russia: identification and self-organization / Y.M. Markina, Y.N. Pestova // Power and administration in the East of Russia. 2021. № 1(94). P. 108–118.
5. *Markina Y.M.* Potential of the Eastern professional PR-community in the development of a civil society / Y.M. Markina, Y.N. Pestova // Society: sociology, psychology, pedagogics. 2021. № 3(83). P. 36–39.
6. *Nim E.G.* Media space: main areas of research / E.G. Nim // Business. Society. Power. 2013. № 14. P. 31–41.
7. *Harvey D.* Social Justice and the City. M. : New Literary Observer, 2018.
8. *Harvey D.* Rebel cities: from the right to the city to the urban revolution. London; New-York : Verso, 2012.
9. *Lefebvre H.* The Right to the City / H. Lefebvre // Writings on Cities. Ed. by E. Kofman and E. Lebas. Cambridge, MA: Blackwell, 1996. P. 61–181.

Мирзаханова Зарема Анваровна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры философии,
Дагестанский государственный
технический университет
israpilova1966@mail.ru

Мирзаханов Джабраил Гасанович

доктор политических наук,
доцент,
доцент кафедры философии,
Дагестанский государственный
технический университет
mirzakhanov1962@mail.ru

**Роль СМИ в формировании
ценностных ориентаций
у современной
российской молодежи**

Аннотация. Авторы статьи отмечают, что в настоящее время ценностные ориентации молодежи трансформируются: молодые люди сегодня довольно активные, толерантные, выступающие за равноправие, открыты современному миру, пытаются выстраивать собственный бизнес. По мнению авторов работы, значимую роль при формировании перечисленных ценностных ориентациях играют современные СМИ, ибо молодежь является активной пользовательской аудиторией Интернета. Сегодня фиксируется экспансия информационных технологий во все сферы общественной жизни. Современные электронные СМИ могут, как способствовать позитивной социализации и развитию личности, так и навязывать ценности и нормы, чуждые менталитету россиян, культуре российского народа.

Ключевые слова: молодежь, российская молодежь, ценности, ценностные установки, ценностные ориентации, средства массовой информации.

Социологическая наука в процессе своего существования концентрируется на различных проблемных точках жизни общества. Как обозначает в одной из своих работ М.К. Горшков, социология – это наука для общества, именно поэтому она выступает как «наука о реальных интересах и жизненных ценностях людей» [1, с. 14]. Исследователям очень важно понимать, как живут современные люди, что их волнует, тревожит и радует, от чего они испытывают счастье, а что приводит в уныние. Эмпирические замеры жизненных ценностей общества позволяют самому обществу ближе знакомиться с собой, а государству вырабатывать «адекватные времени и

Zarema A. Mirzakhanova

Candidate of Historical Sciences,
Senior Lecturer
of the Departments of Philosophy,
Dagestan State Technical University
israpilova1966@mail.ru

Dzhabrail G. Mirzakhanov

Doctor of Political Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Philosophy,
Dagestan State Technical University
mirzakhanov1962@mail.ru

**THE ROLE OF THE MEDIA
IN FORMING VALUE ORIENTATIONS
OF MODERN RUSSIAN YOUTH**

Annotation. The authors of the article note that at present the value orientations of young people are being transformed: young people today are quite active, tolerant, advocating equality, open to the modern world, trying to build their own business. According to the authors of the work, modern mass media play a significant role in the formation of the listed value orientations, because young people are an active user audience of the Internet. Today, the expansion of information technologies in all spheres of public life is recorded. Modern electronic media can both contribute to positive socialization and personal development, and impose values and norms that are alien to the mentality of Russians, the culture of the Russian people.

Keywords: youth, Russian youth, values, value orientations, value orientations, mass media.

интересам людей политико-управленческие решения» [1, с. 15].

Исследовательские проекты многих ученых посвящены ценностям российского населения [2; 3; 4; 5]. Среди исследователей отмечается, что в настоящее время традиционные ценности балансируют с модернистскими [2]. Как показывают в своем исследовании В.С. Магун и М.Г. Руднев, «значимо снизились средние значения ценностей, относящихся к категории «Сохранение», и выросли значения ценностей, относящихся к категории «Открытость изменениям» [3].

Отметим, что при исследовании ценностных ориентаций (ЦО) российского общества отечественные ученые часто обращаются к рассмотрению ценностей молодежи, поскольку установки, которые формируются в сознании молодых граждан России, влияют на их социальное поведение, а значит, в целом – могут повлиять на развитие российского общества [6; 7; 8; 9]. Современная молодежь на индивидуальном уровне, в большинстве своем, обладает оптимистичными установками, испытывает удовлетворение от своего непосредственного жизненного окружения и имеющегося опыта, но также у молодых людей есть беспокойства, тревоги и озабоченности: «опасение войны, загрязнения окружающей среды и изменения климата, террористических актов, роста бедности в обществе и безработицы» [10].

При формировании ценностных ориентаций, молодежь опирается на различные факторы:

– на социальное окружение молодых людей (родственники, преподаватели, друзья, одногруппники);

– на социальные институты (учебные заведения, семья, государство, СМИ); условия жизни [11].

Огромную роль при формировании установок молодежи играет медиапространство, поскольку огромное количество времени молодые люди проводят в социальных сетях, на различных видеохостингах [12]. Например, в социальной сети в Вконтакте доля молодежи от 18 до 35 лет составляет чуть более 50 % от всей аудитории, представленной в этой сети [13].

Анализ научных источников по проблеме ценностных ориентаций молодежи позволил нам увидеть, что тема формирования ценностей молодых людей в России является актуальной, социально и научно-значимой для современного российского общества. Мы увидели, что каждая из представленных публикаций описывает формирование конкретных ценностей (семьи, здоровья, работы, карьеры, образования), а также показывает сложившуюся динамику ценностных ориентаций молодежи.

В связи с тем, что в настоящее время молодежь является наиболее активным пользователем медиапространства (различного контента, представленного во Всемирной паутине Интернет), не только активно потребляя существующий, но и транслируя собственный контент, молодые люди формируют свои установки, что, в свою очередь, выражается в поведенческих реакциях молодых людей. Исходя из этого, в рамках данной статьи мы обращаемся к рассмотрению роли средств массовой информации в формировании ценностных ориентаций российской молодежи.

Молодежь как объекту исследования, а также, проблемам молодых людей в России, посвящено большое количество исследовательских проектов, в том числе и прикладного характера. Отметим, что в конце 2020 был издан закон «О молодежной политике Российской Федерации», где

обозначено, что «молодежь, молодые граждане – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (за исключением случаев, предусмотренных частью 3 статьи 6 настоящего Федерального закона), имеющих гражданство Российской Федерации» [14]. Здесь мы видим уточнение возрастных границ данной социально-демографической категории граждан. Раньше в исследованиях, посвященных молодежи, чаще всего учитывались молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. Теперь возрастные границы расширились, что вносит определенные изменения, так как молодые люди разного возраста могут по-разному оценивать ситуацию, исходя из имеющегося жизненного опыта.

Обращаясь к определению ценностей, отметим, что ценность представляет собой отношение субъекта, его оценку и значимость для него. «Ценности являются стержнем, определяющим элементом духовной культуры, формирующим мировоззрение личности» [15, с. 82]. Ценности обладают зависимостью от пола, возраста, профессионального статуса, места жительства человека. Ценности могут стать ценностными ориентациями, если их смысл – это субъективная интерпретация личности или социальной группы. «Современные исследователи сущность ценностной ориентации видят в избирательном отношении человека к материальным и духовным ценностям, определяют ее как систему индивидуальных установок, убеждений, предпочтений, опосредованных личностными смыслами и находящих свое выражение в поведении индивида» [15, с. 82].

Таким образом, стоит отметить, что ценностные ориентации тесно связаны с таким термином, как «установки». В работах У. Томаса и Ф. Знанецкого отмечено, что ЦО являются высшей формой проявления установки [16].

Далее обратимся к тому, какие ценностные ориентации в настоящее время характерны для современной российской молодежи? Если мы адресуемся к опросу, проведенному «Левада-Центром» [17], то увидим, что первая ценностная ориентация – это активное пользование Интернетом: «Молодые люди получают новости в основном по интернету (до 65 % по группе) из новостей Яндекса, социальных сетей и видеоблогов» [17]. Также, стоит отметить, что у современной молодежи посредством Интернет-источников появляются новые герои в лице видеоблогеров с большим количеством подписчиков: Хабиб Нурмагомедов (20 млн. в Instagram), Настя Ивлеева (17 млн), певцы Тимати (15 млн.) и Егор Крид (12 млн), Ксения Бородина (более 14 млн) и другие. Помимо этого, у молодежи отмечается ценность независимости, которая проявляется в повышенной готовности быть индивидуальным предпринимателем, иметь свое собственное дело. У молодых людей фиксируется положительное отношение к Западу, к европейским странам, поскольку: «Западные страны сохраняют в глазах молодых россиян образ сытой и спокойной жизни» [17]. Российская молодежь открыта миру и чаще, чем старшее поколение, готова перебраться в другую страну. Также, за современной

русской молодежью наблюдаются ценности толерантности, гендерного равенства и стремление к волонтерству.

Перечисленные ценностные ориентации складываются под влиянием различных факторов, но очень важную, на наш взгляд, роль играет такой фактор, как информационная среда. В современном мире большое значение имеют информационно-коммуникационные технологии, которые позволяют получать большое количество информации из разных источников, а также обмениваться ею, находясь на разных полюсах земного шара. То есть СМИ обладает информационно-просветительской функцией, позволяя пользователям добывать любую информацию, но очень часто информационные источники несут деструктивную функцию, деформируя ценностные ориентиры.

Мы отметили, что молодежь очень зависима от Интернета. Большую часть времени молодые люди проводят в социальных сетях (Инстаграм, Вконтакте, Твиттер), занимаясь продвижением своих личных аккаунтов или бизнес-страниц в интернете. Появляется новая хорошо оплачиваемая профессия видеоблогера, где люди транслируют свою жизнь, рекламируют различные товары и получают оплату от платформы, на которой продвигают свой контент. На наш взгляд, такая тенденция трансляции личной жизни показывает открытость молодежи миру без какого-то стеснения, стираются границы личного и публичного. Социальные сети позволяют молодым людям видеть жизнь, получать информацию, читать новостную ленту не только из официальных источников, но и по другим каналам, где общественные деятели и другие активисты напрямую

Литература:

1. Горшков М.К. Институт социологии РАН: 50 лет изучая общество, жизненные интересы и ценности людей / М.К. Горшков // Социологическая наука и социальная практика. 2019. № 1. С. 7–17.
2. Кузнецов И.М. Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян / И.М. Кузнецов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 47–55.
3. Магун В.С. Динамика базовых ценностей русского населения: 2006–2018 / В.С. Магун, М.Г. Руднев; Отв. ред. М.К. Горшков // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций. Междунар. науч. конф. Сб. материалов. М., 2019. С. 651–653.
4. Магун В.С. За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии: кол. монография / В.С. Магун, М.Г. Руднев; Под ред. К. Рогова // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. М., 2021. С. 325–353.
5. Возмител А.А. Объективные и субъективные характеристики успеха постсоветской молодежи / А.А. Возмител // Вестник Института

взаимодействуют со своей аудиторией, минуя какие-либо фильтры. Все это делает молодежь более свободной в суждениях и действиях, что приводит к формированию негативных установок [18].

Молодые люди более гибкие и психологически более подвластны влиянию из внешней среды. Контент, который есть в Интернет-пространстве, не всегда модерирован администраторами групп, поэтому в Сеть попадает разная информация, среди которой есть и материалы радикальной направленности, что влияет на формирование радикальных установок в молодежной среде [18; 19].

Итак, проанализированные нами публикации подчеркивают актуальность темы формирования ценностных ориентаций российской молодежи. Особую важность играют факторы, влияющие на конструирование ценностей молодых людей, среди которых мы отмечаем средства массовой информации. Сегодня печатные СМИ не обладают большой популярностью среди молодежи, а вот Интернет-пространство позволяет получить свежую информацию из разных источников, увидеть жизнь других людей, найти соратников по интересам, обрести новых друзей, отыскать родственников, живущих за несколько тысяч километров. Современные СМИ формируют у молодежи ценность свободы и открытости, которые не всегда положительно сказываются на самой молодежной среде, так как часто усиливают радикальные установки. То есть современные СМИ могут, как способствовать позитивной социализации и развитию личности, так и навязывать ценности и нормы, чуждые менталитету россиян.

Literature:

1. Gorshkov M.K. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences: 50 years of studying society, vital interests and values of people / M.K. Gorshkov // Sociological science and social practice. 2019. № 1. P. 7–17.
2. Kuznetsov I.M. Value orientations and socio-political attitudes of Russians / I.M. Kuznetsov // Sociological research. 2017. № 1. P. 47–55.
3. Magun V.S. Dynamics of the basic values of the Russian population: 2006–2018 / V.S. Magun, M.G. Rudnev; Managing editor. M.K. Gorshkov // The future of sociological knowledge and the challenges of social transformations. International Scientific Conference. Collection of materials. M., 2019. P. 651–653.
4. Magun V.S. Beyond the «Soviet Man»: Russians in the European Value Typology: coll. monograph / V.S. Magun, M.G. Rudnev; Ed. K. Rogova // Dismantling Communism. Thirty years later. M., 2021. P. 325–353.
5. Vozmitel A.A. Objective and subjective characteristics of the success of the post-Soviet youth / A.A. Vozmitel // Bulletin of the Institute of Sociology.

- социологии. 2021. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnye-i-subektivnye-harakteristiki-uspeha-postsovetskoy-molodyozhi> (дата обращения 02.05.2022).
6. *Ивченков С.Г.* Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодёжи / С.Г. Ивченков, Е.В. Сайганова // Вестник Института социологии. 2020. № 2. С. 106–125.
7. *Вольчик В.В.* Нестабильность занятости и поведенческие предпочтения выпускников университетов / В.В. Вольчик, Е.В. Маслюкова // JIS. 2020. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/nestabilnost-zanyatosti-i-povedencheskie-predpochteniya-vypusknikov-universitetov> (дата обращения 02.05.2022).
8. *Андрьянова Т.В.* Религиозность студенческой молодежи региона в контексте формирования образа русской православной церкви: основные тренды и противоречия / Т.В. Андрьянова // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 109–116.
9. *Зубок Ю.А.* Опыт структурно-таксономического исследования самоорганизации жизнедеятельности молодежи / Ю.А. Зубок // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 53. С. 59–75.
10. «Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления / Л. Гудков, Н. Зоркая, Е. Кочергина [и др.] // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. № 1–2(130). С. 21–121.
11. *Ядова М.А.* Взгляды и жизненные траектории молодежи сквозь призму биографических исследований / М.А. Ядова // Россия и современный мир. 2020. № 1 (106). С. 204–210.
12. *Брусенцева Д.М.* Формирование современным медиапространством террористических установок в молодежной среде / Д.М. Брусенцева, Н.Х. Гафиатулина // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 193–198.
13. Социальные сети в России: цифры и тренды, осень 2021. URL : <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021>
14. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (дата обращения 03.05.2022).
15. *Исрапилова З.А.* Динамика ценностных ориентаций современной молодежи (на примере респ. Дагестан) // Манускрипт. 2019. № 8. С. 82–87.
16. *Thomas W.* The Polish Peasant in Europe and America / W. Thomas, F. Znaniecki. N.Y., 1958. Vol. 2.
17. Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения. URL : <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoy-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya>
2021. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/obektivnye-i-subektivnye-harakteristiki-uspeha-postsovetskoy-molodyozhi> (date of appeal 02.05.2022).
6. *Ivchenkov S.G.* Value orientations and their influence on the perception of patriotism among young people / S.G. Ivchenkov, E.V. Saiganova // Bulletin of the Institute of Sociology. 2020. № 2. P. 106–125.
7. *Volchik V.V.* Employment instability and behavioral preferences of university graduates / V.V. Volchik, E.V. Maslyukova // JIS. 2020. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/nestabilnost-zanyatosti-i-povedencheskie-predpochteniya-vypusknikov-universitetov> (date of appeal 02.05.2022).
8. *Andriyanova T.V.* Religiosity of student youth of the region in the context of the formation of the image of the Russian Orthodox Church: main trends and contradictions / T.V. Andriyanova // Bulletin of the Tomsk State University. 2020. № 454. P. 109–116.
9. *Zubok Yu.A.* Experience of structural-taxonomic research of self-organization of youth life activity / Yu.A. Zubok // Bulletin of the Tomsk State University. 2020. № 53. P. 59–75.
10. «Generation Z»: Youth during Putin's rule / L. Gudkov, N. Zorkaya, E. Kochergina [et al.] // Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions. 2020. № 1–2(130). P. 21–121.
11. *Yadova M.A.* Views and life trajectories of youth through the prism of biographical studies / M.A. Yadova // Russia and the modern world. 2020. № 1. P. 204–210.
12. *Brusentseva D.M.* The formation of terrorist attitudes in the youth environment by modern media space / D.M. Brusentseva, N.H. Gafiatulina // State and municipal administration. Scientific notes. 2019. № 1. P. 193–198.
13. Social networks in Russia: figures and trends, autumn 2021. URL : <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2021>
14. Federal Law of December 30, 2020 № 489-FZ «On Youth Policy in the Russian Federation» (date of appeal 03.05.2022).
15. *Israpilova Z.A.* Dynamics of value orientations of modern youth (on the example of the Republic of Dagestan) / Z.A. Israpilova // Manuscript. 2019. № 8. P. 82–87.
16. *Thomas W.* The Polish Peasant in Europe and America / W. Thomas, F. Znaniecki. N.Y., 1958. Vol. 2.
17. Values, orientations and participation in the political life of the Russian young generation. URL : <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoy-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya>

18. *Верещагина А.В.* Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи / А.В. Верещагина, Н.Х. Гафиатулина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 32–37.

19. *Брусенцева Д.М.* Модель противодействия освещению деятельности террористической организации в медиапространстве / Д.М. Брусенцева, Н.Х. Гафиатулина. Ростов-н/Д., 2018. 99 с.

18. *Vereshchagina A.V.* Paradoxes of tolerance and deviant behavior of youth / A.V. Vereshchagin, N.H. Gafiatulina // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 4. P. 32–37.

19. *Brusentseva D.M.* A model for countering the coverage of a terrorist organization in the media space / D.M. Brusentseva, N.Kh. Gafiatulina. Rostov- n/D., 2018. 99 p.

Рамазанов Рашид Омариевич

кандидат политических наук,
научный сотрудник,
Дагестанский федеральный
исследовательский центр РАН
rashram@yandex.ru

ОЦЕНКА ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНА)

Аннотация. Волонтерство как форма социального служения и социальной помощи получило широкое распространение в современном российском обществе. Анализ эмпирического материала показывает, что опрошенное дагестанское население целью волонтерской деятельности усматривает в социальном служении, решении важных для современного российского общества социально значимых задач, оказании бескорыстной помощи незащищенным людям или организациям, хозяйственным службам и учреждениям города, организации молодежных добровольческих акций помощи воспитанникам учреждений социальной защиты населения, участия в экологических акциях и социальной помощи детским домам и геронтологическим центрам, в уборке садов и парков, в озеленении территорий, в организации праздников и трудовых рейдов в детских домах, интернатах и домах престарелых.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, волонтерское движение, формы волонтерства, дагестанское население, дагестанское общество.

Введение. Увеличение количества социальных проблем в обществе, сложная социально-экономическая ситуация в государстве, особенно в дотационных регионах, способствовали формированию социального слоя, который готов оказать помощь населению, а также конкретно взятым людям при возникновении в ней необходимости. Иными словами, можно утверждать, что волонтеры стали незаменимой частью общества, например, в поиске пропавших людей, особенно детей, они оказываются там, где стихийные бедствия и природные катаклизмы, в социальных учреждениях, рядом с теми, кто встал на путь исправления от наркомании и алкоголизма.

Можно сделать вывод о том, что волонтерское движение получило распространение и активно развивается, благодаря тому, что есть люди, готовые добровольно оказать свою помощь, потратить свое личное время на улучшение ситуации в той или иной общественной сфере [1; 2]. В интерпретации О. Оберемко и А. Истоминой, волон-

Rashid O. Ramazanov

Candidate of Political Sciences,
Researcher,
Dagestan Federal
RAS Research Center
rashram@yandex.ru

EVALUATION OF VOLUNTEER ACTIVITIES IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS (ON THE EXAMPLE OF DAGESTAN)

Annotation. Volunteering as a form of social service and social assistance has become widespread in modern Russian society. An analysis of empirical material shows that the interviewed Dagestani population sees the goal of volunteering in social service, solving socially significant tasks that are important for modern Russian society, providing disinterested assistance to unprotected people or organizations, economic services and city institutions, organizing youth volunteer actions to help pupils of social protection institutions. population, participation in environmental campaigns and social assistance to orphanages and gerontological centers, cleaning gardens and parks, landscaping areas, organizing holidays and labor raids in orphanages, boarding schools and nursing homes.

Keywords: volunteering, volunteering, volunteer movement, forms of volunteering, Dagestan population, Dagestan society.

терство «нацелено на институты», поэтому «добровольческая деятельность предполагает практические действия, ориентированные на конкретный объект заботы, и предусматривает практический результат...» [3, с. 78]. М.И. Васильковская определяет волонтерскую деятельность как «широкий круг деятельности, включая традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, официальное предоставление услуг или другие формы гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчета на денежное вознаграждение» [4]. Волонтерской деятельности присущи следующие основные характеристики:

- 1) вознаграждение;
- 2) добрая воля;
- 3) приносимая польза;
- 4) организационная структура;

- 5) неорганизованное волонтерство;
- 6) организованное волонтерство;
- 7) степень участия [5, с. 63].

Таким образом, в данной статье дается понимание опрошенным дагестанским населением цели волонтерской деятельности, осознание ее смысла, которые в итоге определяют их поведенческие установки и мотивацию участия в волонтерском движении.

Эмпирическая база. Социологический опрос по изучению состояния волонтерского движения в Дагестане был проведен в 2022 г. в городах Дагестана (Махачкала, Хасавюрт, Дербент, Кизляр) и сельских районах (Ботлихский, Кизлярский, Лакский, Хасавюртовский) республики. N = 639.

Результаты исследования. Установление отношения к волонтерству, в целом, требует выявления целей и смысла волонтерского движения. Вкладываемый в явление смысл волонтерства проявляется через результаты на вопрос «Как Вы думаете, в чем заключается смысл волонтерства и волонтерского движения?». В общем массиве опрошенных, доля тех, кто считает, что смысл добровольчества состоит в оказании помощи социально незащищенным людям и организациям составляет 57,6 %, среди них 60,7 % служащих, 58,8 % рабочих, 42,9 % безработных, 56,2 % студентов, 59,8 % с высшим, 57,2 % среднее и 56,0 % средним специальным образованием. Примерно одинаковый процент в возрастных группах 0–20 лет, 21–35 лет и 36 лет и старше – 54,9 %, 55,9 % и 63,2 %, соответственно. Далее, по мнению 38,4 % опрошенных, смысл добровольчества заключается в бескорыстной помощи и проявлении альтруистических качеств. По социально-демографическим группам ответы выглядят следующим образом: 29,0 % служащих, 36,1 % рабочих, 33,3 % безработных, 45,7 % студентов, 42,8 % со средним, 38,3 % средним специальным и 36,5 % высшим образованием. Опрос показывает уменьшение с возрастом числа разделяющих такое понимание содержания волонтерства: с 41,8 % в разрезе 0 – 20 лет до 28,2% старше 36 лет. В организации молодежных добровольческих акций среди воспитанников учреждений социальной защиты населения видят смысл добровольчества 35,1 % опрошенных и анализ по разным параметрам показывает, что доля таковых больше в группе верующих (35,2 %), возрастном разрезе 21–25 лет (37,1 %), имеющих высшее образование (36,5 %) и рабочих (43,3 %). По значимости на четвертом месте располагается вариант ответа «в оказании помощи хозяйственным службам и учреждениям города в уборке садов и парков, озеленении территорий» (32,0 %). Данное понимание сути волонтерства характерно студентам (38,0 %), 33,3 % безработных, 25,8 % рабочих и 22,4 % служащих, а также 35,5 % со средним, 30,5 % средним специальным и 25,9 % высшим образованием. Как и по предыдущей позиции можно отметить снижение процентных показателей с возрастом: с 38,8 % в разрезе 0–20 лет до 23,9 % в интервале старше 36 лет. В организации праздников и трудовых рейдов в интернатах, детских домах и домах

престарелых видят смысл добровольчества 27,8 % опрошенных по всему массиву, среди них 31,0 % студентов, 29,9 % рабочих, 22,4 % служащих, имеющие среднее специальное (31,9 %), среднее (26,5 %) и высшее образование (26,0 %). Культурное волонтерство (помощь в реставрации памятников и исторических объектов) ближе 11,8 % опрошенных по всему массиву, в сравнении, выделяются подгруппы рабочих (29,9 %) и служащих (22,4 %), а также респонденты со средним (12,7 %) и высшим образованием (11,1 %). В сборе и распространении информации среди молодежи видят смысл волонтерского движения 16,5 % по всему массиву и здесь выделяются подмассивы студентов (21,0 %), имеющие среднее образование (14,4 %) и возрастной разрез 0–20 лет (20,3 %), где придерживающихся данного варианта ответа, по сравнению с другими подгруппами, больше. При этом 12,1 % респондентов смысл волонтерства видят «в других гуманитарных акциях», что подразумевает разовые акции или краткосрочные программы, например, поиск пропавших людей, участие в ликвидации последствий стихийного бедствия и т.д. Опрошенные волонтеры смысл добровольческого движения усматривают, во-первых, в оказании помощи социально-незащищенным людям или организациям, во-вторых, в бескорыстной помощи и проявлении альтруистических качеств (по 52,0 %). Вариант ответа – организация молодежных добровольческих акций помощи воспитанникам учреждений социальной защиты населения подчеркивается 36,0 % респондентов. За ним располагаются варианты ответов – оказание посильной помощи хозяйственным службам и учреждениям города, уборка садов и парков, озеленение территорий (32,1 %), организация праздников и трудовых рейдов в детских домах, интернатах и домах престарелых (32,0 %), оказание помощи в реставрации памятников и исторических объектов (21,3 %), сбор и распространение информации среди молодежи (20,0 %), другие гуманитарные акции (14,7 %).

Рассмотрение содержания волонтерства требует установления существующего в общественном сознании дагестанского населения отношения к данному явлению в целом, к участникам (волонтерам), в частности. Результаты, полученные на вопрос «Как Вы относитесь к волонтерам (добровольцам)?», показывают, что подавляющее большинство респондентов положительно относится к добровольцам (63,7 %) с аргументацией, что волонтеры способствуют формированию в обществе принципов милосердия и гуманизма, делают людей добрее. Анализ по социально-демографическим признакам показывает, что позитивную оценку деятельности волонтеров дают 54,2 % опрошенных из подгруппы служащих, 61,9 % рабочих, 71,7% студентов, 62,4 % с высшим, 61,7 % средним специальным, 68,7 % средним образованием. При этом число придерживающихся данной позиции уменьшается с возрастом с 67,9 % в интервале 0–20 лет до 60,7 % в когорте от 36 лет и выше. Далее 55,9 % опрошенного населения считает, что волонтеры бескорыстно помогают людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, среди них больше половины опрошенных во всех подгруппах по роду деятельности,

образованию и возрасту. Далее 31,6 % опрошенного населения по всему массиву считает, что волонтеры обеспечивают им ту помощь, которую не предоставляет своим гражданам государство. Данной точки зрения придерживаются 30,8 % служащих, 32,0 % рабочих, 34,1 % студентов, 33,3 % с высшим, 39,0 % средним специальным, 27,1 % средним образованием, а также возрастные разрезы 0–20 лет, 21–35 лет, от 36 лет и выше, 35,0 %, 27,3 %, 33,3 %, соответственно. По мнению 28,8 % опрошенных по всему массиву, волонтеры помогают воспитанию личностных качеств (ответственность, воля, сострадание). Эту точку зрения разделяют 31,0 % студентов, 27,8 % рабочих, 27,1 % служащих, 25,3 % со средним, 25,5 % средним специальным, 34,9 % высшим образованием, 29,5 % в возрасте 0–20 лет, 30,8 % 21–35, 24,8 % 36 лет и выше. По сравнению с предыдущими положительными вариантами ответов, позиции «волонтеры помогают в изучении и приобщении людей к общечеловеческим традициям, обычаям, обрядам, традициям» придерживаются 13,3 % опрошенных: среди них 15,9 % студентов, 14,4 % рабочих, 10,2 % имеющие среднее, 14,2 % среднее специальное, 15,9 % высшее образование. Однако с повышением возраста снижается доля разделяющих данный тезис с 14,3 % в разрезе 0–20 лет до 10,3 % в когорте старше 36 лет. Далее 17,3 % респондентов считают, что волонтеры формируют уважительное отношение к историческому прошлому края, любовь к Родине и это суждение ближе 20,5 % студентов, 15,9 % служащих, 14,3 % безработных, 22,3 % имеющих среднее, 11,3 % среднее специальное, 16,9 % высшее образование, 20,3 % в возрасте 0–20 лет, 14,0 % 21–35 лет, 14,5 % от 36 лет и выше. Вместе с тем в общественном сознании респондентов имеет место отрицательная оценка и отношение к волонтерам и волонтерской деятельности с мотивацией, что, во-первых, волонтеры оказывают помощь только в конкретно взятом случае, при отсутствии длительности такой помощи (1,6 %), волонтеры преследуют свои личные интересы (получить известность, должность, последующая общественная и политическая карьера) (2,5 %), волонтеры тесно связаны с властью и защищают только интересы государства (1,2 %), прикрываясь волонтерством, добровольцы совершают преступления в отношении пожилых, больных и одиноких людей (1,8 %). Полученные данные показывают, что опрошенное население в целом позитивно относится к волонтерам, отмечая их работу в решении не только социально-экономического, но и культурного блока имеющихся социальных проблем.

Сами опрошенные волонтеры выбрали положительные суждения с аргументацией, что волонтеры:

а) способствуют формированию в обществе принципов гуманизма и милосердия, делают людей добрее (66,7 %);

б) бескорыстно помогают людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации (58,7 %);

в) оказывают помощь, которую не обеспечивает государство своим гражданам (38,7 %);

г) помогают воспитанию личностных качеств (ответственность, воля, сострадание и т.д.) (32,0 %);

д) помогают в изучении и приобщении людей к общечеловеческим традициям, обычаям и обрядам (29,3 %);

е) формируют уважительное отношение к историческому прошлому края, любовь к Родине (26,7 %).

Негативно к волонтерам настроены статистически незначимая часть (1,3 %), считая, что они (волонтеры) оказывают помощь только в конкретно взятом случае, при отсутствии длительности такой помощи и 4,0 % указывают на их тесную связь с официальной властью, следовательно, волонтеры защищают только интересы государства. Понятно, что среди волонтеров есть гражданские и государственные волонтеры, последних, как правило, сама власть привлекает к участию в официальных мероприятиях, которые реализует государство [6].

Как известно, существуют разные формы проявления волонтерства, поэтому в нашем исследовании была поставлена задача выяснить, насколько дагестанское население об этом информировано. В общем массиве опрошенных 70,4% указали, что знают социальный вид волонтерского движения (поиск пропавших людей, оказание помощи пожилым людям), среди них больше половины опрошенных в когорте служащих, рабочих, студентов, имеющих среднее, среднее специальное и высшее образование, впрочем, как и все возрастные группы. Далее, 57,3 % респондентов имеют представление об экологическом виде волонтерского движения и здесь большую информированность проявляет студенчество (67,1 %), в других группах их доля меньше: 43,9 % служащих, 48,5 % рабочих, 47,6 % безработных, 58,2 % имеющих высшее, 49,6% среднее специальное, 61,4% среднее образование, 65,8 % в возрасте 0 – 20 лет, 47,6 % 21–35 лет, 47,0 % в возрасте от 36 лет и выше.

Сложная эпидемиологическая ситуация в стране способствовала интенсификации медицинского волонтерства и известно много примеров когда студенты медвузов и колледжей, впрочем, как и простые люди шли в, так называемые, «красные зоны», чтобы оказать посильную помощь больным. Поэтому 48,2 % опрошенных по всему массиву, знают о данной форме волонтерства. По социально-демографическим признакам на него указали больше половины опрошенных в подгруппах служащих, студентов, имеющих высшее образование, возрастной разрез старше 36 лет, одна вторая часть со средним и средним специальным образованием, а также возрастные разрезы 0–20 лет и 21–35 лет. Далее о существовании культурного волонтерства, суть которого заключается в участии в восстановлении и реставрации исторических памятников знают 40,4 % респондентов. По роду деятельности их больше среди студентов (51,9 %), имеющих среднее образование (42,2 %), в возрасте 0–20 лет (51,9 %). Далее 28,4 % опрошенных знают о существовании спортивного волонтерства и здесь выделяется молодежь, которая активно участвует в

спортивных мероприятиях – 37,6 % студентов и 33,8 % в интервале 0–20 лет. Далее 21,6 % респондентов знают об информационном волонтерстве, который заключается в информировании населения о принятых для решения определенного социального вопроса мерах, законодательных актах и т.д., причем таковых, в сравнении, больше среди молодого поколения (23,6 %) и респондентов с высшим образованием (23,3 %).

Полученные данные опроса показывают, что для опрошенного населения, по сравнению с другими видами деятельности, не очень большое значение имеет политический вид волонтерского движения (17,6 %) и здесь более активны студенчество (20,2 %), рабочие (21,6 %), опрошенные с высшим образованием (19,0 %), возрастные группы 0–20 лет (19,4%) и 21–35 лет (19,6 %). Чуть меньше опрошенных знают о существовании военного волонтерства (15,1 %), который заключается в участии в праздновании исторических дат, военно-патриотическом воспитании, поиске военных захоронений и др.

Заключение. Проведенное исследование показывает важность волонтерства и волонтерского

Литература:

1. Volunteering as a mechanism of socio-pedagogical work and youth social policy of the state under the conditions of risk / V.V. Kasyanov, G.I. Davydova, E.V. Motsovkina [et al.]. *Humanidades & Inovação*. 2021. Vol. 8. № 31. P. 79–86.
2. Волонтерская деятельность как ресурс повышения социального здоровья российской молодежи / В.В. Касьянов [и др.] // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 2. С. 61–66.
3. *Оберемко О.* Совместимы ли волонтерская и протестная деятельность? (по материалам самописаний российских добровольцев) / О. Оберемко, А. Истомина // *Мониторинг общественного мнения*. 2015. № 2(126). С. 72–82.
4. *Васильковская М.И.* Институт волонтерства как ресурс личностно-профессионального становления специалиста социально-культурной деятельности / М.И. Васильковская // *Интернет-журнал «Мир науки»*. 2018. № 2. URL : <https://mir-nauki.com/PDF/22PDMN218> (дата обращения 23.06.2021).
5. *Носова Ю.И.* Волонтерство как социально-культурный феномен: генезис и основные характеристики / Ю.И. Носова // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 1–3. С. 62–65.
6. *Шахбанова М.М.* Основные направления политики государства в урегулировании межэтнических и межнациональных конфликтов / М.М. Шахбанова, А.М. Шахбанов; Гл. ред. Г.Г. Матишов // *Современное состояние и пути развития Юга России. Материалы региональной научной конференции*. Ростов-н/Д., 2007. С. 265–267.

движения для опрошенного дагестанского населения. Цель волонтерского движения заключается в оказании помощи социально-незащищенным людям или организациям, бескорыстной помощи и проявлении альтруистических качеств, организации молодежных добровольческих акций помощи воспитанникам учреждений социальной защиты населения, оказании помощи хозяйственным службам и учреждениям города, уборка садов и парков, озеленение территорий, организации праздников и трудовых рейдов в детских домах, интернатах и домах престарелых, сборе и распространении информации среди молодежи, помощи в реставрации памятников и исторических объектов и в других гуманитарных акциях. В массовом сознании превалирует позитивное отношение и оценка волонтерской деятельности с мотивацией, что волонтеры своей работой способствуют формированию в обществе принципов милосердия и гуманизма, делают людей добрее, а также бескорыстно помогают людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации и оказывают помощь, которую не обеспечивает государство своим гражданам.

Literature:

1. Volunteering as a mechanism of socio-pedagogical work and youth social policy of the state under the conditions of risk / V.V. Kasyanov, G.I. Davydova, E.V. Motsovkina [et al.]. *Humanidades & Inovação*. 2021. Vol. 8. № 31. P. 79–86.
2. *Kasyanov V.V.* Volunteer activity as a resource for improving the social health of Russian youth / V.V. Kasyanov [et al.] // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2020. № 2. P. 61–66.
3. *Oberemko O.* Are volunteer and protest activities compatible? (based on self-descriptions of Russian volunteers) / O. Oberemko, A. Istomina // *Monitoring of public opinion*. 2015. № 2(126). P. 72–82.
4. *Vasilkovskaya M.I.* Institute of volunteering as a resource for personal and professional development of a specialist in social and cultural activities / M.I. Vasilkovskaya // *Internet magazine «World of Science»*. 2018. № 2. URL : <https://mir-nauki.com/PDF/22PDMN218> (date of appeal 23.06.2021).
5. *Nosova Yu.I.* Volunteering as a socio-cultural phenomenon: genesis and main characteristics / Yu.I. Nosova // *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2012. № 1–3. P. 62–65.
6. *Shakhbanova M.M.* The main directions of state policy in the settlement of interethnic and interethnic conflicts / M.M. Shakhbanova, A.M. Shakhbanov; Ed. G.G. Matishov // *The current state and ways of development of the South of Russia. Materials of the regional scientific conference*. Rostov-on/D., 2007. P. 265–267.

Родюкова Татьяна Николаевна
доцент кафедры
организационно-кадровой работы
в органах государственной власти,
Институт технологий управления,
МИРЭА – Российский
технологический университет
rodiukova.t@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СПЕЦИФИКИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Аннотация. Статья посвящена изучению специфики профессионализма. В работе выявлены основные подходы к понятию профессионализма, особенности профессионального развития государственных гражданских служащих. На основе анализа изученного материала выявлена важность изучения структуры профессионализма служащих. В статье предложена авторская модель структуры профессионализма, с учётом особенностей профессиональной служебной деятельности в органах власти.

Ключевые слова: гражданские служащие, профессионализм, профессиональное развитие, профессиональная компетентность, продуктивность, идентичность, профессиональная зрелость.

В современных условиях наличие профессионализма у сотрудников той или иной организации является неотъемлемым фактором её успеха и эффективности. В самом общем виде, профессионализм – это умение качественно и эффективно выполнять свои профессиональные обязанности не зависимо от влияния внешних и внутренних факторов.

Исследование профессионализма личности, его развития, становления представляется важным в любой профессиональной отрасли, т.к. предполагает выделить ключевые элементы деятельности, компетенции, личностной направленности, способствующие эффективному достижению поставленных целей в выбранной области.

Не менее актуальным этот вопрос является для государственной гражданской службы, т.к. от профессионализма служащих зависит уровень и качество жизни населения. Важность данного положения закрепляется в ряде федеральных законов и нормативно-правовых актах, таких как Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Указ Президента РФ от 21.02.2019 № 68 «О профессиональном развитии государст-

Tatiana N. Rodyukova
Associate Professor
of the Department of Organizational
and Personnel work
in Public Authorities,
Institute of Management Technologies,
MIREA – Russian Technological University
rodiukova.t@yandex.ru

A THEORETICAL APPROACH TO DETERMINING THE SPECIFICS OF THE PROFESSIONALISM OF PUBLIC CIVIL SERVANTS

Annotation. The article is devoted to the study of the specifics of professionalism. The paper identifies the main approaches to the concept of professionalism, the features of professional development of public civil servants. Based on the analysis of the studied material, the importance of studying the structure of professionalism of employees is revealed. The article proposes the author's model of the structure of professionalism, taking into account the peculiarities of professional official activity in government.

Keywords: civil servants, professionalism, professional development, professional competence, productivity, identity, professional maturity.

венных гражданских служащих Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 15.08.2019 № 1056 «О едином специализированном информационном ресурсе, предназначенном для профессионального развития государственных гражданских служащих Российской Федерации» и др.

Следует отметить, что данные нормативные акты призваны регламентировать деятельность гражданских служащих в рамках профессионального развития, достижения профессионализма, но, к сожалению, не так много говорится о личности профессионала, его направленности на совершенствование, раскрытие его творческого потенциала.

Государственная служба представляет собой особый вид профессиональной деятельности и не каждый желающий может соответствовать её требованиям и обладать необходимыми компетенциями в этой области. Поэтому важным является изучение становления и развития профессионализма на государственной гражданской службе, выявление компетентностной модели профессионала, составление и проведение мероприятий, способствующих развитию профес-

сиональных компетенций и в целом профессионализма современных гражданских служащих.

В современной науке интерес к проблеме профессионализма всегда имел первостепенное значение, его исследование разворачивались в рамках философии, экономики, социологии, психологии. Здесь следует выделить работы большого количества учёных В.К. Белолипецкого, В.Г. Игнатова, А.В. Понеделкова, В.А. Сулимова, А.И. Турчинова. Наиболее результативные исследования были проведены в рамках психолого-акмеологического направления А.К. Марковой, Ф.С. Исмагиловой, Ю.П. Поваренкова, Л.М. Митиной, А.Р. Фонарева, Е.А. Климова, Э.Ф. Зеера, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкина, А.А. Бодалёва, Н.В. Кузьмина, А.А. Реан и др. Исследователи отмечают, что понятие профессионализм можно раскрыть только в контексте определённой профессиональной деятельности. Однако, несмотря на столь пристальное внимание, полностью сформировавшегося подхода к понятию профессионализм и его структурным компонентам не сложилось.

В управление общественными структурами, в государственном управлении участвуют много разных людей, но не все они имеют достаточные знания в этой области и владеют профессионализмом в выполнении необходимых действий. В результате непрофессионализма, управляемые сферы терпят убытки, возникают разного рода конфликты и психологическая напряжённость во взаимодействиях между людьми. По его мнению, настоящий профессионализм связан с высокой мотивацией к выполняемой деятельности и достижению качественных, неординарных результатов.

А.А. Деркач и В.Г. Зазыкин рассматривают две стороны профессионализма. Профессионализм деятельности и профессионализм личности. Профессионализм деятельности представляет собой «качественную характеристику субъекта труда, которая отражает высокую профессиональную компетентность и квалификацию» [2, с. 56]. Профессионализм личности – это «качественная характеристика субъекта, которая отражает высокий уровень профессионально важных качеств или личностно-деловых качеств акмеологических инвариантов профессионализма, высокий уровень креативности, адекватный уровень притязаний, мотивационную сферу и ценностные ориентации, направленность на прогрессивное развитие» [2, с. 56].

А.К. Маркова в своих работах отмечает, что профессионализм человека надо связывать не только с его достижениями в профессиональной сфере, применением творческого подхода, креативности, использованием новых технологий, но и, самое главное, надо определять наличие психологических компонентов, связанных с его отношением к труду, ценностных ориентаций, побуждения к труду [7, с. 103].

Также, хочется отметить подход С.А. Дружилова к этой проблеме. Под профессионализмом он понимает свойство людей способных качественно

выполнять свою работу в различных условиях. Исследователь отмечает, что «в понятии «профессионализм» отражается такая степень овладения человеком психологической структурой профессиональной деятельности, которая соответствует существующим в обществе стандартам и объективным требованиям» [3]. Рассматривая профессионализм как систему, С.А. Дружилов выделяет три её подсистемы: подсистему профессиональной продуктивности; подсистему профессиональной идентичности; подсистему профессиональной зрелости.

Используя предложенный системный подход, рассмотрим специфику элементов, составляющих профессионализм государственного гражданского служащего.

Подсистема профессиональной продуктивности. Данная подсистема включает в себя профессиональные важные качества, влияющие на эффективность и результативность профессиональной служебной деятельности. В неё входят элементы, составляющие эффективность профессиональной деятельности. К ним можно отнести критерии, показатели деятельности гражданских служащих, оценку профессиональных качеств необходимых для выполнения профессиональных функций. Здесь надо отметить, что для определения профессиональной продуктивности важным является не только оценка эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности гражданского служащего, но оценка его профессиональных качеств, способствующих достижению поставленных целей.

Показатели эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности гражданского служащего являются составной частью должностного регламента, что закрепляется ст. 47 Федерального № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». В ст. 50 также устанавливается, что специфические показатели эффективности и результативности деятельности государственного органа утверждаются правовым актом государственного органа в соответствии с особенностями его задач и функций.

Определение эффективности гражданской службы, профессиональной деятельности гражданских служащих является ключевым вопросом государственного управления. В связи с этим, в литературе существует много подходов к определению данного понятия, выявлению способов оценки, групп критериев и показателей эффективности профессиональной служебной деятельности. О.В. Малахова и Н.О. Гарбузова отмечают, что оценка эффективности профессиональной служебной деятельности может включать в себя оценку экономичности, связанную с продуктивностью, производительностью, оценку действенности, связанную с измерением результата не только количественным, но и качественным способом и оценку результативности, т.е. меру достижения поставленной цели [5, с. 67]

Н.Н. Богдан и М.А. Глинянов говорят о необходимости разграничения понятий «результатив-

ности» и «эффективности», где в первом случае речь должна идти о степени достижения поставленных целей, а во втором – определяться степень использования для этого имеющихся ресурсов и рассматривают ряд методов проведения оценки профессиональной деятельности, отмечая положительные и отрицательные стороны применительно к государственным гражданским служащим [1, с. 20]. Отдельно проводятся исследования в рамках оценки и диагностики профессиональных, личностных качеств гражданских служащих, но таких работ значительно меньше. Здесь можно выделить исследования, проведенные А.А. Переверзевой, М.В. Шуклиновой, и посвященные профессионально-личностным качествам служащих их развитию и оценке, работы Ю.В. Синягина, О.Ю. Переверзиной, раскрывающие личностно-профессиональную диагностику гражданских служащих.

В настоящее время для осуществления единого подхода к оценке эффективности и результативности профессиональной деятельности государственных служащих Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации разработан Методический инструментарий по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку). Данный инструментарий даёт определение эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности, под которой понимается «способность гражданского служащего к достижению поставленных целей, выполнению задач и реализации планов в полном объеме с требуемым качеством в установленный срок при оптимальном использовании организационных, кадровых, финансовых, информационных и других типов ресурсов, имеющихся в распоряжении государственного органа» [8].

Сама комплексная оценка предназначена для оценки квалификации гражданского служащего, его профессиональных качеств, эффективности и результативности осуществления служебной деятельности.

Оценка квалификации гражданского служащего является необходимой для подтверждения его профессиональных знаний и навыков. Она основывается на системе квалификационных требований, состоящей из базовых, функциональных и специальных квалификационных требований к уровню профессионального образования, стажу гражданской службы, направлению подготовки, профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей.

К группе профессиональных качеств, которые необходимы для достижения эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности, инструментарий относит общие профессиональные качества (необходимые для замещения должностей гражданской службы всех категорий и групп), прикладные профессиональные качества (связанные с функциональными особенностями должностей гражданской службы), управленческие профессиональные

качества. Также, обращается внимание на личностные качества гражданского служащего, которые проявляются в служебной деятельности через профессиональные качества (ценности, цели, установки, темперамент, мотивация и т.д.). Модель профессиональных качеств разрабатывается для каждой должности или группы должностей гражданской службы и должна содержать в себе 10 профессиональных качеств, включающих в себя три общих профессиональных качества и семь качеств, которые относятся к прикладным и/или управленческим профессиональным качествам в зависимости от должности.

Подсистема профессиональной идентичности. Эта подсистема включает в себя профессионально важные качества, способствующие принятию профессии как личностно значимой. Сюда можно отнести такие компоненты, как профессиональную направленность, удовлетворенность своей профессией и своей деятельностью.

Проблема профессиональной идентичности имеет своё отражение во многих научных работах А. Ватермана, Э.Ф. Зеера, Е.А. Климова, Л.Б. Шнайдер, Ю.П. Поваренкова и многих других.

По мнению Л. Шнайдер, «...профессиональная идентичность предполагает функциональное и экзистенциальное соответствие человека и профессии, которое включает в себя понимание своей профессии, принятие себя в профессии, умение хорошо выполнять свои профессиональные функции» [12, с. 155–156].

Т.В. Малютина предлагает следующие критерии успешного процесса становления профессиональной идентичности: положительную самооценку, уровень притязаний, связанный с развитием профессионализма, удовлетворенность выполнения профессиональных задач, ответственность за выполнение норм и правил своей профессиональной деятельности, принятие норм и ценностей, характерных для профессионального сообщества и др. [6].

Ю.П. Поваренков выделяет показатели, по которым можно определить уровень развития профессиональной идентичности. Первая группа показателей определяет отношение человека к себе как будущему и действующему профессионалу (профессиональная самооценка). Вторая группа характеризует отношение человека к содержанию, условиям профессиональной деятельности и профессионализации в целом (оценка удовлетворенности человека трудом). Третья группа показателей связана с оценкой отношения человека к системе ценностей и норм, традициям и ритуалам, характерным для каждой профессиональной общности (определение референтной группы, совместимости субъектов трудовой деятельности) [10].

Профессиональная деятельность гражданских служащих сопряжена с большой ответственностью за экономические, социальные последствия, принимаемых ими решений. В этой связи, развитие профессиональной идентичности имеет особую актуальность. Зачастую, проблемы в этой

области связаны с недостаточно чётким сформировавшимся представлением у поступающих на гражданскую службу об особенностях их будущей профессиональной деятельности и отсутствием базового профессионального образования, связанного с государственным и муниципальным управлением. Поэтому приобретение необходимых профессиональных качеств начинается только при поступлении на службу, а не ранее, в процессе получения специальности.

Рассматривая данные проблемы группа исследователей С.Н. Костина, Е.В. Зайцева, Г.А. Банных, А.И. Кузьмин предлагают модель профессиональной идентификации государственных и муниципальных служащих с учётом особенностей этапов уровней сформированности профессиональной идентификации. Первый этап вхождения служащего в профессиональную деятельность предполагает формирование представлений о профессии, профессиональных знаний и навыков. Второй уровень – формирование личностного стиля деятельности связан с установлением тождественности образа служащего и собственного «Профессионального Я». Третий уровень связан с самоопределением служащего в рамках профессионального труда и самоорганизации в нём, что предполагает высший уровень развития профессиональной идентификации, предполагающую самоидентификацию в качестве служащего [4, с. 32].

Подсистема профессиональной зрелости. Данная подсистема включает в себя важные профессиональные качества, способствующие саморегуляции и самодетерминации. Основными элементами становятся профессиональная совесть и профессиональная честь.

Профессиональная зрелость представляет собой наиболее полное профессиональное развитие, выполнение на высшем уровне своей профессиональной деятельности.

Саморегуляция основана на способности индивида сохранять внутреннюю стабильность на постоянном уровне, используя определённые нормы, критерии, правила. Ф.К. Нуриманова и Л.Ш. Хамзина отмечают, что общая способность к саморегуляции отражается в самостоятельном положительном овладении определёнными способами и формами активности [9, с. 82]. Такую саморегуляцию авторы рассматривают на четырёх уровнях, применимых к различным видам профессиональной деятельности.

На психофизиологическом уровне происходит самостоятельное налаживание эмоционального равновесия, осуществление контроля над самочувствием. На социально-психологическом уровне, основываясь на нормах и правилах профессионального служебного поведения, регулируются социальные взаимодействия в профессиональной сфере. Психологический уровень саморегуляции связан с умением ставить перед собой цели, осуществлять стратегическое планирование своего профессионального развития, определять уровни притязаний, мотивационную направленность в профессиональной деятельности.

Духовный уровень сопряжён с высшими ценностями и моральными принципами, желанием принести пользу обществу, самосовершенствоваться в личностном и профессиональном плане.

Самодетерминация связана с проблемами внутренней и внешней мотивации, способность индивида делать самостоятельный выбор. Е.Ю. Почтарёва подчёркивает «психологическое содержание самодетерминации связано с самосозидающим характером личностно-смысловых образований, которые актуализируют субъектный потенциал личности в многообразии его проявлений» [11].

Государственный служащий выполняет функции государства и поэтому несёт определённые нормативно-правовые обязательства. В этом направлении создаются определённые нормативные правила, регламентируемые законодательством, такие как требования к служебному поведению, кодекс этики государственного служащего. На уровне профессиональной зрелости эти обязательства становятся частью его личности и поэтому такие понятия как «профессиональная честь», «профессиональное достоинство», «профессиональное нравственное поведение» становятся необходимыми атрибутами его деятельности.

Понятие «честь и достоинство» сложно рассматривать только через нормативно-правовые рамки профессиональной деятельности гражданского служащего. Эти понятия имеют ещё как общественную оценку, соответствующую принятым нормам и правилам поведения, так и самооценку на предмет соответствия установленным этическим правилам. В свою очередь, объективная и субъективная оценка проявляют взаимосвязь в создании того образа, к которому и стремится субъект, достигая профессиональной зрелости.

Исходя из вышесказанного, модель профессионализма государственного гражданского служащего можно представить следующим способом:

Подсистема профессиональной продуктивности.

1. Эффективность и результативность профессиональной деятельности (степень достижения целей, объем и качество полученного результата, сроки выполнения, эффективность использования ресурсов).
2. Квалификация (соответствие квалификационным требованиям к уровню профессионального образования, стажу гражданской службы или работы по специальности, направлению подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для исполнения должностных обязанностей).
3. Профессионально-личностные качества (общие профессиональные качества (ориентация на результат, укрепление авторитета, межличностное понимание, стиль общения); прикладные профессиональные качества (работа с информацией, документами, ориентация на обеспечение защиты законных интересов граждан, творчество,

работа в команде, построение коммуникаций, профессиональное саморазвитие, передача опыта и знаний); управленческие профессиональные качества (умение планировать, ставить задачи, проводить контроль и оценку деятельности, мотивировать сотрудников, принимать управленческие решения, иметь стратегическое видение и др.).

Оценку данных качеств можно проводить с помощью комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку)

Подсистема профессиональной идентичности.

Профессиональное самоопределение, самосознание (уровень притязаний, связанный с развитием профессионализма, удовлетворённость выполнения профессиональных задач, ответственность за выполнение норм и правил своей профессиональной деятельности, принятие норм и ценностей, характерных для профессионального сообщества и др.).

Оценку качеств можно проводить с помощью самооценки служащего, оценки методом 360°, методом шкалы рейтингов поведенческих установок.

Подсистема профессиональной зрелости.

1. Саморегуляция (самостоятельное налаживание эмоционального равновесия, осуществление

Литература:

1. *Богдан Н.Н.* Подходы к оценке эффективности и результативности профессиональной деятельности государственных служащих / Н.Н. Богдан, М.А. Глинянов // Развитие территорий. 2020. № 4 (22). С. 18–24.

2. *Деркач А.А.* Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях / А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин. М. : РАГС, 1998. 178 с.

3. *Дружилов С.А.* Обобщенный (интегральный) подход к обеспечению становления профессионализма человека / С.А. Дружилов // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 21. URL : <https://doi.org/10.54359/ps.v5i21.792> (дата обращения 18.04.2022).

4. Профессиональная идентичность и идентификация публичных служащих: теоретический анализ / С.Н. Костина, Е.В. Зайцева, Г.А. Банных, А.И. Кузьмин // Социум и власть. 2017. № 6(68). С. 26–35.

5. *Малахова О.В.* Основные подходы к оценке эффективности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих / О.В. Малахова, Н.О. Гарбузова // Вестник государственного и муниципального управления. 2014. № 3(14). С. 65–72.

6. *Малюткина Т.В.* Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты / Т.В. Малюткина // Омский научный вестник. 2014. № 5. URL :

контроля над самочувствием, регулирование социальных взаимодействий в профессиональной сфере. умение ставить перед собой цели, осуществлять стратегическое планирование своего профессионального развития, определять уровни притязаний, мотивационную направленность в профессиональной деятельности, желание приносить пользу обществу, самосовершенствоваться в личностном и профессиональном плане).

2. Самодетерминация (личностная автономия, умение выбирать решение из множества альтернатив, умение адаптироваться к изменяющимся условиям, использование творческого потенциала в профессиональной деятельности и др., развитие таких качеств, как «профессиональная честь», «профессиональное достоинство»).

Оценку качеств можно проводить с помощью самооценки, оценки соблюдения Кодекса этики, методом шкалы наблюдений за поведением.

Развитие профессионализма гражданского служащего является основой для развития государственной гражданской службы в целом, повышения уровня государственного управления, качественного достижения поставленных целей в области удовлетворения потребностей граждан. Предложенная модель профессионализма может использоваться для определения уровня профессионального развития служащего, способствовать мотивации к его дальнейшей деятельности.

Literature:

1. *Bogdan N.N.* Approaches to assessing the effectiveness and efficiency of professional activity of civil servants / N.N. Bogdan, M.A. Glinyaynov // Development of territories. 2020. № 4(22). P. 18–24.

2. *Derkach A.A.* Professionalism of activity in special and extreme conditions / A.A. Derkach, V.G. Zazykin. M. : RAGS, 1998. 178 p.

3. *Druzhilov S.A.* Generalized (integral) approach to ensuring the formation of human professionalism / S.A. Druzhilov // Psychological research. 2012. Vol. 5. № 21. URL : <https://doi.org/10.54359/ps.v5i21.792> (date of appeal 18.04.2022).

4. Professional identity and identification of public servants: theoretical analysis / S.N. Kostina, E.V. Zaitseva, G.A. Bannykh, A.I. Kuzmin // Society and power. 2017. № 6(68). С. 26–35.

5. *Malakhova O.V.* The main approaches to assessing the effectiveness of professional performance of public civil servants / O.V. Malakhova, N.O. Garbuzova // Bulletin of State and Municipal Administration. 2014. № 3(14). P. 65–72.

6. *Malyutina T.V.* Professional identity, its structure and components / T.V. Malyutina // Omsk Scientific Bulletin. 2014. № 5. URL : <https://cyberleninka.ru/>

<https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost-ee-struktura-i-komponenty> (дата обращения 20.04.2022).

7. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М. : Междунар. гуманитар. фонд «Знание», 1996. 308 с.

8. Методический инструментарий по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку). URL : <https://mintrud.gov.ru/programms/gossluzhba/16/4/0> (дата обращения 17.04.2022).

9. *Нуриманова Ф.К.* Саморегуляция личности в профессиональной деятельности / Ф.К. Нуриманова, Л.Ш. Хамзина // Вестник науки и образования. 2020. № 2(80). Ч. 1. С. 81–83.

10. *Поваренков Ю.П.* Психологическая характеристика профессиональной идентичности субъекта труда / Ю.П. Поваренков // Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-harakteristika-professionalnoy-identichnosti-subekta-truda/viewer> (дата обращения 20.04.2022).

11. *Почтарёва Е.Ю.* Концептуальные основы психологических исследований феномена самодетерминации / Е.Ю. Почтарёва // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2016. № 4. С. 196–199. URL : <http://eprints.tversu.ru/7131/1.pdf> (дата обращения 17.04.2022).

12. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность : монография. М. : МОСУ, 2001. 272 с.

[article/n/professionalnaya-identichnost-ee-struktura-i-komponenty](https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-identichnost-ee-struktura-i-komponenty) (date of application 20.04.2022).

7. *Markova A.K.* Psychology of professionalism. M. : International. humanitarian Foundation «Knowledge», 1996. 308 p.

8. Methodological tools for the implementation of a system of comprehensive assessment of professional performance of public civil servants (including public assessment). URL : <https://mintrud.gov.ru/programms/gossluzhba/16/4/0> (date of application 17.04. 2022).

9. *Nurimanova F.K.* Self-regulation of personality in professional activity / F.K. Nurimanova, L.S. Khamzina // Bulletin of Science and Education. 2020. № 2 (80). Part 1. P. 81–83.

10. *Povarenkov Yu.P.* Psychological characteristics of the professional identity of the subject of labor / Yu.P. Povarenkov // Bulletin of the N.A. Nekrasov KSU. 2014. Vol. 20. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-harakteristika-professionalnoy-identichnosti-subekta-truda/viewer> (date of application 20.04.2022).

11. *Pochtareva E.Y.* Conceptual foundations of psychological studies of the phenomenon of self-determination / E.Y. Pochtareva // Vestnik TvSU. Series «Pedagogy and Psychology». 2016. № 4. P. 196–199. URL : <http://eprints.tversu.ru/7131/1.pdf> (date of application 17.04.2022).

12. *Schneider L.B.* Professional identity : monograph. M. : MOSU, 2001 272 p.

Тринадцатко Антон Александрович

кандидат социологических наук,
доцент,
кафедра экономики и менеджмента,
Тихоокеанский
государственный университет
anton13-176@rambler.ru

**СОВРЕМЕННОЕ ЦИФРОВОЕ
ПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДА
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ
ИНВАЛИДОВ ПО ЗРЕНИЮ**

Аннотация. Современное цифровое пространство стало для инвалидов по зрению более удобной территорией их социокультурной реабилитации, чем реальная социальная среда. В статье, на основе результатов социологического исследования, анализируется социокультурная активность инвалидов по зрению в цифровом пространстве как результат ограничительных мер, введенных в связи с распространением новой коронавирусной инфекции. Отдельное внимание уделено дистанционному театральному искусству инвалидов по зрению как пространству их социокультурной реабилитации и художественно-созидательному инструменту.

Ключевые слова: инвалиды по зрению, цифровое пространство, социокультурная реабилитация, социальная активность, дистанционное тематическое сообщество, театральное искусство, художественный результат.

Распространение новой коронавирусной инфекции, обусловившее принятие специальных мер, ограничивающих социальную активность граждан, оказало сильнейшее воздействие на трансформацию социокультурного пространства, как отдельных индивидов, так и целых сообществ, в т.ч., и инвалидов. Наиболее существенные изменения наблюдаются в направлении социокультурной реабилитации инвалидов по зрению, традиционно сталкивающихся не только с пространственно-средовыми барьерами, но и негативными социальными аттитюдами, укоренившимися в обществе.

Лица с нарушением зрительной функции занимают в сообществе дискредитированных стигма-групп инвалидов особое место, поскольку именно ограничение функции зрительного анализатора существенно снижает эффективность ряда психических процессов (восприятие, ощущения, представление, отражение и др.) используемых в познании окружающего мира и, обычно, препятствует эффективной интеграции инвалидов по

Anton A. Trinadtsatko

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Department of Economics
and Management,
Pacific State University
anton13-176@rambler.ru

**MODERN DIGITAL SPACE
AS A ENVIRONMENT FOR
SOCIO-CULTURAL REHABILITATION
OF THE DISABLED PEOPLE
WITH VISUAL IMPAIRMENTS**

Annotation. The modern digital space has become a more convenient area for the disabled people with visual impairments for their socio-cultural rehabilitation than the real social environment. The article, based on the results of a sociological study, analyzes the sociocultural activity of the disabled people with visual impairments in the digital space as a result of restrictive measures introduced in connection with the spread of a new coronavirus infection. Special attention is paid to the remote theatrical art of the visually impaired as a space for their socio-cultural rehabilitation and an artistic and creative tool.

Keywords: disabled people with visual impairments, digital space, socio-cultural rehabilitation, social activity, remote thematic community, theatrical art, artistic result.

зрению в те сферы жизни социума, в которые другие представители дискредитированной когорты обычно встраиваются посредством простого устранения либо физических, либо социальных барьеров.

Ранее функцию социокультурной реабилитации инвалидов по зрению традиционно выполняли специализированные библиотеки для слепых, культурно-досуговые центры и дома культуры, созданные в рамках системы ВОС, а также местные организации (МО) ВОС. Основными же технологиями социокультурной реабилитации инвалидов по зрению выступали хоровое и сольное исполнительское мастерство; литературное творчество, включающее, в т.ч., создание и чтение авторских прозаических и лирических произведений; анимационная, в т.ч., театральная-сценическая, деятельность, все более активно интегрируемая в последние годы в систему организаций и учреждений ВОС [1].

Однако ограничения, введенные региональными властями субъектов РФ в связи с новой

коронавирусной инфекцией, свели социокультурную реабилитационную активность указанных учреждений и организаций к минимуму и актуализировали в среде незрячих вопрос реализации процесса социокультурной реабилитации при помощи дистанционных онлайн-технологий, что, фактически, послужило катализатором ускоренного формирования цифрового социокультурного реабилитационного пространства инвалидов по зрению. Быстрое развитие такого пространства также было обусловлено превентивной разработкой и интеграцией в компьютерные операционные системы и современные мобильные устройства специального программного обеспечения (ПО), делающего возможным использование технических средств незрячими и позволяющих инвалидам по зрению использовать современные мобильные устройства и ПК в тех же целях, что и здоровым индивидам. Функциональная доступность технических средств и лимитирование непосредственных социальных интеракций привели к созданию в информационно-цифровом пространстве (мессенджерах, социальных сетях) сообществ инвалидов по зрению, объединенных общими интересами, в т.ч. и потребностью в создании и транслировании художественных продуктов, обладающих художественно-эстетической ценностью.

В сложившихся условиях инвалиды по зрению достаточно быстро раскрыли созидательный социокультурный потенциал адаптированных под их особенности программных продуктов и коммуникационных платформ, в качестве которых выступили наиболее популярные онлайн-мессенджеры и социальные сети. Заложенные в них разработчиками возможности работы со специальными программными продуктами, делающие указанные виртуальные инструменты доступными для инвалидов по зрению, их практическая верификация, выявление незрячими и слабовидящими пользователями и устранение разработчиками слабых мест, предоставили незрячим гражданам валидный инструмент не только обмена информацией, но и создания и размещения собственного культурного контента. Более того, цифровая среда, являясь редуцированным вариантом объективной социальной реальности, оказалась для инвалидов по зрению более доступной, чем денотат. Для раскрытия ее информационно-коммуникационного и культурного квазиреабилитационного потенциала оказалось достаточным наличие у незрячего пользователя навыков работы с современным ПК и/или мобильным устройством и установленным на них специальным или адаптированным ПО, что открыло в нее дорогу инвалидам, имеющим проблемы с социокультурной активностью в реальной жизни.

Существующие в настоящее время социокультурные онлайн-сообщества инвалидов по зрению можно разделить на: тематические группы, созданные на базе реальных локальных сообществ, реализующие в цифровой среде редуцированные функции денотата; тематические межтерриториальные сообщества, объединяющие инвалидов, проживающих в разных регионах, создаваемые на основе общих интересов с целью повышения уровня социокультурной реабилитированности

посредством ознакомления членов сообщества с авторскими художественными продуктами участников и обмена полезной информацией; тематические межтерриториальные сообщества, объединяющие инвалидов, проживающих в разных регионах, созданные на основе общих интересов с целью повышения уровня социокультурной реабилитированности посредством ознакомления членов сообщества с авторскими художественными продуктами участников, обмена полезной информацией, создания и распространения коллективного художественного продукта.

Основными причинами появления цифровых тематических социокультурных сообществ, создаваемых инвалидами по зрению в мессенджерах и социальных сетях, стали:

- развитие и широкое распространение онлайн технологий, адаптированных под особенности инвалидов по зрению;
- сокращение социокультурной реабилитационной деятельности специализированных библиотек для слепых, учреждений культуры и МО ВОС на местах, обусловленное пандемией коронавируса;
- неудовлетворенная потребность незрячих и слабовидящих граждан в быстром поиске и обмене интересной и полезной информацией.

С целью определения влияния современных цифровых технологий на уровень вовлеченности лиц с тяжелыми нарушениями зрительной функции в социокультурную деятельность, было проведено социологическое исследование среди инвалидов по зрению I и II гр., проживающих на территории РФ и стран ближнего зарубежья, состоящих в различных тематических дистанционных социокультурных сообществах. Выборка составила 212 чел. в возрастном диапазоне от 25 до 65 лет. Структура респондентов в разрезе групп инвалидности по зрению представлена 142 (67 %) инвалидами I гр., в т.ч. 44 (21 %) тотально незрячими индивидами, и 70 (33 %) инвалидами II гр.

Наиболее популярными цифровыми платформами у опрошенных инвалидов по зрению являются: WhatsApp – 100 %, Telegram – 61,2 %, Вконтакте – 58 %, Одноклассники – 33 %, Team Talk – 18,9 %. Информанты отмечают, что для незрячего и слабовидящего пользователя наиболее адаптированными являются на мобильных устройствах – приложения WhatsApp и Вконтакте, а на стационарных компьютерах – социальная сеть Вконтакте. Необходимо отметить, что даже изменение условий пользовательского соглашения в приложении WhatsApp не повлияло на уход из него информантов, что обусловлено высоким уровнем его адаптированности под особенности инвалидов по зрению.

Исследование показало, что из 212 респондентов в очном формате социокультурными акторами выступали 34,9 % (74 чел.), в т.ч. очной театрально-сценической деятельностью занимались 4,2 % (9 чел.), хоровым и сольным пением – 15,1 % (32 чел.), в литературных мероприятиях

участвовали 26,9 % (57 чел.). В цифровой среде акторами социокультурной деятельности являются 53,8 % (114 чел.) респондентов, т.е. их численность относительно очной социокультурной активности возросла на 18,8 % (40 чел.).

Основными барьерами, препятствующими очной социокультурной активности инвалидов по зрению, по мнению респондентов являются:

- отсутствие социокультурной реабилитационной активности в МО ВОС, учреждениях культуры, региональных реабилитационных центрах или библиотеках для слепых;
- отсутствие таланта, специальных навыков, необходимых для участия в анимационных или иных аналогичных сценических действиях;
- боязнь критики со стороны других участников, художественного руководителя или зрителей таких действий;
- отсутствие у информантов навыка самостоятельного пространственного ориентирования и перемещения;
- низкий уровень доступности физического окружения в месте проживания информанта;
- отсутствие свободного времени вследствие трудовой занятости информанта.

Основными причинами повышения социокультурной активности информантов в цифровом социальном пространстве стали:

- возможность участия в разных видах творческо-созидательной деятельности и получения соответствующего опыта без посещения очных социокультурных реабилитационных мероприятий;

– возможность участия в творческо-созидательной деятельности тематических межтерриториальных или локальных сообществ независимо от условий времени и места;

– возможность размещения своих произведений в цифровом социокультурном пространстве без очного участия в локальных социокультурных мероприятиях;

– возможность распространения результатов творческой деятельности в цифровой среде, значительно превышающей пределы конкретной локации;

– возможность сохранения инкогнито или наоборот – указания авторства созданного произведения при его цифровой межтерриториальной трансляции.

Все опрошенные состоят в тематических социокультурных сообществах в приложении WhatsApp, в то время как в подобных группах в Telegram состоит лишь 14,6 %, еще 36,8 % используют Telegram как источник получения информации и средство коммуникации. В творческих тематических группах в Team Talk состоит 5,7 % инвалидов. В социальной сети Вконтакте в тематических творческих группах состоит 58 % информантов, в Одноклассниках – 19,3 %.

Среди наиболее известных цифровых тематических социокультурных сообществ инвалидов по зрению в приложении WhatsApp, объединяющих как представителей различных субъектов РФ, так и стран ближнего зарубежья, респондентами были отмечены группы «Театральная студия «Премьера», «Браво! Бис!», «Творческая лаборатория» и «Творческий теннис» (табл. 1).

Таблица 1

Наиболее известные дистанционные международные творческие сообщества инвалидов по зрению, представленные на платформе WhatsApp

Название сообщества	Цифровые платформы	Информированность		Число участников, чел.
		чел.	уд. вес, %	
Театральная студия «Премьера»	WhatsApp Вконтакте	208	98,1	24
Браво! Бис!	WhatsApp	123	58	34
Творческий теннис	WhatsApp	158	74,5	95
Творческая лаборатория	WhatsApp	117	55,2	97

Широкая известность сообщества «Театральная студия «Премьера» в среде инвалидов по зрению обусловлена двумя причинами:

1. Профессиональным подходом участников группы к созданию литературных художественных аудиопродуктов, начиная от сборников тематических произведений, посвященных дням рождения великих писателей, поэтов, знаменательным датам, и заканчивая театральными аудиопостановками.
2. Использованием большого, по сравнению с другими группами, числа каналов рас-

пространения своих продуктов, подписчиками и пользователями которых является множество инвалидов по зрению не только в РФ, но и за рубежом (табл. 2).

Театральная деятельность сообществ инвалидов по зрению в цифровом пространстве представляет собой создание и распространение аудиоспектаклей и аудиопостановок, обладающих характеристиками любой театральной постановки, воспринимаемой инвалидом по зрению в зрительном зале (озвучивание ролей разными участниками группы, звуковое сопровождение, звуковые эффекты), силами членов сообщества [2].

Виды социокультурной деятельности тематических дистанционных сообществ инвалидов по зрению и каналы распространения их художественного результата

Название сообщества	Социокультурная деятельность	Представление результатов
Театральная студия «Премьера»	– театральная; – литературно-поэтическая; – музыкальная; – дистанционно-экскурсионная; – досугово-развлекательная; – информационно-ознакомительная	– интернет-радио «Отрыв»; – интернет-радио «NWDA»; – онлайн-библиотека для слепых AV3715; – сообщество Вконтакте; – WhatsApp
Браво! Бис!	– литературно-поэтическая; – музыкальная	WhatsApp
Творческий теннис	– литературно-поэтическое; – музыкальная; – досугово-развлекательная; – дистанционно-экскурсионная; – информационно-ознакомительная	WhatsApp
Творческая лаборатория	– театральная; – литературно-поэтическая	WhatsApp

Литературно-поэтическая деятельность – запись и размещение в группе участниками сообществ собственных или чужих лирических произведений, как без музыкального, так и с музыкальным сопровождением. Во втором случае к созданию художественного продукта привлекается участник группы – инвалид по зрению, имеющий навыки работы с программами обработки звука.

Музыкальная деятельность аналогична литературно-поэтической, но уже в отношении музыкальных произведений.

Дистанционно-экскурсионная деятельность – это информирование членов сообщества другими участниками об интересных местах, которые конкретный участник посещал ранее или в которых находится в настоящее время. Во втором случае в качестве каналов передачи информации адресатам используются встроенные инструменты цифровых платформ (групповые звонки, аудио- и видеотрансляции).

Досугово-развлекательная деятельность в цифровых сообществах инвалидов по зрению реализуется в форме конкурсов или интеллектуальных викторин, обычно посвященных памятным датам или дням рождения знаменитых людей. Коммуницирование организатора и участников мероприятия осуществляется с помощью текстовых или аудиосообщений.

Информационно-ознакомительная деятельность подразумевает размещение в сообществах информации о проводимых в местах нахождения или проживания участников социокультурных мероприятиях.

Акторами в виртуальных тематических творческих сообществах, согласно проведенного опроса, являются 100 % участников группы «Театральная студия Премьера», 79,4 % (27 чел.) участников группы «Браво! Бис!», 37,9 % (36 чел.) членов группы «Творческий теннис» и 33 % (32 чел.) участников сообщества «Творческая лаборатория». Структура видов творческо-созидательной

деятельности информантов в тематических онлайн-сообществах выглядит следующим образом:

- пишут и размещают собственные лирические произведения – 29,2 %;
- записывают и размещают лирические произведения других авторов – 48,1 %;
- записывают и размещают собственные вокальные произведения – 25 %;
- участвуют в качестве актеров в создании аудиопостановок – 15,6 %;
- являются авторами или редакторами сценариев театральных аудиопостановок – 10 %;
- являются звукорежиссерами театральных аудиопостановок – 4,7 %.

Таким образом, можно констатировать, что перевод в дистанционный формат социокультурных интеракций инвалидов по зрению, обусловленный коронавирусными ограничительными мероприятиями, за счет абстрагирования от внешних пространственно-архитектурных и социальных барьеров, инициировал рост социокультурной активности той части инвалидов по зрению, которая оказалась способна освоить цифровые технологии и интегрироваться в виртуальное социокультурное пространство, созданное и масштабированное активными представителями нозологии незрячих.

Однако необходимо отметить тот факт, что художественно-созидательная функция дистанционных культурно-тематических сообществ инвалидов по зрению возрастает в том случае, если их размер численно ограничивается администратором, а критерием включения в сообщество выступает готовность брать на себя роль актора и участвовать в создании аудиопродуктов (примат данного вида художественного результата обусловлен спецификой указанного инварианта инвалидов), имеющих эстетическо-художественную

ценность. Рост численности участников таких сообществ снижает их культурно-созидательную активность, что обуславливается действием объективных коммуникативных законов.

Также, можно отметить, что очным опытом театрально-сценической деятельности, считаемся, с одной стороны, одним из самых сложных, а с другой – наиболее эффективных инструментов социокультурной реабилитации инвалидов по зрению, оптимальным образом способствующим их раскрепощению, получению, развитию и закреплению коммуникативных навыков, правильных схем социального взаимодействия, получению, проживанию и осмыслению персонализированных социальных ролей, недоступных в реальной жизни в силу действия объективных лимитирующих социальных и пространственно-архитектурных барьеров, обладали 4,2 % (9 чел.) респондентов, в то время как в дистанционном цифровом формате такой опыт был получен еще 11,4 % (24 чел.) инвалидов.

Следует подчеркнуть, что к настоящему моменту в РФ на постоянной основе функционирует не более 20 инклюзивных театров инвалидов по зрению, действующих, преимущественно, при региональных специализированных библиотеках для слепых или региональных культурно-досуговых центрах ООИ ВОС. Общая численность инвалидов по зрению, участвующих в очной театрально-сценической деятельности таких студий, не превышает по всей стране 300 чел. К самым известным территориально локализованным инклюзивным театрам незрячих относятся театры «Надежда», «Ковчег», «Внутреннее зрение», «Комедианты», «Литературный театр», «Талисман» и радиотеатр «Резонанс», участниками которых являются только инвалиды по зрению, проживающие в локациях, где расположены данные театры [3].

Собственно, рост числа инвалидов по зрению, занимающихся в дистанционном формате аудиальной формой театрально-сценического искусства, свидетельствует о востребованности данного вида деятельности как в инструментальном, социально-реабилитационном, так и в культурно-созидательном аспектах. Особенно, данный вид дистанционной социокультурной деятельности актуален для инвалидов, обладающих творческим потенциалом и имеющих потребность в самоактуализации и самовыражении и, одновременно, не занятых, по различным причинам, трудовой деятельностью, неудовлетворенных количеством и качеством социокультурных мероприятий в месте проживания, не имеющих возможности заниматься очной социокультурной деятельностью в силу низкого уровня пространственной ориентации или наличия неустраняемых физических и социальных барьеров.

Из числа самых известных у незрячих и слабовидящих пользователей цифровых тематических социокультурных объединений, только сообщество «Театральная студия «Премьера» реализует художественно-постановочную функцию, заключающуюся в создании профессиональных

аудиопостановок и аудиоспектаклей силами участников сообщества – инвалидов по зрению. Именно в данном онлайн-сообществе наиболее велика численность инвалидов, овладевших навыками звукорежиссуры (25 % или 6 чел. от численности сообщества), из которых 3 чел. являются тотально незрячими инвалидами I гр. и 3 чел. – инвалидами I гр. с остатком зрительной функции. На начало мая 2022 г. силами Театральной студии «Премьера» было создано 65 аудиоспектаклей, поставленных по произведениям как современных авторов, так и классиков и активно распространяемых в среде незрячих не только посредством платформы WhatsApp, но и через страницу сообщества в социальной сети Вконтакте, а также через интернет-радиостанции для слепых «Отрыв» (г. Санкт-Петербург), «NWDA» (г. Ростов-на-Дону) и онлайн-библиотеку для инвалидов по зрению AV3715 [4].

Приведенный ранее перечень причин, обусловивших диффузию тематических социокультурных онлайн-сообществ среди инвалидов по зрению, относительно дистанционных театрально-сценических групп может быть дополнен следующими причинами:

1. Отсутствие или незначительное влияние факторов, определяющих успешное создание и результативное функционирование инклюзивных театров инвалидов по зрению в очном формате. В частности, для функционирования очных инклюзивных театров незрячих требуются: наличие постоянной локализованной репетиционной базы; наличие материальной базы для приобретения и хранения реквизита, декораций, звукового оборудования; привлечение профессионального художественного руководителя, имеющего навыки работы с инвалидами по зрению и знакомого с их психофизиологическими особенностями, а также оплата его услуг; физическое сопровождение незрячих граждан, не обладающих навыками самостоятельного пространственного ориентирования и пр.
2. Отсутствие проблемы привлечения инвалидов по зрению к дистанционной театральной деятельности, что обусловлено пространственной виртуальной свободой, позволяющей участвовать в такой деятельности индивидам, проживающим в разных регионах или даже государствах.

Исследование показало, что цифровые дистанционные театральные сообщества инвалидов по зрению, представителем которых выступает «Театральная студия «Премьера», являясь редуцированной формой аналогичных очных инклюзивных театров, лишены большей части ограничений последних:

– отсутствие проблемы понимания специфики работы с незрячими у здоровых людей, т.к. функционирование таких групп обеспечивается самими инвалидами по зрению;

– отсутствие потребности в профессиональном режиссере и/или ином специалисте, занимающимся непосредственной постановкой сценических действий, подбором костюмов, реквизита и

декораций;

- отсутствие необходимости в наличии материально-технической базы;
- отсутствие необходимости запоминания больших объемов текста актерами, обусловленное возможностью записи ролей в отдельных аудиофайлах;
- отсутствие необходимости в проведении репетиций;
- отсутствие требований к наличию специального театрального и звукорежиссерского образования или навыков театрально-сценической деятельности у участников;
- отсутствие потребности в групповом слаживании актеров, проведении специализированных тренингов и т.п.

При этом функционирование такой дистанционной театральной группы возможно при выполнении ряда условий, в частности:

- наличие у участников технических средств записи аудиоконтента и навыка работы с соответствующим ПО;
- наличие канала и владение участниками инструментами передачи аудиозаписей звукорежиссеру;
- соответствие качества аудиозаписей предъявляемым звукорежиссером требованиям;
- обязательное наличие участника, владеющего навыками сведения и мастеринга звукового материала в целостную аудиокомпозицию (аудиопостановку, аудиоспектакль);
- обязательная предварительная подготовка сценария, заключающаяся в написании тифлокомментариев, нумерации последовательности фрагментов текста, записываемого конкретным актером.

Также, участники дистанционных тематических творческих сообществ инвалидов по зрению выделили ряд аспектов, ограничивающих спектр направлений их социокультурной деятельности, в т.ч. аудиопостановочной:

- низкий уровень навыков работы с ПО, предназначенным для обработки аудиоматериалов, у подавляющего числа членов сообществ;
- систематические трудности с подбором конкретных исполнителей на роли, включая роль тифлокомментатора, вследствие индивидуальных фонетических особенностей участников или нехватки представителей нужного гендера;
- разное качество записываемых аудиофайлов и, зачастую, большое количество шумов, затрудняющие их качественное сведение и мастеринг в целостную композицию;

- необходимость периодической перезаписи аудиофайлов, вызывающая негативную реакцию участников сообществ; необходимость предварительной подготовки и адаптации текстового материала под особенности инвалидов по зрению.

Реабилитационные социокультурные аспекты тематических онлайн-сообществ инвалидов по зрению, согласно результатам опроса, заключаются:

- в более глубокой интеграции в цифровое социокультурное пространство инвалидов по зрению в межтерриториальном формате;
- в расширении спектра возможностей для создания индивидуального или группового аудиального художественного продукта, обладающего художественно-эстетической ценностью, как в контексте искусства инвалидности, так и искусства инвалидов;
- в расширении спектра направлений и инструментов реализации индивидуального и коллективного творческого потенциала инвалидов;
- в появлении возможности получения персонализированного опыта в результате виртуального вариативного воспроизведения образцов и схем поведения сценических персонажей, что обычно недоступно инвалидам по зрению в реальной жизни;
- в наличии возможности получения практического опыта работы редактором, звуковым редактором, режиссером-постановщиком, звукорежиссером;
- в расширении социальных интеракций; приобретении и закреплении навыков работы с современными техническими средствами реабилитации и/или онлайн-технологиями;
- в приобретении навыков работы со специализированным ПО и, соответственно, расширении возможностей получения дополнительных доходов;
- в удовлетворении потребности в самовыражении, признании, повышении собственной социальной значимости; расширении возможностей создания семейных союзов.

Несмотря на более высокий социокультурный реабилитационный потенциал цифровой среды, следует признать его более низкое качество в сравнении с очным денотатом в контексте обеспечения социальной интеграции представителей незрячего инварианта инвалидов в реальную жизнь общества. Можно констатировать, что, с одной стороны, цифровая социокультурная среда позволяет инвалидам по зрению расширить круг социальных контактов, повысить уровень цифровой грамотности, реализовать художественный потенциал в недоступной в реальности культурно-творческой и культурно-созидательной деятельности, выйдя за рамки окружающего физического пространства и, даже, в результате расширения социальных контактов, найти спутника жизни, что особенно актуально для незрячих

индивидов.

С другой стороны, смещение акцента с очной социокультурной активности в акцидентный, виртуально-дистанционный формат, актуализирует проблему добровольной социальной эксклюзии инвалидов по зрению, нивелирует в их глазах необходимость пространственной и профессиональной реабилитации, снижает их потребность в личных интеракциях с ближним социальным окружением как в рамках местного инвалидного субсоциума, так и с представителями здоровой части общества, способствуя сохранению в социуме негативных социальных аттитюдов относительно самостоятельности данного инварианта инвалидов и необходимости повышения в их интересах доступности физического пространства.

Дистанционная театральная деятельность, реализуемая представителями незрячей нозологии, представляя собой редуцированный конструкт очного денотата, не позволяет инвалиду по зрению получить набор социально значимых

Литература:

1. *Кантор В.З.* Художественный потенциал инвалидов по зрению как проблема реабилитационной тифлопедагогики и тифлопсихологии (методологический аспект) / В.З. Кантор // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 100. С. 104–115. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12881145> (дата обращения 27.04.2022).
2. *Литвиненко Ю.С.* Спектакли для незрячих как инновационная форма социально-культурной реабилитации инвалидов по зрению / Ю.С. Литвиненко // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2018. № 2 (16). С. 50–55.
3. Всероссийское общество слепых: Состоялся Всероссийский открытый театральный фестиваль ВОС. URL : https://www.vos.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4608:sostoyalsya-vserossiiskij-otkrytyj-teatralnyj-festival-vos-prostranstvo-ravnykh-vozmozhnostej&catid=373&Itemid=422 (дата обращения 28.04.2022).
4. Онлайн-библиотека Логос. URL : <http://av3715.ru/library> (дата обращения 01.05.2022).
5. *Тринадцатко А.А.* Театрально-сценическое искусство как инструмент повышения социальной активности инвалидов по зрению / А.А. Тринадцатко // Социодинамика. 2021. № 4. С. 1–21.

компетенций, приобретаемый им в очных инклюзивных театрах [5]. Следует признать, что эффективным социальным реабилитационно-адаптационным конструктом является именно очный инклюзивный театр, а дистанционные цифровые аналоги представляют собой инвариант, в котором инвалид по зрению может апробировать свои возможности и принять решение ограничить ли свою деятельность дистанционным форматом денотата или же, если существует такая возможность, масштабировать свою активность в направлении реального театральносценического искусства. Именно в очных инклюзивных театрах лица, стигматизированные как инвалиды, коммуницируя в ходе совместных со здоровыми людьми интеракциях, используя специально разработанные или адаптированные под конкретную нозологию техники физической и психолого-педагогической коррекции, проходят социальную адаптацию, социализацию или ресоциализацию и, в конечном итоге, могут успешно интегрироваться в социум.

Literature:

1. *Kantor V.Z.* The artistic potential of visually impaired people as a problem of rehabilitation typhlopedagogy and typhlopsychology (methodological aspect) / V.Z. Kantor // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. a. Herzen. 2009. № 100. P. 104–115. URL : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12881145> (date of application 04/27/2022).
2. *Litvinenko Yu.S.* Performances for the blind as an innovative form of socio-cultural rehabilitation of the visually impaired / Yu.S. Litvinenko // Scientific notes (Altai State Academy of Culture and Arts). 2018. № 2 (16). P. 50–55.
3. All-Russian Society of the Blind: The All-Russian Open Theater Festival VOS took place. URL : https://www.vos.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4608:sostoyalsya-vserossiiskij-otkrytyj-teatralnyj-festival-vos-prostranstvo-ravnykh-vozmozhnostej&catid=373&Itemid=422 (date of application 04/28/2022).
4. Logos online Library. URL : <http://av3715.ru/library> (date of application 01.05.2022).
5. *Thirnadzadko A.A.* Theatrical and scenic art as a tool for increasing the social activity of visually impaired / A.A. Thirnadzadko // Sociodynamics. 2021. № 4. P. 1–21.

Тужба Эмир Нодариевич
доктор социологических наук,
профессор,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. Рассмотрены этнорелигиозные процессы в северокавказских обществах. Показано, что Ислам выступает с одной стороны источником напряженности, а с другой в качестве одного из факторов, обуславливающих стабильное состояние и обстановку в среде народов проживающих на этих территориях. Представлены аргументы в пользу единых цивилизационных особенностей кавказских этносов, условий их быта, традиций; а также показано, что Кавказ в своей культурно-этнической основе плюралистичен, что выражается в различных уровнях этнической и религиозной самоидентификации.

Ключевые слова: идентичность, менталитет, религиозный экстремизм, андроцентризм, религиозный ренессанс, архаизация.

Российская действительность, в контексте проявления национального и религиозного, оказалась очень насыщенной, особенно в северокавказском регионе. В различной форме здесь просматриваются все современные этносоциальные процессы – религиозное и этнокультурное разнообразие и единство, интеграция и дезинтеграция и т.п. Разговор об Исламе в северокавказском регионе предполагает привязку к определенным территориям и небольшой культурно-исторический экскурс.

Ислам выступает в качестве одной из основных сил, обуславливающих уровень развития социума, его состояние и общую общественную обстановку в среде народов проживающих на этой территории. С одной стороны, он является источником напряженности и даже конфликтов, с другой, стабилизирующим и объединительным началом. Менее всего это проявляется в Адыгее, более в таких территориях, как Ингушетия, Чечня, Дагестан.

Прямую взаимосвязь между социальными и природными параметрами отмечает С.А. Арутюнов. Эти параметры постепенно изменяются по оси с северо-запада на юго-восток – от равнин в направлении гор. Влияние ислама возрастает с увеличением гористости и изрезанности рельефа, вместе с тем, падает уровень общей европеизации и урбанизации, уменьшается доля

Emir N. Tuzhba
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

ETHNO-RELIGIOUS PROCESSES IN THE NORTH CAUCASIAN REGION

Annotation. The article considers ethno-religious processes in the North Caucasian societies. It is shown that Islam, on the one hand, acts as a source of tension, and on the other hand, as one of the factors that determine the stable state and situation among the peoples living in these territories. Arguments are presented in favor of common civilizational features of the Caucasian ethnic groups, their living conditions, traditions; and it is also shown that the Caucasus in its cultural and ethnic basis is pluralistic, which is expressed in different levels of ethnic and religious self-identification.

Keywords: identity, mentality, religious extremism, androcentrism, religious renaissance, archaization.

русских в составе населения (от 70 % в Адыгее, до менее 9 % в Дагестане) [1, с. 22]. В этом же направлении возрастает этническая мозаичность, и как производная от нее этническая напряженность.

Т.И. Афасижев и М.А. Шенкао пишут: «Соотечественники и гости из мусульманских стран приезжая в Адыгею, удивляются тому, как адыги совмещают несовместимые вещи: просим АЛЛАХА о чем-то со стаканом водки или вина в руках. Это похоже на то, что писал Хайям: В одной руке бокал, другая на КОРАНЕ, и так живем мы под сводом голубым Полубезбожники и полумусульмане» [2].

Представить абхаза, обращающегося с просьбой без бокала в руке, не представляется возможным, это, своего рода, нарушение ритуала обращения к Богу. Историческая судьба адыго-абхазских народов сложилась так, что они оказались в сфере идейного влияния разных религий – христианства и ислама. Но последние в сознании и в жизни этих народов далеки от классической завершенности. Существующие ныне «абхазство» и «адыгство», как носители общности менталитетов, доминируют над христианской и мусульманской религиям, и, благодаря этому, в среде этих народов отсутствует конфессиональное противостояние, религиозный экстремизм.

Многовековой опыт взаимодействия различающихся между собой кавказских этносов, породил ментальное образование, которое нашло выражение в понятии «кавказец», что позволило Р.Г. Абдулатипову говорить о существовании «Кавказской цивилизации». Автор, по-видимому, не противопоставляет культуру и цивилизацию, а воспринимает их как эквивалентные понятия, рассматривая цивилизацию как естественный и закономерный результат развития и совершенствования культуры. Цивилизация – это аксиологическое понятие, включающее в себя все многообразие культуры.

С одной стороны, есть аргументы в пользу единых, цивилизационных особенностей кавказских этносов. Схожие природно-ландшафтные условия, виды и способы труда, условия быта, горские обычаи, традиции, нравственные заповеди и запреты. Эти этносы обладают той сложной смесью менталитета и культуры, которая не только характеризует и объединяет их, но и отличает от всех других. С другой стороны, Кавказ по своей культурно-этнической сути плюралистичен. Среди народов Кавказа можно наблюдать различные уровни этнической и религиозной самоидентификации. К примеру, ингуши и чеченцы считают себя разными народами, но признают и подчеркивают свое этническое родство (их языки принадлежат вайнахской, или нахской, языковой группе). Аналогично адыги, абхазы, абазыны, черкесы относятся к одной языковой группе и уделяют большое внимание этническому родству между собой. Народы, говорящие на тюркских и индоевропейских языках, также находят свое место в пределах общей кавказской идентификации.

Г.У. Солдатова пишет: «В этничности народов Кавказа господствуют два айсберга. Первый – остатки неистребимого горского менталитета, формировавшегося многие века, который с Кавказской войны подвергся систематическому разрушению. Второй – советский менталитет, которому горские народы оказались подверженными в разной степени. Успех «русификации», а потом «советизации» зависел от силы сопротивления горской психологии чужеродным внешним воздействиям [3, с. 223].

К.Н. Акудинов, «в истории Северного Кавказа были две «микроглобализации»: Кавказская война, которая породила сильнейший социальный кризис личности представителя северокавказских этносов, и Великая Октябрьская революция, по итогам которой все северо-кавказские народы оказались вписанными в «левую глобализацию» [4].

Следует согласиться с А.С. Панариным, утверждавшим, что советская империя вкладывала огромные средства в национальные окраины, внушала народам «комплекс освобождения» вместо комплекса неполноценности.

От исчезновения оберегались национальные языки, получила развитие национальная литература, взращивалась национальная элита [5, с. 223]. Грандиозность выдвинутой и претворенной в жизнь программы возрождения и подъема

культуры малых этносов в СССР поражает своими масштабами и достижениями, не имеющими аналогов в мире. Кардинальные социалистические преобразования не уничтожили культурные традиции кавказских народов, а способствовали их сохранению. Наряду с общей советской идентичностью, горские народы имели ярко выраженную этническую идентичность.

После распада СССР социокультурные процессы на Северном Кавказе выглядели попыткой ворот в мир традиционной культуры. В условиях дезинтеграции стала проявляться регенерация комплекса архаических явлений, представлений и норм поведения.

Регенерация традиционных этнических форм жизни народов коснулась, в значительной мере, социальной сферы и стала идеологией многих северокавказских республик на государственном уровне... Возрождение национальных чувств рассматривалось как общая цель всего сообщества, достижение которой предполагало единство и согласие народа [6].

Р.А. Ханаху пишет: «Этничность оказалась единственной идеологической и культурно-духовной основой существования этнических групп... Организации и упорядочиванию реальности способствовала архаизация, наблюдавшаяся в различных сферах жизни общества. Особенно заметно ее благотворное воздействие в семейной и бытовой сфере. Архаизация отразилась и на функционировании различного рода организаций и структур, социальных связей и отношений» [6, с. 113].

Народ психологически не переносит идеологическую пустоту и на уровне «коллективного бессознательного» нуждается в объединительной идее. Как только советские ценности стали отходить, на авансцену общественной жизни вышли традиционные. В постсоветский период ориентация северокавказских этносов в сторону архаики была очевидна. Общественное сознание в период нестабильности обратилось к своим традиционным, этническим формам сосуществования. Именно в такие моменты и происходит идеализация национального, мифологизация и героизация прошлого. В этих условиях массовое сознание обратилось к традиционным ценностям, которые никуда не исчезали, а существовали как бы параллельно с советскими ценностями. Коммунистические, позднее либерально-демократические ценности образуют лишь поверхностный слой над традиционной морально-этической системой рассматриваемых народов. Северокавказские народы помимо всего этого испытали в разной степени и исламский религиозный ренессанс. Образовавшийся с распадом СССР идеологический вакуум стал заполняться религиозной идеологией.

В конце 1980-х, начале 1990-х годов начался приток религиозной информации, появились миссионеры из исламских стран. Много молодых людей обучалось в религиозных учебных заведениях стран Востока, преимущественно в Турции, Пакистане, Саудовской Аравии. Все эти страны

исповедуют ислам, существуют различные школы, каждая из которых распространена в определенной стране. Некоторые чуждые северокавказским народам идеи получили распространение. Ответы просты и понятны, а существование миф о великом историческом прошлом, только усилило влияние ислама разного толка. В этом состоит основная причина возникновения новых взглядов и распространения экстремистского фундаментализма. Само по себе явление фундаментализма не несет серьезной проблемы, но когда оно обрывается экстремизмом, то ситуация становится опасной.

В полиэтничных южных регионах религиозная и национальная проблематика всегда будет занимать видное положение, особенно в свете современных трансформаций, связанных с многократно ускорившимися процессами глобализации.

Большинство кавказских культур относятся к числу трудно модернизируемых, их характеризует стремление к сохранению привычного жизненного уклада. Активное возрождение на Кавказе традиционных социальных институтов свидетельствует о тяготении этих культур к прошлому. Например, к такому социальному институту как «кровная месть» в конфликтных зонах на Кавказе апеллировали целые народы для оправдания агрессивного поведения ответного характера.

Так как молодежь будет в ближайшем будущем определять развитие этих обществ, исследование её религиозных ценностей актуально. Как пишет Имагожева Д.И.: «Усилению религиозности в молодежной среде привело несоответствие религиозных интересов различных поколений, что вылилось в различные формы проявления девиантного поведения молодежи вплоть до фанатизма.... Ингушская молодежь в большей степени идентифицируют себя в терминах семейно-поколенческих связей.... В многоуровневой идентичности ингушей важнейшее место занимают этническая и религиозная идентичности, которые у 50 % опрошенных как бы предполагают друг друга. Менее всего выражена Российская идентичность[7].»

Литература:

1. Арутюнов С.А. Народы и культура: развитие и взаимодействие. М. : Наука, 1989. 250 с.
2. Афасижеф Т.И. Социокультурные императивы адыго-абхазского и абазинского застольного этикета / Т.И. Афасижеф, М.А. Шенкао // Вестник адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение. 2011. № 3. С. 166–174.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл. 1998. 386 с.
4. Философия, социология, культурология: сборник научных трудов Отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института

Автор заключает, что социокультурная и политическая ситуация в рассматриваемом обществе, осложненная ростом радикально-экстремистских настроений и идей, требует совместной и системной работы руководства, духовенства, общества по организации постоянного культурного и профессионального диалога молодежи и старшего поколения; а также формирования у молодого поколения общегражданской и российской идентичности [7].

Итак, среди комплекса вызовов и проблем, сопровождающих развитие современного общества, видное место занимает проблема глобального распространения религиозной массовой культуры различного толка. Ее главным носителем и реципиентом, в первую очередь, становится молодежь, находящаяся в периоде становления, формирования ценностных ориентиров.

Распространяющиеся поведенческие штампы, совершенно чуждые национальной психологии кавказских обществ, превратились в олицетворение счастливой жизни, под их влиянием происходит формирование идеалов и внутреннего мира молодежи. Новые герои заменяют собой старших родственников и родителей – носителей традиций, которые кажутся безнадежно отсталыми и устаревшими. Если раньше молодежь была очень похожа на представителей старших поколений, то сегодня подростки обществ, стоящих на передовой глобализационных процессов, гораздо больше похожи друг на друга, чем на своих отцов и дедов.

Традиционные механизмы формирования уклада и морали (от родителей к детям) не перестали действовать. Процесс передачи и восприятия опыта существует и во многом личность ребенка по-прежнему формируется в детстве под влиянием семьи, школы и других социальных институтов. Но если раньше человек, единожды усвоив стандартный набор «истин» жил с ними всю свою сознательную жизнь – они были достаточными в силу малой изменчивости мира, то теперь подобная ситуация невозможна. Формирование картины мира происходит не единожды в детстве, а на протяжении всей жизни. Мир меняется слишком быстро, требуя постоянной адаптации к новым условиям.

Literature:

1. Arutyunov S.A. Peoples and culture: development and interaction. M. : Nauka, 1989. 250 p.
2. Afasizhef T.I. Sociocultural imperatives of the Adyghe-Abkhazian and Abaza table etiquette / T.I. Afasizhef, M.A. Shenkao // Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional Studies. 2011. № 3. P. 166–174.
3. Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension. M. : Meaning. 1998. 386 p.
4. Philosophy, sociology, cultural studies: a collection of scientific papers of the Department of Philosophy and Sociology of the Adyghe Republican

гуманитарных исследований. Майкоп, 2006. № 5. С. 168.

5. *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М. : Алгоритм. 2003. 560 с.

6. *Бабич И.Л.* Взаимодействие адыгских традиций и этнополитических изменений на Северном Кавказе / И.Л. Бабич // *Философия и социология в Республике Адыгея*: инф. сб. Майкоп. 1995. № 2. С. 3–32.

7. *Имагожева Д.И.* Религиозные ценности современной ингушской молодежи: социологический анализ : автореф. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2013.

Institute for Humanitarian Research. Maikop, 2006. № 5. P. 168.

5. *Panarin A.S.* Strategic instability in the XXI century. M. : Algorithm. 2003. 560 p.

6. *Babich I.L.* Interaction of Adyghe traditions and ethnopolitical changes in the North Caucasus / I.L. Babich // *Philosophy and sociology in the Republic of Adyghea*: inf. Sat. Maykop. 1995. № 2. P. 3–32.

7. *Imagozheva D.I.* Religious values of modern Ingush youth: a sociological analysis : abstract ... candidate of social sciences. Maykop, 2013.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
barahevaev@bk.ru

Пьянкова Анна Алексеевна

студентка 3 курса,
Российский государственный
университет правосудия
paa_22022001@mail.ru

Степаненко Алексей Сергеевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТРУДА НАДОМНИКОВ

Аннотация. Одними из основных целей трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда. Данная статья посвящена исследованию правового регулирования труда надомников. Авторы уделили особое внимание единству и дифференциации правового регулирования труда, позволяющему учесть особенности труда граждан, заключающих различные виды трудовых договоров. В результате анализа действующего законодательства в сфере регулирования труда надомников, была выявлена проблема, касающаяся расторжения трудового договора, и предложен путь ее решения.

Ключевые слова: надомный труд, надомники, расторжение трудового договора, трудовой договор.

Одними из основных целей трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда.

В настоящее время существует огромное разнообразие профессий. На сегодняшний день Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих имеет 72 выпуска по различным направлениям [1]. Каждая профессия уникальна и отличается выполнением определенных трудовых обязанностей, в определенных

Eleva V. Barasheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of State and Legal Disciplines,
Russian State
University of Justice
barahevaev@bk.ru

Anna A. Pyankova

3rd year Student,
Russian State University of Justice
paa_22022001@mail.ru

Alexey S. Stepanenko

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-Economic Disciplines,
Russian State
University of Justice
mail@esbrsuj.ru

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF THE WORK OF HOMEWORKERS

Annotation. One of the main objectives of labour legislation is to establish State guarantees of the labour rights and freedoms of citizens and to create favourable working conditions. This article is devoted to the study of the legal regulation of the work of homeworkers. The authors paid special attention to the unity and differentiation of the legal regulation of labor, which makes it possible to take into account the peculiarities of the work of citizens entering into various types of labor contracts. After analyzing the legislation in the field of regulating the work of homeworkers, a problem was identified regarding the termination of an employment contract, and a way to solve it was proposed.

Keywords: home work, homeworkers, termination of an employment contract, employment contract.

условиях, а также теми профессиональными качествами, которыми должен обладать тот или иной работник. В связи с этим Трудовой кодекс Российской Федерации содержит раздел XII «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников».

В науке трудового права всегда важное место отводилось единству и дифференциации правового регулирования труда, позволяющему учесть особенности труда граждан, заключающих различные виды трудовых договоров. Нельзя не

обратить внимание на особую актуальность исследований труда людей, работающих на дому, поскольку в последнее десятилетие этот вид трудовых отношений стал очень востребованным.

Для выполняющих трудовую функцию на дому лиц дифференцированный подход в особенности значим, так как именно он позволяет учесть индивидуальную организацию труда данных работников, их особое правовое положение среди других категорий, позволяет предусмотреть дополнительные льготы и гарантии. Так, впервые надомный труд получил свое закрепление в КЗоТ РСФСР 1922 г., где использовался термин «квартирники». Согласно постановлению СНК РСФСР от 02 июля 1923 г. «Об изъятиях по распространению Кодекса законов о труде на квартирников», квартирниками считались лица, выполняющие у себя на дому работу по найму, исключительно личным трудом и из материалов работодателя [2]. На указанных лиц не распространялись, в частности, правила о нормах выработки, времени начала и окончания рабочего дня и т.д.

Согласно ст. 310 ТК РФ, надомниками считаются лица, заключившие трудовой договор о выполнении работы на дому из материалов и с использованием инструментов и механизмов, выделяемых работодателем либо приобретаемых надомником за свой счет [3]. При этом применение информационно-телекоммуникационных технологий неотъемлемым условием не является, важен лишь конечный продукт. Надомники, как правило, выполняют производственную деятельность, которая может включать сборку, пошив, изготовление изделий, конструкций и т.п.

В ТК РФ законодатель выделил в отдельную главу правовые нормы, регулирующие особенности труда надомников. Это позволило при правовом регулировании наряду с общими нормами, которые действуют в отношении всех субъектов трудовых отношений, внести свои особенности, подчеркивая специфику данных правоотношений. Трудовой договор с надомниками – прообраз нетипичных трудовых договоров. Согласно такому договору, работы выполняется не под ежедневным контролем работодателя, сам работник определяет время её выполнения, свой режим труда, отсутствует нормирование и учёт рабочего времени со стороны работодателя.

Мы обратили внимание на отдельные неточности в формулировании норм трудового права в ст. 312 ТК РФ, согласно которой: «Расторжение трудового договора с надомниками производится по основаниям, предусмотренным трудовым договором». Данная норма оформлена с нарушением юридической техники. Исходя из положений вышеупомянутой статьи, основания для расторжения трудового договора предусмотрены только самим трудовым договором. Большинство специалистов сходится во мнении, что данная норма представляет собой, как раз, дополнительное правило и, в связи с этим, не исключает применение общих правил. Поэтому предусмотренные законом основания прекращения трудового договора могут применяться в отношении

надомников, даже, если они не оговорены в трудовом договоре.

Суды идут по пути признания оснований для расторжения договора с надомниками, предусмотренных в самом договоре, дополнительными. Так, судебная коллегия по гражданским делам Курского областного суда в связи с отсутствием оснований расторжения договора с надомником, в самом договоре обратилась к общему основанию для увольнения [4].

Включение в трудовой договор специальных оснований для его прекращения необходимо, поскольку не все общие основания увольнения работника могут быть применены к надомнику. Например, по причине невозможности фиксации нахождения работника на рабочем месте при работе на дому не представляется возможным увольнение надомника за прогул, проблематично увольнение его и за появление в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения. При этом включение дополнительных оснований для увольнения работника не исключает возможного ограничения его прав, поскольку работодатель не всегда чётко, конкретно, лаконично, в соответствии с принципами трудового права, может сформулировать основания для увольнения работника. Увольнение работников работодателем следует рассматривать как возможное ограничение его трудовых прав, а в силу конституционного правила, ограничение прав возможно только на уровне федерального закона. Ввиду этого, законодателю следует конкретно определить основания для увольнения лица, заключившего трудовой договор о выполнении работы на дому.

Стоит отметить, что новые нормы, регулирующие нетипичные трудовые отношения, должны обеспечивать надлежащую безопасность (юридические гарантии трудовых прав) и гибкость (дифференциацию и индивидуализацию в правовом регулировании трудовых отношений) и, тем самым, обеспечивать каждому гражданину право на достойный труд. По нашему мнению, установление дополнительных оснований для расторжения договора по инициативе работодателя решит ряд проблем, связанных с недобросовестными работниками, но это также не исключает возможной дискриминации надомника. Законодателю следует конкретно перечислить дополнительные основания для увольнения с надомником.

Проанализировав основания расторжения трудового договора с дистанционными работниками, предусмотренными в ст. 312.8 ТК РФ, а именно: По инициативе работодателя в случае, если в период выполнения трудовой функции работник без уважительной причины не взаимодействует с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более двух рабочих дней подряд со дня поступления запроса работодателя; также, в случае изменения работником местности выполнения трудовой функции, если это влечет невозможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору на прежних условиях, мы предлагаем изменить редакцию ст.312 ТК РФ. В ней следует

предусмотреть, что помимо иных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом, трудовой договор с надомниками может быть расторгнут по инициативе работодателя в случае, если в период выполнения трудовой функции надомник без уважительной причины не взаимодействует с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более семи рабочих дней подряд со дня поступления соответствующего запроса работодателя.

Мы предлагаем такой срок: семь рабочих дней, исходя из специфики самих правоотношений. Дистанционный труд предполагает взаимодействие между работодателем и работником с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе, сети «Интернет» и сетей связи общего пользования, но надомный труд не предполагает такого взаимодействия. Поэтому

Литература:

1. Справочная информация: «Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих». Материал подготовлен специалистами «КонсультантПлюс» // СПС «КонсультантПлюс».
2. СУ РСФСР. 1923. № 63. Ст. 611.
3. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение Курского областного суда от 14.05.2013 № 33-917/2013. URL : <https://base.garant.ru/110073295> (дата обращения 10.09.2020).

данный срок – более двух рабочих дней подряд, будет увеличен до семи рабочих дней подряд, отсюда, со дня поступления соответствующего запроса работодателя надомник должен в течение семи рабочих дней связаться с работодателем.

Также, следует включить положение о том, что трудовой договор с надомником может быть прекращен в случае изменения работником местности выполнения трудовой функции, если это влечет невозможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору на прежних условиях.

Данные изменения обеспечат надлежащую безопасность и гибкость трудовых правоотношений между работодателем и надомником, исключат возможную дискриминацию работника.

Literature:

1. Reference information: «Unified Tariff and Qualification Directory of Works and Professions of Workers». Material prepared by ConsultantPlus specialists // SPS «ConsultantPlus».
2. SU RSFSR. 1923. № 63. Art. 611.
3. «Labor Code of the Russian Federation» dated December 30, 2001 № 197-FZ (as amended on November 22, 2021) (as amended and supplemented, effective from November 30, 2021) // SPS «ConsultantPlus».
4. Ruling of the Kursk Regional Court dated May 14, 2013 № 33-917/2013. URL : <https://base.garant.ru/110073295> (date of application 10.09.2020).

Бешукова Зарема Муратовна

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Адыгейский государственный университет
Zarema_b2008@mail.ru

Шадже Азамат Мухамчериевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права и политологии,
Адыгейский государственный университет
Shadzhe@inbox.ru

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ
О ЗАПРЕЩЕНИИ БИОЛОГИЧЕСКОГО
ОРУЖИЯ И БОРЬБЕ
С БИОЛОГИЧЕСКИМ ТЕРРОРИЗМОМ**

Аннотация. Одной из самых актуальных проблем на современном этапе развития человечества является обеспечение биологической безопасности. Биологическая безопасность любого государства связана с выработкой эффективных мер, направленных на предупреждение и пресечение попыток совершения актов биологического терроризма, а также разработкой средств защиты от биологического оружия. Центральное место в решении данных вопросов занимает международное сотрудничество в области обеспечения биологической безопасности. Сделан вывод о том, что с учетом стремительного прогресса в областях науки и техники, имеющих потенциал двойного назначения, действующие международно-правовые нормы о запрещении биологического оружия и борьбе с биологическим терроризмом нельзя признать удовлетворительными и соответствующими сегодняшним реалиям. В связи с этим, разработка мер по укреплению Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении – задача, имеющая жизненно важное значение для всего мира.

Ключевые слова: биологическая война, биологическая безопасность, биологический терроризм, биологическое оружие, Женевский протокол, Конвенция о запрещении биологического оружия, патогены.

Вспышка новой коронавирусной инфекции в конце 2019 г. наглядно продемонстрировала

Zarema M. Beshukova

Doctor of Law,
Associate professor,
Professor of the Department
Criminal Law and Criminology,
Adygea State University
Zarema_b2008@mail.ru

Azamat M. Shadzhe

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department
of Theory and History States
and Law and Political Science,
Adygea State University
Shadzhe@inbox.ru

**THE HISTORY OF THE FORMATION
OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS
ON THE PROHIBITION OF BIOLOGICAL
WEAPONS AND THE FIGHT AGAINST
BIOLOGICAL TERRORISM**

Annotation. One of the most actual problems at the present stage of human development is to ensure biological safety. The biological safety of any state is associated with the development of effective measures aimed at preventing and suppressing attempts to commit acts of biological terrorism, as well as the development of means of protection against biological weapons. The central place in the solution of these issues is occupied by international cooperation in the field of ensuring biological safety. It is concluded that, given the rapid progress in the fields of science and technology with dual-use potential, the existing international legal norms on the prohibition of biological weapons and the fight against biological terrorism cannot be considered satisfactory and relevant to today's realities. In this regard, the development of measures to strengthen the Convention on the Prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on their Destruction is a task of vital importance for the whole world.

Keywords: biological warfare, biological security, biological terrorism, biological weapons, Geneva Protocol, Biological Weapons Convention, pathogens.

уязвимость современного общества перед биологическими угрозами. Неудивительно, что на фоне

имеющихся в последние годы негативных мировых тенденций и неблагоприятных прогнозов, в фокусе повышенного внимания законодателей многих государств оказалось *государственное регулирование в области обеспечения биологической безопасности*. Не стала исключением и *Российская Федерация*. В декабре 2020 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон «О биологической безопасности в Российской Федерации» (далее – Закон № 492-ФЗ). Его принятие было обусловлено нарастанием различного рода угроз биологической безопасности, противостояние которым требовало создания и функционирования эффективной системы обеспечения биологической безопасности. Последнее, в свою очередь, возможно только при законодательном закреплении единых межотраслевых подходов в обозначенной сфере.

В названном выше документе было определено содержание деятельности по обеспечению биологической безопасности путем введения понятийно-категориального аппарата, ранее не имевшегося в законодательстве РФ, что в свою очередь (правда, в определенной степени), восполнило существующий правовой пробел. Всего в ст. 1 Закона № 492-ФЗ получили определение 20 понятий, отнесенных законодателем к числу основных. Легальное определение среди прочего получило такое понятие как «биологическая угроза», которое, согласно п. 5 ч. 1 ст. 1, является синонимичным понятию «биологическая опасность». Необходимо отметить, что из всех понятий, содержание которых раскрывается в ст. 1 Закона № 492-ФЗ, только объем этого единственного понятия находит дальнейшее отражение в данном документе, а именно: в ст. 8 приводится перечень основных биологических угроз (опасностей). Особо следует отметить, что в этот перечень дважды в качестве биологической угрозы (опасности) включено осуществление террористических актов. В первом случае указывается осуществление террористических актов на объектах, где находятся источники биологической угрозы (опасности) и (или) проводятся работы с использованием патогенов (п. 8 ст. 8); во втором – осуществление таких актов с использованием патогенов (п. 11 ст. 8). В тесной, практически неразрывной, логической связи с последним из указанных случаев находится применение биологических технологий и иных смежных технологий для разработки, производства и использования патогенов в качестве биологического оружия, что также находит отражение в п. 11 ст. 8 Закона № 492-ФЗ.

По оценкам некоторых отечественных и зарубежных экспертов, «риск атаки при помощи биологического оружия маловероятен» [1]. Однако необходимо отметить, что ряд официальных лиц уже неоднократно выразил озабоченность по данному вопросу. Так, по словам Генерального секретаря ООН: «Биотерроризм является одной из восьми угроз международной стабильности на фоне пандемии. Вероятность биотеррористической атаки может возрасти» [1]. Здесь сразу необходимо отметить, что, несмотря на то, что понятие «биотерроризм» достаточно часто употребляется в заявлениях представителей ряда

международных организаций, нами не было установлено ни одного документа международно-правового характера, в котором он нашел бы определение.

В Российской Федерации понятие «биотерроризм» («биологический терроризм») также не получило законодательное определение, однако, оно используется в документах стратегического планирования. Различные варианты дефиниции данного термина имеются в юридической литературе, однако, их анализ, выявление определенных достоинств и недостатков, также как и выработка авторского определения, выходит за границы настоящего исследования. Тем не менее, мы считаем важным пояснить, что в данной работе, с учетом названных выше положений Закона № 492-ФЗ, под биологическим терроризмом мы понимаем осуществление террористических актов на объектах, где находятся источники биологической угрозы (опасности) и (или) проводятся работы с использованием патогенов и (или) осуществление таких актов с использованием патогенов. Понятие «патогены» в данном случае имеет тоже значение, что и в п. 7 ч. 1 ст. 1 Закона № 492-ФЗ, а именно: «Микроорганизмы, вирусы, белковоподобные инфекционные частицы (прионы), яды биологического происхождения (токсины) и иные биологические агенты, в том числе, созданные в результате генетических манипуляций, применения технологий синтетической биологии и другой направленной деятельности, способные вызывать патологический процесс в организме человека, животного или в растениях, а также, биологические материалы, в которых могут содержаться перечисленные патогены» [2].

В Российской Федерации вопросам противодействия экстремизму и терроризму всегда уделяется пристальное внимание. В базовом документе стратегического планирования, определяющем национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, – Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400, – отмечается, что «достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на предупреждение и пресечение попыток совершения актов ядерного, химического и биологического терроризма» [3] (курсив – авт.).

В XXI в. прогресс в области биотехнологий во многом упростил процесс разработки и производства биологического оружия. Тем не менее, биотерроризм не является порождением современного мира, равно как и биологическое оружие и в былые времена не относилось к области научной фантастики. Сказанное выше подтверждается примерами из мировой истории. Так, в рукописи генуэзского нотариуса Габриэля де Мюсси, ставшего очевидцем осады в 1346 г. Каффы – главного морского порта, в котором становились на якорь большие генуэзские торговые суда, содержится сведения о том, что в атакующих монгольских войсках началась чума. Хан Джанибек приказал забрасывать трупы умерших от болезни в

Каффу, что спровоцировало эпидемию чумы. Отдельные исследователи подвергли сомнению содержащиеся в рукописи сведения [4]. Другие же считают описание атаки с применением биологического оружия в Каффе правдоподобным и в полной мере соответствующим технологиям того времени. Этот пример биологической атаки не имел какого-либо важного стратегического значения, поскольку крепость оставалась в руках итальянцев, а монголы отказались от осады. Однако, несмотря на это, он является показательным с точки зрения полученного результата в виде понесенных противником человеческих потерь. Следует отметить, что данное событие рассматривается многими исследователями как один из первых актов использования патогенов в качестве биологического оружия в истории человечества [5].

Можно привести и другие примеры использования патогенов в качестве биологического оружия, в том числе имеющие место быть и в более ранние периоды развития человечества, но также, относящиеся к числу спорных. Например, в 400 г. до н.э. патогены в составе системы вооружения применялись скифскими лучниками: они заражали стрелы, согласно сведениям из различных источников, путем обмакивания их наконечников в разлагающиеся трупы животных либо змеиным ядом. Впервые упоминание об отравленных стрелах делается в сочинении «О чудесных слухах», принадлежащем перу одного из учеников Аристотеля. Имеются подобные сведения и в схолиях к труду Никандра «Противоядия», в сочинениях Лукиана Самосатского, а также – в воспоминаниях Овидия Назона [6].

Другой пример, который датируется примерно 190 г. до н.э., – морской бой Ганнибала с Эвменом. Ганнибал одержал морскую победу над царем Эвменом II, стреляя глиняными горшками, полными ядовитых змей, в одно-единственное судно – корабль царя Эвмена, ограничившись в отношении остальных обороной [7, с. 98].

Однако даже, если оставить за скобками события, не нашедшие достаточного документального подтверждения, в истории имеется немало доказанных примеров использования биологического оружия. Первым конкретным историческим фактом применения биологического оружия на войне считается 1763 г., когда командующий британскими войсками в Северной Америке Джеффри Амхерст предложил распространить оспу среди коренного индейского населения. С этой целью один из подчиненных Амхерсту офицеров передал во время переговоров индейцам одеяла, зараженные возбудителем оспы из карантинных бараков. Результатом проведенной акции стала вспышка эпидемии оспы среди индейцев.

Серьезные открытия в конце XIX в., сделанные Луи Пастером, Робертом Кохом и их учениками, обусловили появление самостоятельной биологической науки – микробиологии. Отметим, что Пастер назвал новую науку «микробией», современное же наименование она получила, благодаря его соратнику Пьеру Эмилю Дюкло.

Микробиология начала стремительно развиваться: открытия следовали буквально одно за другим.

Спустя несколько десятилетий, полученные научные знания начали использоваться с целью создания оружия, способного отравлять людей и животных, а также – распространять болезни. В работах отечественных и зарубежных исследователей содержатся сведения, что во время Первой мировой войны Германия имела намерения по ведению биологической войны, а именно использовала malle (возбудитель сапа), wheat fungus (лат. *Claviceps*) (спорынья), *rusicinia graminis* (стеблевая ржавчина) для заражения кормов, предназначенных для животных [8, с. 379–402; 9, с. 370; 10, с. 58–63].

Следует отметить, что опасность химического оружия была осознана широкой общественностью и мировым сообществом раньше, чем биологического, несмотря на более древнюю историю последнего. Так, в феврале 1918 г. Международный комитет Красного Креста (МККК) выразил озабоченность и страх перед угрозой химического оружия. Причиной, побудившей МККК, выступить с призывом ко всем воюющим странам отказаться от подобного оружия, стало применение во время Первой мировой войны его различных видов. В своем обращении МККК охарактеризовал химическое оружие как «варварское изобретение», которое «можно назвать лишь преступным». Спустя 7 лет после обращения МККК, появляется первое международное соглашение о запрещении использования химического и бактериологического оружия во время войны – Женевский протокол, подписанный 17 июня 1925 г. Официальное наименование данного документа – Протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств.

Необходимо отметить, что во время разработки названного документа вопрос о запрете бактериологического оружия на повестке не стоял. В специальной литературе высказано предположение, что именно вышеописанные действия Германии во время Первой мировой войны побудили представителя Польши выступить на Женевской конференции, проходившей в мае 1925 г., с предложением о включении в разрабатываемый документ запрета на применение бактериологического оружия [11, с. 5].

Как мы видим, в итоге, предложение представителя Польши международным сообществом было принято, и запрет на бактериологическое оружие в Женевском протоколе нашел отражение, правда без конкретизации предмета запрета. В последнем случае речь идет о том, что в названном документе не содержалось никаких разъяснений, что следует относить к бактериологическим средствам ведения войны. Кроме того, в данном документе был установлен запрет лишь на *применение* как химического, так и бактериологического оружия, а также, не был предусмотрен контроль за исполнением этого запрета государствами. Иными словами, предполагалось, что

государства должны добровольно соблюдать соглашение. Более того, Протокол не запрещал разрабатывать, производить, хранить или транспортировать бактериологические средства. Это, по сути, означало, что государства сразу после ратификации Протокола могли даже приступить к разработке соответствующего оружия. Впрочем, некоторые государства именно так и поступили. И только лишь спустя 47 лет после подписания Женевского протокола, впервые на международном уровне был установлен запрет на разработку, производство, накопление, приобретение и хранение микробиологических или других биологических агентов или токсинов. Документом, устанавливающим такой запрет, стала Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (далее – КБТО; Конвенция), открытая для подписания 10 апреля 1972 г.

Помимо названного запрета, КБТО устанавливает обязанность каждого государства-участника уничтожить или переключить на мирные цели все микробиологические или другие биологические агенты или токсины, а также оружие, оборудование или средства доставки, предназначенные для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах. КБТО предписывает каждому государству-участнику исполнить эту обязанность в кратчайшие сроки, но не позднее девяти месяцев после вступления Конвенции в силу.

Важно отметить, что КБТО не содержит прямого указания на запрет применения биологического оружия, однако, подтверждает Женевский протокол, которым такой запрет установлен. Тем не менее, отсутствие прямого запрета на применение биологического оружия является существенным недостатком КБТО, поскольку ее участниками являются государства, *не присоединившиеся* к Женевскому протоколу. Это легко подтверждается следующими цифрами: по состоянию на январь 2022 г. участниками КБТО являются 183 государства, а участниками Женевского протокола всего 146 государств. Разница составляет 37 государств. Сопоставив список государств-участников Женевского протокола со списком участников-государств КБТО, мы получили уточненные

Литература:

1. Скрытая угроза: террористы могут переключиться на биологическое оружие // Известия: [сайт]. URL : <https://iz.ru/1015454/kseniia-loginova/skrytaia-ugroza-terroristy-mogut-perekliuchitsia-na-biologicheskoe-oruzhie> (дата обращения 27.04.2022).
2. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства

результаты. Итого, по нашим данным, 44 государства, являющиеся участниками КБТО, не являются участниками Женевского протокола.

26 марта 1975 г. КБТО вступила в силу. Обзорные конференции для рассмотрения действия Конвенции, первая из которых в соответствии со ст. 12 должна быть созвана не позднее 5 лет со дня вступления ее в силу, проводились в 1980, 1986, 1991, 1996, 2001, 2006, 2011, 2016 гг.

КБТО, как и Женевский протокол, не содержит конкретных инструментов и (или) механизмов контроля и проверки за ее соблюдением. Вместе с тем, в ст. 11 Конвенции предусмотрена возможность внесения поправок в ее текст. Однако все усилия, направленные на это, оказывались тщетными. Кроме того, в июле 2001 г. попытка Специальной группы экспертов, созданной Комитетом ООН по разоружению, укрепить КБТО путем разработки юридически обязывающего документа – Протокола, была заблокирована США [11, с. 5]. С тех пор прошло более 20 лет. В период с 2001 г. по 2015 г. в рамках КБТО не проводились работы по ее укреплению. Специалисты отмечают, что «вместо этого шла бесперспективная полемика между Движением неприсоединения (прежде всего, Ираном, Кубой и Венесуэлой), с одной стороны, и западной группой государств (США, Великобританией и «мобилизованными» ad hoc западными / прозападными делегациями) – с другой» [12]. Все предложения России, направленные на укрепление КБТО, которые многие участники, характеризовали как конструктивные и полезные идеи, не были поддержаны США и Великобританией.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что стремительное развитие науки и техники в областях, имеющих отношение к КБТО, диктует свои условия. В связи с этим, единственно верным выводом нам представляется, что имеющиеся международно-правовые нормы о запрещении биологического оружия и борьбе с биологическим терроризмом нельзя признать удовлетворительными и соответствующими сегодняшним реалиям. Необходимость в разработке мер по укреплению КБТО не просто остро назрела, а стала жизненно важной.

Literature:

1. Hidden threat: terrorists can switch to biological weapons // Izvestia: [website]. URL : <https://iz.ru/1015454/kseniia-loginova/skrytaia-ugroza-terroristy-mogut-perekliuchitsia-na-biologicheskoe-oruzhie> (date of application 04/27/2022).
2. Federal Law of December 30, 2020 № 492-FZ «On Biological Safety in the Russian Federation» // RLS «ConsultantPlus».
3. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of

ва Российской Федерации. 2021. № 27. Ч. II. Ст. 5351.

4. Moshe Grinberg. Janibeg's Last Siege of Caffa (1346–1347) and the Black Death: The Evidence and Chronology Revisited // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1. № 2. С. 19–32.

5. *Wheelis M.* Biological warfare at the 1346 siege of Caffa. *Emerg Infect Dis.* 2002 Sep; 8(9):971-5. doi: 10.3201/eid0809.010536. PMID: 12194776; PMCID: PMC2732530.

6. *Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981. 167 с. URL : <http://Annales.info/skif/chernenk/bow6.htm> (дата обращения 27.04.2022).

7. *Корнелий Непот.* О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках. М. : Изд-во МГУ, 1992. 208 с.

8. Hugh-Jones M: Wickham Steed and German biological warfare research. *Intelligence and National Security.* 1992. Vol. 7. № 4. P. 379–402.

9. *Robertson A.G.* From Asps to Allegations: Biological Warfare in History, *Military Medicine* / A.G. Robertson, L.J. Robertson. 1995. Vol. 160. Iss. 8. P. 369–373.

10. *Супотницкий М.В.* Бактериологические диверсии Первой мировой / М.В. Супотницкий // *Офицеры.* 2012. № 1. С. 58–63.

11. *Петров С.В.* Протокол к Конвенции о запрещении бактериологического (биологического) оружия – история, основные положения, значение и причины неподписания / С.В. Петров, М.В. Супотницкий // *Вестник войск РХБ защиты.* 2021. Т. 5. № 1. С. 4–21.

12. *Балаов А.В.* Невооруженным глазом: о необходимости укреплять конвенцию, запрещающую бактериологическое оружие / А.В. Балаов // *Международная жизнь.* 2017. № 8. URL : <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1899> (дата обращения 27.04.2022).

Legislation of the Russian Federation. 2021. № 27. Part II. Art. 5351.

4. Moshe Grinberg. Janibeg's Last Siege of Caffa (1346–1347) and the Black Death: The Evidence and Chronology Revisited // *Turkological Studies.* 2018. Vol. 1. № 2. P. 19–32.

5. *Wheelis M.* Biological warfare at the 1346 siege of Caffa. *Emerg Infect Dis.* 2002 Sep; 8(9):971-5. doi: 10.3201/eid0809.010536. PMID: 12194776; PMCID: PMC2732530.

6. *Chernenko E.V.* Scythian archers. Kyiv: Naukova Dumka, 1981. 167 p. URL : <http://Annales.info/skif/chernenk/bow6.htm> (date of application 27.04.2022).

7. *Cornelius Nepos.* About famous foreign commanders. From a book about Roman historians. M. : Publishing House of Moscow State University, 1992. 208 p.

8. Hugh-Jones M: Wickham Steed and German biological warfare research. *Intelligence and National Security.* 1992. Vol. 7. № 4. P. 379–402.

9. *Robertson A.G.* From Asps to Allegations: Biological Warfare in History, *Military Medicine* / A.G. Robertson, L.J. Robertson. 1995. Vol. 160. Iss. 8. P. 369–373.

10. *Supotnitsky M.V.* Bacteriological sabotage of the First World War / M.V. Supotnitsky // *Officers.* 2012. № 1. P. 58–63.

11. *Petrov S.V.* Protocol to the Convention on the Prohibition of Bacteriological (Biological) Weapons – History, Main Provisions, Significance and Reasons for Non-Signing / S.V. Petrov, M.V. Supotnitsky // *Journal of NBC Protection corps.* 2021. Vol. 5. № 1. P. 4–21.

12. *Balaov A.V.* With the Naked Eye: On the Need to Strengthen the Convention Banning Bacteriological Weapons / A.V. Balaov // *International Life.* 2017. № 8. URL : <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1899> (date of application 04/27/2022).

Бондаренко Наталья Алексеевна

кандидат экономических наук,
доцент,
кафедра экономической теории
и национальной экономики,
Тихоокеанский
государственный университет
bonna5@mail.ru

Natalia A. Bondarenko

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Economic Theory
and National Economy,
Pacific State University
bonna5@mail.ru

**Влияние трудовой миграции
на региональный рынок труда
Хабаровского края**

**THE IMPACT OF LABOR MIGRATION
ON THE REGIONAL LABOR MARKET
OF THE KHABAROVSK TERRITORY**

Аннотация. Миграция населения оказывает существенное влияние на формирование регионального рынка труда. В статье рассмотрены процессы трудовой миграции, имеющие выраженную региональную специфику, проведен анализ спроса и предложения на региональном рынке труда, показано влияние общих тенденций на сокращение трудового потенциала региона и определено воздействие, которое в настоящее время оказывает трудовая миграция на региональный рынок труда.

Annotation. Migration of the population has a significant impact on the formation of the regional labor market. The article considers the processes of labor migration, which have a pronounced regional specificity, analyzes supply and demand in the regional labor market, shows the impact of general trends on the reduction of the labor potential of the region, and determines the impact that labor migration currently has on the regional labor market.

Ключевые слова: миграция, региональный рынок труда, Хабаровский край, спрос и предложение иностранной рабочей силы, потребности работодателей, рабочая сила, трудодефицитный регион.

Keywords: migration, regional labor market, Khabarovsk Territory, demand and supply of foreign labor force, needs of employers, labor force, labor-deficient region.

Трудовая миграция оказывает значительное влияние на формирование регионального рынка труда. Это влияние проявляется в изменении демографической, профессиональной, социальной, этнокультурной структуры населения.

российского Дальнего Востока, которая рассматривается как один из наиболее значимых факторов его стратегической уязвимости. Более того, в последние годы действие этого фактора заметно усиливается.

Миграционная ситуация в Дальневосточном федеральном округе в целом и Хабаровском крае в частности, обуславливается рядом специфических особенностей, определяемых его географическим, политическим, экономическим и социально-демографическим положением. Демографическим фоном для внешних миграционных взаимодействий, является малонаселенность

Пространственная обособленность Дальнего Востока от других регионов страны существенно усложняет транспортное и энергетическое сообщение с ними. Эти связи распространяются на более близкие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Это регион, который теряет и продолжает терять население из-за миграционных потерь (рис. 1, 2) [1].

Рисунок 1 – Структура численности прибывших в Хабаровский край в 2016–2020 гг.

Рисунок 2 – Структура численности выбывших из Хабаровского края в 2016–2020 гг.

Показатель эффективности миграции имеет устойчивую тенденцию (за исключением 2019 г.) к снижению (рис. 3).

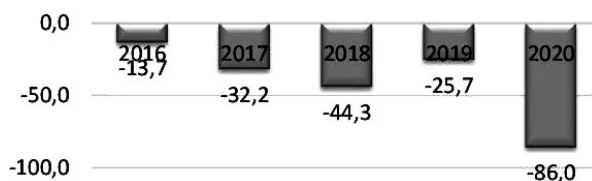

Рисунок 3 – Изменение эффективности движения населения в Хабаровском крае

Данные социологического опроса свидетельствуют о достаточно высоком уровне неудовлетворённости возможностями региона обеспечить респондентам комфортную жизнь и работу, в том числе: доступностью жилья, трудоустройством по специальности, достойной заработной платой, возможностями профессионального роста, развитием транспортной инфраструктуры и доступностью других регионов для работы, отдыха и реализации личных планов [2].

Необходимо отметить, что общие темпы сокращения численности иностранных рабочих, в первую очередь из стран дальнего зарубежья, сильнее ускорились с конца 2019 года по настоящее время, что в первую очередь связано с закрытием границ государств в связи с пандемией COVID-2019, прежде всего КНР, основного поставщика иностранной рабочей силы в Хабаровский край из дальнего зарубежья [1]. Таким образом, лучшие перспективы для наращивания трудового потенциала на рынке труда Хабаровского края имеют трудовые мигранты из СНГ, которые в целом поддерживают устойчивый интерес к трудоустройству в Хабаровском крае.

Анализ данных о спросе и предложении иностранной рабочей силы в Хабаровском крае по отраслям производства свидетельствует о влиянии на них общих тенденций на сокращение трудового потенциала регионального рынка труда. Этот факт отражается не только на ежегодном снижении количества квот на использование иностранных работников в регионе, но и на превышении спроса хабаровских работодателей на иностранную рабочую силу над их предложением, в особенности среди высококвалифицированных специалистов. Разница в количестве вакансий работодателей Хабаровского края для иностранных работников и числе трудоустроенных иностранных граждан в исследуемый период составляла от 1,2 в 2018 до 1,75 раз в 2020 году.[1] Таким

образом, спрос на иностранную рабочую силу в Хабаровском крае существенно превышает ее предложение, несмотря на снижение количественных составляющих обоих факторов (рис. 4).

Отраслевой анализ спроса и предложения иностранной рабочей силы свидетельствует о стабильной заинтересованности работодателей Хабаровского края в использовании иностранных трудовых мигрантов в строительстве, оптовой розничной торговле, ремонте автотранспортных средств, в обрабатывающих производствах и сельском, лесном хозяйствах, на предприятиях общественного питания (табл. 1) [3].

В настоящее время ДФО занимает второе место по квоте на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд для осуществления трудовой деятельности, после Центрального Федерального Округа. На 2022 год в дальневосточном округе Хабаровский край занимает первое место, и четвертое среди всех российских регионов (после Московской, Ленинградской и Тульских областей) по количеству выделенных квот. Так как квоты на страны ближнего зарубежья не устанавливаются, да и сами цифры могут измениться в зависимости от ситуации с пандемией коронавируса, то спрогнозировать – сколько же иностранцев приедут работать в Хабаровский край в 2022 году – на данный момент проблематично [4].

Комплексная оценка влияния трудовой миграции на региональный рынок труда свидетельствует о том, что внешняя трудовая миграция в настоящее время оказывает на этот рынок двустороннее воздействие. С одной стороны, миграционный приток рабочей силы пополняет трудовой потенциал регионов, тем самым позволяя решить проблему обеспеченности необходимыми кадрами, особенно в трудодефицитных регионах страны, особенно в Хабаровском крае. С другой стороны, внешняя трудовая миграция может оказывать

негативное влияние на региональный рынок труда, так как является фактором усиления напряженности на рынке труда и усиления конкуренции за вакансии между местным населением и мигрантами. Вместе с тем за счет привлечения трудовых ресурсов из стран дальнего и ближнего

зарубежья решаются проблемы нехватки рабочей силы, появляется возможность «заселять» малонаселенные местности; приток дополнительного капитала для инвестирования в экономику.

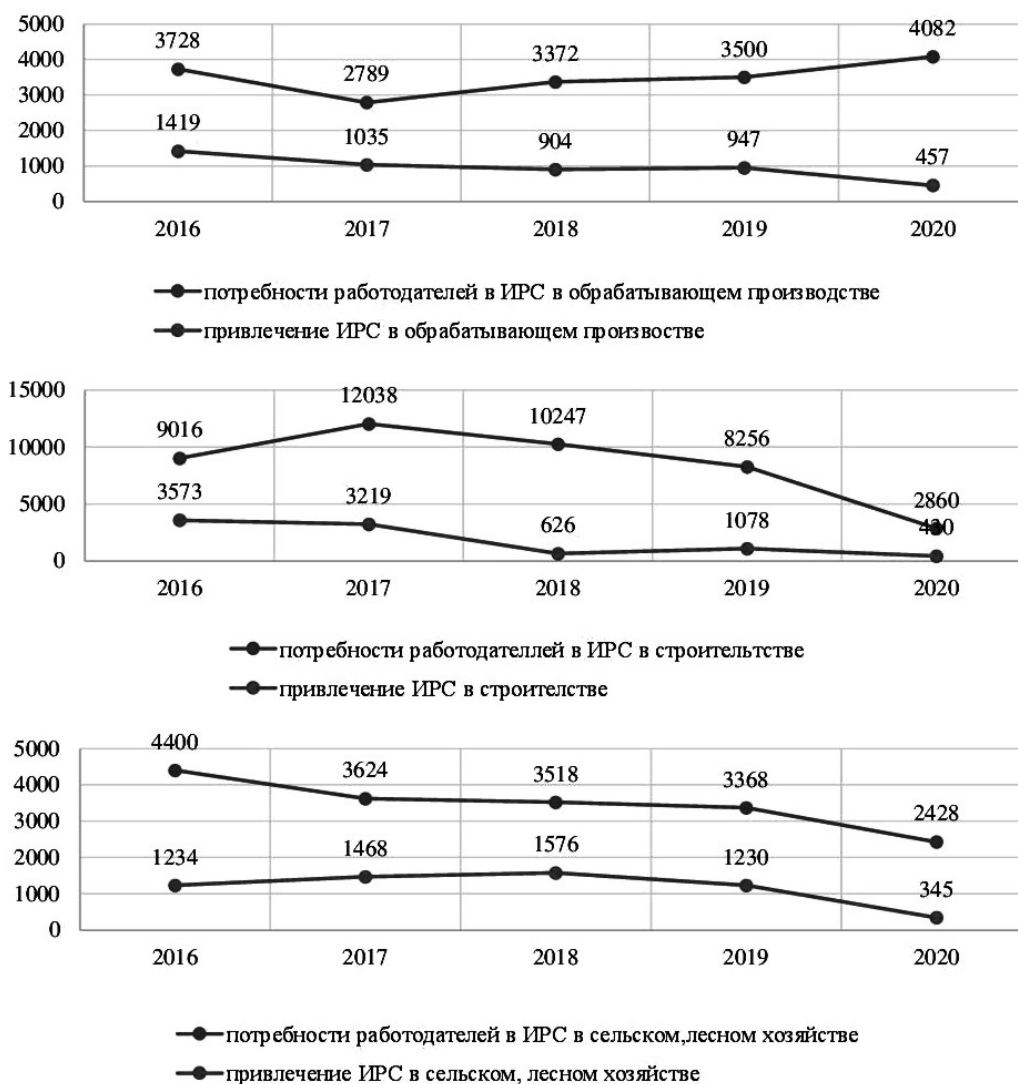

Рисунок 4 – Динамика спроса и предложения по отраслям производства ИРС, имеющей разрешение на работу в Хабаровском крае с 2016 по 2020 гг.

Таблица 1

Потребности работодателей Хабаровского края в иностранной рабочей силе (в процентах)

Отрасль	2016	2017	2018	2019	2020
Общее количество вакансий	100	100	100	100	100
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, бытовых изделий и предметов личного использования	25,7	18,4	17,6	16,7	21,4
Обрабатывающие производства	11	8,6	11,4	12,3	19,5
Строительство	26,6	37,3	34,8	29	13,6
Операции с недвижимым имуществом	16,1	5,1	8,6	4,9	8,6
Сельское, лесное хозяйство	13,1	11,2	11,9	11,8	11,6
Добыча полезных ископаемых	–	0,5	2,2	2,8	3,5
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	–	6,1	2,9	4,7	7,2
прочее	7,5	12,8	10,2	17,7	6709

Для того чтобы учитывать влияние миграционных процессов на региональный рынок труда, социально-экономические, демографические и другие

аспекты развития региона, необходимо постоянно отслеживать и анализировать миграционные процессы, происходящие в регионе, решить

проблему транспортной доступности и круглогодичного субсидирования передвижения дальневосточного населения воздушным и железнодорожным транспортом; создавать современные высокооплачиваемые рабочие места для трудоустройства российских трудовых ресурсов и

Литература:

1. Общие итоги миграции населения Хабаровского края. URL : <https://habstat.gks.ru/storage/2022/01-10/> (дата обращения 12.04.2022).
2. *Зубков В.В.* Миграционная компонента демографического процесса в регионе: статистическое и социологическое измерение / В.В. Зубков // *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 1(90). URL : [file:///C:/Users/79147/Downloads/migratsionnaya-komponenta-demograficheskogo-protssessa-v-regione-statisticheskoe-i-sotsiologicheskoe-izmerenie%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/79147/Downloads/migratsionnaya-komponenta-demograficheskogo-protssessa-v-regione-statisticheskoe-i-sotsiologicheskoe-izmerenie%20(1).pdf)
3. Ситуация на рынке труда г. Хабаровска и Хабаровского района во II и III кварталах 2020 г. // *Московский экономический журнал*. 2020. № 12. URL : <file:///C:/Users/79147/Downloads/situatsiya-na-rynke-truda-g-habarovska-i-habarovskogo-rayona-vo-ii-i-iii-kvartalah-2020-g.pdf>
4. Население Дальневосточного Федерального округа: реалии и перспективы // *Регионалистика*. 2020. Т. 7. № 2. URL : <file:///C:/Users/79147/Downloads/naselenie-dalnevostochnogo-federalnogo-okruga-realii-i-perspektivy.pdf> (дата обращения 12.04.2022).

стимулирующих рост населения Дальнего Востока; вводить квоты для обучения выпускников в региональных вузах; а также в соответствии с этим вносить коррективы в миграционную политику.

Literature:

1. General results of the migration of the population of the Khabarovsk Territory. URL : <https://habstat.gks.ru/storage/2022/01-10/> (date of application 12.04. 2022).
2. *Zubkov V.V.* Migration component of the demographic process in the region: statistical and sociological dimension / V.V. Zubkov // *Power and management in the East of Russia*. 2020. № 1(90). URL : [file:///C:/Users/79147/Downloads/migratsionnaya-komponenta-demograficheskogo-protssessa-v-regione-statisticheskoe-i-sotsiologicheskoe-izmerenie%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/79147/Downloads/migratsionnaya-komponenta-demograficheskogo-protssessa-v-regione-statisticheskoe-i-sotsiologicheskoe-izmerenie%20(1).pdf)
3. The situation on the labor market in Khabarovsk and the Khabarovsk district in the II and III quarters of 2020 // *Moscow Economic Journal*. 2020. № 12. URL : <file:///C:/Users/79147/Downloads/situatsiya-na-rynke-truda-g-habarovska-i-habarovskogo-rayona-vo-ii-i-iii-kvartalah-2020-g.pdf>
4. Population of the Far Eastern Federal District: realities and prospects // *Regionalistics*. 2020. Vol. 7. № 2. URL : <file:///C:/Users/79147/Downloads/naselenie-dalnevostochnogo-federalnogo-okruga-realii-i-perspektivy.pdf> (date of application 04/12/2022).

Греков Михаил Леонидович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

Назаров Антон Андреевич

аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПРАКТИКЕ
НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ
ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
СВЯЗАННЫЕ С НЕЗАКОННЫМ
ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ**

Аннотация. В статье на основе анализа судебной практики по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ за период с 2015 по 2020 гг., выявляются подходы судов к назначению наказания, главным образом, за посягательство, предусмотренное ст. 228 УК РФ, определяются тенденции этой деятельности, оценивается учет судами общих начал назначения наказания, применения ими положений ст. 72.1 и 82.1 УК РФ.

Ключевые слова: преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, наказание, назначение наказания, общие начала назначения наказания, отсрочка отбывания наказания, судебная практика.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что суды при разрешении уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, применяют положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, руководствуясь при этом разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее – ППВС № 14) [1].

Согласно анализу 3000 приговоров судов за период с 2015 по 2020 гг., за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, по ст. 228–228.4 УК РФ, осуждено 3247 лиц [2].

Mikhail L. Grekov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

Anton A. Nazarov

Graduate Student in the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

**ON THE ISSUE OF THE PRACTICE
OF SENTENCING FOR CRIMES RELATED
TO COMBATING DRUG TRAFFICKING**

Annotation. The article, based on the analysis of judicial practice in cases of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, for the period from 2015 to 2020, identifies the approaches of courts to sentencing, mainly for encroachment under Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation, identifies trends in this activity, evaluates the consideration by courts of the general principles of sentencing, their application of the provisions of Articles 72.1 and 82.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: crimes related to drug trafficking, punishment, sentencing, general principles of sentencing, postponement of serving a sentence, judicial practice.

Наибольшую часть среди лиц, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, составляют осужденные за незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств без цели сбыта (ст. 228 УК РФ).

Из числа осужденных, которым назначено наказание по основной квалификации, 60 % лиц было осуждено к лишению свободы, 15 % лишение свободы назначено условно, к 15 % применен штраф (как основная мера), к 7 % – исправительные работы, к 3 % – обязательные работы.

Из числа осужденных (по основной квалификации) 25 % лиц составили несовершеннолетние, но ввиду изъятия из материалов дел информации о датах рождения подсудимых становится невозможной дифференциация последних по возрастной категории (за исключением дел, в которых

возраст указывается как «молодой»). Количество женщин из числа осужденных (по основной квалификации) – 15 %.

Наказания судами, как правило, назначались в рамках санкций соответствующих статей с учетом их нижнего и верхнего пределов. При этом учитывались положения Общей части УК РФ, в частности, касающиеся правил назначения наказания за неоконченное преступление, за деяние, совершенное в соучастии, и др.

В числе сведений о личности, которые принимались во внимание при назначении наказания, учитывались данные о семейном и имущественном положении совершившего преступление лица, состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей (при условии, что виновный принимает участие в их воспитании, материальном содержании), иных нетрудоспособных лиц (супругов, родителей, других близких родственников).

В качестве смягчающих наказание обстоятельств суды, чаще всего, учитывали полное признание своей вины, раскаяние в содеянном, данные в ходе предварительного следствия правдивые показания с подробным указанием обстоятельств совершенного преступления, изобличение и содействие в уголовном преследовании других участников преступления, то есть, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, связанном с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ) [3]. Прохождение курса лечения от наркотической зависимости, трудоустроенность также встречаются в ряде приговоров как учтенные в качестве смягчающих обстоятельств.

Отягчающими наказание обстоятельствами суды по данной категории дел нередко признают рецидив преступлений (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Ситуаций ошибочного учета погашенных или снятых в установленном порядке судимостей при анализе приговоров не выявлено.

Представляет интерес подход судов к отягчающему обстоятельству, указанному в ч. 1.1 ст. 63 УК РФ. Учитывать или нет наличие наркотического опьянения в качестве отягчающего наказание обстоятельства, суд, согласно закону, решает в каждом отдельном случае, оценивая характер и обстоятельства совершения преступления, личность подсудимого. Если совершение преступления не сопровождалось совершением агрессивных действий в отношении иных лиц, суды не усматривали оснований для признания отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением наркотического средства или психотропного вещества. В ряде случаев, употребление наркотических средств в течение длительного времени, неоднократное привлечение к административной ответственности, в том числе за потребление наркотических средств без назначения врача, суды учитывали названное обстоятельство в качестве отягчающего, что

предопределяло применение условного осуждения с установлением испытательного срока.

При назначении наказания лицам, совершившим преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ, страдающим наркоманией, суды, к сожалению, не всегда применяют положения ст. 72.1 УК РФ. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2021 г. соответствующая обязанность была возложена на 1209 человек из 60249 осужденных по ст. 228 УК РФ. Это обусловлено тем, что закон не содержит императивного требования, обращенного к правоприменителю, возложить на осужденного обязанность пройти курс лечения от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию [4].

Анализируя судебную практику, можно проследить тенденции в практике назначения наказания за названные преступления. В деятельности судов прослеживается курс как на смягчение наказания за данные преступления, так и на ужесточение подхода к их применению.

Так, по полученным в результате исследования данным, в 2015 г. наказание за преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ, в среднем, составляло 3–4 г. лишения свободы, назначаемого условно; 3 г. лишения свободы с отбыванием в исправительных колониях общего режима, а также штраф.

Приступая к анализу судебной практики за 2016 г., стоит отметить тот факт, что в данный период времени происходило упразднение Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков и передаче ее функций Министерству внутренних дел, что повлекло за собой большой отток квалифицированных кадров в связи с сокращением штата сотрудников [5]. По нашему мнению, это повлияло на количество выявленных правонарушений, а также на данные статистики. В сравнении с 2015 и 2017 гг., количество зарегистрированных и выявленных наркопреступлений в 2016 г. сократилось на 32 %. Говоря о средних показателях установленных судами наказаний за ранее названное посягательство, следует отметить, что сроки лишения свободы увеличились в большинстве случаев на 2–5 лет, а также – увеличилось количество штрафов. Наряду с этим прослеживалась тенденция к сокращению условного осуждения. Но уже 2018 и 2019 гг. отличаются большим количеством условных осуждений (среди рассмотренных дел) – 42 %; сроки лишения свободы в 20 % дел составили от 5 до 8 лет, 25 % – до 3 лет.

Статистика 2020 г. демонстрирует тенденцию к смягчению наказания за преступление, предусмотренное ст. 228 УК РФ, по сравнению с предыдущими годами. Так, в 53 % случаев началось наказание в виде исправительных работ с удержанием 5 % из заработной платы осужденного в доход государства, Испытательный срок при условном осуждении сократился до 1–2 лет, количество штрафов увеличилось на 30 %, средняя сумма штрафа составила 15 тыс. руб.

По нашему мнению, большое значение при реализации процесса применения наказания имеет также и политический момент. Анализируя судебную практику по годам и сравнивая внутреннюю и внешнюю политическую обстановку, стоит отметить (возможно, это совпадение), что чем сложнее складывающаяся экономическая обстановка в стране, тем больше случаев назначения штрафа и исправительных работ, а также – применения условного осуждения.

Возможно, это обусловлено тем, что государство в кризисной обстановке старается не допускать увеличения количества осужденных к лишению

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074
2. Судебная практика по уголовным делам. URL : <https://sudact.ru/practice/sudebnaya-praktika-po-ugolovnym-delam>
3. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (ред. от 25.03.2022 г.). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699
4. Прохоров Л.А. Об эффективности мер, применяемых к лицам, признанным больными наркоманией / Л.А. Прохоров, М.Л. Прохорова, В.В. Полтавец // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2018. № 3(56). С. 168–174.
5. Указ Президента РФ от 05 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции». URL : <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/707806>
6. Данные статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2021 г. Форма № 6-МВ-НОН «Сведения о лицах, осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ». URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121>
7. Прохорова М.Л. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией / М.Л. Прохорова, В.В. Полтавец // Наркоконтроль. 2018. № 3. С. 3–7.

свободы реально. Наоборот, стремится добиться их сокращения, тем самым сохраняя более стабильное экономическое состояние как самого государства, так и лиц, осужденных за преступные деяния. Применяется судами и отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ). Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2021 г. она была реализована всего лишь в отношении 14 осужденных [6]. Но в этой части правоприменительной практики, как, впрочем, и в регламентации данного вида освобождения от наказания, есть немало проблем, заслуживающих самостоятельного рассмотрения [7].

Literature:

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2006 № 14 (ed. of 16.05.2017) «On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances».. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074
2. Judicial practice in criminal cases. URL : <https://sudact.ru/practice/sudebnaya-praktika-po-ugolovnym-delam>
3. The Criminal Code of the Russian Federation of 1996 (as amended on 03/25/2022). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699
4. Prokhorov L.A. On the effectiveness of measures applied to persons recognized as drug addicts / L.A. Prokhorov, M.L. Prokhorova, V.V. Poltavets // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2018. № 3(56). P. 168–174.
5. Decree of the President of the Russian Federation № 156 dated April 5, 2016 «On improving public administration in the field of control over the turnover of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors and in the field of migration». URL : <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/707806>
6. Statistical data of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation for 2021. Form № 6-MV-NON «Information on persons convicted of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic and potent substances». URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121>
7. Prokhorova M.L. Postponement of serving a sentence for drug addicts / M.L. Prokhorova, V.V. Poltavets // Drug control. 2018. № 3. P. 3–7.

Дмитренко Алёна Александровна
аспирантка,
Южный федеральный университет
(Институт управления, бизнеса и права)
Avaria044@yandex.ru

ПРИЧИНЫ КОРРУПЦИИ В СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНАХ И МЕРЫ ПО ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ

Аннотация. В рамках настоящей работы рассматриваются вопросы о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками следственных подразделений. Подчеркивается, что современное общество серьезно обеспокоено проблемами, которые порождает коррупция, подрывая доверие к власти, что в свою очередь, наносит прямой ущерб правовой, экономической, социальной и политической сферам. Анализируются проблемы уголовного законодательства, а также вносятся предложения по предупреждению коррупции в системе МВД России.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, вопорядок, национальная безопасность, прокурорский надзор, предварительное следствие, коррупциогенный фактор.

Утвержденная Президентом РФ новая Стратегия национальной безопасности России, ориентирована, в первую очередь, на укрепление законности, искоренение коррупции [4].

В силу основных положений указанной Стратегии, уголовно-правовая политика РФ направлена на восполнение существующих правовых пробелов, увеличение источников информации и предоставление доступа к ним в целях повышения эффективности противодействия коррупционной преступности, что, в свою очередь, обусловливает разработку и реализацию уголовно-правовых средств обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Тем не менее, современное общество серьезно обеспокоено проблемами, которые порождает коррупция, подрывая доверие к власти, что в свою очередь, наносит прямой ущерб правовой, экономической, социальной и политической сферам.

Криминологической особенностью коррупционных преступлений является их совершение представителями власти, то есть лицами, наделенными властными полномочиями в отношении неопределенного круга физических и юридических лиц, в том числе следователи, дознаватели.

Согласно portalу правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, по Ростовской области за

Alena A. Dmitrenko
Graduate Student,
Southern Federal University
(Institute of Management, Business and Law)
Avaria044@yandex.ru

CAUSES OF CORRUPTION IN INVESTIGATIVE AGENCIES AND MEASURES TO PREVENT

Annotation. This paper examines the issues of corruption crimes committed by employees of investigative units. It is emphasized that modern society is seriously concerned about the problems that corruption generates, undermining confidence in the authorities, which in turn causes direct damage to the legal, economic, social and political spheres. The author analyzes the problems of criminal legislation, and also makes proposals for the prevention of corruption in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: corruption, bribery, law and order, national security, prosecutorial supervision, preliminary investigation, corruptionogenic factor.

2021 год зарегистрировано 137 преступлений по ст. 290 УК РФ, а предварительно расследовано только 40 преступлений. Больше всего приговоров за коррупцию в российских правоохранительных органах было вынесено в отношении полицейских. При этом, половина из выявленных преступлений приходится на взятки [8].

Однако, учитывая высокую степень латентности взяточничества и иных должностных преступлений, приведенные статистические данные не могут отражать в полной мере удельный вес коррупционной преступности.

Преступления, которые совершают сотрудники органов внутренних дел в связи со своей служебной деятельностью, довольно распространены и представляют повышенную общественную опасность, так как посягают на нормальную работу правоохранительных органов, подрывают авторитет государственной власти, существенно нарушают права, свободы и законные интересы граждан. «Оборотень» в погонах, наделенный знаниями законов, в том числе уголовного, уголовно-процессуального, обладающий властными полномочиями, является более опасным, так как имеет реальные возможности применения мер принуждения к гражданам, осуществляя свою деятельность «в рамках закона».

Под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение

взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [3].

Коррупцией также признаются незадекларированные доходы, которые обычно вкладываются в объекты движимого и недвижимого имущества, ценные бумаги и иные финансовые инструменты.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» определено, что правосудие по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях должно осуществляться на основе соблюдения принципов независимости судебной власти, состязательности и равноправия сторон, соблюдения прав и свобод человека, в строгом соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства [5].

Следует отметить, что о коррупции в следственных органах почти ничего не публикуется, разве что в средствах массовой информации иногда распространяются сведения о возбуждении уголовных дел в отношении бывших следователей.

Отсутствие интереса исследователей к вопросам коррупции в органах внутренних дел обосновывается закрытостью статистических данных в отношении должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, а также высокой латентностью должностных коррупционных преступлений, так как сотрудники полиции, используя специальные знания в оперативно-разыскной, следственной, криминалистической работе, умело маскируют свою преступную деятельность под законное выполнение своих служебных задач, в связи с чем выявить и доказать коррупционные преступления со стороны следственных органов зачастую крайне затруднительно.

Существующие в настоящее время условия службы сотрудников, как следственных подразделений, как, впрочем, и других работников системы МВД РФ, размер их денежного содержания, не позволяющий достойно жить им и их семьям, к сожалению, зачастую влияют на формирование их корыстной мотивации и провоцируют на совершение должностных преступлений.

Наиболее характерные виды коррупционных преступлений, совершаемых следователями:

- злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ); превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ);
- получение взятки (ст. 290 УК РФ);
- дача взятки (ст. 291 УК РФ);

– посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ); служебный подлог (ст. 292 УК РФ);

– фальсификация доказательств (ст. 303 УК РФ) [2].

Снижение криминогенности коррупционных преступлений в следственных органах невозможно без теоретической разработки вопросов предупреждения указанных преступлений, что требует комплексного подхода к разрешению указанных проблем и обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования криминологических средств борьбы с коррупцией, как в целом в системе МВД России, так и в ее подразделениях, в том числе и в органах предварительного расследования.

Высокий уровень коррупции в следственных подразделениях обусловлен и объективными, и субъективными факторами.

К первым относят недостатки правового и организационно-управленческого характера; обстоятельства социального характера.

К числу факторов субъективного характера относятся:

- нравственно-психологические, моральные факторы;
- незаинтересованность следователей в искоренении должностных преступлений, в том числе взяточничества;
- недостатки в подборе и расстановке кадров;
- низкий уровень расследования данной категории уголовных дел.

В этом контексте следует отметить, что борьба с коррупцией в органах внутренних дел будет эффективной только в результате проведения профилактических мероприятий в рамках антикоррупционной политики государства.

В этой связи, прежде всего, необходимо искоренить все пробелы в законодательстве, ужесточить санкции за взяточничество, служебный подлог, незаконное возбуждение уголовного дела, фальсификацию материалов, в полном объеме задействовать механизм судебной системы.

Современные методы борьбы с коррупцией достаточно широко ведутся на законодательном уровне, с учетом общепризнанных принципов международного права. К примеру, Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, рассматривается как концептуальная основа российского антикоррупционного законодательства [1]. Конвенция ООН была ратифицирована в России в 2006 г., после чего, основываясь на этом международном акте в нашей стране был принят важный федеральный закон «О противодействии коррупции».

В целях реализации национального плана противодействия коррупции, важнейшими среди мер общесоциального воздействия, является

усиление социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел, и, в первую очередь, следователей.

Необходимо реформировать систему гарантированного обеспечения сотрудников и членов их семей социальными льготами, выработать эффективную систему обеспечения жильем, повышения пенсии, нормативно закрепив, что в случае коррупционного правонарушения сотрудник будет не просто уволен из органов внутренних дел, но и лишится всех вышеупомянутых льгот и компенсаций.

Необходимо взять за основу международный опыт в отношении денежного содержания сотрудников правоохранительных органов. Полицейские, борясь с преступностью, всегда рискуют своим здоровьем и даже жизнью. При этом каждый сотрудник работает практически без выходных и праздничных дней (именно в эти дни усиление нарядов и суточных дежурств). Поэтому их служба должна хорошо оплачиваться. Кроме того, высокая заработная плата полицейских имеет другое обоснование. Повышая им зарплату, органы власти борются с коррупцией. Ведь чем больше денежное содержание сотрудника органов внутренних дел, тем меньше вероятность, что он нарушит закон или будет замешан в коррупционном скандале.

Сегодня денежное содержание российского полицейского среднего начальствующего состава 35000–40000 рублей, и это не меняется вот уже на протяжении последних десяти лет. Дешевая полиция себя нигде не оправдывает, а наоборот, является основной причиной коррумпированности ее сотрудников.

Необходимо повысить ежемесячное денежное содержание российского офицера полиции до 200000 рублей, и тогда уже ужесточать санкции и привлекать за коррупцию к 10–15 годам лишения свободы, и ни в коем случае условно.

Следует совершенствовать систему профессиональной подготовки, как будущих, так и действующих сотрудников органов внутренних дел.

Литература:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.) // Бюллетень международных договоров, октябрь 2006 г. № 10.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 26.05.2021) «О противодействии коррупции» // Собрание Законодательства РФ. 2021. № 52. Ч. I. Ст. 6228.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом

Полагаем, что будет целесообразно, вернуться к старому положению, предусматривающему поступление в учебные заведения МВД России только после службы в Вооруженных силах РФ. Сразу вдвое снизится взяточничество при поступлении в специализированные ВУЗы, так как, ни для кого не секрет, что родители пристраивают туда своих «чад» за большие деньги, чтобы не отправлять их на воинскую службу.

Считаем необходимым вернуть в органы внутренних дел суды офицерской чести, так как такие суды в СССР имели огромное воспитательное значение. Воздействие через суд чести на сотрудника, совершившего какой-то проступок или неудовлетворительно выполняющего свои служебные обязанности, было гораздо сильнее, чем дисциплинарное взыскание.

Наиболее эффективными инструментами профилактики коррупции, как правило, признаются меры финансового контроля в отношении сотрудников органов внутренних дел (к примеру, требования о декларировании доходов, расходов, счетов, финансовых инструментов, имущества, обязательств имущественного характера и т.д.), урегулирование конфликта, возникающего в ходе исполнения лицом должностных обязанностей между его личными интересами и публичным интересом, связанным с реализацией полномочий по занимаемой должности, а также различный набор антикоррупционных ограничений, запретов и обязанностей [7, с. 277].

Наряду с указанными мерами важнейшее значение для предупреждения коррупционных преступлений в органах внутренних дел имеют устранение негативных последствий реформирования экономики, усиление ее цивилизованных начал, а также эффективная поддержка государством правоохранительной деятельности и сотрудников, ее осуществляющих.

Таким образом, что для снижения коррупциогенных факторов в органах внутренних дел, в том числе, следственных органах, необходимо принимать только те меры, которые будут действительны и обеспечат снижение уровня коррупции в системе МВД РФ.

Literature:

1. United Nations Convention against Corruption (adopted by the UN General Assembly on October 31, 2003) // Bulletin of International Treaties, October 2006 № 10.
2. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ (ed. from 01.07.2021) // Collection of Laws of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.
3. Federal Law of December 25, 2008 № 273-FZ (rev. from 26.05.2021) «About counteraction to corruption» // Sobranie zakonodatelstva RF. 2021. № 52. Part I. Art. 6228.
4. National Security Strategy of the Russian Federation (approved by Presidential Decree of July 02,

Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400) // Собрание Законодательства РФ. 2021. № 20.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ.

6. Актуальные вопросы применения законодательства о противодействии коррупции и основные направления профилактики коррупционных правонарушений // Сборник докладов участников семинара-совещания с руководителями антикоррупционных и кадровых подразделений федеральных органов исполнительной власти и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации, а также органов исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации.

7. *Минеева В.Н.* Проблема коррупции в России на современном этапе / В.Н. Минеева // Молодой ученый. 2021. № 50(392). С. 276–278. URL : <https://moluch.ru> (дата обращения 28.04.2022).

8. Показатели преступности России. Правовой портал статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL : <http://crimestat.ru> (дата обращения 28.04.2022).

2021, № 400) // Sbornie zakonodatelstva RF. 2021. № 20.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.07.2013 № 24 (ed. dated 24.12.2019) «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation.

6. Topical issues of the application of anti-corruption legislation and the main directions of prevention of corruption offenses // Collection of reports of participants of the seminar-meeting with the heads of anti-corruption and personnel departments of federal executive authorities and organizations created to fulfill the tasks assigned to the Government of the Russian Federation, as well as executive authorities of a number of subjects of the Russian Federation.

7. *Mineeva V.N.* The problem of corruption in Russia at the present stage / V.N. Mineeva // Young scientist. 2021. № 50(392). P. 276–278. URL : <https://moluch.ru> (date of application 28.04.2022).

8. Indicators of crime in Russia. Legal portal of statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <http://crimestat.ru> (date of application 28.04.2022).

Знобищева Анастасия Сергеевна
адъюнкт кафедры криминологии,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
lyjnova667687@mail.ru

Anastasiya S. Znobishcheva
Postgraduate Student
of the Department of Criminology,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot
lyjnova667687@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УКЛОНЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРИ ОПАСНОМ И ОСОБО ОПАСНОМ РЕЦИДИВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF EVASION OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION BY PERPETRATORS OF DANGEROUS AND ESPECIALLY DANGEROUS RECIDIVISM

Аннотация. В статье поднят вопрос о понятии уклонения от административного надзора, рассматривается правовая природа деяния, дается криминологическая характеристика уклонения от административного надзора лиц, совершивших преступление при опасном и особо опасном рецидиве преступлений. В работе также выявлена причинная обусловленность необходимости применения ограничений, установленных судом, в рамках института административного надзора. Анализируются статистические данные, рассматриваются факторы, способствующие уклонению от административного надзора, а также меры борьбы с преступностью в сфере уклонения от административного надзора.

Annotation. The article raises the question of the concept of evasion from administrative supervision, considers the legal nature of the act, gives criminological characteristics of evasion from administrative supervision of persons who have committed a crime with dangerous and especially dangerous recidivism of crimes. The paper also reveals the causality of the need to apply restrictions imposed by the court within the institute of administrative supervision. Analyzes statistical data, considers the factors contributing to the evasion of administrative supervision, as well as measures to combat crime in the field of evasion from administrative supervision.

Ключевые слова: уклонение от административного надзора, преступление, криминологическая характеристика, предупреждение.

Keywords: evasion from administrative supervision, crime, criminological characteristic, prevention.

Борьба с преступностью в целях защиты общества и государства всегда оставалась и остается приоритетной задачей для государства и правоохранительных органов. Не теряет своей актуальности и применение мер, способствующих снижению преступности среди лиц, ранее совершавших преступления, что вполне оправдано, так как данные статистики за 2020 год распределились следующим образом: из всех совершенных преступлений (а именно 1890,6 тыс.) больше половины (59,6 % или 1126,8 тыс.) [3] совершены лицами, ранее совершавшими преступления. Министр внутренних дел на заседании коллегии МВД в 2020 году отметил, что на устранение факторов повторного совершения преступлений направлены мероприятия региональных программ профилактики в части социальной адаптации ранее судимых граждан [1]. Такой подход к работе с ранее судимыми лицами, безусловно, закладывает позитивные тенденции в сферу предупреждения повторного совершения преступлений, однако количественные показатели демонстрируют актуальность данной проблемы и

требуют повышения эффективности мероприятий, направленных на предупреждение преступлений среди лиц, повторно их совершающих. Среди повторно совершающих преступления, одной из самых сложных, деморализованных и устойчивых групп являются лица, которые совершили преступление при опасном и особо опасном рецидиве преступлений. Следует отметить, что такая категория преступников представляет наибольшую общественную опасность, несмотря на меры, применяемые к лицу в процессе исправления осужденного. Общественная опасность, в данном случае, заключается в характере, степени тяжести совершенных преступлений, личным извращенным пониманием законодательной системы, особыми девиантными чертами поведения, заимствованными из мест лишения свободы. Стоит отметить, что доля рецидивной преступности среди всех совершенных преступлений чрезвычайно высока, что обязывает правоохранительные органы обратить пристальное внимание на данный фактор. Для реализации политики предупреждения преступлений среди лиц, ранее

совершивших преступления, законодатель разработал ряд мер, направленных на ресоциализацию этой категории граждан. Одной из таких мер является разработка организация и осуществление федеральных и региональных программ ресоциализации. К сожалению, данные программы не реализуют в полной мере свой потенциал. Это может быть связано с множеством факторов: недостаточность финансовой поддержки, большое количество освободившихся лиц, отсутствие доступных рабочих мест и др. Отсутствие работы, средств к существованию, сложности в социализации побуждают освободившихся к вынужденному совершению преступлений. Вторая категория мер ориентирована на оказание помощи в социальной адаптации освободившегося из мест лишения свободы лица, а также осуществляет контрольно-надзорную функцию. Последняя функция занимает одну из основополагающих мест в системе реабилитации осужденного. Обеспечение надзора за освободившимися из мест лишения свободы снижает риск повторного совершения преступлений. Такая категория мер осуществляется институтом административного надзора. Согласно Федеральному закону от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освободившимися из мест лишения свободы» [5] лица, совершившие преступления при опасном и особо опасном рецидиве преступлений, подпадают под категорию, в отношении которых устанавливается административный надзор. Рассмотрим подробнее основополагающий термин.

Административный надзор представляет собой осуществление органами внутренних дел несоблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с настоящим Федеральным законом временных ограничений его прав и свобод, а также, за выполнением им обязанностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом [5]. Такой подход к определению изложен в вышеупомянутом Федеральном законе, однако, с позиции криминологического исследования, данный институт представляет собой определенный комплекс мер, направленных на предупреждение преступности в отношении к более подверженной к совершению преступных действий лиц.

Исходя из положений Федерального закона от 06.04.11г. № 64-ФЗ, категория лиц, совершивших преступление при опасном и особо опасном рецидиве преступлений, подлежит административному надзору для предупреждения совершения ими преступлений и других правонарушений, оказания на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов [5].

Лица, совершившие преступление при опасном и особо опасном рецидиве преступлений, и в отношении которых установлен административный надзор, обязаны соблюдать определенные ограничения, установленные судом, и, соответственно, в случае уклонения от административного надзора или неоднократного несоблюдения установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений,

они подлежат уголовной ответственности по статье 314.1 УК РФ [4].

Исходя из вышесказанного, отметим, что на поднадзорное лицо судом налагаются определенные обязательства, при нарушении которых он подлежит уголовной ответственности. Важно понимать, что ограничения для такой категории граждан на период освобождения из мест лишения свободы, что подразумевает под собой процесс ресоциализации и адаптации к новым жизненным условиям необходимы по ряду следующих причин:

Личность лица, совершившего преступление повторно. Для рецидивистов характерен эгоизм, неуважение к обществу, социальная безответственность, ненависть к правоохранительным органам [2, с. 84]. Находясь под административным надзором, такие лица демонстрируют негативное отношение к правоохранительным органам через несоблюдение наложенных судом ограничений, отказываются идти на контакт с инспектором административного надзора или участковым уполномоченным полиции, не принимают или же чрезмерно пользуются помощью от сотрудников правоохранительных органов. Такое отношение к своему статусу лица, находящегося под административным надзором, способствует уклонению от административного надзора.

Негативное настроение группы лиц, совершивших преступление при опасном и особо опасном рецидиве, по отношению к сотрудникам, совершенствование способов уклонения от административного надзора, излишняя бюрократизация и нехватка кадров оказывает давление на институт административного надзора. Часто такое давление на сотрудника, ответственного за поднадзорных лиц, вызывает отток кадров, в связи с чем, теряется высокий уровень квалификации среди сотрудников полиции. В результате, снижается уровень контроля за поднадзорными и увеличивается количество преступлений, предусмотренных ст. 314.1 УК РФ. Такие детерминанты способствуют росту преступности в сфере уклонения от административного надзора.

Латентность нарушений установленных ограничений. Такое явление имеет место в современных реалиях. Недостаточное выполнение контрольно-надзорной функции, формальность проведения проверок поднадзорных лиц, малоэффективное осуществление контроля местонахождения поднадзорного лица позволяет им нарушать установленные судом ограничения безнаказанно. Если, в случаях своевременного обнаружения нарушений, поднадзорное лицо подлежало бы привлечению к ответственности, то, в рамках латентного характера установленных ограничений, лицо ощущает безнаказанность и продолжает игнорировать установленные ему судом ограничения. Особенно часто так поступают лица с аморальными жизненными позициями, привыкшими к жизни в местах лишения свободы, а именно повторно совершающие преступления.

Таким образом, повышение уровня квалификации сотрудников в сфере административного надзора, снижение латентности нарушения

установленных судом ограничений и индивидуальная работа с лицами, совершившими преступление при опасном и особо опасном рецидиве преступлений положительно отразится на предупреждении преступления, предусмотренного ст. 314.1 УК РФ.

В заключении хотелось бы отметить, что проблема борьбы с преступностью в сфере уклонения от административного надзора актуальна и

Литература:

1. Заседание коллегии МВД России за 2020 год. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860> (дата обращения 14.05.2022).
2. Попов Г.Г. Криминологическая характеристика рецидивной преступности и ее предупреждение / Г.Г. Попов, М.Ю. Прокопенко // Вестник магистратуры. 2016. № 12-3. С. 84–85.
3. Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL : <https://мвд.рф/reports/item/27566319> (дата обращения 14.05.2022).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.22) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
5. Федеральный закон от 06.06.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (ред. от 01.10.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 15. Ст. 2037.

требует детальной практической и теоретической доработки в отношении одной из самых опасных категорий лиц – лиц, совершивших преступление при опасном и особо опасном рецидиве преступлений. Вышеупомянутые категории граждан представляют собой одну из самых сложных, деморализованных и асоциальных категорий преступников. Для поиска должного и эффективного подхода к ним необходимо всесторонне исследовать данную проблему.

Literature:

1. Meeting of the Collegium of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2020. URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860> (date of appeal 14.05.2022).
2. Popov G.G. Criminological characteristics of recidivism and its prevention / G.G. Popov, M.Y. Prokopenko // Bulletin of the Master's degree. 2016. № 12-3. P. 84–85.
3. State of crime // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL : <https://мвд.рф/reports/item/27566319> (date of appeal 14.05.2022).
4. Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 № 63-FZ (ed. from 28.01.22) // Sobranie zakonodatelstva RF. 17.06.1996. № 25. Art. 2954.
5. Federal Law of 06.06.2011 № 64-FZ «On administrative supervision over persons released from places of incarceration» (ed. from 01.10.2019) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 15. Art. 2037.

Зяблова Татьяна Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
tizet69@mail.ru

Комарова Яна Бахрузовна

старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
Ya.Ireland@mail.ru

**ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ
УЧЕНИЙ Г.Л. ЗАЙНДЛЕРА**

Аннотация. Статья посвящена одной из важнейших проблем методологии науки истории политических и правовых учений – ее периодизации. Актуальность избранной темы объясняется тем, что в научном сообществе констатируется недостаточность использования только формационного и цивилизационного подходов для периодизации исторического процесса, в целом, и истории политических правовых учений, в частности. Одновременно, в научной литературе наблюдается отсутствие серьезных попыток поиска, обоснования и развернутого описания критериев для осуществления этой методологической процедуры. В связи с этим, описывается одна из периодизаций, предложенная выдающимся польских юристом и историком Г.Л. Зайндлером.

Ключевые слова: идея, история политических и правовых учений, критерий, методология, периодизация, подходы к периодизации.

История политических и правовых учений имеет огромное значение для познания государства и права и также, как тесно связанная с ней история государства и права, нуждается в постоянном и многоаспектном исследовании. Однако, к сожалению, ей уделяется гораздо меньше внимания, чем другим общетеоретическим научным дисциплинам. Вероятно поэтому, как отмечает А.В. Корнев, даже научный и учебный статус истории политических и правовых учений до настоящего времени остается точно неопределенным. В доктрине можно выделить три позиции по данному вопросу. Согласно двум основным, – история политических и правовых учений понимается как историческая эволюция философии

Tatiana E. Zyablova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service of Russia
tizet69@mail.ru

Yana B. Komarova

Senior Lecturer of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
Ya.Ireland@mail.ru

**PERIODIZATION OF THE HISTORY
OF POLITICAL AND THE LEGAL
TEACHINGS OF G.L. SEIDLER**

Annotation. The article is devoted to one of the most important problems of the methodology of the science of the history of political and legal doctrines – its periodization. The relevance of the chosen topic is explained by the fact that the scientific community states the insufficiency of using only formational and civilizational approaches for the periodization of the historical process in general and the history of political legal doctrines in particular. At the same time, there is a lack of serious attempts in the scientific literature to search, substantiate and describe in detail the criteria for the implementation of this methodological procedure. In this regard, one of the periodizations proposed by the outstanding Polish lawyer and historian G.L. Zaindler is described.

Keywords: idea, history of political and legal doctrines, criterion, methodology, periodization, approaches to periodization.

права либо истории государства и права. Гораздо менее распространена третья точка зрения, в соответствии с которой – это самостоятельная научная и учебная дисциплина [2, с. 11]. Последней точки зрения придерживается А.А. Демичев, отмечая, что теория государства и права, история государства и права и история политических и правовых учений – это три совершенно разных науки, отличающиеся предметом, целями, исторической основой и методологией. [1, с. 98].

Существует расхождение и относительно названия данной науки. Так, в рамках специальности 12.00.01 указывается история учений о праве и государстве, в то время как учебная дисциплина,

преподаваемая в юридических вузах, именуется «история политических и правовых учений».

Принимая во внимание различия между историей политических и правовых учений и историей государства и права, нельзя не отметить, что между ними много общего: обе науки изучают прошлое, в сфере методологии основываются на историческом подходе и др. Соответственно, одинаковыми для них являются и некоторые проблемы методологического характера, в частности, – проблема периодизации. И, если вопрос о периодизации истории государства и права так или иначе обсуждается научной общественностью [3], то в отношении той же проблемы в истории политических и правовых учений пока существует полная неясность.

Основной идеей, прослеживающийся в ходе дискуссий по проблеме периодизации исторического процесса, в целом, является мысль о недостаточности использования только формационного и цивилизационного подходов и о необходимости привлечения других ее оснований: социально-экономических, политических, духовных, религиозных и ментальных [3], что имеет непосредственное отношение к истории политических и правовых учений.

С этой идеей солидарен А.В. Корнев, который констатирует, что ныне принятая периодизация, подразумевающая подразделение политических и правовых учений во временно-пространственном континууме на Древний мир, Средние века, Новое и Новейшее время, требует корректировки [2, с. 19].

«Хронологический подход» или временной критерий совершенно обоснован для любой науки, изучающей историю, а история политических и правовых учений является таковой, что следует даже из ее названия. Как государство и право, в целом, отдельные государственно-правовые институты, политические и правовые учения прошли этапы возникновения, становления и развития, т.е., изменялись во времени и пространстве, выражая свою сущность через функционирование. Более того, следует согласиться с автором в том, что данный подход может быть одним из основных и даже преобладающих. Вместе с тем, он не может быть единственным.

Однако констатация данного факта и поиски развернутого описания других удовлетворяющих всем необходимым требованиям критериев периодизации в научной и учебной литературе пока не увенчались успехом.

Так, А.В. Корнев, предлагает изучать историю политических и правовых учений, проводя периодизацию по методологическим основаниям, которых придерживались те или иные мыслители, а также «рассматривать ее с географических, проблемных и портретных (индивидуальных) оснований» [2, с. 20].

Нельзя не согласиться с тем, что любая периодизация условна и относительна, находится в зависимости от целей, которую ставит перед собой

исследователь и от его мировоззренческой позиции, но, важно и то, что, периодизация как значимая методологическая процедура, а в данном случае прием научной систематизации теоретических и историко-правовых знаний должна быть корректной.

В рамках данной статьи мы не претендуем на полный обзор и критику имеющихся в доктрине попыток периодизации истории политических и правовых учений и выдвигаемых критериев. Нам представляется интересной, хотя бы, краткое ознакомление с периодизацией, предлагаемой польским ученым Г.Л. Зайдлером (1913–2004), который, будучи приверженцем марксистской теории, кроме хронологического критерия, положил в ее основу, доминирующую в той или иной эпохе «идею человека».

С этой точки зрения, первый период – Древний мир – представляет собой эпоху «*homo harmonicus*», поскольку доктрины востока и запада характеризуются приматом идеи гармонии. Она присутствует в искусстве, педагогике, этике и архитектуре. Выражением гармонии, в частности, является идея справедливости в учении Платона, устройство «политеи» у Аристотеля, видение космоса стоиками.

Затем, следует период средневековья как «*homo hierarchicus*». В это время мир постигается через призму иерархии, нашедшей отражение в структуре общества, доминировании теологии над наукой, божьего права над правом человеческим. В эпоху Ренессанса преобладает «*homo naturalis*». Человек перестает быть странником, телесная жизнь которого от природы грешна и заслуживает пренебрежения. Наоборот, его глаза, до этого устремленные к нему, замечают, наконец человеческую личность со всеми ее достоинствами и недостатками. Познать природу человека – означает построить эффективное государство.

Идея «*homo liber*» характеризует XVII и XVIII века. Свобода личности становится естественным правом в его новой светской трактовке. В XIX в. развиваются социалистические и коммунистические идеи – это время «*homo socialis*» [4, с. 28–29].

Классификация Г.Л. Зайдлера была дополнена его учеником Л. Дубелем, который назвал следующий XX век эпохой «*homo aberrans et viae pescius*». Ее отличает утрата человеком ощущения субъектности в силу заключения его в рамки тоталитарного и бюрократического государства, признание им доминирования интересов общества и государства над интересами личности [4, с. 29].

Л. Дубель и Я. Кострубец не анализируют изложенную выше периодизацию своего учителя и не оценивают ее, отмечая лишь, что она указывает на обоснованность дискуссии о «конце идеологии», поскольку ни одна из предлагаемых в настоящее время концепций не может указать выход из кризиса [4, с. 29].

Сам же Г.Л. Зайдлер, в соответствии с идеей человека, детерминирующей наряду с социально-экономической структурой, способом восприятия мира и его оценкой, интеллектуальную составляющую исторического периода, выделяет три великих эпохи: Древний мир, Средневековье и Новое время (Ренессанс и Просвещение). Переходы между ними характеризуются стихийными бедствиями, войнами и эпидемиями [4, с. 30].

Литература:

1. Демичев А.А. История государства и права как самостоятельная научная специальность / А.А. Демичев // Журнал российского права. 2013. № 11. С. 98–103.
2. Корнев А.В. Подходы к периодизации истории политических и правовых учений: традиции и критерии / А.В. Корнев // Актуальные проблемы российского права. 2013. Т. 15. № 8. С. 11–21.
3. Немытина М.В. Обзор Всероссийской научной конференции «Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву» (Москва, 27–28 марта 2015 г.) / М.В. Немытина, Т.А. Васильева, Н.В. Варламова, С.Б. Зинковский, Е.А. Сорокина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2015. № 2. С. 125–133.
4. Dubel L. Ewolucja metodologii nauk prawnych w ujęciach Profesora Grzegorza Leopolda Seidlera / L. Dubel, J. Kostrubiec // Studia Iuridica Lublinensia. 2010. № 13. P. 21–34.

Как нам представляется, периодизация Г.Л. Зайдлера вполне может быть применена как дополняющая хронологический подход, особенно в преподавании одноименной учебной дисциплины. Однако, она отражает лишь одну из сторон содержания учений о государстве и праве и не отменяет поиска новых критериев к ее периодизации.

Literature:

1. Demichev A.A. History of state and law as an independent scientific specialty / A.A. Demichev // Journal of Russian Law. 2013. № 11. P. 98–103.
2. Kornev A.V. Approaches to the periodization of the history of political and legal doctrines: traditions and criteria / A.V. Kornev // Actual problems of Russian law. 2013. Vol. 15. № 8. P. 11–21.
3. Nemytina M.V. Review of the All-Russian Scientific Conference «Harmonization Approaches in research and teaching law» (Moscow, March 27–28, 2015) / M.V. Nemytina, T.A. Vasilyeva, N.V. Varlamova, S.B. Zinkovsky, E.A. Sorokina // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2015. № 2. P. 125–133.
4. Dubel L. Ewolucja metodologii nauk prawnych w ujęciach Profesora Grzegorza Leopolda Seidlera / L. Dubel, J. Kostrubiec // Studia Iuridica Lublinensia. 2010. № 13. P. 21–34.

Конорезов Николай Андреевич
ассистент кафедры
гражданского процесса
и международного права юридического
факультета имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
konorezov@list.ru

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье на основе комплексного доктринально-законодательного подхода устанавливается содержание понятия «субъект гражданского процессуального правоотношения», рассматриваются и обосновываются основные классификации субъектов правоотношений согласно действующему ГПК РФ. Автором обозначена не только законодательная классификация (на суд, участников дела, а также лиц, содействующих в осуществлении правосудия), но и подходы к разделению субъектов в зависимости от наличия у них заинтересованности в исходе дела, обязательности участия в конкретном виде производства.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, гражданское судопроизводство, процессуальная правосубъектность, суд, содействие в осуществлении правосудия, эксперт, специалист, свидетель.

Вопрос о классификации субъектов гражданско-процессуальных правоотношений имеет большое значение не только для «чистой» теории, но и для практического применения. Исходя из выработанных наукой и закреплённых на законодательном уровне чётких критериев, позволяющих отнести конкретного участника гражданского процесса к тому или иному виду, можно более полно определить его статус, предоставив лицу возможность воспользоваться всеми способами процессуальной защиты, предусмотренными (как лично, так и через представителя) действующими законодательными актами. Стоит отметить, что в отличие от уголовно-процессуального законодательства, где легальное содержание основных категорий прямо обозначено в соответствующей статье кодифицированного нормативного акта [1, с. 75], действующим Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации [2] (далее по тексту статьи – ГПК РФ), базовые понятия (в том числе, и «субъект гражданского процессуального правоотношения», установление необходимых признаков отдельных субъектов) пока что не предусмотрены на уровне специальной нормы. Соответственно, установление понятия

Nikolay A. Konorezov
Assistant of the Department
Civil Process
and International Legal Law
Faculty named after A.A. Khmyrov,
Kuban State University
konorezov@list.ru

ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF SUBJECTS OF CIVIL PROCEDURAL LEGAL RELATIONS

Annotation. Based on a comprehensive doctrinal and legislative approach, the article establishes the content of the concept of «subject of civil procedural relations», considers and substantiates the main classifications of subjects of legal relations, in accordance with the current Code of Civil Procedure of the Russian Federation. The author indicates not only the legislative classification (for the court, the participants in the case, as well as persons assisting in the administration of justice), but also approaches to the division of subjects depending on their interest in the outcome of the case, the obligation to participate in a particular type of proceedings.

Keywords: civil procedural law, civil proceedings, procedural personality, court, assistance in the administration of justice, expert, specialist, witness.

«субъект гражданско-процессуального правоотношения», а также выделение отдельных видов субъектов возможно на основе комплексного анализа теоретических представлений, конструкции глав и разделов ГПК РФ. Категория «гражданско-процессуальное правоотношение» является базовой для определения всей сущности, назначения гражданского судопроизводства. В этой связи стоит согласиться с А.Х. Гольмстеном, который ещё более столетия назад устанавливал, что «наука гражданского процесса – это в принципе учение о процессуальном отношении; иные изучаемые наукой отношения будут носить характер вспомогательных и второстепенных» [3, с. 3].

Таким образом, уточнение круга субъектов процессуальных правоотношений будет играть большую роль и в формировании единообразных принципов практики применения ГПК, выражаемых в руководящих документах Верховного Суда РФ, актах органа конституционного судопроизводства.

В работах дореволюционных авторов классификация субъектов производилась по различным

основаниям. Так, к примеру, В.И. Адамович предлагал подразделять участников гражданского судопроизводства в зависимости от наличия у них властных полномочий – на «должностные органы, а также на частных лиц». Для должностных лиц главным назначением являлось отстаивание публичных интересов в делах частного производства, а также содействие суду в обеспечении возложенных на судью обязанностей. В свою очередь, для частных лиц характерны отстаивание и защита своих имущественных (или связанных с ними неимущественных) благ путём обращения в суд. К числу таких субъектов В.И. Адамович прямо относил участников тяжб (стороны), поверенных, иных третьих лиц [4, с. 78].

Более «узкую» трактовку круга субъектов гражданского судопроизводства определяли уже советские исследователи в области процессуального права. С.А. Абрамов писал: «Гражданско-процессуальную правосубъектность имеют только те лица, которые в соответствии с законом наделены кругом определённых обязанностей применительно к конкретному производству». Соответственно, по мнению данного исследователя, субъектами процесса могут выступать только суд, стороны, а также лица, содействующие реализации судом и сторонами своих процессуальных правомочий (к примеру, представителей сторон или прокурора, участвующего от имени неопределённого круга лиц) [5, с. 99]. М.А. Гурвич, в свою очередь, отмечал, что субъектом гражданского процесса допустимо определять часть лиц, особую категорию граждан, организаций и государственных должностных лиц. При этом понятие «лица, участвующие в производстве» – более узкое понятие, в сравнении с субъектами судопроизводства. Соответственно, по мнению М.А. Гурвича, «субъекты гражданского процесса – это суд, стороны, третьи лица, а также лица, которые защищают чужие интересы от своего имени». Таким образом, для раннесоветского периода развития науки гражданского процессуального права главным критерием, позволяющим отнести участника процессуальных отношений к числу субъектов права, являлось наличие *заинтересованности в исходе дела* (для сторон и третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования), а также *наличие властных полномочий* в сфере судопроизводства (для суда и прокурора при его наличии в конкретном деле) [6, с. 46].

В свою очередь, с момента принятия нового гражданского процессуального законодательства (Основ гражданского судопроизводства СССР и союзных республик, а также соответствующих республиканских процессуальных кодексов) в теории по-новому встаёт вопрос о чётком определении критериев процессуальной правосубъектности. В данной связи интересно выделить позицию Д.М. Чечота, определявшего, что «участники гражданского процесса (субъекты судопроизводства) представляют собой круг субъектов гражданско-процессуального права, имеющие возможность в силу закона посредством своих действий активно влиять на ход разбирательства (т.е., провоцировать путём своего обращения начало или прекращение производства, способствовать движению дела); участники

гражданского судопроизводства вступают в процесс с целью защиты своих прав, а также прав иных лиц (если это для них возможно в соответствии с законом)». Исходя из этого, исследователь считал некорректным отнесение суда к кругу субъектов гражданского процесса, так как он имеет особое положение, поскольку выступает не в защиту каких-то своих собственных прав, а в интересах Конституции и закона, осуществляя правосудие [7, с. 8, 12]. В принятых в 1960-ых гг. процессуальных кодексах упоминалось понятие «участники процесса», что позволило Д.Р. Джалилову выделить общую категорию «лица, участвующие в деле», наделив процессуальными правами и обязанностями, в том числе, и суд [8].

Таким образом, можно выделить следующие условия, которые позволяют субъекту иметь достаточный набор возможностей, чтобы считаться участником гражданско-процессуальных правоотношений:

- 1) наличие в процессуальном законе нормы права, которая позволяет индивидуальному или коллективному субъекту участвовать в конкретном процессуальном правоотношении (например, установление территориальной или предметной подсудности в отношении отдельного суда);
- 2) совершение действия (бездействия), которое является юридическим фактом, порождающим у лица возможность участвовать в процессуальных отношениях (например, подача искового заявления).

Для начала необходимо определить виды субъектов с точки зрения общей теории права, поскольку из доктринальных признаков можно затем определить специфику, присущую тому или иному субъекту уже в связи с гражданско-процессуальным разбирательством. Действующим ГПК РФ круг субъектов гражданского процесса может быть косвенно определён по итогам анализа и обобщения целого ряда норм начальных глав процессуального акта. Так, ст. 2 в числе задач гражданского судопроизводства определяется «защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов» индивидуальных и коллективных субъектов производства (т.е., граждан и организаций). Расширенная трактовка понятия «граждане», общепринятая не только в ГПК РФ, но и в общих положениях Гражданского кодекса Российской Федерации [9, с. 4], позволяет относить к кругу лиц с процессуальной правосубъектностью не только граждан Российской Федерации, но и апатридов, а также - иностранных граждан. Кроме того, в ст. 2 отдельно указывается защита «прав и интересов» публично-правовых образований – Российской Федерации в целом, её субъектов, а также муниципальных образований. Поскольку в последнем предложении ст. 2 в качестве задачи судопроизводства определено также и «формирование уважительного отношения к закону и суду», необходимо говорить, в том числе, и о суде, как особом участнике процессуальных отношений, непосредственно реализующем свою властную сущность при рассмотрении и разрешении конкретного дела.

В современном определении гражданских процессуальных правоотношений, предлагаемом С.В. Потапенко в результате исследования положений уже действующего ГПК РФ, отдельно отмечается, что суд «является обязательным участником соответствующего правоотношения; на суд возлагается функция непосредственного рассмотрения и разрешения гражданских дел» [10, с. 255]. Следовательно, уместно говорить о суде, как особом и обязательном участнике гражданского процесса, имеющем исключительные функции, обусловленные положением судебной власти в системе органов государственной власти.

М.С. Шакарян, в свою очередь, отдельно определяла судебные органы как одну из групп субъектов гражданско-процессуальных отношений (коллегиальные или единоличные суды, а также иные должностные лица суда) [11, с. 94]. Вне зависимости от конкретной разновидности судопроизводства, защита прав заявителей – с одновременным обеспечением публичных интересов – составляют сущность судопроизводства, как единственной конституционной формы осуществления правосудия [12, с. 8].

В свою очередь, остальные участники гражданского судопроизводства, по смыслу ГПК РФ, могут быть разделены, наряду с судом, на следующие группы:

- лица, участвующие в деле;
- лица, которые содействуют правосудию по гражданским делам.

Лица, участвующие в деле – это такие субъекты судопроизводства, которые, имея самостоятельный юридический интерес к исходу дела, в целях постановления соответствующего их интересу решения суда действуют в процессе от своего имени, участвуют в осуществлении отдельных процессуальных действий – юридических фактов,

Литература:

1. *Потапенко С.В.* Личные неимущественные права на жизнь и здоровье / С.В. Потапенко // Кубанское агентство судебной информации PRO-SUD-123.RU: Юридический сетевой электронный научный журнал. 2019. № 2(9). С. 71–83.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 16 апреля 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. *Гольмстен А.Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб., 1899. 508 с.
4. *Адамович В.И.* Очерки русского гражданского процесса. СПб., 1895. 576 с.
5. *Абрамов С.Н.* Советский гражданский процесс. М.: Госюриздат, 1952. 420 с.
6. *Гурвич М.А.* Лекции по советскому гражданскому процессу. М.: Тип. «Красная звезда», 1950. 194 с.

влекущих за собой возникновение, развитие и прекращение производства по конкретному делу. К числу участников дела статьей 34 ГПК РФ относятся не только стороны, но и третьи лица (с заявлением самостоятельных требований или без таковых), прокурорские работники, лица, которые обращаются в суд с вступлением в процесс для защиты прав, свобод и законных интересов других лиц, а также органы публичной власти, участвующие в процессе с целью дачи заключения по делу.

При этом «содействие правосудию» рассматривается в теории гражданского процесса как «профессионально обоснованное участие в производстве по делу, служебно-вспомогательное участие, при отсутствии юридического интереса в исходе разбирательства» [13, с. 108]. К числу таких лиц надлежит относить эксперта и специалиста (носителей специальных знаний), переводчиков, свидетелей. Отметим, что с 2018 г. в число самостоятельных субъектов включён помощник судьи, оказывающий содействие судье в подготовке и организации разбирательства (например, посредством ведения протокола судебного заседания).

Интересно также отметить позицию Р.А. Ахмедова, выделяющего необходимых участников судопроизводства (вне зависимости от категории дела) – суд, стороны (для искового производства), заявители, иные заинтересованные лица (в делах особого производства). В свою очередь, остальные субъекты гражданского процесса являются *прочими (или необязательными)* [14, с. 64].

Таким образом, в рамках статьи подробно рассмотрено содержание понятия «субъект гражданского правоотношения», исходя из законодательного закрепления и доктринальных позиций определены некоторые разновидности субъектов гражданского процессуального права.

Literature:

1. *Potapenko S.V.* Personal non-property rights to life and health / S.V. Potapenko // Kuban Judicial Information Agency PRO-SUD-123.RU: Legal online electronic scientific Journal. 2019. № 2(9). P. 71–83.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 № 138-FZ (ed. of April 16, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.
3. *Golmsten A.H.* Textbook of Russian civil procedure. SPb., 1899. 508 p.
4. *Adamovich V.I.* Essays on Russian civil procedure. SPb., 1895. 576 p.
5. *Abramov S.N.* Soviet civil procedure. M.: Gosyurizdat, 1952. 420 p.
6. *Gurvich M.A.* Lectures on Soviet civil procedure. M.: Type. «Red star», 1950. 194 p.

7. *Чечот Д.М.* Участники гражданского процесса. М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1960. 196 с.

8. *Джалилов Д.Р.* Лица, участвующие в гражданских делах искового производства. Душанбе, 1965. 160 с.

9. *Потапенко С.В.* О сходстве и различиях принципов гражданского и административного судопроизводства / С.В. Потапенко // Очерки новейшей камералистики. 2019. № 1. С. 2–6.

10. *Потапенко С.В.* К вопросу о правовой природе, понятии и внутренней структуре гражданского иска в российском уголовном процессе / С.В. Потапенко; Отв. ред. В.А. Семенов // Судебная реформа в современной России: результаты, проблемы и перспективы. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Кубанского государственного университета. Краснодар, 2020. С. 252–261.

11. *Шакарян М.С.* Понятие субъектов советского гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация / М.С. Шакарян // Труды ВЗЮИ. Т. XVII. С. 70–165.

12. *Мохов А.Ю.* Судопроизводство в Российской Федерации: понятие и виды / А.Ю. Мохов, Ю.О. Казаченко // Правовая позиция. 2022. № 1. С. 6–10.

13. *Городнова О.Н.* Проблемы и перспективы правового регулирования статуса лиц, содействующих осуществлению правосудия, в гражданском процессе / О.Н. Городнова, А.А. Макарушкова // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 1. С. 103–115.

14. *Ахмеров Р.А.* Юридическая заинтересованность как критерий классификации субъектов гражданских процессуальных правоотношений / Р.А. Ахмеров // Советник юриста. 2018. № 1. С. 62–68.

7. *Chechot D.M.* Participants in the civil process. M. : State publishing house of legal literature, 1960. 196 p.

8. *Dzhalilov D.R.* Persons involved in civil cases of claim proceedings. Dushanbe, 1965. 160 p.

9. *Potapenko S.V.* On the similarity and differences of the principles of civil and administrative proceedings / S.V. Potapenko // Essays of the newest cameralistics. 2019. № 1. P. 2–6.

10. *Potapenko S.V.* On the question of the legal nature, concept and internal structure of a civil claim in the Russian criminal process / S.V. Potapenko; Ed. by V.A. Sementsov // Judicial reform in modern Russia: results, problems and prospects. Materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Kuban State University. Krasnodar, 2020. P. 252–261.

11. *Shakaryan M.S.* The concept of subjects of Soviet civil procedural law and legal relations and their classification / M.S. Shakaryan // The works of VZYUI. Vol. XVII. P. 70–165.

12. *Mokhov A.Yu.* Legal proceedings in the Russian Federation: concept and types / A.Yu. Mokhov, Yu.O. Kazachenko // Legal position. 2022. № 1. P. 6–10.

13. *Gorodnova O.N.* Problems and prospects of legal regulation of the status of persons assisting in the administration of justice in civil proceedings / O.N. Gorodnova, A.A. Makarushkova // Actual problems of Russian law. 2020. Vol. 15. № 1. P. 103–115.

14. *Akhmerov R.A.* Legal interest as a criterion for classifying subjects of civil procedural legal relations / R.A. Akhmerov // Lawyer's Adviser. 2018. № 1. P. 62–68.

Коротаева Марина Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент,
адвокат,
Ставропольская
краевая коллегия адвокатов
marjna@inbox.ru

Marina A. Korotaeva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Lawyer,
Stavropol
Regional Bar Association
marjna@inbox.ru

Халатность ПРИ РОДОВСПОМОЖЕНИИ

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме квалификации халатности при родовспоможении повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью или смерть. Подробно рассмотрены периоды начала жизни при физиологических и патологических родах, кесаревом сечении и аборте в поздние сроки беременности по социальным показаниям. Рассмотрено уголовно-правовое значение начала жизни для квалификации халатности.

Ключевые слова: халатность, жизнь, начало жизни, установление момента начала жизни, квалификация халатности.

Анализируя статистику осложнений при родовспоможении (родоразрешении) обращает на себя внимание увеличение случаев наступления расстройства здоровья, в том числе повлекшие за собой тяжкие последствия в виде тяжкого расстройства здоровья, как у роженицы, так и новорождённого, наступления смерти роженицы и (или) новорождённого [1].

Однако рассматривать начало деяний врачей, повлекших последствия, которые могут привести к материальным последствиям, - это период беременности, то есть, за определённый период до наступления родоразрешения или родовспоможения.

Как правило, это не правильный выбор тактики ведения беременности, выразившейся в недостаточном обследовании, отказ от специальных генетических исследований в полном объеме, игнорировании наследственной патологии в роду беременной или даже не достаточное уделенное внимание жалобам женщины. На основании указанного, врач может не обоснованно отказаться от назначения консультаций узких специалистов. В отдельных случаях, при выявленной патологии может быть назначено не адекватное, не полное или не достаточное лечение беременной женщины.

Таким образом, в период ведения беременности деяния врача в части халатности будут выражены в следующем:

KHALATNOST DURING CHILDBIRTH

Annotation. This article is devoted to the problem of qualification of negligence in obstetrics resulting in grievous bodily harm or death. The periods of the beginning of life in physiological and pathological childbirth, caesarean section and abortion in late pregnancy for social reasons are considered in detail. The criminal-legal meaning of the beginning of life for the qualification of crimes is considered. defining the beginning of a person's life.

Keywords: khalatnost, life, beginning of life, establishment of the moment of beginning of life, qualification of khalatnost.

1. Выбор и назначение заведомо неправильного лечения (в отдельных случаях в силу некомпетентности, но требующей исключения врачебной ошибки). Это приводит к тяжкому вреду здоровья как матери, так и (или) в последствии родившегося ребёнка.

2. В случае развившегося тяжкого состояния здоровья беременной женщины, роженицы в следствие неправильной, ошибочной оценки состояния здоровья, в том числе угрожаемого жизни как самой беременной женщины, так и в дальнейшем родившегося ребёнка.

3. По разным причинам выбор легко переносимого, но недостаточного варианта лечения развившегося болезненного состояния, даже угрожаемого жизни беременной женщины и (или) плода, тогда как надо было принимать срочное и полноценное лечение, врачебное вмешательство.

Трудно установить противоправное деяние, как халатность, - это в период родоразрешения, родовспоможения. В этом случае, необходимо рассматривать деяния в зависимости от наступивших последствий: тяжкий вред здоровью или смерть.

Для квалификации противоправных деяний как халатность имеет значение начало жизни новорождённого. Учёные в области уголовного права настойчиво определяют этот момент по разному, не обращая внимание на мнение врачей, судебно-медицинских экспертов, значительное

количество научных публикаций, которые не имеют единого подхода в определении начала жизни новорождённого. Это влияет и на допущенные ошибки при квалификации халатности врача ведущего роды.

Э.Ф. Побегайло определяет начало жизни человека с начала родового процесса [2, с. 96–98]. Н.К. Семернева определяет начало жизни человека с момента начала процесса рождения. Данный процесс она определяет с момента прорезывания головки ребенка, выходящего из утробы матери [3, с. 156]. А.Н. Красиков указывает на медицинские критерии определения начала жизни новорожденного ребенка. [4, с. 103] Мнения ученых расходятся.

По всей видимости, более точной является следующая формулировка, которая была дана мной в научной статье в 2018 г.: «Жизнь – это физиологическое состояние организма, при котором все его системы, части и органы функционируют при органической целостности организма» [5].

Правильным данное определение может считаться на основании того, что именно конкретное состояние новорождённого соответствует автономному существованию, самостоятельно работает дыхательная система обогащая кровь кислородом, запускаются процессы биохимического обмена выработки необходимых гормонов, самостоятельно работают все органы и системы, есть признаки функциональной целостности организма новорождённого.

Подтверждением верности суждения является то, что не может считаться началом жизни новорождённого начало родовой деятельности, так как в родовом процессе находится плод и нет твёрдой убеждённости, чем закончится этот родовой процесс (живорождённым мертворождённым).

Неверно и суждение, о том, что начало жизни определяется с начала врезывания головки плода, так как имеют место и другие предлежания (лицевое, тазовое, ножное). Исходя из такого суждения, началом жизни определяется только головное предлежание, что категорически не может быть правильным, так как имеются и другие части тела, которые в родовой период врезывания появляются из родовых путей.

И самый главный аргумент – в период родовой деятельности в процессе участвует плод, который не может существовать автономно, – и только по окончании родового процесса – появляется новорождённый. Плод-это единое целое с организмом женщины, и только новорождённый является автономно существующим.

Таким образом, до сих пор не совпадают понятия начала жизни с позиции медицины и уголовного права, что приводит к неверной квалификации халатности, значительно снижая количество случаев привлечения к уголовной ответственности врачей, акушеров участвующих в родоразрешении женщины.

Необходимо отметить, что рассматривая халатность, необходимо остановиться на ситуации родоразрешения при физиологических, патологических родах и кесареву сечению. Это необходимо для того, что привычно с родами связывают врача акушера, в то время как в случае патологических родов, кесарева сечения участвуют достаточно много специалистов в высшем образованием.

При физиологических родах невозможно вести речь о халатности, – халатность возникает при патологических родах и кесаревом сечении. Именно в таких ситуациях устанавливаются признаки тяжкого вреда здоровью или смерть новорождённого и (или) матери. Это возникает ввиду отклонения в родовой деятельности, развития дискоординации, гипоксии плода и приводит к травмированию как матери, так и новорождённого, вызванные неверным принятием решения при родоразрешении.

Именно в таких случаях возникает сложность установления живорождённости, так как в тяжелых случаях проводятся реанимационные мероприятия и признаки халатности могут возникнуть как у врача-акушера, который родоразрешал, так и у врача анестезиолога- реаниматолога, врача неонатолога.

Несомненно, судебно-медицинский эксперт проводит пробу лёгочного комплекса на наличие воздуха в лёгких (признак самостоятельного вдоха), но при реанимационных мероприятиях эта проба будет ложно положительной. Мертворождённость или живорождённость с последующим наступлением смерти возможно только на основе поведения биохимического анализа крови, забор которой проводится у трупа новорожденного или у мёртворождённого плода.

Именно биохимический анализ даст возможность определить включение биохимических процессов жизнеобеспечения новорождённого (цикл Кребса).

Необходимо рассмотреть родоразрешение через кесарево сечение, так как в этом случае имеются свои особенности, влияющие на квалификацию халатности.

При кесаревом сечении даже извлечённый ребёнок сохраняет тесную связь с роженицей (матерью) и не является самостоятельно, автономно существующим, то есть, остается плодом до момента пережатия пуповины и понуждению к первому самостоятельному вдоху. То есть, понятие «новорождённый» может быть применено с момента автономного существования.

В том случае, когда не удается вызвать самостоятельный вдох проводятся реанимационные мероприятия с теми же последствиями и теми же признаками определяющие халатность.

Необходимо указать на ситуации, когда извлечённый плод при кесаревом сечении, не получается понудить сделать самостоятельный вдох или произвести реанимационные мероприятия путём искусственного вентилирования лёгких, которые

так же не приносят успех. Это происходит при врождённой патологии лица, верхней челюсти, ротоглотки, трахеи. То есть, при врождённых уродствах и патологиях. В этих случаях речь идёт о мертворождённости и признаки халатности могут усматриваться у врача, ведущего беременность. Но, вследствие халатности врача, можно создать условия для гибели новорождённого в родах.

Намного сложнее устанавливать противоправные деяния врача, ведущего роды при получении родовой травмы новорождённым. Это связано с тем, что не в уголовно-правовой характеристике, не в медицинских выкладках отсутствуют определения самой родовой травмы, которая имеет очень серьёзные последствия и квалифицируются как тяжкий вред здоровью, вплоть до наступления, в последствии, смерти.

На данный момент в части уголовно-правовой квалификации надо усматривать: повреждение органов с последующим нарушением компенсаторно-приспособительных механизмов новорождённого.

Конечно, в данном случае, только судебно-медицинский эксперт может установить причастность к указанной ситуации врача, ведущего беременность или врача ведущего роды.

Необходимо учитывать причины развития родовой травмы: хронические заболевания беременной женщины, вредные привычки (употребление табака, алкоголя, наркотиков), генетические патологии, образ жизни. То есть, надо разделять не управляемые ситуации (аморальный образ жизни, употребление токсических веществ или же именно халатность как врача ведущего беременность, так и ведущего роды.

Однако врач ведёт роды, акушерка проводит именно сам процесс родов. Именно с периода

Литература:

1. Федеральная служба государственной статистики. Состояние здоровья беременных, рожениц, родильниц и новорожденных. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare (дата обращения 20.04.2022).
2. *Побегайло Э.Ф.* Умышленные убийства и борьба с ними. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. Воронеж : Издательство Воронежского ун-та, 1965. 205 с.
3. *Семернева Н.К.* Вопросы квалификации умышленных убийств. Свердловск, 1984. 233 с.
4. *Красиков А.Н.* Преступления против права человека на жизнь. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. 342 с.
5. *Коротаева М.А.* К вопросу установления начала жизни при квалификации детоубийства. URL : <http://https://cyberleninka.ru/article/n/k-vopros-u-ustanovleniya-nachala-zhizni-pri-kvalifikatsii-detoubiystva/viewer> (дата обращения 20.04.2022).

врезывания головки (при головном предлежании) или тазового конца или иной части плода до извлечения плода-это действия акушерки. Но, акушерка не является должностным лицом и в случае причинения вреда плоду или роженице в случае разрывов, – к уголовной ответственности не может быть привлечена.

Следует чётко установить причинно-следственную связь между действием (бездействием) и наступлением криминального последствия в виде тяжкого вреда здоровью или смерти.

Таким образом, признаки халатности усматриваются:

– в период ведения беременности – не полноценное обследование беременной, отказ от дополнительного обследования и консультаций узких специалистов; неправильное выбранное лечение беременной, приведшее к развитию патологии у плода; не качественное проведение диагностики врачом лучевой диагностики (врач УЗИ), что привело к выбору не верной тактике родоразрешения повлекшее тяжёлые травмы роженицы, новорождённого в плоть до смерти; не стоит забывать игнорирование угрозы прерывания беременности и отсутствии направления беременной на сохранение беременности, повлекшее выкидыш, тяжкий вред здоровью женщины.

– в период родоразрешения – не внимательный осмотр роженицы и новорождённого повлекший просмотр патологии, с последующим развитием тяжкого вреда здоровью или смерти; неправильно выбранное лечение в послеродовый период женщины, в период новорождённости, что также приводит к тяжкому вреду здоровью или смерти; безосновательно проведённое кесарево сечение; послеродовые осложнения у роженицы, новорождённого (пупочный сепсис, блефарит) и более серьёзные осложнения потребовавшие реанимационных мероприятий.

Literature:

1. Federal State Statistics Service. The state of health of pregnant women, women in labor, women in labor and newborns. URL : http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/healthcare (date of application 20.04.2022).
2. *Pobegailo E.F.* Premeditated murders and the fight against them. Criminal law and criminological research. Voronezh : Publishing House of the Voronezh University, 1965. 205 p.
3. *Semerneva N.K.* Questions of qualification of premeditated murders. Sverdlovsk, 1984. 233 p.
4. *Krasikov A.N.* Crimes against the human right to life. Saratov : Saratov University Press, 1999. 342 p.
5. *Korotaeva M.A.* On the issue of establishing the beginning of life with the qualification of infanticide. URL : <http://https://cyberleninka.ru/article/n/k-vopros-u-ustanovleniya-nachala-zhizni-pri-kvalifikatsii-detoubiystva/viewer> (date of application 20.04.2022).

Крылова Виктория Николаевна
адъюнкт кафедры криминалистики
и оперативно-разыскной деятельности,
Ростовский юридический институт МВД РФ
Milena.555@mail.ru

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ВОВЛЕЧЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ДЕЙСТВИЙ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ЕГО ЖИЗНИ

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам производства одного из самых важных и сложных следственных действий, проводимых в ходе предварительного следствия по делам о вовлечении несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни – допроса. Рассмотрены уголовно-процессуальные и криминалистические особенности допроса несовершеннолетних. Предложены рекомендации, направленные на повышение эффективности производства данного следственного действия.

Ключевые слова: тактика производства допроса, несовершеннолетний, расследование вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни, психолог, педагог.

Допрос является основным следственным действием, с которого начинается расследование практически каждого уголовного дела по факту вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни и который является вторым по объёму получаемой следователем информации по событию преступления после осмотра места происшествия следственным действием.

Допрос относится к процессуально допустимому способу получения показаний. С одной стороны, допрос относится к самому распространенному следственному действию, так как основная часть материалов уголовного дела состоит из протоколов допроса, а порядок осуществления подготовки и производства допроса занимает приблизительно две трети работы органов предварительного расследования. С другой стороны, как подчеркивает Ю.П. Гармаев, допрос относится к сложному способу получения доказательств, требующих от следователя высокой общей и профессиональной культуры, познаний психологии

Victoria N. Krylova
Adjunct of the Department of Criminalistics
and Operational Investigative Activities,
Rostov Law Institute,
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

TACTICAL FEATURES OF INTERROGATION IN CRIMINAL CASES ON THE INVOLVEMENT OF A MINOR IN THE COMMISSION OF ACTIONS THAT POSE A DANGER TO HIS LIFE

Annotation. The article is devoted to certain aspects of the production of one of the most important and complex investigative actions carried out during the preliminary investigation of cases involving a minor in committing acts that pose a danger to his life – interrogation. The criminal procedural and criminalistic features of the interrogation of minors are considered. Recommendations aimed at improving the efficiency of the production of this investigative action are proposed.

Keywords: interrogation tactics, minor, investigation of the involvement of a minor in committing actions that pose a danger to his life, psychological, pedagogical.

людей, владения тактическими приемами допроса [1].

Допрос несовершеннолетних – самостоятельное следственное действие, требующее большого количества времени и действий от следователя, как во время подготовки, так и в дальнейшем его ведении и закреплении в материалах уголовного дела, которое заключается в общении следователя, дознавателя, судьи (суда) с допрашиваемым лицом с целью установления фактических обстоятельств совершения преступления, а также, лиц, его совершивших, и получения иных сведений, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу [2, с. 12].

Процессуальный порядок проведения допроса несовершеннолетних достаточно подробно регламентируется нормами УПК РФ, в которых законодатель раскрывает не только сущность данного следственного действия, но и особенности и правила его проведения. Следователь при

подготовке к допросу несовершеннолетних определяет предмет допроса, составляет план, согласно которому определяет перечень обстоятельств, подлежащих выяснению.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, при проведении допроса по уголовному делу несовершеннолетнего вправе присутствовать его законные представители. В некоторых случаях обязательно должен присутствовать педагог либо психолог, так как процесс допроса является психологическим воздействием на психику несовершеннолетнего, что может привести к замкнутости и неспособности сформулировать свои мысли при проведении следственного действия.

Рассматривая вопрос о правовом статусе психолога, следует выяснить, какие требования должны предъявляться к лицу, привлекаемому в качестве специалиста-психолога? Полагаем, что психолог должен обладать достаточными познаниями в области детской или юношеской психологии, в том числе, он должен иметь специальное в этой сфере, ему необходимо иметь практический опыт работы по обучению и воспитанию несовершеннолетних.

В ходе расследования определенного уголовного дела психолог может дать информацию, которая содержит в себе направление для изучения личности несовершеннолетнего в зависимости от вида, совершенного им преступления, подсказать возможные источники получения информации о человеке.

Сотрудничество со специалистом-психологом имеет важное значение при расследовании дел о преступлениях, совершенных группой лиц с участием несовершеннолетних. Психолог помогает следователю понять и раскрыть внутреннюю структуру группы, характер взаимосвязей между несовершеннолетними участниками, установить лидера, который осуществляет распределение ролей. Кроме того, необходимо отметить, что участие психолога в ходе допроса имеет огромное значение для расследования по уголовному делу, так как он может определить круг вопросов, которые будет задавать следователь, правильно их сформулировать для адекватного восприятия несовершеннолетним.

Педагог – это специалист, выполняющий в организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию. При этом педагог, привлекающийся следователем для производства допроса с участием несовершеннолетнего лица, должен осуществлять обучение и воспитание несовершеннолетних в общеобразовательной школе, так как педагогический работник высшей школы, работающий со студентами, в меньшей степени обладает профессиональными знаниями и навыками работы с подростками [3, с. 45].

Правильная организация допроса позволяет значительно улучшить рабочий процесс следователя, дознавателя, исключить проведение повторных и дополнительных допросов, более полно и быстро выяснить интересующую

следствие информацию, правильно провести иные следственные действия и процессуальные мероприятия, основанные на результатах ранее проведенного допроса.

Перед началом допроса следователь должен установить с несовершеннолетним потерпевшим либо свидетелем психологический контакт, для чего можно побеседовать с несовершеннолетним свидетелем или потерпевшим о школе, друзьях, любимых занятиях, фильмах и т.п. Так, следователь заранее может выяснить уровень развития ребенка, наличие у него обретенных навыков и умений. Этот момент можно выяснить, поставив соответствующие вопросы: Знаешь ли ты, какой сегодня день недели, какой месяц и число? Который, по-твоему, сейчас час? Сколько метров от двери до окна кабинета? Какого цвета шторы в кабинете и т.п.? [4, с. 25].

Потерпевшие несовершеннолетние в возрасте от 14 до 16 лет могут давать заведомо ложные показания. Следователь, используя законное психологическое воздействие, должен убедить допрашиваемого в необходимости дать правдивые показания, отказаться от своей неправильной линии поведения. Достигается последнее может посредством рефлексивного управления, посредством активного влияния на несовершеннолетнего, демонстрируя несостоятельность его утверждений, которые напрямую противоречат обстоятельствам уголовного дела.

Изобличение несовершеннолетнего во лжи достигается путем представления доказательств, постановки «правильных» вопросов – эмоциональное воздействие, которые побуждают дать правдивые показания [5, с. 26].

Результаты допроса, как и ход его проведения, фиксируются в обязательном порядке в протоколе. При этом целесообразно в ходе проведения следственного действия использовать видеофиксацию, чтобы более детально зафиксировать показания подростка, развернутые ответы на задаваемые вопросы.

Многие следователи пренебрегают данным правом, однако в фиксации хода допроса видеосъемкой есть множество плюсов, как для расследования уголовного дела, так и для самого следователя.

Во-первых, внимание следователя полностью принадлежит ребенку, это помогает быстро наладить с ним благоприятные отношения и расположить его к предстоящему допросу, а также в целом допрос провести в доброжелательной для допрашиваемого обстановке. Это также имеет важное значение, если возраст ребенка до 12 лет, так как чем ребенок младше, тем он может воспринимать следователя слишком серьезно и даже его бояться, когда тот строго задает вопросы и фиксирует его ответы письменно при нём же (печатает или записывает от руки).

Во-вторых, в плане организации работы следователя применение видеосъемки во время допроса упрощает процедуру составления протокола [6, с. 62].

Таким образом, полученные показания несовершеннолетних в ходе производства допроса, являются значительной частью доказательственной базы по уголовному делу и, естественно, имеют определенные тактические особенности, а именно:

Литература:

1. *Гармаев Ю.П.* Руководство для следователя и его общественного помощника / Ю.П. Гармаев // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 22.03.2022).
2. *Шаевич А.А.* Особенности получения показаний от несовершеннолетних: методические рекомендации / А.А. Шаевич, Е.И. Третьякова, А.Б. Соколов, В.А. Родивилина, О.В. Сергеева. Иркутск : ВСИ МВД России, 2020.
3. Особенности расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними : учеб. пособие / М.М. Душенко, Н.В. Солонникова. Краснодар : КРУ МВД России, 2021.
4. *Галкина У.В.* Роль подготовительного этапа допроса несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля / У.В. Галкина // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации : сборник научных трудов, Екатеринбург, 17 апреля 2021 года. Екатеринбург : УЮИ МВД России, 2021. С. 21–27.
5. *Ерахтина Е.А.* Значение показаний несовершеннолетних, данных в ходе проведения допроса / Е.А. Ерахтина // Правовой статус несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 10 декабря 2021 года. Красноярск : КГАУ, 2022. С. 24–27.
6. *Иващенко М.А.* Тактические особенности допроса несовершеннолетних при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, совершенных с использованием сети интернет / М.А. Иващенко; Редк. Н.В. Морозова [и др.] // Проблемы уголовно-процессуального права и криминалистики : Сборник научных статей. Орел : ОЮИ МВД России, 2021. С. 60–63.

- максимальную детализацию и конкретизацию показаний о произошедшем событии;
- анализ субъектом расследования показаний с учетом обращения внимания на обстоятельства дела.

Literature:

1. *Garmaev Yu.P.* A guide for an investigator and his public assistant / Yu.P. Garmaev // SPS Consultant Plus (date of application 22.03.2022).
2. *Shaevich A.A.* Features of obtaining testimony from imperfect witnesses: methodological recommendations / A.A. Shaevich, E.I. Tretyakova, A.B. Sokolov, V.A. Rodivilina, O.V. Sergeeva. Irkutsk : VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.
3. Features of the investigation of crimes committed by minors : textbook / M.M. Dushenko, N.V. Solonnikova. Krasnodar : Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021
4. *Galkina U.V.* The role of the preparatory stage of the interrogation of a minor victim, witness / U.V. Galkina // Trends in the development of modern criminal procedure legislation of the Russian Federation : collection of scientific papers, Yekaterinburg, April 17, 2021. Yekaterinburg : Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 21–27.
5. *Yerakhtina E.A.* The significance of the testimony of minors given during the interrogation / E.A. Yerakhtina // The legal status of minors in criminal proceedings of the Russian Federation : Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, December 10, 2021. Krasnoyarsk : KGAU, 2022. P. 24–27.
6. *Ivashchenko M.A.* Tactical features of interrogation of minors in the investigation of crimes against sexual integrity and sexual freedom committed using the Internet / M.A. Ivashchenko; Ed. N.V. Morozova [et al.] // Problems of criminal procedure law and criminalistics : Collection of scientific articles. Orel : Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia , 2021. P. 60–63.

Куемжиева Елена Геннадьевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
kuemzhieva-elena@yandex.ru

Червоная Юлия Александровна
юрист
julia05111997@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ АЛИМЕНТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Аннотация. В представленной статье произведен анализ действующего семейного законодательства России, регламентирующего порядок уплаты и взыскания алиментов. Рассмотрен ряд практических проблем, связанных с порядком установления и прекращения уплаты средств на содержание несовершеннолетних. В статье делается вывод о необходимости совершенствования действующего законодательства в целях наиболее полной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних и нуждающихся членов семьи.

Ключевые слова: алименты, правоотношения, обязательства, взыскание, семейное законодательство, спор, несовершеннолетние.

Согласно Конституции Российской Федерации, Россия – это социальное государство, признающее равенство прав и свобод человека и гражданина, что гарантирует гражданам достойную жизнь, независимо от пола, расы и других дифференцирующих признаков [1]. Для достижения этих целей государство берет на себя обязательство о заботе и обеспечении наименее защищенных граждан, таких как инвалиды, несовершеннолетние дети, совершеннолетние, но нетрудоспособные мужчины и женщины, которые по определенным обстоятельствам не способны самостоятельно обеспечить себе достойный уровень жизни.

Так как экономика одного государства не способна обеспечить всех нетрудоспособных граждан, приходится прибегать к механизмам, способствующим иным путем помогать нуждающимся слоям населения. В России, как и в большинстве зарубежных стран, установлен и активно применяется принцип социальной ответственности, действенным механизмом которого стали алиментные правоотношения, возлагающие заботу о нуждающихся нетрудоспособных гражданах на трудоспособных членов их семей при поддержке со стороны государства.

Elena G. Kuemzhieva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Civil Procedure,
Kuban State Agrarian University
kuemzhieva-elena@yandex.ru

Yulia A. Chervonaya
Lawyer
julia05111997@mail.ru

PROBLEMATIC ISSUES OF ALIMONY LEGISLATION IN RUSSIA

Annotation. The presented article analyzes the current family legislation of Russia, which regulates the procedure for paying and collecting alimony. A number of practical problems related to the procedure for establishing and terminating the payment of funds for the maintenance of minors are considered. The article concludes that it is necessary to improve the current legislation in order to most fully protect the rights and legitimate interests of minors and needy family members.

Keywords: alimony, legal relations, obligations, recovery, family law, dispute, minors.

Таким образом, исходя из субъективного состава правоотношений, мы можем сделать выводы, что алиментные обязательства присущи семейным правоотношениям, и, хотя они регулируются Семейным кодексом Российской Федерации (далее – СК РФ), четко установленного понятия не существует. Анализируя признаки и природу данного правоотношения, мы можем выделить основные тезисы, формирующие его определение:

1. Стороны алиментных обязательств – получатель и плательщик, которые должны состоять в семейных отношениях, при этом получатель – нуждающееся лицо, неспособное самостоятельно обеспечивать себе достойный для проживания уровень жизни и имеющий основания на получение денежных средств от плательщика – трудоспособного гражданина.
2. Характер алиментных обязательств – имущественный, они неразрывно связаны с личностью всех субъектов правоотношения.
3. Основанием для уплаты денежных средств является судебное решение или соглашение, которое в дальнейшем подлежит изменению, индексации или полной отмене.

4. Содержанием правоотношения является право требовать выплаты алиментных обязательств, и соответствующая обязанность осуществлять такие выплаты.

5. Данное правоотношение безвозмездное, длящееся и прекращается, как правило, каким-либо юридическим событием – смерть гражданина, достижение совершеннолетия, восстановление трудоспособности.

Исходя из вышеупомянутых признаков, можно вывести термин «алиментные правоотношения».

Алиментные правоотношения – это имущественные правоотношения, урегулированные нормами семейного права, состоящие из обязанности трудоспособных членов семей (или бывших членов семей), в силу судебного решения либо соглашения, выплачивать средства на содержание своих нетрудоспособных нуждающихся членов семей (либо бывших членов семей) при наличии установленных законом условий.

Государство, признавая семью одной из главных ценностей общества, устанавливает механизм дополнительных социальных гарантий, который в случае необходимости будет действовать наравне с государственными мерами поддержки нуждающихся граждан. Таким образом, можно смело заявлять, что семейные правоотношения – одна из самых социально-ориентированных сфер, что поддерживается наличием алиментных обязательств.

Несмотря на долгую практику применения и постоянного совершенствования алиментных правоотношений остается много спорных и законодательно неурегулированных моментов, что требует более детального рассмотрения и совершенствования, некоторые из которых мы рассмотрим в данной статье.

1. Мы уже упоминали об отсутствии в семейном законодательстве четко установленного понятия алиментных обязательств, но необходимо также отметить, что и в системе договоров необходимо определить место алиментных соглашений. Исходя из наличия своих уникальных признаков, отличающих алименты от других видов договоров, мы можем назвать их специфическим видом договора, который устанавливает и конкретизирует права и обязанности сторон, поэтому отсутствие дефиниции в законодательстве никак не обосновано.

2. Согласно статье 106 СК РФ, правом обращения в суд с требованиями об уплате алиментов наделяется только взыскатель [2]. На наш взгляд, это ограничивает права субъектов правоотношения и подлежит дополнительному урегулированию. В частности, таким правом должен быть наделяется плательщик алиментов, который в судебном порядке сможет урегулировать объем своих алиментных обязательств.

Семейное законодательство не позволяет и несовершеннолетним нуждающимся лицам обращаться в суд с требованием уплаты алиментов в

свою пользу при наличии установленных законом оснований, однако п. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ [3] и ст. 51 Федерального закона «Об исполнительном производстве» [4] рассматривают несовершеннолетних как участников процессуального и исполнительного правоотношения соответственно. То есть, несовершеннолетний гражданин может получать алименты только при условии, что один из родителей или органы опеки и попечительства выступают в суде с такой инициативой. На наш взгляд, это ущемляет их права и противоречит ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей каждому судебную защиту своих прав и свобод. Поэтому вопрос о субъектах, законодательно наделенных правом обращаться в суд с алиментными требованиями, необходимо расширить, предоставив отдельным категориям дополнительные права.

3. Присутствуют спорные вопросы и в порядке установления и прекращения уплаты средств на содержание. В частности, п. 2 ст. 120 СК РФ лишает эмансипированных несовершеннолетних алиментных платежей. Данное положение является необоснованным, так как такое решение должно приниматься при более детальном рассмотрении каждого конкретного случая. Очень часто ранняя трудовая деятельность несовершеннолетних свидетельствует как раз о материальных проблемах. При этом ст. 87 СК РФ не обязует эмансипированных граждан платить алименты своим нетрудоспособным родителям, равно как нельзя их привлечь и к дополнительным расходам в соответствии со ст. 88 СК РФ.

На наш взгляд, семейное законодательство должно предусматривать возможность продолжать алиментные выплаты в отношении эмансипированного гражданина до достижения им возраста 18 лет, исходя из конкретных жизненных обстоятельств и возможной необходимости такой эмансипации, например, если он продолжает учиться и работать, содержится в многодетной семье, исходя из условий проживания.

4. Необходимо дополнительно урегулировать вопрос об алиментных обязательствах совершеннолетних детей в отношении родителей, установивших свое отцовство после достижения детьми возраста 18 лет.

В соответствии со ст. 87 СК РФ, в данном случае, родитель будет в праве требовать уплаты алиментов в случае нужды. Однако необходимо принимать во внимание и мотивы установления такого отцовства. То есть, если родитель знал о существовании данного ребенка, но на протяжении 18 лет не принимал никакого участия в его жизни, не стремился признать отцовство, имея на это возможность, можно сделать вывод о том, что отцовство было установлено только ради получения выгоды, в таком случае в уплате алиментов должно быть отказано.

Несмотря на то, что в деятельности судов такая практика существует, необходимо, прежде всего, фактическое закрепление данных положений в законодательстве.

5. В связи с большим ростом браков, осложненным иностранным элементом, все чаще встает вопрос о взыскании алиментов за границей. В международном сообществе уже давно действует ряд универсальных договоров, регулирующих признание и исполнение алиментных обязательств на территории иностранного государства. Например, Нью-Йоркская Конвенция от 20 июня 1956 года о взыскании за границей алиментов, Га-агская Конвенция от 02 октября 1973 года о праве, применимом к алиментным обязательствам и ряд других.

Для российской правовой системы данные правовые акты не применимы, так как она не является их участницей. В данной области урегулированы отношения только между Россией и странами-участницами СНГ.

Конечно, нельзя утверждать, что наличие международного договора станет гарантом положительного урегулирования всех спорных вопросов, касающихся алиментных обязательств, однако, это, в определенной степени, гарантирует права

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Российская газета. 25 декабря.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. №138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

граждан и их защиту на территории большого количества государств. Именно поэтому мы считаем, что ратификация ряда Конвенций может урегулировать возникающие спорные вопросы.

К тому же, в нашей стране существует острая проблема взыскания алиментов с должников, находящихся за границей, что еще раз подчеркивает необходимость в присоединении к уже действующим международным договорам, регулирующим данную сферу правоотношений, а также в заключении новых двусторонних договоров с теми государствами, с которыми до сих отсутствуют рычаги взаимодействия по взысканию алиментов с уклоняющихся от их уплаты граждан на территории соответствующего государства.

В данной статье мы раскрыли не только положительные стороны алиментных правоотношений, но и указали на необходимость совершенствования данных норм для более полной защиты прав нуждающихся граждан в условиях современного общества и гражданского оборота.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993. // Russian newspaper. December 25th.
2. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 № 223-FZ // SZ RF. 1996. № 1. Art. 16.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation dated November 14, 2002 № 138-FZ // SZ RF. 2002. № 46. Art. 4532.
4. On enforcement proceedings: Federal Law of 02.10.2007 № 229-FZ // SZ RF. 2007. № 41. Art. 4849.

Курбатова Светлана Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент,
Красноярский государственный
аграрный университет
sveta_kurbatova@mail.ru

**О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЛИЦ
С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
В ПЕРИОД С 1917 ПО 1960 ГГ.**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с правовым регулированием особенностей участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями советского государства в первую половину его существования. Анализируется законодательство данного периода на предмет его содержания и совершенствования в формировании института участников уголовно-процессуальных правоотношений, начавшегося во времена предыдущих периодов истории России. Рассматриваются особенности правового статуса лиц, которые в силу возраста, болезни и иных причин имеют ограниченные возможности в самостоятельном осуществлении своего полноправного участия в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства, ограниченные возможности, процессуальный статус, советское государство, право.

Правовое регулирование вопросов, связанных с особенностями процессуального статуса участников уголовного судопроизводства, имеющих ограниченные возможности, начало которому было положено в предыдущих исторических периодах Российского государства, а особенно интенсивно осуществлялось в XIX в., продолжает свое развитие и во времена советского государства. При этом основой формирования советских уголовно-процессуальных правовых норм стал процесс отмены имперского законодательства, произошедший после Октябрьских событий 1917 года, в том числе и в сфере судопроизводства. В частности, принятием Декрета о суде от 22 ноября 1917 г. № 1 [1] были упразднены «общие судебные установления» (п. 1), «институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно – и институты присяжной и частной адвокатуры» (п. 3) и т.д. В 1918 г. прекращает действовать Устав уголовного судопроизводства, который содержал целый ряд положений, закреплявших особенности правового статуса лиц с ограниченными возможностями как участников

Svetlana M. Kurbatova

Candidate of Law Science,
Associate Professor,
Krasnoyarsk State Agrarian University
sveta_kurbatova@mail.ru

**ON THE LEGAL STATUS
OF PERSONS WITH DISABILITIES
IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS
OF THE SOVIET STATE
IN THE PERIOD FROM 1917 TO 1960**

Annotation. The article deals with issues related to the legal regulation of the peculiarities of participation in criminal proceedings of persons with disabilities of the Soviet state in the first half of its existence. The legislation of this period is analyzed for its content and improvement in the formation of the institution of participants in criminal procedural legal relations, which began during the previous periods of the history of Russia. The features of the legal status of persons who, due to age, illness and other reasons, have limited opportunities in the independent exercise of their full participation in criminal proceedings are considered.

Keywords: participants in criminal proceedings, limited opportunities, procedural status, soviet state, law.

производства по уголовным делам. Но уже в 1922 г. был принят первый Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [2], который закрепил:

- 2 порядка рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних – судебный и административный, а в 1927 г., после соответствующих изменений, впервые ввел законных представителей в качестве участников уголовного судопроизводства;
- обязательное участие защитника по делам немых, глухих и вообще лиц, лишенных в силу физических недостатков способности правильно воспринимать те или другие явления;
- участие переводчика (ст. 76), при том, что согласно ст. 143, 170: «При допросе немого, глухого или лица, говорящего на языке, непонятном для следователя, приглашается переводчик или лицо, понимающее знаки немого и глухого: участие этих лиц в допросе отмечается в протоколе, который подписывается этими лицами»;

– норму, по которой «определение возраста обвиняемого при отсутствии надлежащих документов производится путем медицинского освидетельствования, в тех случаях, когда есть основания полагать, что обвиняемый является несовершеннолетним» (ст. 144);

– целую главу (XVI), посвященную определению психического состояния обвиняемого для решения вопроса при «наличии в деле указаний на невменяемое состояние обвиняемого во время совершения преступления или на болезненное расстройство душевной деятельности, возникшее после совершения преступления» (ст. 199), в судебном порядке рассмотреть вопрос о прекращении (или о приостановке до выздоровления обвиняемого) производства по данному уголовному делу.

Таким образом, можно отметить, что законодатель продолжил развитие тех социально-гуманистических идей, которые нашли свое отражение в нормах Устава уголовного судопроизводства 1864 г.

Следующий этап развития советского уголовно-процессуального законодательства в контексте рассматриваемой проблематики связан с 1923 годом, когда постановлением ВЦИК утверждается новый текст Уголовно-процессуального кодекса [3], среди социально значимых положений которого можно выделить следующие:

– «Лица, моложе 14 лет, в зал судебного заседания не допускаются» (ст. 20).

– Также, предусматривается участие переводчика для не владеющих русским языком или языком большинства проживающих в данной местности, причем обеспечение этого возложено на суд (ст. 22).

– «Законные представители» означают – родителей, опекунов и представителей тех учреждений и организаций, на попечении которых находится данное лицо» (п. 7 ст. 23).

– В отдельной главе сконцентрированы основные положения «о составе суда, сторонах и об отводе» (гл. 3);

– Представителями потерпевшего могут быть «члены коллегии защитников, близкие родственники потерпевшего, или его законные представители, а также, уполномоченные профессиональных союзов и инспектора труда» (ст. 51), а ст. 52 содержала схожее положение применительно к представителям интересов гражданского истца.

– Защитниками могли быть «члены коллегии защитников, близкие родственники обвиняемого, уполномоченные представители государственных учреждений и предприятий», а также, по особому разрешению суда, иные лица (ст. 53).

Как и в УПК 1922 г., согласно п. 2 ст. 55 УПК 1923 г., участие защитника было обязательно «по делам немых, глухих и вообще лиц, лишенных в силу физических недостатков, способности правильно воспринимать те или другие явления».

– В главе 4 «Доказательства», п. 2 ст. 61 предусматривал, что «Не могут быть вызываемы и допрашиваемы в качестве свидетелей: лица, которые ввиду своих физических и психических недостатков не способны правильно воспринимать имеющие значение по делу явления и давать о них правильные показания».

Примечание. Для разрешения вопроса о способности лица быть свидетелем могут быть приглашаемы эксперты».

– Примечание к ст. 63 («Эксперт») закрепляло, что «Вызов экспертов обязателен для ... определения психического состояния обвиняемого или свидетеля в тех случаях, когда у суда или у следователя по этому поводу возникают сомнения».

– Ст. 132 содержит ранее существовавшее предположение, что если обвиняемый не может явиться на допрос к следователю по болезни, то тот может провести допрос по месту нахождения обвиняемого.

Сохранились также нормы:

– о запрете угроз и насилия (ст. 136);

– про то, что «При допросе немого, глухого, или лица, говорящего на языке, не понятном для следователя, приглашается переводчик или лицо, понимающее знаки немого или глухого; участие этих лиц в допросе отмечается в протоколе, который подписывается этими лицами» (ст. 140, 167);

– при наличии оснований считать, что обвиняемый несовершеннолетний, должно быть произведено медицинское освидетельствование с целью определения его возраста (ст. 141).

По-прежнему присутствует гл. XVI «Определение психического состояния обвиняемого», содержание которой осталось неизменным.

А в числе оснований для отсрочки приведения в исполнение приговора присутствуют:

– болезнь осужденного, препятствующая отбытию им назначенного наказания (до их выздоровления);

– беременность осужденной (исполнение откладывается до истечения 2 месяцев после родов);

– если немедленное отбытие осужденного негативно скажется для членов его семьи – может повлечь тяжкую болезнь или смерть и др. (ст. 456).

Можно сделать вывод о том, что основные гуманистические положения Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г. остались неизменными и в тексте УПК РСФСР 1923 г., несмотря на то, что появились несколько новых статей, содержащих в себе социально значимые аспекты. Также, принимались различные правовые документы, которые регулировали отдельные вопросы, касающиеся уголовного судопроизводства с участием социально незащищенных категорий лиц, но в основном несовершеннолетних. Например, было Постановление Президиума

Верховного Суда РСФСР от 3–4 августа 1935 г., рекомендовавшее вручать повестки о вызове несовершеннолетних с одновременным извещением родителей и опекунов [4]; Циркуляр Прокурора СССР от 05 апреля 1937 г. № 21/4 «Об усилении борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», по которому местным руководящим органам следовало сообщать о выявленных недостатках работы школ, детских домов и прочих организаций, которые послужили причиной преступления детей [5]; Директивное письмо Верховного Суда и Прокуратуры СССР от 21 июня 1935 г. № 36 (71), в котором указывалась необходимость создания специализированных следователей по делам несовершеннолетних в структуре прокуратур [6]. А Приказ НКЮ СССР от 22 марта 1940 г. № 27 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» предусматривал обязательное участие в производстве по делам несовершеннолетних адвокатов, имеющих опыт работы по таким делам [7].

Однако в 30–40-е гг. XX в. отмечается репрессивный характер уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сфер, в целом [8], что стало следствием предвоенных и послевоенных лет. Так, Постановление СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 07 апреля 1935 г. «в целях быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних» разрешило «привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания... начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилий, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству» [9]. В связи с этим, 20 апреля 1935 г. был издан совершенно секретный циркуляр Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР № 1/001537-30/002517, адресованный органам прокуратуры и судам, который следующим образом пояснил взаимосвязь данного постановления и действовавших на то время «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик», по которым расстрел к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, не применялся:

Литература:

1. Декрет о суде от 22 ноября 1917 г. № 1 // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
2. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.
3. Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
4. Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 3–4 августа 1935 г. // Сборник

¹ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

соответствующие нормы Основных начал «надлежит считать отпадшими», отменив тем самым и ст. 22 УК РСФСР, которая запрещала применение расстрела к лицам до 18 лет. А Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов» предусмотрел уголовную ответственность с 12 лет и разрешил применение к ним всех мер уголовного наказания [10].

Но уже в 1941 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР применительно к двум данным документам установил, что все же «несовершеннолетние привлекаются к уголовной ответственности начиная с 14-летнего возраста» [11].

При этом в основных уголовных законах страны нижние границы возраста уголовной ответственности проходили в пределах от 14 до 16 лет (таким образом, получается, что вышеуказанные акты на период своего действия имели большую юридическую силу, чем законы):

- Руководящие начала 1919 г. – 14 лет [12];
- УК РСФСР 1922 г. – 16 лет [13];
- УК РСФСР 1926 г. – 14–16 лет [14], и затем эти нижние границы оставались без изменений в советском уголовно-процессуальном законодательстве.

При этом следует отметить, что нормы Постановления СНК СССР от 07 апреля 1935 г. и Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. на практике не получили широкого применения, особенно, при решении вопросов о назначении наказания в виде смертной казни.

В дальнейшем, гуманизация уголовного судопроизводства продолжилась в нормах следующего УПК РСФСР, 1960 г.¹, принятого вслед за Основами уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г.², и вступившего в силу с 01 января 1961 г.

Literature:

1. Decree on the Court of November 22, 1917 № 1 // SU RSFSR. 1917. № 4. Art. 50.
2. Resolution of the Central Executive Committee of 25.05.1922 «On the Criminal Procedure Code» (together with the «Criminal Procedure Code of the RSFSR. F.S.R.») // SU RSFSR. 1922. № 20–21. Art. 230.
3. Resolution of the Central Executive Committee of February 15, 1923 «On approval of the Criminal Procedure Code of the RSFSR». 1923. № 7. Art.106.
4. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the RSFSR of August 3–4, 1935 // Collection of

² Закон СССР о 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1957 гг. М., 1958. С. 87–88.

5. Циркуляр Прокурора СССР от 05 апреля 1937 г. № 21/4 «Об усилении борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // Сборник приказов Прокуратуры Союза ССР. М., 1949. С. 50.

6. Директивное письмо Верховного Суда и Прокуратуры СССР от 21 июня 1935 г. № 36(71) // Сборник циркуляров и разъяснений Прокуратуры Союза ССР, действующий на 01 сентября 1936 г. М., 1936. С. 104.

7. Приказ НКЮ СССР от 22 марта 1940 г. № 27 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» // Сборник приказов и инструкций Министерства юстиции СССР 1936–1948 гг. М., 1949.

8. *Машинская Н.В.* Развитие уголовно-процессуального законодательства о досудебном производстве по делам несовершеннолетних в советский период / Н.В. Машинская // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2012. № 8. С. 104–108.

9. Постановление СНК СССР от 07 апреля 1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1935. № 81.

10. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 52. С. 54.

11. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 25.

12. Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

13. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

14. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

15. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

16. Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

current resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR 1924-1957. М., 1958. P. 87–88.

5. Circular of the Prosecutor of the USSR dated April 5, 1937 № 21/4 «On strengthening the fight against juvenile delinquency» // Collection of orders of the Prosecutor's Office of the USSR. М., 1949. P. 50.

6. Directive letter of the Supreme Court and the Prosecutor's Office of the USSR dated June 21, 1935. № 36(71) // Collection of circulars and explanations of the Prosecutor's Office of the USSR, effective on September 01, 1936, М., 1936. P. 104.

7. Order of the NKJU of the USSR dated March 22, 1940, № 27 «On judicial practice in cases of juvenile crimes» // Collection of orders and instructions of the Ministry of Justice of the USSR 1936–1948. М., 1949.

8. *Mashinskaya N.V.* The development of criminal procedural legislation on pre-trial proceedings for minors in the Soviet period / N.V. Mashinskaya // *Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2012. № 8. P. 104–108.

9. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of April 07, 1935 № 3/598 «On measures to combat juvenile delinquency» // Izvestiya CEC of the USSR and the Central Executive Committee. 1935. № 81.

10. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of December 10, 1940. «On the criminal responsibility of minors for actions that could cause a train crash» // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1940. № 52. P. 54.

11. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of May 31, 1941 «On the criminal responsibility of minors» // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1941. № 25.

12. Resolution of the People's Commissariat of the RSFSR of 12.12.1919 «Guidelines on criminal law R.S.F.S.R.» // SU RSFSR. 1919. № 66. Art. 590.

13. Resolution of the Central Executive Committee of 01.06.1922 «On the enactment of the Criminal Code of the R.S.F.S.R.» (together with the «Criminal Code of the R.S.F.S.R.») // SU RSFSR. 1922. № 15. Art. 153.

14. Resolution of the Central Executive Committee of 11/22/1926 «On the introduction of the Criminal Code of the RSFSR of the 1926 edition» (together with the «Criminal Code of the RSFSR of the Russian Federation») // SU RSFSR. 1926. № 80. Art. 600.

15. Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme RSFSR October 27, 1960) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40. Art. 592.

16. Law of the USSR on 12/25/1958 «On the approval of the Foundations of criminal proceedings of the USSR and the Union Republics» // Vedomosti of the USSR Armed Forces. 1959. № 1. Art. 15.

17. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

18. Закон СССР о 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

17. The Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on October 27, 1960) // Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR. 1960. № 40. Art. 592.

18. The Law of the USSR on 12/25/1958 «On the approval of the Foundations of criminal proceedings of the USSR and the Union Republics» // Vedomosti of the USSR Armed Forces. 1959. № 1. Art. 15.

Лаптев Дмитрий Борисович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
Западно-Сибирский филиал
Российского государственного
университета правосудия, г. Томск
Lapa612@mail.ru

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. В статье рассматриваются нормы раздела VI УК РФ. Констатируется дискуссионность категории «иные меры уголовно-правового характера» в части понятия, признаков и перечня соответствующих мер. Делается вывод, что рассматриваемые меры представлены уголовно-правовыми средствами, применяемыми в дополнение либо в качестве альтернативы реализации уголовной ответственности в форме осуждения виновного, как с назначением наказания, так и без его назначения. Автором предлагаются иные меры уголовно-правового характера законодательно дифференцировать на альтернативные и дополнительные меры.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, уголовная ответственность, альтернативные и дополнительные меры, судебный штраф, конфискация имущества, принудительные меры медицинского характера.

Появление в уголовном законодательстве категории «иные меры уголовно-правового характера» как второй колеи правовых последствий общественно опасного деяния привело к наличию не разрешенных по сей день дискуссий относительно ее содержания. В частности, А.И. Чучаев, А.П. Фирсова справедливо обращают внимание на «ограниченный гносеологический потенциал» дефиниции «меры уголовно-правового характера» [10, с. 1330–1346]. А.С. Пунигов полагает, что данный термин слишком объемный и потому не позволяет строго определить сферу применения отдельных из них [8, с. 458–466]. Отсутствие единства в понимании «меры уголовно-правового характера» логично предreshает неопределенность и в отношении круга «иных» мер уголовно-правового характера.

Недосказанность законодателя относительно понятия, классификации, целей иных мер уголовно-правового характера обуславливает наличие коллизий в уголовном законодательстве применительно к статусу отдельных уголовно-правовых средств, не являющихся наказанием, но формально не отнесенных к «иным» мерам. Очевидно, что действующий формат изложения иных

Dmitry B. Laptev
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
of the Department of Criminal Law
West Siberian branch
Russian State University of Justice, Tomsk
Lapa612@mail.ru

ALTERNATIVE AND ADDITIONAL CRIMINAL LAW MEASURES

Annotation. The article considers the norms of section VI of the Criminal Code of the Russian Federation. The discussion of the category «other measures of a criminal law nature» in terms of the concept, signs and the list of relevant measures is stated. It is concluded that the measures under consideration are represented by criminal legal means applied in addition to or as an alternative to the implementation of criminal liability in the form of conviction of the perpetrator, both with and without punishment. Other measures of a criminal law nature are proposed to be legally differentiated into alternative and additional measures.

Keywords: other measures of a criminal law nature, criminal liability, alternative and additional measures, a judicial fine, confiscation of property, compulsory medical measures.

мер уголовно-правового в УК РФ не обеспечивает соблюдение требований правовой определенности и однозначности правового регулирования.

Исходя из содержания раздела VI Общей части УК РФ, объединившего такие инструменты, как принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества, судебный штраф, можно заключить, что вторая колея правовых последствий совершения преступления (общественно опасного деяния) включает меры, применяемые в дополнение либо в качестве альтернативы реализации уголовной ответственности в форме осуждения виновного с назначением, либо без назначения наказания.

Мы сознательно используем формулировку, что иные меры уголовно-правового характера являются альтернативой либо дополнением не наказания, как это преимущественно представлено на страницах юридической печати [9], а именно, реализации уголовной ответственности в форме осуждения виновного с назначением либо без назначения наказания. Подобное уточнение считаем существенным, поскольку оно позволяет наиболее полно раскрыть специфику применения

иных мер уголовно-правового характера с учетом положений ч. 5 ст. 302 УК РФ. К примеру, сказать, что такая мера, как судебный штраф выступает альтернативной именно наказанию будет не совсем точным, поскольку в случае ее не реализации и продолжения уголовного преследования, исход дела может заключаться в обвинительном приговоре и без назначения наказания. В частности, при применении принудительных меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ).

Соответственно, принудительные меры медицинского характера могут быть, во-первых, назначены в качестве альтернативы таким формам реализации уголовной ответственности как вынесение обвинительного приговора с назначением наказания либо без его назначения (пункты 2, 3 ч. 5 ст. 302 УК РФ), во-вторых, могут дополнять объем уголовной ответственности при осуждении виновного (п. а, ч. 1, ст. 99 УК РФ).

Конфискация имущества может быть:

– во-первых, назначена в дополнение к таким формам реализации уголовной ответственности как вынесение обвинительного приговора с назначением наказания либо без его назначения (пункты 2, 3 ч. 5 ст. 302 УК РФ);

– во-вторых, решение о применении конфискации имущества может быть принято в случае прекращения судом уголовного дела (уголовного преследования) по нереабилитирующим основаниям (п. 13 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17) [7].

Во втором случае конфискацию имущества сложно отнести к альтернативной уголовной ответственности мере, поскольку она применяется не вместо уголовной ответственности, а скорее независимо от ее реализации. В случае прекращения уголовного дела (уголовного преследования) конфискация имущества в большей степени выступает дополняющим уголовно-правовое воздействие инструментом.

Судебный штраф, в соответствии со ст. 104.4 УК РФ, применяется при освобождении виновного от уголовной ответственности и, соответственно, выступает уголовно-правовой мерой, альтернативной реализации уголовной ответственности в форме вынесения обвинительного приговора как с назначением наказания, так и без его назначения. Приведенный анализ позволяет выявить отличительные свойства, присущие иным мерам уголовно-правового характера, напрямую указанным законодателем в качестве таковых. Признаками иных мер уголовно-правового характера можно назвать их «дополнительность» либо «альтернативность» по отношению к наказанию (формам реализации уголовной ответственности). Данный вывод вытекает из системного толкования положений уголовного закона, но напрямую не следует из содержания действующего раздела VI УК РФ. Очевидно, что формулировки «иные меры» без какой-либо конкретизации в законодательстве признаков рассматриваемых мер недостаточно для уяснения их сущности.

Сложившиеся правила юридической техники предполагают, что правовая терминология должна отвечать определенным требованиям: точности в обозначении того или иного понятия; единства его восприятия, а также однозначности, краткости, ясности и простоты [4, с. 183–193]. Именно с помощью соотнесения грамматического, логического смысла нормы с ее целью можно добиться того, чтобы правовая форма активно способствовала развитию регулируемых отношений [5, с. 27–28].

Полностью согласны с утверждением профессора В.В. Ершова, что право ничтожно вследствие его неопределенности (voidforvagueness); объективная необходимость непрерывного движения от неопределенности права к определенности права обусловлена его социальной природой как равной меры свободы в пределах несвободы, установленной правотворческими органами и лицами для участников динамических правоотношений [3, с. 41].

Движение от неопределенности содержания права к его определенности осуществляется посредством конкретизации [2, с. 32–44]. Правотворческая конкретизация – это объективно обусловленная, закономерная деятельность компетентных органов по установлению норм права, осуществляемая с помощью уменьшения объема понятий общей абстрактной нормы на основе расширения их содержания с целью повышения точности и определенности правовой регламентации общественных отношений [11, с. 85].

В этой связи, мы полагаем, что «абстрактную» регламентацию иных мер уголовно-правового характера важно именно на уровне закона привести в более конкретное состояние.

Иные меры уголовно-правового характера необходимо законодательно дифференцировать на альтернативные и дополнительные меры, что обеспечит соблюдение требований правовой определенности и однозначности правового регулирования отношений, связанных с установлением отличных от наказания уголовно-правовых средств, применяемых в связи с совершением общественно опасного деяния. Далее, как нам представляется, фактически, круг альтернативных и дополнительных мер не ограничен напрямую указанными в разделе VI УК РФ правовыми средствами и включает в себя некоторые другие правовые инструменты. В этой связи, важно отграничить от иных мер уголовно-правового характера: меры, относящиеся к элементам системы наказаний, освобождения от наказания, освобождения от уголовной ответственности, судимости и др. С нашей точки зрения, все указанные правовые институты пересекаются в общей (рядоположенной) категории «уголовно-правовое воздействие», но имеют принципиальные отличия между собой в целом и от иных мер уголовно-правового характера, в частности. Решение этой задачи осложняется тем, что в нормах Общей части УК РФ имеются внутренние противоречия.

Весьма проблематичным является статус условного осуждения, которое, следуя логике

законодателя, требуется рассматривать в системе норм, регулирующих порядок назначения наказания. С одной стороны, это справедливо и соответствует положениям ст. 60 УК РФ. С другой стороны, поскольку испытание при условном осуждении охватывает выполнение осужденным ряда обязанностей, назначаемых судом, правоотношение по исполнению условного осуждения приобретает дрящущий характер и сближается с правоотношениями в сфере исполнения наказания. Однако с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ необходимо отметить, что исполнение наказания имеет место только тогда, когда осужденный пребывает в месте отбывания наказания [6]. В силу ст. 74 УК РФ, возможна отмена условного осуждения и обращение приговора к исполнению. Это сближает условное осуждение с правовым режимом отсрочки отбывания наказания, однако, не в полном объеме. При условном осуждении субъект состоит на учете в уголовно-исполнительной инспекции, контролирующей его поведение, и до тех пор, пока он надлежащим образом соблюдает возложенные обязанности, течет испытательный срок. При отсрочке отбывания наказания этого не происходит. Вызывает сомнения статус принудительных мер воспитательного воздействия. Регламентируя их в гл. 14 УК РФ, законодатель исходил, очевидно, из того, что они применимы исключительно к несовершеннолетним субъектам. Это, отчасти, справедливо (хотя ст. 96 УК РФ допускает искусственное «продление» пребывания лица в статусе юридически несовершеннолетнего), однако, не в полной мере учитывает содержание и специфический статус данных мер. Отсутствует баланс между правовой характеристикой судебного штрафа в ст. 76.2 УК РФ как вида освобождения от уголовной ответственности и его статусом как иной меры уголовно-правового характера в главе 15.2 УК РФ. Освобождение от уголовной ответственности в случае возмещения ущерба или иного заглаживания вреда выступает в данном случае своеобразной льготой, применяемой судом в тех случаях, когда он признает, что лицо совершило эти действия и тем самым продемонстрировало низкую степень общественной опасности. В то же время, исключительно судебный порядок наложения судебного штрафа отграничивает его от иных видов освобождения от ответственности, применяемых другими субъектами, осуществляющими производство по уголовному делу. Фактически, статус судебного штрафа дифференцирован в рамках двух самостоятельных уголовно-правовых институтов.

Недостаточно ясности относительно критериев соотношения иных мер уголовно-правового характера с некоторыми видами освобождения от наказания (в частности, условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, освобождения от наказания в связи с болезнью и др.), а также, с заменой назначенного наказания более строгим (например, при злостном уклонении от уплаты штрафа, отбывания обязательных или исправительных работ). С нашей точки зрения, дискуссионность рассматриваемого вопроса обусловлена, в том числе, отсутствием «устойчивого» основания отбора иных мер уголовно-правового характера. Считаем, что нахождению консенсуса в данной научной дискуссии, которая, по

справедливой оценке ученых, зашла в тупик [1, с. 96], будет способствовать выработка отличительной системы признаков альтернативных и дополнительных мер.

Как нам представляется, признаки иных мер уголовно-правового характера проявляются в том, что данные меры:

- установлены уголовным законодательством;
- являются первичными правовыми последствиями совершения общественно опасного деяния;
- применяются в качестве альтернативы либо дополнения реализации уголовной ответственности;
- обладают принудительным потенциалом;
- имеют некарательный характер;
- реализуются вне уголовно-исполнительных отношений.

Сопоставив все имеющиеся уголовно-правовые инструменты с предложенными нами признаками, приходим к следующим выводам.

Альтернативными мерами уголовно-правового характера являются:

- принудительные меры медицинского характера (пункты «б» – «г» ч. 1 ст. 99 УК РФ);
- судебный штраф (ст. 104.4. УК РФ);
- принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ).

Дополнительными мерами уголовно-правового характера являются:

- конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ);
- принудительные меры медицинского характера (п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ);
- возложение обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию (ст. 72.1 УК РФ).

Таким образом, уголовное законодательство устанавливает два самостоятельных вида иных мер уголовно-правового характера: альтернативные и дополнительные меры. Альтернативные меры уголовно-правового характера есть меры реального либо потенциального государственного принуждения, исключающие реализацию уголовной ответственности в форме осуждения виновного с назначением либо без назначения наказания, и применяемые в связи с совершением общественно опасного деяния. Дополнительные меры уголовно-правового характера есть меры реального либо потенциального государственного принуждения, применяемые одновременно с реализацией уголовной ответственности в форме осуждения виновного с назначением либо без назначения наказания и в исключительных случаях при освобождении от уголовной ответственности, в связи с совершением общественно опасного деяния.

Литература:

1. Андрианов В.К. Закономерности развития и функционирования системы мер уголовно-правового характера / В.К. Андрианов, Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. 2021. – № 7.
2. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения / Н.А. Власенко // Журнал российского права. 2013. № 2.
3. Ершов В.В. Парные категории «определенность права» и «неопределенность права» / В.В. Ершов // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции : в 3 ч. М. : РГУП, 2018.
4. Исаенко В.Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций / В.Н. Исаенко // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1.
5. Насырова Т.Я. Телеологическое толкование советского права и нормотворчества / Т.Я. Насырова, В.В. Лазарев // Правоведение. 1988. № 2.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 5-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 04 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации // Рос. газ. 2016. 07 апреля.
7. Постановление Пленума Верхов. Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» // Рос. газ. 2018. 22 июня.
8. Пунигов А.С. Меры уголовно-правового характера: проблемы определения понятия / А.С. Пунигов // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1.
9. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / А.А. Арямов, Т.Б. Басова, Е.В. Благгов [и др.]; Отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: КОНТРАКТ, 2017. 384 с; Акутаев Р.М. Судебный штраф как альтернатива уголовной ответственности (уголовному преследованию): компаративистский аспект / Р.М. Акутаев, М.Ю. Юсупов // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 25; Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / И.С. Власов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина [и др.]; Отв. ред. В.П. Кашепов. М. : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018.
10. Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие: сущность и характеристика / А.И. Чучаев, А.П. Фирсова // Lex Russica. 2008. № 6.
11. Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов, 1988.

Literature:

1. Andrianov V.K. Patterns of development and functioning of the system of measures of a criminal law nature / V.K. Andrianov, Yu.E. Pudovochkin // Journal of Russian law. 2021. № 7.
2. Vlasenko N.A. Uncertainty in law: nature and forms of expression / N.A. Vlasenko // Journal of Russian law. 2013. № 2.
3. Ershov V.V. Paired categories «certainty of law» and «uncertainty of law» / V.V. Ershov // Certainty and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice: materials of the XII International Scientific and Practical Conference : in 3 parts. M. : RGUP, 2018.
4. Isaenko V.N. State prosecution in the system of criminal procedural functions / V.N. Isaenko // Actual problems of Russian law. 2019. № 1.
5. Nasyrova T.Ya. Teleological interpretation of Soviet law and rule-making / T.Ya. Nasyrova, V.V. Lazarev // Jurisprudence. 1988. № 2.
6. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.04.2016 № 5-P in the case of resolving the issue of the possibility of execution in accordance with the Constitution of the Russian Federation of the decision of the European Court of Human Rights of July 04, 2013 in the case of Anchugov and Gladkov v. Russia in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation // Ros. gas. 2016. April 07.
7. Resolution of the Plenum of Verkhov. Court of the Russian Federation of June 14, 2018 № 17 «On some issues related to the use of confiscation of property in criminal proceedings» // Ros. gas. 2018. June 22.
8. Punigov A.S. Measures of a criminal law nature: problems of defining the concept / A.S. Punigov // Actual problems of Russian law. 2007. № 1.
9. Criminal law of Russia. General and Special parts : textbook / A.A. Aryamov, T.B. Basova, E.V. Blagov, etc.; holes ed. Yu.V. Gracheva, A.I. Chuchaev. M. : CONTRACT, 2017. 384 p; Akutaev R.M., Yusupov M.Yu. Judicial fine as an alternative to criminal liability (criminal prosecution): a comparativist aspect // Russian justice. 2018. № 1. P. 25; Criminalization and decriminalization as a form of transformation of criminal legislation : monograph / I.S. Vlasov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina and others; holes ed. V.P. Kashepov. M. : IZiSP, CONTRACT, 2018.
10. Chuchaev A.I. Criminal law impact: essence and characteristic / A.I. Chuchaev // Lex Russica. 2008. № 6.
11. Shmeleva G.G. Specification of legal norms in legal regulation. Lviv, 1988.

Леонова Татьяна Вячеславовна
аспирантка уголовно-процессуальной
кафедры заочной формы обучения
факультета подготовки кадров
высшей квалификации,
Российский государственный
университет правосудия
tatayana768_768@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ ОСНОВАНИЯМ НА ПРИМЕРЕ СТ. 322.3 УК РФ

■ ■ ■
Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные с прекращением уголовных дел судом первой инстанции по специальным основаниям. Автором проводится анализ правоприменительной практики на примере особенной части УК РФ, в частности, рассматривается примечание к ст. 322.3 УК РФ, в котором содержится специальное основание освобождения от уголовной ответственности. В заключение им делается вывод о необходимости внесения изменений в уголовное законодательство для целей формирования единообразной правоприменительной практики.

Ключевые слова: условия освобождения от уголовной ответственности, примечания особенной части УК РФ, способствование раскрытию преступления.

■ ■ ■
Институт прекращения уголовного дела привлекает к себе особое внимание, так как решение о прекращении уголовного дела и уголовного преследования влечет за собой освобождение от уголовной ответственности, такое решение принимается уполномоченными органами в исключительных случаях и не является типичной формой завершения уголовно-правовых отношений. Применение положений об освобождении от уголовной ответственности базируются на принципах общих идей гуманизма и справедливости. Это связано с тем, что в отдельных случаях по отношению к правонарушителю наиболее гуманным и целесообразным будет реализация мер, направленных на прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям в связи с субъективным отношением лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние, а также это находится в тесной взаимосвязи с уровнем общественной опасности такого деяния, чем применение реальных мер государственного принуждения.

Tatyana V. Leonova
Postgraduate Student
of Criminal Procedure
Departments of Distance Learning
Faculty of Personnel Training
Highest Qualification,
Russian State University of Justice
tatayana768_768@mail.ru

ON THE ISSUE OF TERMINATION OF CRIMINAL CASES BY THE COURT OF FIRST INSTANCE ON SPECIAL GROUNDS ON THE EXAMPLE OF ART. 322.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

■ ■ ■
Annotation. The article examines issues related to the termination of criminal cases by the court of first instance on special grounds. The analysis of law enforcement practice is carried out on the example of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation, in particular, the note to Art. 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, which contains a special basis for exemption from criminal liability. In the conclusion, a conclusion is drawn about the need to amend the criminal legislation in order to form a uniform law enforcement practice.

Keywords: conditions for exemption from criminal liability, notes of the special part of the Criminal Code of the Russian Federation, contributing to the disclosure of a crime.

■ ■ ■
Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (далее – Постановление Пленума № 19), под освобождением от уголовной ответственности стоит понимать отказ государства от применения уголовно-правовых мер воздействия в отношении лица, совершившего преступление [1].

Можно разделить на две группы основания освобождения от уголовной ответственности в зависимости от их применения: на общие основания, закрепленные в общей части Уголовного Кодекса РФ (далее – УК РФ) и на специальные основания, предусмотренные в примечаниях конкретных статей особенной части УК РФ, в частности, в ст. 322.3 УК РФ.

Практика применения данного положения на данный момент достаточно противоречива и не единообразна, что указывает на необходимость

совершенствования правового регулирования данного института, это связано, в том числе и с тем, что отсутствует единое понимание понятия «способствовало раскрытию преступления». В качестве иллюстрации можно привести пример, когда, в одних случаях, суды расценивают поступки лица, совершившего преступное деяние, в виде подробных признательных показаний, дачи согласия на осмотр жилища при осмотре места происшествия, в котором лицо осуществило фиктивную постановку на учет иностранных граждан, признание вины, отсутствие судимости, как факты способствующее раскрытию преступления, вследствие чего прекращают уголовное дело и уголовное преследование, то есть правоприменительная практика осуществляется через призму общих положений о деятельном раскаянии [2].

В других случаях, при аналогичных ситуациях, суды отказывают в прекращении дела и уголовного преследования на основании примечания соответствующей статьи УК РФ, указывая на тот факт, что обстоятельства преступления были установлены еще на момент возбуждения уголовного дела, и, в таком случае, по их мнению, признательные показания не оказали никакого влияния на процесс раскрытия и расследования преступления и относятся исключительно к личной позиции лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние, что, на наш взгляд, является в корне неверной точкой зрения [3].

Так как к непосредственным основаниям для освобождения от уголовной ответственности, согласно примечанию, содержащемуся в ст. 322.3 УК РФ, относится любое способствование раскрытию этого преступления и данное основание представляет собой обязательную для применения императивную норму, не требующую характеризующих материалов на личность обвиняемого и других обстоятельств, кроме прямо в нем предусмотренных, то на наш взгляд, в данном случае, имеется определенный пробел в правовом регулировании, в соответствии с которым, лицо может неоднократно совершать указанное преступление и также неоднократно быть освобожденным от наказания, на основании примечания к ст. 322.3 УК РФ, и для предотвращения совершения аналогичных преступлений тем же лицом, по нашему мнению, необходимо добавить дополнительное ограничение, что только лицо, которое впервые совершило указанное преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию преступления, предусмотренного указанной статьей УК РФ.

Литература:

1. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

На основании положения, закрепленного в п. 7 Постановления Пленума № 19, в котором указано, что освобождение от уголовной ответственности по специальным основаниям, осуществляется в порядке, установленным примечаниями особенной части УК РФ, поэтому сообщение достоверных сведений при даче объяснений и выражения своего согласия на проведение осмотра своего жилища сотрудниками полиции в качестве осмотра места происшествия при проведении проверки в рамках ст. 144 УПК РФ, уже относится к достаточному объему для признания лица, в качестве, способствовавшего раскрытию преступления, и поэтому будет считаться достаточным основанием для обязательного освобождения лица от уголовной ответственности в соответствии с примечанием, указанным в ст. 322.3 УК РФ [4, с. 20].

В разъяснениях Постановления Пленума № 19, отсутствует четкая характеристика юридической формулировки «способствование раскрытию преступления», как и перечень необходимых действий, которые будут достаточными для признания того, что виновное лицо способствовало раскрытию преступления, так и остался открытым без указания четкого критерия [5, с. 196]. Даже, несмотря на принятие отдельного Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией», в п. 17 которого указано, что понимается под способствованием раскрытию преступления, все также отсутствует конкретный перечень следственных действий, которые будут достаточными для признания того, что виновное лицо способствовало раскрытию преступления [6].

Для формирования единообразного подхода к научному толкованию и правоприменительной практике, на наш взгляд, наиболее эффективным методом окажется сочетание необходимых законодательных изменений в совокупности с расширением разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, где необходимо отразить перечень необходимых действий, которые будут достаточными для признания того, что виновное лицо способствовало раскрытию и расследованию преступления. А также, внести изменение в примечание к ст. 322.3 УК РФ, где указать, что лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию и (или) расследованию этого преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Literature:

1. On the application by the courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 27, 2013 № 19 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2013. № 8.

2. Постановление мирового судьи Вологодской области по судебному участку № 56 № 1-30/2018 от 14 февраля 2018 г. в отношении Романцевой Н.М. по ст. 322.3 УК РФ. URL : http://56.vld.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&U1_DEFENDANT__LAW_ARTICLE=322.3&delo_id=1540006&op=sf (дата обращения 10.04.2022).

3. Приговор мирового судьи Вологодской области по судебному участку № 29 по делу № 1-11/2020 от 14 мая 2020 г. URL : http://29.vld.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=143547588&case_number=138803930&delo_id=1540006 (дата обращения 10.04.2022).

4. *Валдеев Д.Ф.* Процессуальные аспекты освобождения от уголовной ответственности по специальным основаниям, предусмотренным статьями Особенной части УК РФ / Д.Ф. Валдеев // Вопросы российской юстиции. 2015. № 1(1). С. 19–21.

5. *Акименко П.А.* Уголовная ответственность за нарушения миграционного законодательства гражданами российской федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2020. 260 с.

6. О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией Постановление Пленума Верховного суда РФ от 09.07.2020 г. № 18 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2020.

2. Decision of the Justice of the Peace of the Vologda Region in the judicial district № 56 № 1-30/2018 dated February 14, 2018 in respect of Romantseva N.M. under Art. 322.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. URL : http://56.vld.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&U1_DEFENDANT__LAW_ARTICLE=322.3&delo_id=1540006&op=sf (date of appeal 10.04.2022).

3. The verdict of the Magistrate of the Vologda Region in judicial district № 29 in case № 1-11/2020 of May 14, 2020. URL : http://29.vld.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=143547588&case_number=138803930&delo_id=1540006 (date of appeal 04/10/2022).

4. *Valdeev D.F.* Procedural aspects of exemption from criminal liability on special grounds provided for by the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation / D.F. Valdeev // Issues of Russian Justice. 2015. № 1(1). P. 19–21.

5. *Akimenko P.A.* Criminal liability for violations of migration legislation by citizens of the Russian Federation, foreign citizens and stateless persons : dis. ... cand. legal sciences. Tambov, 2020. 260 p.

6. On judicial practice in cases of illegal crossing of the State Border of the Russian Federation and crimes related to illegal migration Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2020 № 18 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. № 9. 2020.

Лозовский Денис Николаевич
доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
dlozovsky@mail.ru

Заикин Вадим Юрьевич
преподаватель кафедры
тактико-специальной подготовки,
Волгодонский филиал
Ростовского юридического института
МВД РФ
dlozovsky@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ НЕЗАКОННЫХ ОПЕРАЦИЙ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В СОСТАВЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ

■ ■ ■
Аннотация. Статья раскрывает актуальные вопросы раскрытия и расследования налоговых преступлений. На основе анализа судебно-следственной практики рассмотрены особенности организации расследования, тактики производства отдельных следственных действий, взаимодействия следователя и оперативного работника по делам исследуемой категории. Предложены рекомендации, направленные на совершенствование деятельности по раскрытию и расследованию преступлений в сфере налогообложения.

Ключевые слова: налоговые преступления; методика расследования отдельных преступлений; взаимодействие следователя и оперативного работника; организация расследования налоговых преступлений.

■ ■ ■
Среди сфер экономики, наиболее подверженных криминальному влиянию, на протяжении последних лет продолжает оставаться финансово-кредитная сфера. Осуществление незаконных финансовых операций служит основой для коррупции и организованной преступности.

Ужесточение противозаконного и налогового законодательства, усиление борьбы контролирующими и правоохранительными органами с «обналичиванием», привело к тому, что недобросовестными хозяйствующими субъектами наряду с традиционными способами все чаще

Denis N. Lozovsky
Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
dlozovsky@mail.ru

Vadim Yu. Zaikin
Teacher of the Department
of Tactical and Special Training,
Volgodonsk branch
Rostov Law Institute Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
dlozovsky@mail.ru

CERTAIN ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO THE IMPLEMENTATION OF ILLEGAL TRANSACTIONS IN THE FIELD OF TAXATION AS PART OF AN ORGANIZED GROUP

■ ■ ■
Annotation. The article reveals topical issues of disclosure and investigation of tax crimes. Based on the analysis of judicial and investigative practice, the features of the organization of the investigation, the tactics of the production of individual investigative actions, the interaction of the investigator and the operative in cases of the investigated category are considered. Recommendations aimed at improving the disclosure and investigation of crimes in the field of taxation are proposed.

Keywords: tax crimes; methods of investigation of individual crimes; interaction of the investigator and the operative; organization of investigation of tax crimes.

■ ■ ■
используются альтернативные схемы по получению наличных денежных средств.

Становление российской налоговой системы сопровождается значительным ростом количества совершаемых налоговых правонарушений. Преступления в налоговой сфере получили широкое распространение, приобрели массовый характер и являются одной из главных причин непоступления налогов в государственную казну. Исходя из этого, следует указать на особую актуальность раскрытия и расследования финансовых преступлений в условиях сложившейся в стране

политической и экономической ситуации, требующей мобилизации внутренних финансовых резервов, в том числе и с самой опасной её частью – налоговыми преступлениями [1].

Особенности деятельности по расследованию преступлений, связанных с осуществлением незаконных операций в сфере налогообложения в составе организованной группы рассмотрим на основе примера из судебно-следственной практики.

В ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности сотрудниками оперативного подразделения была получена оперативная информация о группе лиц, осуществляющей деятельность по предоставлению фиктивных, по своему содержанию, бухгалтерских документов, а также услуг по «обналичиванию» денежных средств за вычетом определённого процента. В дальнейшем фиктивные первичные документы предоставлялись «заказчиком» в налоговый орган для получения налогового вычета по налогу на добавленную стоимость и незаконного возмещения налога на добавленную стоимость.

Было установлено, что в период с 2009 по 2018 гг. организованной группой в составе 9 человек с целью осуществления незаконной деятельности в территориальных органах ФНС России в гг. Магадане, Москве, Краснодаре, а также в Московской области зарегистрированы юридические лица для последующего их задействования в разработанных членами ОГ преступных схемах.

В качестве индивидуальных предпринимателей, учредителей и руководителей, юридических лиц, привлекались подконтрольные ОГ физические лица. Для осуществления незаконной банковской деятельности использовались реквизиты более 100 формально легитимных организаций, которые фактически не осуществляли финансово-хозяйственную деятельность, были зарегистрированы на имена подконтрольных или подставных лиц, а управление их счетами осуществлялось при помощи программного обеспечения для удалённого доступа и управления банковскими счетами (система «Банк-Клиент»).

В качестве источника наличных денежных средств использовались денежные средства, полученные в кассах кредитных учреждений с расчётных счетов подконтрольных организаций с указанием обоснования снятия денежных средств – «хозяйственные расходы», «прочие расходы», «расчёты с поставщиками», а также денежные средства, полученные с расчётных счетов, оформленных на подставных физических лиц.

«Клиентам» сообщали о времени и месте выдачи наличных денежных средств на территории г. Магадана и, используя наличную денежную массу, полученную ранее в кассах банков с расчётных счетов, оформленных на подставных физических лиц, осуществляли выдачу наличности.

За совершение данных операций комиссионное вознаграждение составляло 7–10 % от сумм

безналичных денежных средств, полученных на счета подконтрольных организаций. Ущерб от преступной деятельности данной ОГ оценивается в размере более 100 млн руб.

Для выявления всех звеньев преступного сообщества, роли каждого участника и документирования механизма преступной деятельности был проведён комплекс ОРМ и следственных действий. Установлено, что роли в ПС были распределены следующим образом: организатором являлся гр. Х, который осуществлял организаторские и управленческие функции, а также разработку преступных схем.

В ПС действовало три функционально обособленных звена.

Первое звено выполняло функции по:

- проработке преступных схем ухода от налогообложения;
- регистрации в налоговом органе фиктивных юридических лиц на подставных лиц;
- контролю движения денежных потоков через фирмы «однодневки» и последующему «обналичиванию» в кредитных учреждениях.

Второе звено осуществляло:

- поиск физических лиц для оформления на них организаций, задействованных в схемах по уклонению от уплаты налогов;
- непосредственное решение вопросов, связанных с созданием и регистрацией в налоговых органах;
- открытие расчётных счетов в кредитных учреждениях;
- «обналичивание» в кредитных организациях денежных средств, полученных от «клиентов».

Третье звено реализовывало задачи по:

- изготовлению фиктивных договорных, платёжных и товаросопроводительных документов, имитирующих гражданско-правовые сделки по поставке товарно-материальных ценностей;
- подготовке и сдаче налоговой отчетности организаций, задействованных в преступных схемах.

Также, оперативным путём получены реквизиты расчётных счетов организаций и индивидуальных предпринимателей, подконтрольных ПС, бухгалтерская и налоговая документация, сведения о движении денежных средств по счетам.

В целях дальнейшего документирования деятельности участников ПС и получения дополнительных доказательств схемы преступной деятельности отдельных структурных подразделений и звеньев ПС, были проведены ОРМ с выездом в г. Москву и Московскую область: проведено более 20 обысков, в ходе которых изъяты

штампы, печати, в том числе, формально легитимных организаций, компьютерная техника, бухгалтерская документация, черновые записи и документы, изобличающие преступную деятельность фигурантов. С целью возмещения ущерба наложен арест на имущество фигурантов (автозаправочная станция, административные здания, промышленная техника, автомобили).

Одним из основных направлений повышения эффективности рассматриваемого вида деятельности, как показывает изучение и анализ многолетней практики, является «оперативно-

Литература:

1. *Калужина М.А.* Информационно-аналитическое и криминалистическое обеспечение субъектов налогового расследования / М.А. Калужина // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2015. № 3(24). С. 23–25.
2. *Иванов П.И.* Выявление и раскрытие налоговых преступлений на объектах потребительского рынка / П.И. Иванов, А.С. Шитов // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 2(58). С. 97–103.

аналитический мониторинг деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [2].

Подводя итог изложенному выше, отметим, что в рамках данной статьи, нами были исследованы отдельные организационные и тактические особенности производства по уголовным делам исследуемой категории преступлений. Предложенные рекомендации, на наш взгляд, позволят повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений в сфере налогообложения.

Literature:

1. *Kaluzhina M.A.* Information-analytical and criminalistic support of subjects of tax investigation // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2015. № 3(24). P. 23–25.
2. *Ivanov P.I.* Identification and disclosure of tax crimes at consumer market facilities / P.I. Ivanov, A.S. Shitov // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2021. № 2(58). P. 97–103.

Лозовский Денис Николаевич

доктор юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
dlozovsky@mail.ru

Лозовская Наталья Николаевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
dlozovsky@mai.ru

Denis N. Lozovsky

Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
dlozovsky@mail.ru

Natalia N. Lozovskaya

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
dlozovsky@mai.ru

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО
ВЫДВИЖЕНИЮ И ПРОВЕРКИ ВЕРСИЙ**

**CERTAIN ASPECTS
OF THE INVESTIGATOR'S ACTIVITIES FOR
THE NOMINATION AND VERIFICATION
OF THE VERSION**

Аннотация. Версия представляет собой обоснованное предположение относительно события преступления, его отдельных элементов либо о происхождении и связи доказательственных фактов. Статья посвящена анализу деятельности следователя по выдвижению и проверки версий. Рассмотрено понятие версии, выявлены требования и правила по ее разработке и дальнейшей проверке. Предложены рекомендации по совершенствованию данной деятельности.

Annotation. The version is a reasonable assumption about the event of the crime, its individual elements or about the origin and connection of the evidentiary facts. The article is devoted to the analysis of the investigator's activities for the nomination and verification of versions. The concept of a version is considered, the requirements and rules for its development and further verification are revealed. Recommendations for improving this activity are proposed.

Ключевые слова: организация расследования; версия; выдвижение и проверки версии; следователь; криминалистическая тактика.

Keywords: organization of the investigation; version; nomination and verification of the version; investigator; forensic tactics.

Версия представляет собой обоснованное предположение относительно события преступления, его отдельных элементов либо о происхождении и связи доказательственных фактов [1, с. 133].

Версия строится для объяснения фактов, содержащих признаки преступления» [2, с. 39]. Остальные ученые и криминалисты все же продолжают настаивать на том, что «гипотеза, чаще всего, представляет предположение об общих закономерностях явлений, об их сущности и потому имеет форму общего суждения. Напротив, версия по уголовному делу представляет собой предположительное объяснение расследуемого события или его отдельных обстоятельств. Соответственно, её формой служат единичные суждения» [3, с. 23].

Представление о том, что такое «следственная версия», до середины семидесятых годов прошлого века считалось весьма спорным, хотя разногласия криминалистов в теории определения встречаются до сих пор. Версию считали либо разновидностью гипотезы, либо её аналогом. Подавляющее большинство ученых пришли к общему суждению о том, что «...содержанием гипотезы является научное предположение о непосредственно не наблюдаемом явлении, либо о закономерности явления. Проверка гипотез обеспечивает установление научных закономерностей. Расследование же не имеет научных целей и не устанавливает закономерности явления.

План организации расследования и следственная версия имеют противоречивые соотношения в теоретических учениях. Например, Р.С. Белкин, И.М. Лузгин и большинство других авторов научных трудов считают версию основой для составления плана расследования. План расследования, таким образом, выступает в роли проверки

правильности версии. Но среди ученых – криминалистов существует и иное мнение, они исходят из того, что «включают версии в содержание планирования расследования, поэтому следственные версии составляют отдельный элемент плана расследования». Факты, логически осмысленные и принятые следователем, составляют природу версии.

В теории существует ряд требований, предъявляемых к построению следственных версий:

- версия, которая является практически обоснованным предположением, должна опираться исключительно на установленные факты;
- проверку версий следует начинать с анализа умозаключений, следственных выводов из представленной версии;
- построение версии следует считать умственной процедурой, следующей законам логики, в конечном результате приводящей к предположительному умозаключению. Четкая формулировка основания и процесса, приводящего к умозаключению, является важнейшим фактором плана расследования, поскольку сформулированные и зафиксированные мысли предполагают возможность проверить их правильность в любое время и на любом этапе расследования.

Во время построения версии применяются различные приемы познания: синтез, анализ, аналогия, дедукция, индукция и др.

Наиболее распространенные приемы синтеза и анализа, применяемые во время расследования, имеют определенные стандарты и должны отвечать следующим требованиям:

- логической определенности – точного установления объекта, вычленение его из подобных объектов, руководствуясь конкретной целью следственного действия, для которого применяются методы анализа и синтеза;
- последовательности – движение мысли от целого к частному, четкая последовательность рассмотрения частных, установление взаимосвязей и взаимообусловленности между отдельными признаками.

Помимо применения приемов анализа и синтеза в ходе расследования, также применяются приемы дедукции, то есть выведения частных следствий из общих положений, и индукции, то есть умозаключения от частного суждения к общему выводу.

При создании следственной версии приемы индукции и дедукции незаменимы и тесно взаимодействуют друг с другом. Некоторая закономерность применения этих методов присутствует и в процессе расследования.

Относительно умозаключений следователя, прием индукции заключается в том, чтобы обобщить некоторые выясненные факты по делу, которые в дальнейшем могут иметь возможность объединиться. Информация и факты индук-

тивным путем могут превратиться в некоторый отдельный эпизод преступления. Суть дедуктивного приема состоит в том, что умозаключение отделяет от общей картины отдельных фактов или признаков и ограничения похожих групп для построения частных версий.

Особенным методом при построении версий считают совокупность нескольких способов сочетания признаков. Применяя метод аналогии на практике, следователь строит версию преступления, рассматривая подозреваемого, как субъект, по аналогии совершивший похожие преступления идентичным способом.

Методами формирования версий могут быть и другие, теоретически обоснованные способы. Так, например, существует метод инверсии или эмпатии. С помощью такого метода событие или отдельный факт рассматривается с противоположных позиций. Применительно к методу эмпатии, можно предположить, что следователь ставит себя на место преступника, отождествляет себя с эмоциями и мысленными процессами другого человека и тем самым старается понять мотивы поступков и преступных действий.

Выдвижение следственных версий – необходимый этап любого расследования преступления, поскольку его субъекты стремятся объяснить происхождение, существование или отсутствие событий и фактов, имеющих значение для дела, а логически обоснованное предположение, вытекающее из фактических материалов дела, называют следственной версией. Следственная версия может давать истолкование преступления в целом или его обстоятельств [4].

Процесс расследования преступления всегда имеет объективное содержание, которое делится на два этапа. На первом этапе проводится анализ и проверка имеющихся версий, на втором проводится проверка следствий, вытекающих из версий расследования.

Проверка версий имеет последовательные стадии:

- выведение из предполагаемой основной версии любых возможных следствий;
- определение и установка последовательности следственных действий для проверки возникших следствий;
- проведение следственных действий согласно плану расследования;
- оптимальная оценка информации, фактов, данных, последующие выводы о правильности версии.

Подтверждение единственно верной версии следствия всегда является завершением процесса расследования преступления.

Наиболее распространенными ошибками, которые могут возникать в ходе выдвижения и проверки версий, считают такие, когда следователь, беря во внимание лишь основную версию, не

выдвигает другие возможные версии, имеющие место быть и требующие проверки. Также, может, не учитывая некоторых обстоятельств, указывающих на альтернативные версии, занять рабочее время проверкой необъективных версий, тем самым затрудняя расследование и упуская время.

Учитывая теоретические и практические навыки расследования, можно говорить о том, что

Литература:

1. *Лузгин И.М.* Методологические проблемы расследования. М., 1973.
2. *Сидоров В.Е.* Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика. М. : 1992.
3. *Хомич В.* Предварительная проверка материалов, послуживших поводом к возбуждению уголовного дела / В. Хомич // Законность. 1995. № 12.
4. *Блажевич Н.В.* Алгоритм формирования следственной версии как методологическая проблема / Н.В. Блажевич // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 3(57). С. 6–15.

следователям необходимо выдвигать все существующие обоснованные версии, возникающие при установке обстоятельств дела, обработке первичных данных о преступлении, руководствуясь познаниями и теоретическими предположениями, а не собственными эмоциями, зачастую склонными к проработке наиболее вероятной, по их мнению, версии.

Literature:

1. *Luzgin I.M.* Methodological problems of investigation. M., 1973.
2. *Sidorov V.E.* The initial stage of the investigation: organization, interaction, tactics. M. : 1992.
3. *Khomich V.* Preliminary verification of materials that served as a reason for the initiation of a criminal case / V. Khomich // Legality. 1995. № 12.
4. *Blazhevich N.V.* Algorithm of formation of the investigative version as a methodological problem / N.V. Blazhevich // Legal science and law enforcement practice. 2021. № 3(57). P. 6–15.

Матвеева Тамара Павловна

старший преподаватель
кафедры частноправовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
matveeva33@mail.ru

Кузнецова Наталья Александровна

старший преподаватель
кафедры частноправовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kuz1503@yandex.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ
«САМОЗАНЯТЫХ»
И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

Аннотация. Статья посвящена становлению института самозанятости и анализу правового положения данной категории работников в правовом поле. В работе рассматриваются современное состояние и перспективы развития данного направления в Российской Федерации. Работа выделяет положительные стороны «самозанятых» как одного из секторов экономики и выявляет проблемы, которые необходимо урегулировать. Авторами предлагаются пути решения.

Ключевые слова: самозанятый, правовой статус, эксперимент, рынок труда, налоговые льготы.

Время времени – процесс автоматизации, т.е., роботизация и иные изменения, происходящие на рынке труда, потребовали решение отдельных не урегулированных на данном периоде экономических задач. Большая часть населения из-за экономических кризисов, спада производства, нестабильности в мире, низких зарплат, особенно в государственном секторе (например, в сфере образования) ушла в «теневой» сектор экономики, осуществляя трудовую деятельность, необлагаемую налоговым бременем. Это – лица, работающие на себя и получающие доход от своей трудовой деятельности, не находящиеся под контролем хозяина и не привлекающие наемных работников. В целом, можно сказать, что это – лица, которые сами организуют свою деятельность и сами обеспечивают свой доход. Это могут быть репетиторы, няни, лица ведущие свое приусадебное хозяйство или занимающиеся иным ремеслом, которое приносит заработок. Но любой гражданин в нашем государстве, это может

Tamara P. Matveeva

Senior Lecturer of the Department
of Private Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute Federal
Penitentiary Service
matveeva33@mail.ru

Natalia A. Kuznetsova

Senior Lecturer Departments
of Private Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute Federal
Penitentiary Service
kuz1503@yandex.ru

**PROBLEMATIC ISSUES
OF THE «SELF-EMPLOYED»
AND WAYS TO SOLVE THEM**

Annotation. The article is devoted to the formation of the institution of self-employment and the analysis of the legal status of this category of workers in the legal field. The paper examines the current state and prospects for the development of this direction in the Russian Federation. The work highlights the positive aspects of the «self-employed» as one of the sectors of the economy and identifies problems that need to be resolved. The authors propose solutions.

Keywords: self-employed, legal status, experiment, labor market, tax benefits.

быть субъект малого предпринимательства, фермер, индивидуальный предприниматель, получающий доход от своей деятельности обязан платить налоги. А вот деятельность граждан, которая также приносит им доход, но не оформлена законодательно, остается вне поля зрения налоговых органов. К тому же доход самозанятых до определенного времени не был учтен государством.

Появление самозанятых как одной из нетрадиционных форм занятости в России и необходимость регулирования этого сектора экономики потребовало от государства признание юридического статуса «самозанятый». Поэтому возникла необходимость закрепления новых правоотношений в сфере трудовой деятельности, которые не закреплены трудовым договором.

Первые попытки легализовать данный сегмент рынка труда, были предприняты в 2016 году, но эта попытка не увенчалась успехом в силу мало изученности возникших правовых отношений.

Лишь с принятием в 2018 году Федерального закона № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также, в Республике Татарстан (Татарстан)» [2] и введением эксперимента, возникла возможность по новому взглянуть на деятельность данной категории лиц.

В декабре 2019 года были внесены изменения в закон № 422-ФЗ, которые, все же, определили границы ведения самозанятыми своей деятельности.

Ранее, мы уже упоминали об истории возникновения концепции учёта самозанятых, введённой 01 января 2019 года, которая была позаимствована у зарубежных государств [4].

Для граждан государств, где доход достаточно низкий, в таких, как Индия, Кения и в некоторых других, самозанятость является единственным способом прокормить себя и семью. В более развитых зарубежных странах, например, таких как Канада, Соединенные штаты Америки, государство поддерживает лиц, работающих на себя, и они уже зарекомендовали за собой почётное место в финансовой системе страны.

В Российском законодательстве нет пока четкого определения понятия «самозанятые», как и не определены до конца методы стимулирования самозанятых. С введением эксперимента в отдельно взятых областях и установлением для самозанятых специального налогового режима этот вид занятости постепенно развивается и уже с 2020 года в эксперимент включились еще 19 регионов России. Эксперимент по специальному налоговому режиму «Налог на профессиональный доход» введен на 10 лет и переход на него является добровольным. Это показывает, что созданные предпосылки будут способствовать развитию деятельности самозанятых в нашей стране.

На начало 2022 года в России число зарегистрированных самозанятых составило 4 млн человек. Доходы, поступившие в казну государства в виде налога, составили 882 млрд рублей [5].

Это обусловило зарождение нового института в Российской Федерации – института самозанятости, хотя законодательного определения данного статуса до сих пор нет. Необходимо уяснить правовую основу зарождающегося вида самостоятельной занятости в Российской Федерации. Тем более, в настоящее время, время введения множественных санкций «недружественных государств» льготы для малого и среднего бизнеса имеют большое значение для укрепления экономики нашего государства. Поддержка самозанятости тоже играет не маловажную роль в укреплении экономического сектора. Кто такие самозанятые граждане? Каков их правовой статус?

Самозанятые граждане как особая категория физических лиц и индивидуальных предпринимателей могут оказывать платные услуги, но для них

определены особые налоговые условия. Они могут производить и реализовывать товары самостоятельно, а также оказывать услуги или выполнять работы, как физическим лицам, так и организациям.

В Гражданском законодательстве до настоящего времени не определен статус «самозанятого» субъекта. Нет его ни в Налоговом, ни в Пенсионном законодательстве, хотя о «самозанятых» в этих нормативных правовых актах упоминается. Закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» тоже не отмечает самозанятых граждан среди занятого населения.

Стать самозанятым может любой гражданин Российской Федерации, начиная с 16 лет. Несовершеннолетние подростки с 14 до 16 лет также могут зарегистрироваться как самозанятые и вести бизнес, но для этого им необходимо получить согласие родителей (опекунов, попечителей) заверенное нотариально.

Анализируя статус самозанятого, следует рассмотреть варианты получения данного статуса. Это регистрация:

- через мобильное приложение «Мой налог»;
- через личный кабинет самозанятого на сайте ФНС;
- через мобильное приложение одного из уполномоченных банков (в приложении специальный раздел для самозанятых) [6].

Кроме этого, для самозанятых установлены некоторые ограничения:

- самозанятый может иметь доход;
- но не более 2,4 миллиона рублей в год;
- он должен работать самостоятельно, без наемных работников и заниматься разрешенной для этого режима деятельностью;
- ставка налога определена 4 %, если самозанятый работает с физическими лицами, ставка может быть увеличена до 6 %, если работа осуществляется с юридическими лицами.

Не может быть признан самозанятым гражданин, который по виду своей деятельности является индивидуальным предпринимателем или работает по патенту или перепродает товары, изготавливаемые другими. Самозанятым запрещено продавать и производить отдельные виды товаров, например, молоко и молочные продукты, обувь, табачные и алкогольные изделия и заниматься некоторыми видами деятельности, которыепадают под лицензирование.

Государством для самозанятых граждан введен особый налоговый режим – это хорошее послабление лицам, работающим на себя. Кроме всего, им представляются и другие льготы: например, если деятельность не принесла доход, то гражданин не отчисляет налог, самозанятые не

уплачивают НДФЛ с той деятельности, которую ведут в рамках своей самозанятости, но если произойдет превышение допустимого дохода, то гражданин лишается статуса самозанятого до конца календарного года, что отменяет особый режим, установленный для самозанятости [1].

Кроме всего, получая статус самозанятого, граждане имеют дополнительные плюсы:

- легальное осуществление деятельности, не скрывая доходы;
- возможность рекламировать свою деятельность;
- упрощенная регистрация, посредством онлайн;
- отчетная документация подтверждается выдчей чека через приложение;
- налоговое обязательство осуществляется в упрощенном варианте через личный кабинет и приложение «Мой налог», автоматически рассчитывая его с каждой продажи;
- не требуется контрольно-кассовая техника, как, например, у индивидуальных предпринимателей;
- не требуется декларирование доходов в налоговой инспекции;
- самозанятые не отчисляют взносы в Фонд социального страхования на случай материнства и временной нетрудоспособности. Отчисления они могут производить лишь по собственной инициативе. А вот на медицинское страхование уплата осуществляется автоматически при исчислении налога. Это позволяет самозанятым пользоваться полисом ОМС.

Также, следует упомянуть, что в настоящее время для России государство старается поддержать малый и средний бизнес. В эту категорию попадают и самозанятые, для которых определен при регистрации налоговый вычет в сумме 10 тысяч рублей, т.е., отчисление меньших процентов по налогам в начале самозанятости.

Еще одно преимущество, что законом не запрещено совмещать самозанятость с трудоустройством, но если эти виды деятельности не пересекаются.

Рассмотрев преимущества данного вида деятельности можно назвать и минусы самозанятости:

- во-первых, это ограничение получения дохода, о чем было сказано выше;

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации. Ч. 2: Федеральный закон РФ от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

- во-вторых, самозанятые не подлежат обязательному социальному страхованию, как например лица, работающие по трудовому договору;

- в третьих, у самозанятых не фиксируется трудовой стаж, так как самозанятые не производят страховые отчисления в Пенсионный фонд РФ;

- в четвертых, нагрузка в ежемесячной уплате налога на результаты своей деятельности и некоторые другие моменты.

Механизм регулирования деятельности самозанятых граждан в нашей стране пока предусмотрен в виде эксперимента.

Таким образом, рассмотрев плюсы и минусы в деятельности самозанятых, можно сказать, что, несмотря на положительные моменты для государства в легализации значительной категории граждан, отчислений ими налогов в казну государства, а это порядком около 3 триллионов рублей ежегодных доходов, [5] следует выделить проблемы, которые на сегодняшний момент требуют решения:

1. Ни в одном законодательном акте не определен статус «самозанятого» и его правовое положение. Считаем, что определение статуса «самозанятого» должно определяться и трудовым законодательством. Но, в данном случае, следует пресекать злоупотребление со стороны работодателя при замене трудовых отношений на услуги самозанятых.

2. Кроме всего, для самозанятых в нашей стране не определены профессиональные компетенции, то есть, данный вид деятельности не урегулирован требованиями по профессиональному статусу самозанятого, а также, к качеству реализуемой им продукции или качеству выполняемых работ и оказываемых самозанятыми услуг.

3. Еще одной проблемой можно назвать отсутствие в Федеральном законе РФ от 27.11.2018 № 422-ФЗ нормы, содержащей полный перечень видов деятельности, подходящей под налог на профессиональный доход. Выгоднее регистрироваться в качестве самозанятого тем гражданам, которые кроме зарплаты могут иметь еще доходы и получают их легальным способом, не скрываясь.

Возможно, в этом случае, следует проанализировать развитие самозанятости в других государствах и применить приемлемые варианты для России.

Таким образом, институт самозанятых в Российской Федерации достаточно актуален, но следует обратить внимание на решение определенных проблем.

Literature:

1. The Tax Code of the Russian Federation. Part 2: Federal Law of the Russian Federation № 117-FZ of 05.08.2000 // Federal Law of the Russian Federation. 2000. № 32. Art. 3340.

2. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» [Федер закон от 27 нояб. 2018 г. № 422-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49. Ст. 7494.

3. Самозанятые в 2022 году: виды деятельности для самозанятых граждан. URL : <https://www.in-sales.ru/blogs/university/samozanyatye-2022> (дата обращения 09.05.2022 год).

4. *Матвеева Т.П.* О необходимости регламентации поддержки самозанятых / Т.П. Матвеева, М.М. Колбая, Н.А. Кузнецова // Институт стратегических исследований «Modern science». 2020. № 10.

5. Федеральная налоговая служба. URL : <https://www.nalog.gov.ru/rn77> (дата обращения 05.05.2022).

6. Блок кадровика. URL : <https://blogkadrovika.ru/registraciya-v-prilozhenii-moj-nalog-poshagovaya-instrukciya>

2. On conducting an experiment to establish a special tax regime «Tax on professional income» [Federal Law of November 27, 2018 № 422-FZ] // Assembly legislation of the Russian Federation. 2018. № 49. Art. 7494.

3. Self-employed in 2022: types of activities for self-employed citizens. 2022. URL : <https://www.in-sales.ru/blogs/university/samozanyatye-2022> (date of application 09.05.2022).

4. *Matveeva T.P.* On the need to regulate support for the self-employed / T.P. Matveeva, M.M. Kolbaya, N.A. Kuznetsova // Institute for Strategic Studies «Modern science». 2020. № 10.

5. The Federal Tax Service. URL : <https://www.nalog.gov.ru/rn77> (date of application 05.05.2022).

6. HR block. URL : <https://blogkadrovika.ru/registraciya-v-prilozhenii-moj-nalog-poshagovaya-instrukciya>

Мигачева Анна Юрьевна
кандидат юридического наук,
доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

Пченушай Казбек Аскерович
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ АККАУНТОВ: ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. Статья посвящена проблеме наследования интернет-аккаунтов. В отечественном законодательстве отсутствуют четкие правила в отношении посмертного правопреемства данных объектов, в связи с чем, представляет интерес анализ зарубежного опыта. По итогам рассмотрения существующих в США, Германии, Франции, Испании моделей посмертного перехода прав на интернет-аккаунты, авторы аргументируют возможность введения особой формы завещания – цифровых завещаний, а также, необходимость варьировать правовое регулирование наследования интернет-аккаунтов в зависимости от того, носят ли они строго личный характер или обладают коммерческой ценностью.

Ключевые слова: наследственное право, наследование аккаунтов в социальных сетях, правопреемство, цифровые права, исполнение завещания.

Становление цифрового общества, обусловленное возникновением и развитием новых информационных технологий, оказывает существенное влияние на традиционные институты гражданского права, вынужденные адаптироваться к условиям новой реальности. За последние годы гражданский оборот пополнился новыми объектами, обладающими экономической ценностью, правовая природа которых в должной мере не раскрывается в Гражданском кодексе РФ. Речь идет о, так называемых, «цифровых активах», под которыми в иностранной правовой доктрине понимаются фрагменты текста или мультимедиа, отформатированные в двоичный код, раскрывающий их содержание и предоставляющий право на их использование [1, р. 13]. Одним из наиболее распространенных и значимых для участников гражданских правоотношений цифровых активов является цифровой аккаунт. Способность аккаунтов удовлетворять самые разные, в том числе, и имущественные, интересы их обладателей

Anna Ju. Migacheva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Civil Law,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

Kazbek A. Pchenushay
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

INHERITANCE OF INTERNET ACCOUNTS: EXPERIENCE OF FOREIGN REGULATION

Annotation. The article is devoted to the problem of inheritance of Internet accounts. There are no clear rules in domestic legislation regarding the posthumous succession of these objects, and therefore the analysis of foreign experience is of interest. Based on the results of consideration of the models of posthumous transfer of rights to Internet accounts existing in the USA, Germany, France, Spain, the authors argue for the possibility of introducing a special form of will – digital wills, as well as the need to vary the legal regulation of inheritance of Internet accounts depending on whether they are strictly personal or have commercial value.

Keywords: inheritance law, inheritance of accounts in social networks, succession, digital rights, execution of a will.

актуализирует вопрос о наследуемости таких активов. Однако современное отечественное наследственное право оставляет его открытым. В отсутствии соответствующих нормативных положений нам представляется необходимым обращение к опыту зарубежных стран.

Возможность передачи цифровых активов по наследству давно обсуждалась в американской юридической литературе [2; 3]. Поскольку наследственное право в США относится к исключительному ведению штатов, на уровне отдельных региональных legislatures в разное время принимались законы, направленные на преодоление правовой неопределенности относительно судьбы цифровых активов после смерти их владельцев. До разработки и принятия универсального профильного законодательства в США суды при разрешении споров о признании наследственного правопреемства в отношении аккаунтов в социальных сетях, в большинстве известных случаев,

вставляли на сторону наследников умерших пользователей, признавая за ними права в отношении цифровых активов наследодателей.

Так, в 2004 году Yahoo! Inc. отказался предоставлять семье погибшего в Ираке морского пехотинца Джастина Эллсворта доступ к его учетной записи электронной почты, ссылаясь на условия пользовательского соглашения, запрещающего передачу логина и пароля третьим лицам в случае смерти пользователя. Отец Джастина, будучи назначенным судом администратором наследственного имущества, запрашивая доступ к аккаунту электронной почты, мотивировал свой запрос тем, что электронные письма могут содержать информацию, необходимую для эффективного администрирования наследственного имущества, идентификации активов и долгов наследодателя, а также для составления налоговых деклараций [4, p. 899]. Суд по наследственным и семейным делам города Окленд Каунти штата Мичиган принял компромиссное решение – с одной стороны, суд учел положения пользовательского соглашения и разрешил Yahoo! Inc. действовать в соответствии со своей политикой конфиденциальности и не предоставлять наследникам пользователя полный доступ к электронной почте, но с другой, признал за отцом, как администратором наследства, право в отношении корреспонденции погибшего и обязал Yahoo! Inc. предоставить ему жесткий диск с копиями электронных сообщений и фотографий [5, p. 681]. В некоторых случаях, провайдеры по требованию суда предоставляли полный доступ, но на ограниченный период времени [6, p. 196].

Помимо запретов и ограничений, установленных пользовательскими соглашениями фактором, существенно затрудняющим посмертный переход цифровых активов к наследникам, в американском правовом порядке выступают предписания законодательства в сфере защиты персональных данных. В обоснование отказа предоставления доступа к аккаунтам умерших пользователей компании-поставщики услуг цифровой связи ссылаются на ст. 2702 Кодекса США (Закон о конфиденциальности электронных сообщений), в соответствии с которой провайдер вправе раскрыть содержание электронных сообщений пользователя только получателю таких сообщений или же агенту, действующему от имени пользователя или получателя.

Примечательным, в контексте применения данных нормативных положений к наследственным правоотношениям, является дело Аджамян против Yahoo! Inc., рассмотренное Верховным судом штата Массачусетс. Согласно обстоятельствам дела, Джон Аджамян завёл аккаунт электронной почты в сервисе Yahoo в 2002 году и через четыре года погиб в автокатастрофе, не оставив после себя ни завещания, ни каких-либо иных инструкций относительно управления принадлежавшей ему учетной записи. Брат и сестра, назначенные судом администраторами наследственного имущества, запросили у Yahoo! Inc. логин и пароль, необходимые для доступа к электронной почте. Однако Yahoo! Inc. отказал в предоставлении доступа, сославшись, во-первых, на предписания,

установленные пользовательским соглашением, а во-вторых, вышеуказанными положениями федерального законодательства, запрещающими предоставлять доступ к содержанию электронных сообщений третьим лицам без согласия пользователя. Получив отказ, родственники обратились с исковыми требованиями о признании за умершим Джоном Аджамяном имущественных прав в отношении учетной записи электронной почты и содержащихся на ней электронных писем, а также, о предоставлении им, как администраторам имущества умершего, доступа к этим данным в суд. Дело дошло до Верховного суда штата, который на основании произведенного им толкования Закона о конфиденциальности персональных данных установил, что положения о необходимости получения законного согласия со стороны пользователя не распространяются на исполнителей завещания и администраторов наследственного имущества.

Таким образом, Верховный суд штата Массачусетс пришел к выводу о том, что нормы федерального законодательства не содержат предписаний, запрещающих Yahoo! Inc. предоставить администраторам имущества Аджамяна доступ к его электронной почте.

Из приведенных выше примеров следует, что в США юрисдикционные органы признают значимость цифровых аккаунтов для целей, связанных с исполнением завещания и администрирования наследственного имущества, но не рассматривают их в качестве самостоятельных объектов наследственного правопреемства. В соответствии с выработанным в судебной практике подходом, родственники умершего владельца аккаунта могут получить доступ к его содержанию на основании судебного решения, но в строго ограниченных пределах и исключительно для реализации указанных выше целей, не заменяя при этом наследодателя в правоотношениях с провайдером и не перенимая прав и обязанностей, предусмотренных пользовательским соглашением.

Данный подход был воспринят Комиссией по единообразному законодательству (The Uniform Law Commission, далее – Комиссия), которая предприняла попытку по созданию унифицированного нормативного правового регулирование данной сферы правоотношений, разработав в 2014 году «Единообразный закон о доступе фидуциаров к цифровым активам» (Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act, более поздняя, доработанная версия которого получила название Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act, далее – RUFADAA). Положения RUFADAA базируются на концепции так называемой «нейтральности активов» [5, p. 656], в соответствии с которой, фидуциар, имеющий законный доступ к материальным активам умершего, имеет ровно такой же доступ к активам, существующим в цифровой форме, что гарантирует ему право контролировать и копировать цифровые активы, содержащиеся в учетных записях.

Владелец учетной записи вправе выразить волю относительно судьбы принадлежащих ему

аккаунтов, определить полномочия фидуциара, а также, объем информации, к которой тот будет иметь доступ, через специальное завещательное распоряжение – пользовательское указание о раскрытии цифровых активов (user direction for disclosure of digital assets).

Несмотря на то, что RUFADAA оставляет открытым вопрос наследственного правопреемства прав и обязанностей из пользовательского соглашения и, как следствие, активов, хранящихся на учетной записи, его положения уравнивают интересы всех сторон, учитывая политику конфиденциальности компаний-провайдеров, потребности фидуциаров, осуществляющих управление посмертным имуществом, а также, положения законодательства о персональных данных.

Началом для широкого обсуждения вопросов цифрового наследства среди ученых правоведов в Европе послужило Решение Верховного суда Германии от 12 июля 2018 г. III ZR 183/17, которым были удовлетворены требования родителей к известной социальной сети о предоставлении им доступа к учетной записи их погибшей дочери [7]. Суд руководствовался традиционным для континентального наследственного права, отраженным в ст. 1922 Германского гражданского уложения, принципом универсального правопреемства, в соответствии с которым принадлежащие лицу вещи не становятся бесхозными после его смерти, а права и обязанности по договорам не утрачивают силу, а переходят к другому лицу, правопреемнику, который будет правомочен требовать от должников исполнения по договорам и будет отвечать по обязательствам правопреемника своим имуществом [8, р. 118]. По мнению суда, действие данного принципа не может исключаться условиями пользовательского соглашения, предусматривающими присвоение аккаунту «памятного статуса» и, как следствие, ограничение его функционала [9, р. 205]. Подобное условие, будучи установленным в одностороннем порядке в стандартизированном договоре, ставит пользователя как сторону договора в чрезмерно невыгодное положение, поэтому является несправедливым и применительно к наследственным правоотношениям должно признаваться недействительным. В решении также отражено, что значимость наследственной передачи аккаунта наследникам состоит и в том, что такая передача служит предпосылкой для наследования хранящихся на нем иных активов, в частности, объектов интеллектуальной собственности, подлежащих наследованию в общем порядке [10, р. 1195].

Верховный суд Германии отклонил довод о невозможности наследования аккаунта ввиду неразрывной связи правоотношений с личностью пользователя. Как было разъяснено в решении, обязанность провайдера предоставить пользователю функционал информационной сети, предоставляющий возможность публиковать контент и отправлять сообщения, осуществляется посредством доступа к стандартным для всех пользователей сервисам, не учитывающим индивидуальные особенности каждого конкретного владельца аккаунта. Личный характер договорных

правоотношений проявляется лишь в активном использовании аккаунта: отправлении сообщений и размещении контента. Из этого следует вывод, что наследованию подлежит лишь право на пассивное ведение аккаунта, т.е., доступ к уже отправленным и полученным сообщениям, размещенному контенту, возможность их скачивать, копировать и т.д. [8, р. 122]. Таким образом, Верховный суд Германии, в отличие от американских правоприменителей и законодателей, исходил не из концепции «наследственного администрирования аккаунта», а из идеи полноценного наследственного правопреемства. По мнению суда, права и обязанности, вытекающие из пользовательского соглашения, в полном объеме переходят к наследнику, который в порядке правопреемства вступает в правоотношения с провайдером в качестве стороны по договору с правом доступа к учетной записи и ее содержимому, как имеющему имущественную и личную ценность. Такой подход представляется логичным с точки зрения традиций романо-германского наследственного права.

В целом, европейский подход к нормативному регулированию основывается на принципе «post-mortem privacy», который можно определить как личное неимущественное право пользователя на посмертную конфиденциальность.

В соответствии с данным принципом, каждый человек имеет право определять, каким образом будет сохраняться и контролироваться его «цифровое наследство», т.е., информация о его личности, оставленная в интернет-мире (репутация, честь и достоинство, секреты и т.д.) после его смерти [11, р. 129].

Регламент ЕС 2016/679 Европейского парламента и Совета ЕС от 27 апреля 2016 года гарантирует защиту персональных данных, определяет основные правила обращения с ними и закрепляет права субъектов персональных данных. Однако, в соответствии со ст. 27 Регламента, указанные положения применяются только к персональным данным живых лиц; страны-члены ЕС вправе предусмотреть на уровне внутреннего законодательства правила, касающиеся обработки персональных данных умерших лиц. Первой страной, разработавшей такие правила, стала Франция, принявшая закон № 2016–1321 от 07 октября 2016 года «О цифровой республике». Закон разрабатывался и принимался с целью создания нормативной основы для цифровой трансформации французской экономики и урегулирования широкого спектра отношений, возникающих в виртуальном пространстве. В числе прочего, данный нормативный акт вносит поправки в закон № 78-17 от 06 января 1978 года «Об информации». Французский законодатель не дает точного и цельного определения цифровых активов, раскрывая их правовую природу через совокупность личных неимущественных благ, хранящихся на серверах провайдеров в виде персональных данных. В соответствии с новой редакцией закона № 78-17, каждый пользователь имеет право оставлять имеющие приоритет над положениями пользовательских соглашений директивы, содержащие распоряжения о посмертной судьбе цифровых активов. В директиве пользователь может

распорядиться, чтобы после его смерти провайдер сохранил, удалил или раскрыл, хранящиеся на серверах, персональные данные. Директивы могут касаться всех персональных данных на всех платформах, где пользователь имел учетную запись (общие директивы), так и содержать отдельные распоряжения применительно к каждому провайдеру (специальные директивы).

Общие директивы подлежат регистрации у доверенной третьей стороны, сертифицируемой Национальной комиссией по информатике и свободам, и вносятся в специальный реестр.

Специальные директивы не требуют участия доверенной третьей стороны и регистрируются непосредственно у провайдера. Пользователь может назначить исполнителя своих директив, который вправе знакомиться с текстом директив и требовать от поставщиков услуг выполнить содержащиеся в них предписания. В случае, если исполнитель не был назначен, то его функции вправе осуществлять наследники пользователя. Если же пользователь умер, не оставив никаких директив на случай своей смерти, то его наследники могут получить доступ к его персональным данным в пределах необходимых для вступления в наследство и управления наследственным имуществом.

В этих целях, наследники могут получать доступ к персональным данным, содержащим информацию, необходимую, для вступления в наследство, определения долей в наследуемом имуществе и последующим пользованием и распоряжением имуществом. Также, они могут получать информацию о хранящихся в учетной записи и передаваемых в порядке наследования «цифровых товаров» (например, объектов интеллектуальной собственности) или данных, имеющих семейную ценность для наследников. В целях защиты персональных данных умершего родственника, они вправе обратиться к поставщику услуг с требованием удалить имеющиеся у него учетные записи и запретить дальнейшую обработку персональных данных. Получив запрос от исполнителя директивы или от наследников умершего пользователя, поставщик услуг обязан бесплатно выполнить соответствующие распоряжения.

Заслуживает отдельного упоминания законодательный опыт Каталонии. Закон Каталонии от 27 июня 2017 года «О цифровых завещаниях и внесении изменений в книги вторую и четвертую Гражданского кодекса Каталонии», наделил наследодателя правом определять посмертную судьбу своих учетных записей и иных активов посредством поручений, объем и содержание которых определяется в специальном документе – цифровом завещании (*voluntades digitales*). В нём наследодатель может указать лицо, ответственное за исполнение этих поручений. Исполнителем цифрового завещания может быть как физическое, так и юридическое лицо, например фирма по управлению цифровым имуществом. В отсутствие каких-либо указаний со стороны наследодателя, функции исполнителя цифрового завещания возлагаются на наследника, душеприказчика или управляющего имуществом, который

может исполнить цифровое завещание самостоятельно или назначить другое лицо для его исполнения.

Подобно упомянутому выше RUFADAA, каталонский Гражданский кодекс гарантирует конфиденциальность персональных данных умершего пользователя, а также защищает тайну его переписки: лица, ответственные за исполнение цифровых завещаний, не имеют доступа к содержанию учетных записей и отправленных через них сообщений, если иное не установлено самим цифровым завещанием или судебным решением. Любые расходы, возникающие в связи с исполнением цифрового завещания, будут покрываться за счет наследственного имущества, если наследодатель не указал иное. Первоначальная редакция статьи 411-10 Гражданского Кодекса Каталонии предоставляла наследодателю право составить завещание в двух возможных формах: включить его непосредственно в текст завещания или завещательного распоряжения или же оформить в виде отдельного документа, подлежащего регистрации в специально учреждаемом для этих целей реестре цифровых завещаний.

Однако Конституционный суд Испании посчитал попытку парламента Каталонии учредить собственный реестр неконституционной, поскольку п. 8 ст. 149 Конституции Испании устанавливает исключительные полномочия государства в области ведения любых публичных реестров, поэтому соответствующее положение было отменено, и резиденты Каталонии могут посмертно распорядиться своими цифровыми активами только посредством классических завещательных документов [12, p. 1127].

Обобщение положений представленных выше нормативно-правовых актов и актов правоприменения позволяет сделать вывод о том, что иностранные правовые системы, за некоторым исключением, пока не готовы признать наследственное правопреемство цифровых аккаунтов. Суды и законодатели ограничиваются лишь предоставлением наследникам и исполнителям завещания ограниченного доступа для целей, связанных с администрированием наследственного имущества. Законодательный опыт США, Франции, Каталонии косвенно базируется на тезисе о том, что цифровые аккаунты лица, завещанные им при жизни представляют собой его «цифровой след», т.е., отражение в виртуальном пространстве или же «виртуальную идентичность», а идентичность как набор личных качеств в данном случае, представленных в цифровом виде, не может быть унаследована. В этой связи, некоторые авторы указывают на то, что цифровое завещание, в некотором смысле, похоже на медицинскую директиву (юридический документ, в котором физическое лицо указывает, какие действия должны быть предприняты для его здоровья на случай, если он не сможет самостоятельно принимать решения из-за наступления недееспособности), поскольку после физической смерти человека, его «цифровая копия» продолжает существовать в вегетативном состоянии, и для принятия в отношении неё юридически значимых действий необходимо участие специально

назначенного лица [13, р. 18]. Однако такой вывод может быть применим лишь к высоко персонализированным аккаунтам, состоящим в тесной связи с личностью пользователя, предназначенным исключительно для ведения социальной жизни в цифровом пространстве, как-то персональные аккаунты в социальных сетях.

Напротив, аккаунты, которые велись в иных целях, могут обладать значительной ценностью для наследников сами по себе, в отрыве от личности наследодателя. Очевидным представляется, например, имущественный интерес в отношении интернет-магазинов, функционирующих на основе аккаунтов в социальных сетях. Экономическая ценность таких аккаунтов связана с тем, что

Литература:

1. Toygar Alp, Taipei Jr.; and Zhu Jake. A New Asset Type: Digital Assets / Alp Toygar, C.E. Rohm // Journal of International Technology and Information Management. Vol. 22. Iss. 4. Art. 7.
2. *Haworth S.D.* Laying Your Online Self to Rest: Evaluating the Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act, 68 U. Miami L. Rev. 535. 2014.
3. *Conner J.* Digital Life after Death: The Issue of Planning for a Person's Digital Assets after Death, 3 Est. Plan. & Cmty. Prop. L.J. 301. 2010–2011.
4. *Cummings R.G.* The Case against Access to Decedents' E-mail: Password Protection as an Exercise of the Right to Destroy / R.G. Cummings // Minn. J.L. Sci. & Tech. 15. 897. 2014.
5. *Lee J.* Death and Live Feeds: Privacy Protection in Fiduciary Access to Digital Assets / J. Lee // Colum. Bus. L. Rev. 2015.
6. *Perrone M.* What happens when we die: estate planning of digital assets / M. Perrone // CommLaw Conspectus. 2012. Vol. 21.
7. Решение Верховного суда Германии от 12 июля 2018 г. III ZR 183/17. URL : <https://datenbank.nwb.de/Dokument/741207>
8. *Mikk T.* Digital Inheritance: Heirs' Right to Claim Access to Online Accounts under Estonian Law / T. Mikk, K. Sein // Juridica International. 2018. № 27.
9. *Wüsthof L.* Germany's Supreme Court Rules in Favour of Digital Inheritance / L. Wüsthof // Journal of European Consumer and Market Law. 2018. № 7. P. 205.
10. *Grochowski M.* Inheritance of the Social Media Accounts in Poland / M. Grochowski // European Review of Private Law 5. 2019.
11. *Buitelaar J.C.* Post-mortem privacy and informational self-determination / J.C. Buitelaar // Ethics and Information Technology. 2017. Vol. 19. № 2.
12. *Cerrillo-i-Martínez A.* How do we provide the digital footprint with eternal rest? Some criteria for

функционал социальных сетей, предоставляет пользователям эффективные инструменты продвижения своих товаров и услуг, что позволяет эффективно развить бренд, создать деловую репутацию, аккумулировать клиентскую базу. Без доступа к аккаунту наследодателя невозможен доступ к приобретенным им посредством сервисов потоковой музыки и онлайн-кинотеатров оцифрованным объектам интеллектуальной собственности, право использования которых переходит по наследству. На наш взгляд, правовая природа таких аккаунтов требует отдельной нормативной регламентации, основанной на принципе универсального наследственного правопреемства, предполагающем полный переход всех прав на них к наследникам.

Literature:

1. Toygar Alp, Taipei Jr.; and Zhu Jake. A New Asset Type: Digital Assets / Alp Toygar, C.E. Rohm // Journal of International Technology and Information Management. Vol. 22. Iss. 4. Art. 7.
2. *Haworth S.D.* Laying Your Online Self to Rest: Evaluating the Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act, 68 U. Miami L. Rev. 535. 2014.
3. *Conner J.* Digital Life after Death: The Issue of Planning for a Person's Digital Assets after Death, 3 Est. Plan. & Cmty. Prop. L.J. 301. 2010–2011.
4. *Cummings R.G.* The Case against Access to Decedents' E-mail: Password Protection as an Exercise of the Right to Destroy / R.G. Cummings // Minn. J.L. Sci. & Tech. 15. 897. 2014.
5. *Lee J.* Death and Live Feeds: Privacy Protection in Fiduciary Access to Digital Assets / J. Lee // Colum. Bus. L. Rev. 2015.
6. *Perrone M.* What happens when we die: estate planning of digital assets / M. Perrone // CommLaw Conspectus. 2012. Vol. 21.
7. Решение Верховного суда Германии от 12 июля 2018 г. III ZR 183/17. URL : <https://datenbank.nwb.de/Dokument/741207>
8. *Mikk T.* Digital Inheritance: Heirs' Right to Claim Access to Online Accounts under Estonian Law / T. Mikk, K. Sein // Juridica International. 2018. № 27.
9. *Wüsthof L.* Germany's Supreme Court Rules in Favour of Digital Inheritance / L. Wüsthof // Journal of European Consumer and Market Law. 2018. № 7. P. 205.
10. *Grochowski M.* Inheritance of the Social Media Accounts in Poland / M. Grochowski // European Review of Private Law 5. 2019.
11. *Buitelaar J.C.* Post-mortem privacy and informational self-determination / J.C. Buitelaar // Ethics and Information Technology. 2017. Vol. 19. № 2.
12. *Cerrillo-i-Martínez A.* How do we provide the digital footprint with eternal rest? Some criteria for

legislation regulating digital wills / A. Cerrillo-i-Martínez // Computer law & security review. 2018. Vol. 34. № 5.

13. *Malgieri G.* R.I.P.: Rest in Privacy or Rest in (Quasi-) Property? Personal Data Protection of Deceased Data Subjects between Theoretical Scenarios and National Solutions. Brussels, Hart, 2018.

legislation regulating digital wills / A. Cerrillo-i-Martínez // Computer law & security review. 2018. Vol. 34. № 5.

13. *Malgieri G.* R.I.P.: Rest in Privacy or Rest in (Quasi-) Property? Personal Data Protection of Deceased Data Subjects between Theoretical Scenarios and National Solutions. Brussels, Hart, 2018.

Михайлов Алексей Евгеньевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
правового обеспечения государственного
и муниципального управления,
Владимирский филиал Российской
академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
urgantfk@mail.ru

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной
службы исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

**ПРОБЛЕМАТИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ПОНЯТИЯ «ЦЕНА ПРЕСТУПНОСТИ»**

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия «цена преступности». Авторский коллектив критически оценивает существующие позиции и соотносит их с системой противодействия преступности. В заключении авторский коллектив приходит к выводу о неприемлемости использования термина «цена преступности» при формировании организационно-правовых основ минимизации и ликвидации последствий преступлений.

Ключевые слова: цена преступности, минимизация и ликвидация последствия преступления; себестоимость преступления.

В Российской Федерации наблюдаются процессы формирования правового института противодействия преступности. Наиболее четко эти процессы просматриваются в рамках законодательства, посвященного противодействия угрозам национальной безопасности, где обозначается единая система, охватывающая такие направления противодействия, как:

- 1) профилактика преступности;
- 2) борьба с преступностью (в рамках предотвращения, пресечения, выявления, раскрытия и расследования преступлений);

Alexey E. Mikhailov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Legal Support of State
and Municipal Administration,
Vladimir Branch of the Russian
Academy of National Economy
and Public Administration under
the President of the Russian Federation
urgantfk@mail.ru

Daniil A. Zykov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
daniilzykov@mail.ru

**THE PROBLEMS
OF DEFINING THE CONCEPT
OF «THE PRICE OF CRIME»**

Annotation. The article discusses various approaches to the definition of the concept of «the price of crime». The team of authors critically assesses the existing positions and correlates them with the crime prevention system. In conclusion, the author's team comes to the conclusion that the use of the term «the price of crime» is unacceptable when forming the organizational and legal foundations for minimizing and eliminating the consequences of crimes.

Keywords: price of crime, minimization and elimination of consequences of crime; cost of crime.

- 3) минимизация и ликвидация последствий преступности [7].

Однако при этом наблюдаются упущения в сфере формирования организационно-правовых основ минимизации и ликвидации последствий преступлений, как на общем уровне, так и на уровне нормативных правовых актов, регулирующих отдельные направления противодействия угрозам национальной безопасности

В целях изучения проблематики, связанной с организационно-правовыми основами минимизации и ликвидации последствий преступлений, необходимо рассмотреть существующий понятийно-

категориальный аппарат в этой сфере. В частности, интерес представляет понятие «цена преступности», являющаяся традиционной для отечественной науки криминологии. Как нам представляется, именно данная категория конкурирует с термином «последствия преступлений». При этом следует отметить, что в науке термин «цена преступности» носит довольно дискуссионный характер. Сложилось как минимум три подхода к определению данного понятия.

Классическая позиция представлена О.Р. Афанасьевой, связывающей цену преступности с денежным выражением доступного для исчисления материального и нематериального вреда, причиняемого как преступностью в целом, так и отдельными уголовно-наказуемыми деяниями [1]. Обращает на себя внимание, что при формировании данной категории автор опирался на традиционное экономическое представление о цене, как денежном выражении стоимости товара [2]. Согласимся, что оперирование экономическими понятиями, такими как «цена», требует соблюдения их значения. Возникающие при этом конструкции вызывают определенные нарекания. В частности, обращает на себя внимание, что с позиции О.Р. Афанасьевой цена преступности опосредована исключительно денежным выражением. Мы полагаем, что такой подход не удобен для исследования социальных явлений и процессов, связанных с преступностью.

Необходимо отметить, проблематику привязки цены преступности к вреду, причиненному преступлениями и имеющему при этом денежное выражение. Подобный подход существенно сужает операционность исследуемой категории, которая в данном случае может быть применена только к части вреда, доступной денежной оценке. Причем, этот вред имеет, как правило, непосредственный характер и представляет из себя прямое последствие совершенного преступления. И даже в этом случае возникают проблемы в оценке стоимости причиненного вреда. Так, Н.А. Лопашенко не без основания отмечает, что имеются трудности в стоимостном определении нематериального вреда, причиненного различными преступлениями, например, посягающими на половую свободу и неприкосновенность [11]. Аналогичная проблема, в целом, характерна, например, для определения стоимостного выражения вреда от посягательств на личность, не связанного с затратами на медицинскую помощь. Совокупность данного вреда, зачастую, опосредуется в категории «моральный вред», который, конечно, находит конкретное денежное выражение в судебной практике, однако, носит достаточно условный и субъективный характер, связанный с особенностями социально-культурного, социально-психологического и экономического восприятия вреда, причиненного преступления в конкретной обстановке конкретным лицом.

Таким образом, разница между оценкой одного и того же по характеру вреда, предположим душевных страданий, причиненных в связи с гибелью близкого человека, может заметно различаться.

Кроме этого, рассматриваемый подход к определению понятия «цена преступности» формально не предполагает учет издержек, связанных с преступностью, поскольку толкование слова «вред» (ущерб), определяет его как потерю, убыток, урон [9], а издержки, выраженные, например, в необходимости содержать правоохранительную систему являются затратами государства и общества.

Совершенно другая точка зрения представлена в исследовании Я.Г. Иващук и К.Г. Севагина, который рассматривают цену преступности через призму затрат (начиная от затрат на возмещение причиненного вреда, и заканчивая затратами на противодействие преступности и содержание правоохранительного аппарата). Именно в контексте стоимости этих затрат и определяется цена преступности [4]. Данный подход также представляется нам требующим дальнейшего изучения.

В частности, обращает на себя внимание, что вред от преступлений в объем понятия «цена преступности» не включается. Тем не менее, вполне очевидно, что затраты, о которых в данном случае идет речь непосредственно связаны с вредом, причиняемым преступлением. Наиболее иллюстрировано это просматривается в антитеррористических нормах, предусматривающих порядок возмещения вреда, причиненного террористическим актом [8]. Логично в таком случае вред включить в объем затрат на преступность. Именно он образует стоимость данных затрат.

Однако в таком случае остается неясной место вреда, который не подлежит возмещению за счет федерального бюджета (а это основная масса вреда), то есть формально исключен из системы государственных затрат. Сюда можно отнести, например, вред, причиненный латентными преступлениями. Сюда же следует отнести и тот вред, который известен в связи с расследуемыми уголовными делами, которые остаются нераскрытыми. Чтобы представить объем этого вреда следует отметить, что основная доля в структуре отечественной преступности принадлежит преступлениям против собственности [5], раскрываемость которых составляет всего 36,4 % [10]. Более того, даже по раскрытым уголовным делам возникают проблемы с возмещением вреда и его оценкой в контексте рассматриваемого подхода к определению понятия «цена преступности». Установленный вред подлежит возмещению и возмещается за счет возвращения похищенного имущества, признаний сделок недействительными, компенсационных выплат подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных и т.д. Однако затраты, связанные с возмещением этого вреда, как правило, несет само лицо, совершившее преступление, а объем этих затрат, зачастую, не покрывает фактически причиненный вред. Включать подобные затраты в объем цены преступности неверно, т.к. они являются элементом тех негативных последствий, которые составляют часть уголовной ответственности лица.

Таким образом, часть вреда от преступлений непосредственно не участвует в формировании стоимости затрат на противодействие

преступности, либо ими не компенсируется, однако, оказывает влияние на характер государственной уголовной политики, ее структуру, интенсивность и т.д. На наш взгляд, вред, причиненный от преступлений, в любом случае должен включаться в объем понятия «цена преступности» в качестве самостоятельной категории, что позволит устранить указанные противоречия и более полно сформировать представление о том, как страдает общество и государство от преступной деятельности.

В этом плане, более выверенной представляется позиция В.В. Лунеева, который использует категорию «совокупная цена преступности», включая в ее объем две группы издержек – издержки, которые «навязываются обществу самой преступностью (прямые последствия преступности) и издержки, которые несет общество, противодействуя преступности (косвенные издержки) [6]. Как мы полагаем, подобная конструкция требует уточнения. Не отрицая того, что в результате совершения преступного деяния, возникает множество последствий, находящихся как в прямой причинно-следственной связи с ним, так и в косвенной, отметим, что определять их как издержки – неверно с лексической точки зрения. Издержками в русском языке считаются затраты, израсходованные суммы [9], а непосредственно наступившие последствия от преступления, в первую очередь, вред, нельзя назвать затратами.

Н.А. Лопашенко разграничила эти две категории. По ее мнению, цена преступности – это денежная оценка негативного влияния преступности, выраженного как во вреде, так и в издержках [11]. Недостатком конкретно этой позиции, на наш взгляд, является стремление опосредовать

Литература:

1. *Афанасьева О.Р.* Теоретические основы криминологического исследования и минимизации социальных последствий насильственной преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 18.
2. *Баринов Е.В.* Цена и тариф: гражданско-правовой аспект / Е.В. Баринов // Экономика. Налоги. Право. 2014. № 1. С. 81.
3. *Демикова И.В.* Основные аспекты ценообразования на предприятии / И.В. Демикова // ЭКОНОМИНФО. 2012. № 17. С. 35.
4. *Ищук Я.Г.* «Цена» преступности: проблемы исчисления и минимизации / Я.Г. Ищук, К.Г. Севагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 416.
5. Криминология (Особенная часть): учебник для бакалавриата и специалитета / Под общ. ред. А.Е. Михайлова, А.В. Кудрявцева. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2021. С. 40–44.
6. *Лунеев В.В.* Криминология: учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2022. С. 235.

показатели цены через определенные денежные суммы.

Как мы видим, категория «цена преступности» достаточно дискуссионная. При этом существует проблематика, связанная с допустимостью использования категории «цена преступности» как таковой. В данном случае, проблемным является то, что в данной конструкции преступность выступает в качестве продукта и цена отражает его стоимостное выражение. Это стоимостное выражение складывается из рыночных отношений, основанных на взаимодействия спроса и предложения, либо на условиях соглашения сторон [3]. В любом случае, такие отношения предполагают наличие потребителя, которым формально-логически выступают потерпевшие. Однако последние не являются заинтересованной стороной в части совершения в них преступления и в ценнообразовании участвовать не могут. На ценообразование здесь влияют производственно-технологические и организационно-управленческие затраты, выраженные соответственно в затратах на производство продукта и специфике организации труда по изготовлению продукта [12]. В нашем случае, продуктом выступает преступление. И эти затраты не включают в себя ни вред, причиненный преступлением, ни издержки, связанные с деятельностью правоохранительной системы.

Таким образом, как мы полагаем, сама по себе, категория «цена преступности» является неверной и не может быть использована ни как показатель преступности, ни как характеристика последствий преступности. Соответственно, при формировании организационно-правовых основ минимизации и ликвидации последствий преступности необходимо исключить из понятийно-категориального аппарата термин «цена преступности».

Literature:

1. *Afanasyeva O.R.* Theoretical foundations of criminological research and minimization of the social consequences of violent crime : dis. ... Doctors of law. M., 2014. P. 18.
2. *Barinov E.V.* Price and tariff: civil law aspect / E.V. Barinov // Economy. Taxes. Pravo. 2014. № 1. P. 81.
3. *Demikhova I.V.* Main aspects of pricing at the enterprise / I.V. Demikhova // EKONOMINFO. 2012. № 17. P. 35.
4. *Ishchuk Ya.G.* «The price» of crime: problems of calculation and minimization / Ya.G. Ishchuk, K.G. Sevagin // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4. P. 416.
5. Criminology (Special part) : textbook for bachelor's degree and specialty / Under the general editorship of A.E. Mikhailov, A.V. Kudryavtsev. Vladimir : Vladimir branch of RANEPА, 2021. P. 40–44.
6. *Luneev V.V.* Criminology : textbook for academic bachelor's degree. M. : Yurayt, 2022. P. 235.

7. Михайлов А.Е. Система противодействия правонарушениям в России: некоторые проблемы правового регулирования / А.Е. Михайлов // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 1(50). С. 108–112.

8. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ; ред. от 25.05.2021 г. // Собрание законодательства РФ 2006. № 11. Ст. 1146.

9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / С.И. Ожегов; Под общ. ред. Проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : ООО Изд-во Оникс, 2005. С. 129, 309, 1109.

10. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года. М. : ФКУ ГИАЦ МВД России, 2022. С. 6.

11. Цена преступности (методология ее определения) : монография / Под ред. Н.А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2014. С. 6–7.

12. Ямпольская Л.О. Цены и ценообразование : учебник. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2022. С. 7–8.

7. Mikhailov A.E. System of counteraction to offenses in Russia: some problems of legal regulation / A.E. Mikhailov // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2019. № 1(50). P. 108–112.

8. On Countering terrorism: Federal Law № 35-FZ of 06.03.2006; ed. dated 25.05.2021 // Collection of legislation of the Russian Federation 2006. № 11. Art. 1146.

9. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language : Approx. 53,000 words / S.I. Ozhegov; Under the general ed. Prof. L.I. Skvortsova. 24th ed., ispr. M. : Onyx Publishing House, 2005. P. 129, 309, 1109.

10. The state of crime in Russia in January-December 2021. M. : FKU GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. P. 6.

11. The price of crime (methodology of its definition) : monograph / Ed. by Lopashenko N.A. M. : Yurlitinform, 2014. P. 6–7.

12. Yampolskaya L.O. Prices and pricing : textbook. 2nd ed., ispr. and add. M. : Yurayt, 2022. P. 7–8.

Назаров Антон Андреевич
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

К ВОПРОСУ О САНКЦИЯХ ЗА КОНТРАБАНДУ НАРКОТИКОВ В УК РФ И УК КАЗАХСТАНА: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье представлен сопоставительный анализ санкций, предусмотренных ст. 229.1 УК РФ и ст. 286 УК Республики Казахстан, устанавливающих ответственность за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров. Автор в итоге осуществленного сопоставления делает вывод об определенной схожести подходов законодателей названных государств к пенализации данного посягательства. Вместе с тем, им выявлены и определенные различия. В частности, в отношении отдельных разновидностей контрабанды большей жесткостью отличается УК РФ, что видится более обоснованным. Однако УК РК выгодно отличает наличие в санкциях, установленных за контрабанду наркотиков, конфискации имущества, включенной в систему наказаний, причем обязательной к назначению (безальтернативно) за все квалифицированные виды названного преступления, что, несомненно, заслуживает позитивной оценки.

Ключевые слова: УК Республики Казахстан, контрабанда, наркотические средства, психотропные вещества, дифференциация уголовной ответственности, квалифицирующие признаки, санкция уголовно-правовой нормы, наказание.

Сравнительно-правовой анализ законодательства в части установления уголовной ответственности за те или иные преступные деяния позволяет определить направления совершенствования отечественного уголовного закона, а также выявить его сильные стороны. В рамках настоящей статьи осуществлено сопоставление подходов законодателей России и Казахстана к установлению наказуемости контрабанды наркотических средств и психотропных веществ.

Казахский законодатель, следуя рекомендациям Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ [10], в Уголовном кодексе 1997 г., ныне утратившем силу, разделил контрабанду на два самостоятельных состава преступления:

1) экономическая контрабанда (ст. 209, содержащаяся в главе под названием «Преступления в сфере экономической деятельности»);

Anton A. Nazarov
Postgraduate Student of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

ON THE QUESTION OF SANCTIONS FOR DRUG SMUGGLING IN THE CC RF AND THE CC OF KAZAKHSTAN: A COMPARATIVE ANALYSIS

Annotation. The article presents a comparative analysis of the sanctions provided for in Article 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 286 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, establishing responsibility for the smuggling of narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and precursors. As a result of the comparison, the author concludes that there is a certain similarity in the approaches of the legislators of these states to penalizing this encroachment. At the same time, he also identified certain differences. In particular, with regard to certain types of smuggling, the Criminal Code of the Russian Federation is more rigid, which seems more reasonable. However, the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan is favorably distinguished by the presence in the sanctions established for drug smuggling, confiscation of property included in the punishment system, and mandatory (without alternative) for all qualified types of the named crime, which undoubtedly deserves a positive assessment.

Keywords: Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, smuggling, narcotic drugs, psychotropic substances, differentiation of criminal liability, qualifying signs, sanction of the criminal law norm, punishment.

2) контрабанда изъятых из обращения или ограниченных в обращении предметов (оружия, наркотиков и т.п.), предусмотренная ст. 250. Статья 250 была расположена в УК РК в разделе, предусматривающем преступления против общественной безопасности и общественного порядка.

Таким образом, общественная опасность контрабанды наркотиков в Казахстане была приравнена к контрабанде оружия, то есть рассматривалась на уровне общественной безопасности [1, с. 167]. Аналогичный подход был сохранен и перенесен в новый Уголовный кодекс РК 2014 г., вступивший в законную силу с 01.01.2015 г. В нем уголовная ответственность за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ предусмотрена в ст. 286 (гл. 10 «Уголовные правонарушения против общественной безопасности и общественного порядка») [2, с. 71–75]. Заметим, что, как нам представляется, следует позитивно отнестись к

подходу законодателя к формулировке названия ст. 286 УК РК, характеризующейся краткостью и лаконичностью («Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено») в отличие от достаточно громоздкого наименования ст. 226.1 УК РФ.

В Уголовном кодексе РФ выделение контрабанды наркотиков в самостоятельный состав преступления было произведено лишь в декабре 2011 г. При этом в отличие от УК РК в УК РФ это деяние было отделено от контрабанды сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ и др. Состав контрабанды определен в гл. 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Подобное различие в определении объекта существенного значения не имеет, поскольку родовые объекты названных преступлений в кодексах определены одинаково [5 с. 11–12].

Положительным моментом является то, что оба уголовных закона отделили контрабанду наркотиков от экономической контрабанды. Предметом рассматриваемого преступления являются конкретно определенные психоактивные вещества. В Республике Казахстан действует Закон РК от 10.07.1998 г. № 279-І (по сост. на 07.07.2020 г.) «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими» [9]. Перечень наркотических средств и психотропных веществ, являющихся предметом преступления, предусмотренного ст. 286 УК РК, закреплен в соответствующем постановлении Правительства [8]. В нем же содержится Сводная таблица об отнесении наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, обнаруженных в незаконном обороте, к небольшим, крупным и особо крупным размерам, а также Список заместителей атомов водорода, галогенов и (или) гидроксильных групп в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ.

Указанный перечень так же, как и перечни, установленные в РФ постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 г. № 681, сформированы на основании Списков Единой Конвенции о наркотических средствах 1961 г., Конвенции о психотропных веществах 1971 г. и Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. Кроме того, при их составлении учитываются «Рекомендации по формированию единых по содержанию списков (перечней) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также сильнодействующих и ядовитых веществ, подлежащих контролю в государствах – членах ОДКБ», утвержденные постановлением Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (ПА ОДКБ) от 17.05.2012 г. № 5–6 [7].

Современные редакции ст. 229.1 УК РФ и ст. 286 УК РК предусматривают 4 степени градации общественной опасности контрабанды наркотических средств и психотропных веществ, что, соответственно, оказывает влияние на наказание, установленное за названное посягательство. В ходе сравнения указанных уголовно-правовых

норм становится очевидным, что в них по-разному оценена степень опасности некавалифицированной контрабанды наркотиков.

В ч. 1 ст. 229.1 УК РФ в качестве основного вида наказания предусмотрено лишение свободы на срок от 3 до 7 лет, в качестве дополнительных – штраф и лишение свободы на срок до 1 года. Часть 1 ст. 286 УК РК предусматривает более мягкую ответственность, причем в качестве основных видов наказания, кроме лишения свободы на срок до 5 лет, могут быть применены штраф, исправительные работы или ограничение свободы до 5 лет. Примечательно, что в качестве дополнительного наказания предусмотрена конфискация имущества.

Необходимо отметить, что в УК РК применительно к контрабанде, обремененной квалифицирующими признаками, предусмотрен только один вид основного наказания – лишение свободы и один вид дополнительного – конфискация имущества. В УК РФ в качестве дополнительных наказаний могут применяться штраф и ограничение свободы.

В УК РК как по сравнению с УК РФ, так и со своим предшественником смягчена уголовная ответственность за экономическую контрабанду (ч. 1 ст. 234): размер штрафа уменьшен вдвое, исключено наказание в виде лишения свободы. Сравнимая подходы к пенализации названного преступления в УК РК и УК РФ, следует заметить, что зарубежный законодатель предусмотрел пожизненное лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания, а также предусмотрел конфискацию имущества в отношении составов экономической контрабанды.

Что касается контрабанды предметов, изъятых из свободного оборота, можно сделать вывод, что ст. 286 УК РК схожа со ст. 229.1 и ст. 226.1 УК РФ. Наказание за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов в УК РК предусмотрено в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет. Кроме того, в зависимости от размера предмета возможно и пожизненное лишение свободы (при наличии особо крупного размера).

В свою очередь, в УК РФ в зависимости от размера контрабанды градация лишения свободы осуществлена следующим образом: значительный – от 5 до 10 лет; крупный – от 10 до 20 лет; особо крупный – от 15 до 20 лет. Кроме того, в качестве дополнительного наказания предусмотрен штраф. Вместе с тем, отсутствует конфискация имущества, исключенная, как известно, из системы наказаний в 2003 г., тогда как в УК РК она является обязательным дополнительным наказанием, подлежащим императивному применению за все квалифицированные и особо квалифицированные виды контрабанды наркотиков.

Рассмотрим подробнее и выявим различия и сходства санкций, установленных в ст. 286 УК РК и ст. 229.1 УК РФ за квалифицированные виды контрабанды наркотиков.

Части 2 ст. 286 УК РК и 229.1 УК РФ имеют различия не только в части содержания санкций (объем для них является регламентация таких признаков, как совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, а также - должностным лицом с использованием своего служебного положения). В УК РК в данной норме предусматривается и такой квалифицирующий признак, как совершение преступления неоднократно, в принципе отсутствующий в УК РФ с 2003 г., а также применение насилия к лицу, осуществляющему пограничный или таможенный контроль. Последний в УК РФ указан в ч. 4 ст. 229.1, что представляется более обоснованным законодательным решением. Мы полагаем, что степень общественной опасности совершения деяния группой лиц по предварительному сговору или неоднократно (в УК РК) гораздо ниже, чем при применении насилия к лицу, исполняющему указанные обязанности. Говоря о санкции ч. 2 ст. 286 УК РК, следует отметить, что за данное правонарушение грозит лишение свободы от 7 до 12 лет с конфискацией имущества, УК РФ в данном случае в ч. 2 ст. 229.1 предусматривает лишение свободы на срок от 5 до 10 лет со штрафом в размере до 1 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет или без такового и с ограничением свободы на срок до 1,5 лет или без такового. Кроме того, стоит заметить, что законодатель Казахстана в ч. 2 ст. 286 УК указал и такой квалифицирующий признак, как крупный размер наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, который в УК РФ обозначен в ч. 3 ст. 229.1, за что грозит лишение свободы на срок от 10 до 20 лет со штрафом в размере до 1 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет или без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет или без такового. Видится не вполне обоснованным установление в санкциях за преступления, обладающие разным уровнем общественной опасности, одинакового размера штрафа. Несмотря на то, что штраф в названных санкциях – дополнительное наказание, его размер все равно должен быть дифференцирован с учетом степени общественной опасности посягательства.

Литература:

1. *Борчашвили И.Ш.* Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан (Особенная часть). Астана: Жеті ж, 2006. URL : http://adilet.zan.kz/rus/docs/T9700167_1_#z167
2. *Галиев Б.Б.* Унификация законодательства стран Таможенного союза и СНГ о борьбе с трансграничной преступностью как одна из действенных форм противодействия ее современным вызовам / Б.Б. Галиев // Российский юридический журнал. 2014. № 4. С. 71–75.
3. *Грачев О.В.* Уголовное законодательство Республики Казахстан в сфере экономической безопасности и таможенной интеграции / О.В. Грачев // Российский следователь. 2013. № 1. URL : <http://www.center-bereg.ru/o1155.html>

Часть 3 ст. 286 УК РК схожа по содержанию с п. а) ч. 4 ст. 229.1 УК РФ. В данном случае речь идет об организованных (УК РФ), преступных группах (УК РК). В первом из названных Кодексов установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества, а во втором – лишение свободы на срок от 15 до 20 лет со штрафом в размере до 1 млн руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до 2 лет или без такового или пожизненным лишением свободы.

Законодатель Казахстана особо крупный размер предусмотрел в ч. 4 ст. 286 УК РК, признав его признаком состава исключительной опасности, и установил за преступление при его наличии наказание в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы с конфискацией имущества. В УК РФ в ч. 4 ст. 229.1 предусмотрен также особо крупный размер предмета и еще два ранее уже упомянутых признака – совершение посягательства организованной группой и с применением насилия к соответствующим лицам.

Исходя из сказанного, опираясь на результаты сопоставительного анализа уголовного законодательства Республики Казахстан и Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что казахский законодатель значительно улучшил кодекс по сравнению со своим предшественником, а также вполне обоснованно стал более строг в отношении лиц, совершивших названное преступное деяние. Вместе с тем в отношении отдельных разновидностей контрабанды большей жесткостью отличается УК РФ, что видится нам более обоснованным. Однако УК РК выгодно отличает наличие в санкциях, установленных за контрабанду наркотиков, конфискации имущества, включенной в систему наказаний, причем обязательной к назначению (безальтернативно) за все квалифицированные виды названного преступления, что, несомненно, заслуживает позитивной оценки.

Literature:

1. *Borchashvili I.S.* Commentary to the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan (Special part). Astana: Zheti zh, 2006. URL : http://adilet.zan.kz/rus/docs/T9700167_1_#z167
2. *Galiev B.B.* Unification of the legislation of the countries of the Customs Union and the CIS on combating transnational crime as one of the effective forms of countering its modern challenges / B.B. Galiev // Russian Law Journal. 2014. № 4. P. 71–75.
3. *Grachev O.V.* Criminal legislation of the Republic of Kazakhstan in the field of economic security and customs integration / O.V. Grachev // A Russian investigator. 2013. № 1. URL : <http://www.center-bereg.ru/o1155.html>

4. *Савчишкина О.Г.* Зарубежное уголовное законодательство об ответственности за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов / О.Г. Савчишкина, Г.И. Степанов // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 17. С. 74–78.
5. *Торкунов М.А.* Исключение из Уголовного кодекса Российской Федерации неоднократности – шаг к справедливой оценке множественности преступлений / М.А. Торкунов // Военно-уголовное право. 2004. № 4. С. 11–12.
6. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) URL : <https://base.garant.ru/2566472/>
7. Рекомендации по формированию единых по содержанию списков (перечней) наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также сильнодействующих и ядовитых веществ, подлежащих контролю в государствах – членах ОДКБ», утвержденные постановлением Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности (ПА ОДКБ) от 17.05.2012 г. № 5–6 // Официальный сайт ПА ОДКБ. URL : <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-po-formirovaniyu-edinyh-po-soderzhaniyu-spiskov> (дата обращения 16.04.2022).
8. Постановление Правительства Республики Казахстан от 03 июля 2019 г. № 470 «Об утверждении Списка наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, подлежащих контролю в Республике Казахстан, Сводной таблицы об отнесении наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, обнаруженных в незаконном обороте, к небольшим, крупным и особо крупным размерам, Списка заместителей атомов водорода, галогенов и (или) гидроксильных групп в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ». URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34740250 (дата обращения 16.04.2022).
9. Закон Республики Казахстан от 10 июля 1998 г. № 279-І «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими». URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1009806 (дата обращения 16.04.2022).
10. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996). URL : <https://base.garant.ru/2566472>
4. *Savchishkina O.G.* Foreign criminal legislation on responsibility for smuggling narcotic drugs and psychotropic substances or their analogues / O.G. Savchishkina, G.I. Stepanov // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2013. № 17. P. 74–78.
5. *Torkunov M.A.* Exclusion of repetition from the Criminal Code of the Russian Federation – a step towards a fair assessment of the multiplicity of crimes / M.A. Torkunov // Military criminal law. 2004. № 4. P. 11–12.
6. Model Criminal Code for the CIS Member States (adopted by the resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States of February 17, 1996). URL : <https://base.garant.ru/2566472/>
7. Recommendations on the formation of uniform lists (lists) of narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors, as well as potent and toxic substances subject to control in the CSTO member states", approved by Resolution № 5–6 of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization (CSTO PA) dated 17.05.2012 // Official Website of the PA CSTO. URL : <https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-po-formirovaniyu-edinyh-po-soderzhaniyu-spiskov> (date of application 04/16/2022).
8. Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan dated July 03, 2019. № 470 «On Approval of the List of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances and Precursors Subject to Control in the Republic of Kazakhstan, the Summary Table on the Attribution of Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, Their Analogues and Precursors Found in Illicit Trafficking to Small, Large and Especially Large Sizes, the List of Substituents of Hydrogen Atoms, Halogens and (or) Hydroxyl groups in the structural formulas of narcotic drugs, psychotropic substances». URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34740250 (date of application 04/16/2022).
9. Law of the Republic of Kazakhstan № 279-І of July 10, 1998 «On narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and precursors and measures to counteract their illicit trafficking and abuse». URL : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1009806 (date of appeal 04/16/2022).
10. Model Criminal Code for the CIS Member States (adopted by the resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States of February 17, 1996). URL : <https://base.garant.ru/2566472>

Нечаева Олеся Александровна
ассистент кафедры
государственного права и управления
таможенной деятельностью,
Юридический институт Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
olesya_tsyganova@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Особое значение в эффективном социальном и экономическом развитии страны принадлежит государственной молодежной политике, являющейся ключевым звеном в социальной стабильности и гарантом безопасности России, в области решения проблем молодёжи. Автором данной публикации обоснована необходимость осуществления государственной молодежной политики для создания условия успешной социализации и самореализации молодёжи и предотвращения оттока перспективных кадров в другие страны. Выявлены некоторые проблемы молодежной политики в Российской Федерации и предложены пути их решения.

Ключевые слова: молодые граждане, молодежь, проблемы молодёжи, молодежная политика, возрастные характеристики, государственная молодежная политика.

Особое значение в эффективном социальном и экономическом развитии страны принадлежит государственной молодежной политике, являющейся ключевым звеном в социальной стабильности и гарантом безопасности России, в области решения проблем молодёжи.

10 января 2021 года вступил в силу закон «О молодежной политике в Российской Федерации», где было закреплено понятие «молодёжь» как социально-демографической группы лиц, в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации [1]. Такая группа образуется на основе социального положения в обществе и возрастных особенностей личности. Закон дает широкое определение молодежной политики, определяет, как комплекс мер реализуемых на основе сотрудничества органов государственной власти на федеральном и субъектном уровне, а также, местного самоуправления, направленных на создание условий для развития молодых граждан, их самореализации в различных сферах жизнедеятельности: патриотической, духовной, нравственной. Целью молодежной политики в России является – устойчивое

Olesya A. Nechaeva
Assistant of the Department
of State Law and Management
of Customs Activity,
Law Institute of Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs
olesya_tsyganova@mail.ru

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF YOUTH POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. Of particular importance in the effective social and economic development of the country belongs to the state youth policy, which is a key link in social stability and a guarantor of Russia's security, in the field of solving youth problems. Proved the prospect of implementing the state youth policy to create conditions for successful socialization and self-realization of young people and prevent the outflow of promising personnel in other countries. Some problems of youth policy in the Russian Federation are identified and ways to solve them are proposed.

Keywords: young citizens, youth, youth problems, youth policy, age characteristics, state youth policy.

социально-экономическое развитие молодых граждан, глобальная конкурентоспособность и национальная безопасность Российской Федерации.

Молодёжь отличает активность, высокий уровень социальной мобильности, готовность расширять свои знания, участвовать в различных проектах, искать себя, осваивать новые профессии. Несмотря на это, молодёжь остаётся одной из тех социальных групп, которой необходима особая забота государства.

Во-первых, как социально-демографическая группа она отличается неустойчивостью психики, подверженности чужому влиянию, далеко не всегда правильному.

Во-вторых, у молодежи, зачастую, недостаточно материальных средств, знаний и необходимой квалификации для того, чтобы реализовать свои проекты, или получить престижную работу.

В современном мире развитие молодежной политики является одним из приоритетных

направлений государственной политики в Российской Федерации. В первую очередь, государственная молодежная политика нужна для того, чтобы создать условия для успешной самореализации и социализации молодежи, а также, предотвратить отток перспективных кадров в другие страны. Молодежная политика является гибкой, технологичной системой. Процесс работы с молодыми людьми подразумевает постоянные обновления, смену технологий и подходов, так как молодежь быстрее меняется и развивается. В эпоху цифровизации государству необходимо подстраиваться под запросы молодежи, создавать специализированные интернет-площадки, программы, видео- и аудио-платформы, идти в ногу со временем, создавая интересный контент для молодежи. Многие органы и представители власти имеют собственные сайты и страницы в социальных сетях. Происходящие изменения в государственной политике отражаются на молодежной сфере. Преобразование молодежной политики происходит в ходе модернизации общероссийских процессов, когда развитие человеческого капитала и кадрового ресурса становится приоритетным, человек становится объектом для инвестиций. Государство, которое инвестирует в молодежь, в ее образование, обучение, быт, культуру, здоровье, безусловно, инвестирует и в свой прогресс.

Формирование инфраструктуры молодежной политики – это одно из главных направлений социального развития для нынешней России, относится к числу быстро развивающихся современных социальных структур, которые выполняют преобразование в социальных процессах, происходящих в обществе. Молодежная политика РФ направлена на развитие патриотизма, гражданской ответственности, толерантности, повышение социальной активности молодежи, развитие волонтерского движения, формирование у молодежи здорового образа жизни, поддержку молодых специалистов, поддержку молодых семей и на содействие международному сотрудничеству молодежи. Государственная молодежная политика – это отдельная отрасль управления, опирающаяся на актуальные данные о ценностях, ориентирах, настроениях современной молодежи [3]. На данный момент времени, реализация государственной молодежной политики становится все более значимой, так как в решении задач развития нашей страны повышается роль человеческого фактора.

Одной из ключевых проблем государственной молодежной политики – это долгое отсутствие в России закона, посвященного молодежной политике в стране. По этой причине, в законодательстве, были несогласованности и противоречия. На региональном и муниципальном уровнях значение молодежной политики имеет высокий приоритет, каждый регион обладает своими традициями, обычаями, поэтому в разных субъектах федерации формируются и реализуются программы, создаются новые площадки социального развития молодежи с учетом своих особенностей. Закон позволил упорядочить весь объем работы, которая ведется в молодежном направлении, учитывая новые аспекты в этой деятельности.

Принятый закон решил ряд проблем, существовавших в области правового регулирования молодежной политики, а именно:

- утратили силу правовые акты, принятые более двадцати пяти лет назад, которые не позволяли эффективно проводить молодежную политику в силу значительных изменений в разных сферах общественной жизни;
- обозначены разграничение предметов ведения и полномочия между федеральными и региональными органами власти;
- закон определил полномочия органов местного самоуправления в сфере молодежной политики.

Несмотря на принятие нового закона, проблем, связанных с реализацией молодежной политики, остается еще много. Нам представляется необходимым рассмотреть пути их решения. Важной задачей, стоящей перед государством должно стать увеличение финансирования, как на федеральном, так и на региональном уровнях, необходимо создать условия для создания инвестиционной привлекательности данной сферы. Важное внимание должно быть уделено расширению сети учреждений дополнительного образования и организации досуга молодежи по различным направлениям: спорт, художественное творчество, инновационная научная деятельность, IT-технологии и ряд других. Такие организации позволяют раскрыть потенциал молодых людей, дает им возможность определиться с выбором будущей профессии и реализовать себя в ней. Чтобы оценить какие организации и в каких направлениях необходимы, следует особое внимание уделить созданию социальных и социально-психологических служб по выявлению потребностей и интересов молодых людей.

Одна из главных задач молодежной политики – социализация молодежи. В связи с этим надо создать такие условия, где молодежь сможет применить свои знания, умения, навыки. У молодого поколения будет уверенность в своей востребованности. В рамках решения этой задачи необходимо расширять возможности трудоустройства молодежи, особенно тех молодых людей, которые впервые устраиваются на работу после окончания высшего учебного заведения. Для того, чтобы повысить конкурентоспособность на рынке труда, молодежи необходимо предоставлять временное трудоустройство – стажировку в выбранной организации, что позволит закрепить на практике теоретические знания и навыки.

Увеличение возраста молодежи до 35 лет, несомненно, расширяет возможности молодых людей реализовать свой потенциал при поддержке государства. Однако закон поставил перед государством ряд важных, требующих решения задач поддержки молодых специалистов и молодых семей. Решение этих задач является важнейшим условием эффективности проведения молодежной политики. В России начала действовать программа популяризации культурных мероприятий среди молодежи – Пушкинская карта, но не вся

молодёжь может воспользоваться программой, граждане в возрасте от 23 до 35 лет не вправе купить билеты в театры, музеи, филармонии, кино-театры за счет средств федерального бюджета, данная программа рассчитана только до 22 лет.

Важный компонент молодёжной политики для повышения уровня общественной активности, воспитания у молодёжи гражданской позиции – взаимодействие государства с молодёжными организациями, патриотическое воспитание, развитие молодежного парламентаризма, поддержка волонтерства и добровольчества. Во многих регионах эти направления – одни из самых развитых в молодёжной политике, однако, и они требуют изменения подхода к их осуществлению, прежде всего, в области воспитания патриотизма. Часто патриотическое воспитание сводится к

Литература:

1. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 04 января 2021 г. № 1. Ч. I. Ст. 28.
2. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.12.2014. № 50. Ст. 7185.
3. Чуев С.В. Основные проблемы развития сферы государственной молодёжной политики / С.В. Чуев, М.Б. Поляков // PolitBook. 2017. № 3. С. 45–63.

проведению мероприятий, приуроченных к конкретным историческим событиям, однако целостная система отсутствует. В связи с этим, одной из важных государственных задач становится формирование нового подхода к системе патриотического воспитания и разработка подробных методических рекомендаций по его реализации. Государство должно продолжать развитие волонтерской деятельности, так как она выполняет функцию нравственного воспитания, благодаря ей, возрождаются фундаментальные ценности и сохраняется представление о моральных нормах.

В современном обществе молодёжная политика приобретает особую значимость, очевидно, что насколько государство проявит заботу о будущем поколении, таким и будет позитивное развитие самого государства.

Literature:

1. Federal Law № 489-FZ of December 30, 2020 «On Youth Policy in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation of January 04, 2021 № 1. Part I. Art. 28.
2. Decree of the Government of the Russian Federation of 11/29/2014 № 2403-r «On Approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025» // Collection of legislation of the Russian Federation. 15.12.2014. № 50. Art. 7185.
3. *Chuev S.V.* The main problems of the development of the sphere of state youth policy / S.V. Chuev, M.B. Polyakov // PolitBook. 2017. № 3. P. 45–63.

Николаева Марина Игоревна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
mar_niko@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович

доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
9040315660@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
СТ. 308 УК РФ**

Аннотация. Реализации уголовной ответственности в отношении потерпевшего, уклоняющегося от производства освидетельствования препятствуют обстоятельства, связанные с самой процедурой производства этого следственного действия, сформулированные в ряде норм УПК РФ. В статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся возможности реализации уголовной ответственности лица в соответствии со ст. 308 УК РФ при отказе от прохождения освидетельствования, когда не требуется его согласие до возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовная ответственность, возбуждение уголовного дела, освидетельствование, уклонение от освидетельствования, пострадавший, потерпевший.

Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» были внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2]. Внесенные изменения были призваны устранить неоднозначно решаемые правоприменителями вопросы (например, касающиеся момента, с которого лицо приобретает процессуальный статус «потерпевший»), а также, оптимизировать процессуальный статус потерпевшего. Безусловно, процессуальные права потерпевшего в уголовном судопроизводстве были существенно расширены, в частности, ему предоставлено право получать копии любых

Marina I. Nikolaeva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law Disciplines,
Vladimir branch Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
mar_niko@mail.ru

Vadim V. Ryabchikov

Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
9040315660@mail.ru

**PROBLEMS OF APPLICATION
OF ARTICLE 308 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. The exercise of criminal liability against a victim who evades an examination is impeded by circumstances relating to the procedure for the conduct of this investigative action itself, as set out in a number of provisions of the Code of Criminal Procedure. The article deals with certain issues concerning the possibility of implementing criminal liability of a person in accordance with Article 308 of the Criminal Code of the Russian Federation when refusing to undergo an examination, when his consent is not required before the initiation of a criminal case.

Keywords: criminal proceedings, criminal liability, initiation of a criminal case, examination, evasion from examination, victim, victim.

процессуальных документов, затрагивающих его интересы (отметим, что ранее их перечень ограничивался). Кроме того, до окончания прений сторон потерпевший вправе заявить о том, чтобы его в обязательном порядке уведомили о прибытии осужденного к месту отбывания наказания, о его выездах и времени освобождения из мест лишения свободы. К процессуальным издержкам отнесены суммы, за счет которых покрываются расходы на вознаграждение представителя потерпевшего и проч.

В то же время, ряд новелл, сформулированных в названном Федеральном законе, на наш взгляд, напротив, существенно нарушают права потерпевшего, поскольку налагают на потерпевшего дополнительные обязанности. Так, например, положение, закрепленное в пункте 4 части 5 ст. 42

УПК РФ обязывает потерпевшего (поскольку формулировка законодателя «не вправе» равнозначна обязанности) не уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования.

Корреспондирующей рассматриваемой норме является и ст. 308 УК РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний», также подвергшаяся изменениям. В диспозиции этой уголовно-правовой нормы содержание объективной стороны преступления расширено за счет включения действий, выражающихся в уклонении потерпевшего от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования.

Как справедливо отмечает В.М. Быков, закон «не только расширил права потерпевших в уголовном судопроизводстве, но одновременно возложил на потерпевших некоторые новые обязанности. ... Теперь за отказ пройти освидетельствование, судебную экспертизу или представить образцы для сравнительного исследования потерпевший может быть привлечен к уголовной ответственности. ... Это решение законодателя представляется совершенно необоснованным и негуманным по отношению к потерпевшему» [3].

Е.В. Селина отмечает, что действующий УПК РФ не содержит случаев, когда не требуется согласия потерпевшего на проведение в отношении него какого-либо поискового (обследующего) действия. Слова «когда не требуется его согласие», указанные в диспозиции ст. 308 УК РФ, в равной мере можно отнести как к одной лишь судебной экспертизе, так и к судебной экспертизе и освидетельствованию. Но «в любом случае ни в отношении судебной экспертизы, ни в отношении освидетельствования норм о принуждении потерпевшего в УПК РФ не содержится» [5].

Реализации уголовной ответственности в отношении потерпевшего, уклоняющегося от производства освидетельствования препятствуют также обстоятельства, связанные с самой процедурой производства этого следственного действия, сформулированные в ряде норм УПК РФ.

В частности, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ [1] при проверке сообщения о преступлении, следовательно, до возбуждения уголовного дела, дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа разрешено проводить отдельные следственные действия, к числу которых относится и освидетельствование (ч. 1 ст. 144 УПК РФ, ч. 1 ст. 179 УПК РФ). Однако вызывает критические замечания сама процедура проведения освидетельствования до возбуждения уголовного дела и, следовательно, возможность реализации уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 308 УК РФ, в этих обстоятельствах.

Авторы неоднократно высказывали критические замечания относительно необоснованного расширения объема процессуальной деятельности, разрешенной в стадии возбуждения уголовного дела, в частности, за счет производства отдельных следственных действий до возбуждения уголовного дела, а также, в связи с некорректностью правовой регламентации ряда процедур. В частности, проблематичной представляется реализация производства освидетельствования до возбуждения уголовного дела.

Согласно ст. 179 УПК РФ, освидетельствование проводится на основании постановления следователя в отношении лиц, имеющих определенный правовой статус: обвиняемый, подозреваемый, потерпевший свидетель. Очевидно, что свои процессуальные статусы подозреваемый, обвиняемый и потерпевший приобретают только в ходе стадии предварительного расследования, поэтому проведение до начала предварительного расследования освидетельствования в отношении лиц с обозначенными выше процессуальными статусами представляется как минимум абсурдным.

Как уже отмечалось, статьей 308 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность в отношении потерпевшего за уклонение потерпевшего от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования. Смоделируем ситуацию, в которой лицо, назовем его условно «пострадавший», в отношении которого совершено преступление и которому причинен, например, физический вред, до возбуждения уголовного дела отказывается от проведения в отношении него освидетельствования, можно ли применить к нему в подобных условиях уголовную ответственность? Полагаем, что нет, невозможно, поскольку в диспозиции обозначенной уголовно-правовой нормы отчетливо прослеживается специальный субъект – потерпевший, а потерпевшим, согласно части 1 статьи 42 УПК РФ является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице.

Таким образом, статья 308 УК РФ в действующей редакции не может быть применена в случае отказа лица, пострадавшего от преступления, от прохождения процедуры освидетельствования до возбуждения уголовного дела. По мнению отдельных авторов, «если в уголовно-процессуальном праве нет категории «пострадавший», значит, данная категория лиц не обладает никакими

правами, предусмотренными нормами УПК РФ» [4].

Кроме того, проведение освидетельствования до возбуждения уголовного дела не подкреплено никакими гарантиями ответственности для отдельных участников уголовного судопроизводства.

Литература:

1. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Рос. газ. от 06 марта 2013 г. № 48.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ // Рос. газ. от 30 декабря 2013 г. № 295.
3. *Быков В.М.* О назначении судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела / В.М. Быков // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 2.
4. *Загорьян С.Г.* Потерпевший как участник уголовного судопроизводства / С.Г. Загорьян, О.А. Котельникова // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра.* 2021. Т. 18. № 2. С. 159–166.
5. *Селина Е.В.* Проблемы конструирования составов преступлений против правосудия в сфере уголовного судопроизводства / Е.В. Селина // *Журнал «Актуальные проблемы российского права».* 2015. № 7.

Конечно, следует отметить, что частота проведения освидетельствований и по возбужденным уголовным делам невелика, что уж говорить о проведении освидетельствования до возбуждения уголовного дела, они проводятся еще реже, в то же время имеющиеся проблемы правового характера это не снимает.

Literature:

1. On Amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law № 23-FZ of March 04, 2013 // *Russian Gas.* dated March 06, 2013 № 48.
2. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Order to improve the rights of victims in Criminal Proceedings: Federal Law № 432-FZ of December 28, 2013 // *Russian Gas.* dated December 30, 2013 № 295.
3. *Bykov V.M.* On the appointment of a forensic examination at the stage of initiation of a criminal case / V.M. Bykov // *Laws of Russia: experience, analysis, practice.* 2015. № 2.
4. *Zagorian S.G.* The victim as a participant in criminal proceedings / S.G. Zagorian, O.A. Kotelnikova // *Criminalistics: yesterday, today, tomorrow.* 2021. Vol. 18. № 2. P. 159–166.
5. *Selina E.V.* Problems of constructing elements of crimes against justice in the field of criminal proceedings / Selina E.V. // *Journal «Actual problems of Russian law».* 2015. № 7.

Нинчиева Тамила Магомедовна
кандидат юридических наук,
доцент,
декан юридического факультета,
Чеченский государственный
университет имени А.А. Кадырова
tamila761076@mail.ru

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОЦЕДУРАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЕЕ КРИТЕРИИ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка с позиций общей теории права установить сущность понятия «эффективность процессуально-правового регулирования» посредством соответствующих критериев. Методология авторского подхода в этом случае заключается в использовании общепринятого в науке мнения о том, что эффективность определяется соотношением цели и результата. Критерии эффективности процессуально-правового регулирования также производны от эффективности правового регулирования, и к их числу относятся результативность, цели, динамизм, экономичность и пр. В итоге, под эффективностью процессуально-правового регулирования предложено понимать своеобразную оценочную категорию, позволяющую на основе соответствующих критериев определять уровень соотношения между поставленной целью и фактически достигнутым с наименьшими затратами (издержками) итоговым результатом.

Ключевые слова: цель, результат, соотношение, эффективность, критерии, процессуально-правовое регулирование.

Существенно то, что понятие «эффективность» любого правового явления, правового процесса, ее повышение, дает возможность не только оценки их результативности, но и прогноза на будущее, а также, совершенствования, стабильности юридической практики и т.д. Общепризнанное в науке понимание эффективности, как отношения между фактически полученным результатом и той целью, достижение которой планировалось (предполагалось), в полной мере распространяется и на эффективность правовых процессов, в том числе, на процессуально-правовое регулирование.

Характерно, что отечественная правовая наука, особенно советского периода, в своем арсенале насчитывает немало работ об эффективности права, правового регулирования и МПР, правоприменения и т.д., что позволяет в полной мере обосновать собственную позицию относительно

Tamila M. Ninzieva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Dean of the Faculty of Law,
Chechen State University
named after A.A. Kadyrov
tamila761076@mail.ru

EFFECTIVENESS OF PROCEDURAL AND LEGAL REGULATION AND ITS CRITERIA: GENERAL THEORETICAL ASPECT

Annotation. In this article, an attempt is made from the standpoint of the general theory of law to establish the essence of the concept of the effectiveness of procedural and legal regulation by means of appropriate criteria. The methodology of the author's approach in this case consists in using the generally accepted scientific opinion that effectiveness is determined by the ratio of goal and result. The criteria for the effectiveness of procedural and legal regulation are also derived from the effectiveness of legal regulation, and these include effectiveness, goals, dynamism, efficiency, and more. As a result, under the effectiveness of procedural and legal regulation, it is proposed to understand a kind of evaluation category that allows, on the basis of appropriate criteria, to determine the level of correlation between the goal set and the final result actually achieved with the least cost (costs).

Keywords: goal, result, ratio, efficiency, criteria, procedural and legal regulation.

эффективности процессуально-правового регулирования; приступим к решению указанной задачи, несмотря на то, что «найти единый (и тем более «объективный») подход к вопросам эффективности права в рамках современного научного знания представляется более чем затруднительным» [1, с. 83].

Вначале заметим, что в последнее время эффективность процессуально-правового регулирования в той или иной степени затрагивается в научных работах отраслевой принадлежности. В то же время, представители теории права к данному вопросу не проявляют особого интереса, за редким исключением; к примеру, М. Шрамкова в прямой постановке рассматривает эффективность процессуально-правового регулирования [2, с. 59], изучая при этом данное понятие и некоторые критерии его оценки.

Далее, мы считаем целесообразным и продуктивным кратко изложить основные теоретические положения концепции эффективности права (правовых норм), что, конечно же, имеет прямое отношение к эффективности процессуально-правового регулирования.

Так, в свое время, под эффективностью права понималось «соотношение фактического результата действия норм права с теми социальными целями, для достижения которых эти нормы были приняты» [3, с. 22]. Следовательно, в основу такого подхода было положено соотношение целей и результатов.

Современный исследователь Е.А. Мамай пишет: «Эффективность правовой нормы – это свойство нормы права, оцениваемое на основании количественного и качественного анализа множества актов ее реализации, отражающее пригодность этой нормы в заданных условиях достигать требуемых результатов при определенном количестве затрачиваемых ресурсов» [4, с. 27]. В этом случае, также отмечена результативность, как и ресурсные затраты.

Еще об одном свойстве эффективности права сказано И.Я. Дюрягиным, предлагающим данную эффективность рассматривать, как степень полезности достигнутого результата реализации правовых норм в процессе поставленной обществу цели [5, с. 8].

Со своей стороны, скажем, что полезным, применительно к поставленной цели, может считаться действие, благодаря которому, достижение данной цели становится возможным или легче достижимым. Причем, категория «полезность», как и категория «эффективность», носит оценочный характер. Однако, в отличие от эффективности, вопрос о полезности решается, исходя не из субъективной оценки объективных показателей, а из субъективной оценки, сделанной на основе личного восприятия последствий, широту круга которых субъект очерчивает для себя самостоятельно.

Аналитический обзор свидетельствует о том, что учеными высказываются различные точки зрения об эффективности права, правовых норм, правового регулирования и т.д., но главное заключается в соотношении поставленных целей и достигнутых результатах, что вполне может быть экстраполировано и на эффективность процессуально-правового регулирования.

Таким образом, мы вплотную подошли установлению эффективности процессуально-правового регулирования и выявлению ее критериев.

В нашем подходе существенно то, что при установлении критериев эффективности процессуально-правового регулирования необходимо учитывать не только критерии эффективности правовых норм, правового регулирования (его механизма), но и специфику процессуального регулирования (его механизма). Указанная специфика, прежде всего, заключается в видовой соподчиненности правового регулирования, а также

наборе правовых (процессуальных) средств, особым субъектном составе, форме (процессуальной), особенностях процессуальных актов и другое; критерий должен быть основан на общем результате, отражать его, поэтому необходима совокупность всех показателей.

При этом еще раз обратим внимание на то, что указанные критерии во многом производны и определяются эффективностью самого правового регулирования, его результативностью. Отсюда проистекает первый критерий эффективности процессуально-правового регулирования – его результативность, о которой, как о фактическом и конечном результате достижения поставленной цели, уже говорилось.

Однако цель в качестве критерия эффективности такого регулирования практически не рассматривалась, что требует некоторого дополнительного пояснения. Заметим, что цели играют важную роль в правовом (процессуальном) регулировании, и от их четкой и конкретной постановки зависят удовлетворение потребностей личности, общества и государства, обеспечение их интересов. Наряду с этим, содержательное наполнение цели определяет итог, результат правового (процессуального) регулирования, а также средства, достаточные и необходимые для достижения поставленной цели.

Так, Л.Д. Чулюкин отмечает, что «цель связана с категорией ценности (идеала) через соотношение желательности, но она не сводится к желательности субъективной, при этом цели субъектов правовой деятельности связаны не с ценностями вообще, но с социальными ценностями» [6, с. 15]. Но не всякая цель имеет социальную ценность, а лишь та, которая находится в «древо целеполагания», завершено социальным идеалом [7, с. 377]. Со своей стороны, к сказанному выше добавим, что цель может выступать и как средство, но для достижения следующей (другой) цели в алгоритме целеполагания. Поэтому вышеизложенное дает возможность считать цель (целеполагание) одним из критериев эффективности процессуально-правового регулирования (конечно, правильная цель).

Однако для получения эффективного результата одной постановки цели (целеполагания) недостаточно; конечно же, нужны соответствующие процессуально-правовые средства, причем, высокого качества и адекватные заявленной цели, находящиеся в системных связях, и целесообразные. «Целесообразность – это как раз соответствие избранных средств поставленной цели» [6, с. 12].

Проблема определения указанных выше свойств процессуальных средств – это отдельная тема. Достаточно подчеркнуть, что понятие «качество» в этом случае следует рассматривать как собирательное и только в положительном смысле. Соответственно, качество можно определить, как объективную, существенную внутреннюю определенность предметов и явлений, задающую их целостность. В то же время, качественными и адекватными (допустимыми и необходимыми)

процессуально-правовыми средствами становятся лишь такие, которые оптимизируют процессуально-правовое регулирование с наименьшими издержками, затратами, и ведут к достижению (получению) желаемого правового результата с минимальной ценой. Поэтому при анализе эффективности процессуально-правового регулирования необходимо соотносить полученный результат не только с целью, но и со средствами ее осуществления, учитывать затраты [8, с. 46].

Надо сказать, что в науке этот критерий уже получил название «процессуальная экономия» (экономичности). Под ней понимаются издержки (затраты) не только материального, но и морального плана. Однако В.Н. Протасов, когда пишет о законности нормативной модели процессуальной процедуры, предостерегает: «Оптимизация параметров нормативной модели процессуальной процедуры не должна производиться в ущерб ее законности. Упрощение процесса, его ускорение, экономия материальных затрат на процесс и всякого рода иная «процессуальная экономия» недопустимы, если они угрожают законности или даже каким-то образом ослабляют ее, ибо все это чревато серьезным ущемлением прав и жизненно важных интересов человека. Надежность процедуры в свете требований законности должна быть многократной. Ее требования должны иметь приоритет перед другими качествами процесса» [9, с. 48].

Эффективность процессуально-правового регулирования можно обеспечить лишь в том случае, если человеческая личность, ее благополучие и развитие, защищенность и благосостояние и т.д. становятся основополагающей, стратегической целью такого регулирования. Отсюда возможно выделить и такой критерий, как обеспеченность (и соблюдение соотношения) интересов личности, общества и государства (фактически, национальных интересов).

Следующий критерий эффективности процессуально-правового регулирования, исходя из того, что оно является процессом, это динамизм (динамичность) указанного регулирования. Если говорить о сущностной стороне динамичности процессуально-правового регулирования (его динамической стороне, поскольку, наряду с ней, имеется и статическая сторона – нормы права, процессуальные правоотношения и другое), то следует принимать во внимание скорость (темпы) процессуально-правового регулирования, его непрерывность, четкость и сжатость (краткость) стадий, их оптимальную последовательность и логичность, а также – мобильность и успешность функционала механизма процессуально-правового регулирования, что крайне важно в практическом преломлении.

В качестве критерия процессуально-правового регулирования, хотя и несколько общего характера, выступает юридическая (включая и судебную) практика как итоговый совокупный продукт правоприменительной деятельности и сформулированный на ее основе правоприменительный опыт. Так, Л.Е. Лаптева пишет: «История говорит о том, что в конечном счете ключевым условием

эффективности закона становится адекватная правоприменительная практика» [10, с. 153]. Рассматривая структуру правовой системы, Н.И. Матузов в качестве стержневого ее элемента, помимо права, указывает и на юридическую практику: «Особую роль в правовой системе играет упомянутая выше юридическая практика, а в более широком плане – вся юридическая деятельность, протекающая в стране. Именно практика, реальная жизнь законов, показывает, насколько эффективна и совершенна действующая в государстве правовая система, сигнализирует о неблагоприятии и сбоях в ее функционировании, предлагает пути исправления недостатков» [11, с. 95]. В продолжение сказанному этим ученым отметим, что юридическая практика свидетельствует об эффективности правовой системы, включающей в себя и процессуально-правовое регулирование (его механизм).

В заключение по изучаемому вопросу отметим, что предложенные критерии эффективности процессуально-правового регулирования, безусловно, не являются всеобъемлющими; они требуют своего дальнейшего установления и изучения. Однако мы полагаем, что данные критерии в достаточной степени дают возможность для общетеоретического понимания проблемы эффективности процессуально-правового регулирования и возможности ее оценки.

Одновременно отметим, что на эффективность процессуально-правового регулирования влияют, безусловно, уровень правосознания и правовой культуры в обществе, но мы не относим их к критериям, скорее, они являются условиями названной эффективности, поскольку в основе правосознания находится право. Правосознание общества следует признать, по отношению к праву, все же первичным, и в таком подходе право – вторично. Правосознание – это, прежде всего, результат психической деятельности людей, и оно по своей природе субъективно – отсюда не может служить в качестве критерия, который носит объективный характер. В этом плане в науке отмечается: «Правосознание представляет собой субъективное восприятие индивидом необходимости государственно-властного регулирования наиболее важных для общества отношений, идеальный образ этих отношений, а также оценку прав и обязанностей участников данных отношений с учетом понимания социально-экономических закономерностей развития общества и достигнутого уровня свободы, равенства и справедливости. Иными словами, правосознание индивида – это его субъективная оценка: себя в обществе, социальных отношений и связей, а также качества действующей правовой регламентации этих отношений и связей» [12, с. 99].

Таким образом, в число критериев эффективности процессуально-правового регулирования включаются: результативность; цели (целеполагание); качество, целесообразность и адекватность процессуально-правовых средств; процессуальная экономия (экономичность); обеспеченность (соблюдение) соотношения интересов личности, общества и государства; динамизм (динамичность) процесса процессуально-правового

регулируемая (темпы, непрерывность, последовательность стадий, а также мобильность и успешность функционала его механизма) и юридическая практика. Под эффективностью процессуально-правового регулирования следует понимать своеобразную оценочную категорию,

Литература:

1. *Честнов И.Л.* Критерии эффективности права с позиций постклассической юриспруденции / И.Л. Честнов // *Евразийский юридический журнал*. 2014. № 1(68). С. 80–86.
2. *Шрамкова М.Н.* Эффективность процессуально-правового регулирования в современной России: понятие и критерии оценки / М.Н. Шрамкова // *Право и управление. XXI век*. 2014. № 2 (31). С. 57–62.
3. Эффективность правовых норм / В.В. Глазырин, В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко. М., 1980. С. 20–25.
4. *Мамай Е.А.* Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 33 с.
5. *Дюрягин И.Я.* *Право и управление*. М., 1981. 159 с.
6. *Чулюкин Л.Д.* *Природа и значение цели в советском праве*. Казань, 1984. 144 с.
7. *Керимов Д.А.* *Философские проблемы права*. М., 1972. 481 с.
8. *Экимов А.И.* *Интересы и право в социалистическом обществе*. Л., 1984. 112 с.
9. *Протасов В.Н.* *Теория юридической процедуры*. М., 2020. 328 с.
10. Эффективность правового регулирования : монография / Под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. М., 2017. 237 с.
11. *Матузов Н.И.* *Актуальные проблемы теории права*. Саратов, 2003. 223 с.
12. *Аверин А.В.* *Правосудие и право* / А.В. Аверин, Ю.А. Гроза. М., 2020. 291 с.

позволяющую на основе соответствующих критериев определять уровень соотношения между поставленной целью и фактически достигнутым с наименьшими затратами (издержками) итоговым результатом.

Literature:

1. *Chestnov I.L.* Criteria for the effectiveness of law from the standpoint of postclassical jurisprudence / I.L. Chestnov // *Eurasian Legal Journal*. 2014. № 1 (68). P. 80–86.
2. *Shramkova M.N.* Efficiency of procedural and legal regulation in modern Russia: concept and evaluation criteria / M.N. Shramkova // *Law and management. XXI century*. 2014. № 2(31). P. 57–62.
3. Effectiveness of legal norms / V.V. Glazyrin, V.N. Kudryavtsev, V.I. Nikitinsky, I.S. Samoshchenko. M., 1980. P. 20–25.
4. *Mamai E.A.* Efficiency of law enforcement procedures (theory, practice, technique) : autoref. dis. ... cand. jurid. sciences. N. Novgorod, 2011. 33 p.
5. *Dyuryagin I.Ya.* *Law and Management*. M., 1981. 159 p.
6. *Chulyukin L.D.* *The nature and meaning of the goal in Soviet law*. Kazan, 1984. 144 p.
7. *Kerimov D.A.* *Philosophical problems of law*. M., 1972. 481 p.
8. *Ekimov A.I.* *Interests and law in socialist society*. L., 1984. 112 p.
9. *Protasov V.N.* *Theory of legal procedure*. M., 2020. 328 p.
10. Efficiency of legal regulation : monograph / Under the general editorship of A.V. Polyakov, V.V. Denisenko, M.A. Belyaeva. M., 2017. 237 p.
11. *Matuzov N.I.* *Actual problems of the theory of law*. Saratov, 2003. 223 p.
12. *Averin A.V.* *Justice and law* / A.V. Averin, Yu.A. Groza. M., 2020. 291 p.

Павлова Татьяна Владиславовна

магистрант факультета технологического менеджмента и инноваций,
Санкт-Петербургский
национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики
kck.pavlova@yandex.ru

Мурашова Светлана Витальевна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент факультета технологического менеджмента и инноваций,
Санкт-Петербургский
национальный исследовательский
университет информационных технологий,
механики и оптики
kck.pavlova@yandex.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ ОХРАНЫ
АВТОРСКОГО ПРАВА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Аннотация. Ввиду специфики цифрового пространства, не всегда возможно задействование традиционных механизмов применения гражданского законодательства, по этой причине необходимо вводить новые нормы и упрощать некоторые процедуры. В статье рассмотрены различные подходы к понятию «мультимедийный продукт», описан способ интерпретации его природы. Авторами предлагается упрощение процедуры получения согласия на распоряжение литературными и музыкальными произведениями путем авторского предложения.

Ключевые слова: результат интеллектуальной деятельности, сложный объект, мультимедийный продукт, код программы, программа для ЭВМ, аудиовизуальное произведение, объект авторского права, производное произведение.

Ввиду специфики цифрового пространства не всегда возможно задействование традиционных механизмов применения гражданского законодательства, по этой причине необходимо вводить новые нормы и упрощать некоторые процедуры.

Рассмотрим понятие «мультимедийный продукт». Мультимедийный продукт является разновидностью сложного объекта интеллектуальной собственности. Он не содержит ясного понятия о своей природе, вызывая тем самым множество вопросов и споров. На сегодняшний день нет

Tatiana V. Pavlova

Master's Student of the Faculty
of Technological Management and Innovation,
Saint Petersburg National Research
University of Information Technologies,
Mechanics and Optics
kck.pavlova@yandex.ru

Svetlana V. Murashova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Faculty
of Technological Management and Innovation,
Saint Petersburg National Research
University of Information Technologies,
Mechanics and Optics
kck.pavlova@yandex.ru

**ACTUAL PROBLEMS
OF TRANSFORMATION OF COPYRIGHT
PROTECTION IN MODERN CONDITIONS**

Annotation. Due to the specifics of the digital space, it is not always possible to use traditional mechanisms for the application of civil legislation, for this reason it is necessary to introduce new norms and simplify some procedures. The article discusses various approaches to the concept of "multimedia product", describes a way of interpreting its nature. The authors propose to simplify the procedure for obtaining consent to the disposal of literary and musical works by means of an author's proposal.

Keywords: result of intellectual activity, complex object, multimedia product, program code, computer program, audiovisual work, copyright object, derivative work.

единого понимания правовой природы мультимедийного продукта.

Под мультимедиа в техническом аспекте принимается отдельный вид компьютерной технологии (электронное воплощение различных идей и образов), то есть средство обработки информации. В мультимедийном продукте сочетаются технический и творческий аспекты, в нем выражается коллективный творческий труд.

В процессе создания мультимедийного продукта используется программа для ЭВМ. Программу

для ЭВМ можно выразить, как сочетание алгоритма и определенных данных. Есть и другие определения из международных и российских стандартов: (software) – «любая часть программ, процедур, правил и документации для систем обработки информации» [3]. Важно отметить, что ПО является результатом интеллектуальной деятельности человека (далее РИД) и охраняется авторским правом. Разберемся в причине выбора такого способа охраны.

С 1940 г. владельцами программ для ЭВМ являлись крупные производители, ими использовались средства патентной охраны, а также режим коммерческой тайны. Однако вскоре стало ясно о невозможности охраны ПО с помощью патентного права, в связи с отсутствием критерия патентоспособности и дороговизной процедуры регистрации. Вскоре распространение компьютерных программ становится массовым. Такие страны мира, как Великобритания, Франция, Япония, начали дополнять свое законодательство положениями о защите программного обеспечения после 1980 г. Для подтверждения исключительных прав в ряде стран предусмотрена национальная регистрация исходного кода программы для ЭВМ (например, в США, РФ). В 1983 году Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) предложила ввести специальную охрану для компьютерных программ, как для особого интеллектуального продукта, а выбор правового режима авторского права стал наиболее выгодным для всех производителей программного обеспечения.

Многие авторы не согласны с такой охраной. Программы представляют собой алгоритмы, которые дают соответствующий результат, литературные же произведения являются единственным и самостоятельным результатом творческой деятельности автора, не производя какого-либо дополнительного результата [9]. Правовая охрана авторским правом (код программы) кажется все менее привлекательной, ведь функционал программы и ее общая структура не подлежат охране. Во многих странах (например, в России) программа для ЭВМ не является патентоспособной, а в некоторых странах (например, в США) программное обеспечение может быть охраняемо в качестве изобретения. Программу для ЭВМ можно расписать как совокупность материальных действий, которые выполняются над материальным объектом, тем самым можно запатентовать алгоритм программы, а также дизайн ее интерфейса. Так, в связи с отсутствием единого инструмента защиты программного обеспечения, многие компании предпочитают его охрану вводя режим коммерческой тайны.

Иногда программа для ЭВМ является частью какого-либо большего результата, например, мультимедийного продукта. Мультимедийный продукт относится к сложным объектам, его правовое положение не закреплено в законодательстве. Многие суды признают его программой для ЭВМ или базой данных, такое признание не позволяет осуществление правового регулирования в соответствии с положениями ст. 1240 ГК РФ. Мультимедийный продукт не может быть отнесен базам данных, поскольку не является составным

произведением, в котором авторские права бы распространялись на расположение материалов. Также, он не может быть признан программой для ЭВМ, поскольку помимо программного кода, он включает в себя иные охраняемые объекты интеллектуальной собственности. В связи с единством различных результатов интеллектуальной деятельности в таком сложном произведении, по нашему мнению, он не может не относиться к сложным объектам. Возникает вопрос с определением его типа.

Мультимедийные продукты в судебной практике Японии квалифицируются как кинематографические произведения [7]. Под ними понимается «визуальное или аудиовизуальное произведение, зафиксированное в материальной форме» (п. 3 ст. 2 Закона об авторском праве Японии) [4]. В судебной практике США мультимедийный продукт относят к аудиовизуальным произведениям (§ 101 Закона об авторском праве США) [5]. Через понятие «фильм» мультимедийный продукт трактуется в Великобритании, Австралии, ЮАР.

Мультимедийный продукт в Российской Федерации, на наш взгляд, можно было бы отнести к аудиовизуальным произведениям. Но возникает вопрос с принадлежностью исключительных прав. Статья 1263 ГК РФ нам говорит о том, что авторами аудиовизуального произведения являются: режиссер-постановщик; автор сценария; композитор [1]. Другие же лица, которые принимали участие в создании такого продукта, являются субъектами прав в отношении только своих произведений, а не всего аудиовизуального произведения. Круг авторов мультимедийного продукта выявить достаточно сложно. Некоторые авторы выделяют принадлежность исключительных прав на мультимедийный продукт в целом за сценаристом, художником, композитором, программистом (Е.С. Котенко) [6]. А. Милле выделяет авторов проекта в целом и авторов фонов, музыкального сопровождения, персонажей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при определении конкретного круга авторов необходимо учитывать тип мультимедийного продукта и процесс его создания. В каких-то случаях, авторы будут признаваться организатор и сценаристы (к примеру, виртуальные экскурсии, музеи), в каких-то – программист, сочетающий в себе функции дизайнера, и копирайтер (к примеру, веб-сайт), в каких-то число авторов будет значительно велико (компьютерная игра). С учетом конкретных условий создания мультимедийного продукта перечень авторов может варьироваться, поэтому закрепление конкретных авторов, как у аудиовизуальных произведений, неверно.

В связи с отсутствием ясности в вопросах правовой природы мультимедийного продукта, возникает проблема принадлежности исключительных прав на такой продукт. По нашему мнению, правообладателем мультимедийного продукта должен быть организатор, в свою очередь, организаторов может быть несколько, если иное не предусмотрено в договорах с авторами мультимедийного продукта.

Урегулировать общественные отношения по поводу использования мультимедийного продукта позволит правовое закрепление такого понятия. Предлагается следующее определение мультимедийного продукта: «мультимедийный продукт – это современная компьютерная технология, обладающая признаком виртуальности, которая включает в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, взаимодействующая с пользователем при помощи компьютерных устройств». Мультимедийный продукт следует наделить особым статусом. Принадлежность исключительных прав закрепить за организатором мультимедийного продукта, срок защиты исключительных прав (50 лет) следует назначить с даты выхода мультимедийного продукта в свет без исчисления 70 лет после смерти одного из соавторов такого продукта, если иное не указано в договоре. Это позволит закрепить за организатором целостные исключительные права, а конкретизация срока защиты – избежать судебных споров и расширить доступность мультимедийных произведений.

С увеличением количества пользователей цифрового контента увеличивается и количество нарушений авторских прав на объекты интеллектуальной собственности, размещенные в сети «Интернет». Особую актуальность также приобретает незаконное использование произведений. Зачастую, согласие на использование каких-либо произведений пользователями у правообладателей не получается вовсе. Разберем случаи с музыкальными произведениями.

Музыкальные произведения, наряду с литературными и художественными произведениями, являются охраняемыми авторским правом. Это означает наличие у лица, создавшего то или иное музыкальное произведение, возникновение неимущественных прав на него: право называться его автором, право требовать неприкосновенности произведения от его искажений.

Согласно Гражданскому Кодексу Российской Федерации, компенсация за нарушение авторского права по выбору автора может составить от 10 тысяч до 5 миллионов рублей, либо двукратный размер стоимости контрафактных копий, либо двукратный размер вознаграждения за правомерное использование произведения в сравнимых обстоятельствах. В случае, если присвоение авторства причинило крупный ущерб правообладателю, то за такое деяние предусмотрена уголовная ответственность.

На сегодняшний день произведение может быть не только использовано незаконным образом, но и переработано. Под переработкой понимается создание нового произведения на основе используемого. Согласно п.2 ст. 1270 ГК РФ, создание иного производного произведения считается использованием произведения, на которое требуется согласие автора [2]. Так, любое использование произведения без согласия на то автора такого произведения является нарушением авторского права.

Даже в случае, если в какое-либо произведение добавляются различные инструменты, например,

при аранжировке, а также отступления от первоначально взятого произведения значительны, то это ведет к появлению нового произведения, соответственно, мы можем наблюдать переработку изначального произведения. Так, происходит создание производного произведения. Автор производного произведения может пользоваться исключительными правами только в случае, если были соблюдены авторские права в отношении оригинального произведения, то есть получено согласие автора на переработку его произведения. Таким образом, возникает необходимость получения права на переработку произведения.

В связи с тем, что производные произведения отнесены к объектам авторского права, то они должны быть выражены в объективной форме и иметь творческий характер. Последний критерий в свою очередь обладает оценочным признаком. В российском законодательстве прямо не указана презумпция творческого характера объектов авторского права, но указано на то, что автором признается гражданин, который создал произведение своим творческим трудом [8]. В соответствии с п. 80 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом. Отсутствие новизны, уникальности и (или) оригинальности результата интеллектуальной деятельности само по себе не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом и, следовательно, не является объектом авторского права.

Значительное количество занимают так называемые «каверы», они являются примером переработки произведения. Кавер – новое исполнение существующей песни. Многие кавер-версии предполагают сложную обработку оригинального произведения. К примеру, написанные ординальные произведения могут браться в противоположном жанре с добавлением различных музыкальных инструментов.

В статье 1270 ГК РФ также уточняется, что под способами использования произведения понимается также и публичное исполнение[2]. Публичное исполнение произведения – его представление в живом исполнении или с помощью технических средств (радио, телевидения и иных технических средств) в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи. Так, например, публичным исполнением будет признаваться исполнение кавера на корпоративе, и на такое исполнение также необходимо получить разрешение у правообладателя исполняемого произведения. Не всегда просто найти правообладателя, но всегда можно обратиться в РАО. Оно официально может дать разрешение на публичное исполнение и передачу в эфир, разрешить же переработку произведения оно может лишь в случае, если на это имеется это специальный договор с правообладателем такого произведения.

На сегодняшний день многие музыканты не запрашивают согласие авторов на переработку их произведений. Во многом из-за того, что, не зная об обязанности иметь подписанные договоры с авторами произведений, которые они перерабатывают, а если и запрашивают, то многие это делают через социальные сети, просто спросив у них разрешение, не составляя договор в письменной форме. Поэтому, было бы проще отказаться такой формы договоров.

Таким образом, отказавшись от письменной формы договоров в бумажном виде, на наш взгляд, возможны три способа получения разрешения на использование или переработку произведения какого-либо автора.

Первый способ состоит в том, чтобы социальные сети начали идентифицировать своих пользователей. Тогда возможно два варианта развития событий. Первый заключается в том, что можно создать «бота», который посредством определенных вопросов сможет составить согласие на переработку или использование произведения. Социальная сеть смогла бы идентифицировать пользователей с помощью сотрудничества с порталом Государственных услуг. В этом случае идентификация могла бы происходить либо при регистрации пользователей в соц. сети, либо при составлении формы согласия ботом, а в случае, если составлением такого согласия занимается социальная сеть самостоятельно – при составлении формы согласия социальной сетью. В этом случае, пользователям сети для подписания сформированного согласия предполагалось бы пройти идентификацию через портал Государственных услуг. Сложность же состоит в том, что Государственные услуги не согласятся

Литература:

1. Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ [в ред. от 11.06.2021] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ст. 1263.
2. Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ [в ред. от 11.06.2021] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52. Ст. 1270.
3. ГОСТ 337072016 (ISO/IEC 2382:2015) Информационные технологии (ИТ). Введ. 2017-09-01. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200139532>
4. Закон об авторском праве Японии. URL : https://www.hmong.press/wiki/Copyright_law_of_Japan
5. Закон об авторском праве США. URL : <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/19946>
6. *Котенко Е.С.* Мультимедийный продукт как объект авторских прав : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 защищена 13.08.2012 / Котенко Елена Сергеевна. М., 2012. 230 с.
7. *Кутлуева Р.С.* Авторские права на мультимедийные продукты: анализ зарубежного и российского опыта / Р.С. Кутлуева // Материалы X

сотрудничать с какой-либо социальной сетью, а социальная сеть не сможет взять на себя ответственность за идентификацию своих пользователей. К тому же, если мы имеем дело с зарубежным автором, то не можем знать, имеется ли в его стране аналог российского портала Государственных услуг. Вторым вариантом является полный отказ от письменной формы договоров и согласий. При этом эти способы не кажутся возможными ввиду того, что ни одна социальная сеть не занимается идентификацией личности пользователей. Следовательно, она не может гарантировать, что диалог ведется между конкретным пользователем и автором какого-либо произведения, чье согласие необходимо получить.

Таким образом, законодательное регулирование требует изменений и отказа от старых письменных договорных форм, которые соответствовали бы реальным потребностям всего цифрового пространства. Старые бумажные формы на сегодняшний день являются устаревшими, пренебрегаемыми большим количеством людей, следовательно, они не являются актуальными в наши дни. Ввиду проблемы с идентификацией пользователей в социальных сетях, целесообразно перенести подписание согласий на переработку, использование произведений на отдельную платформу. Заниматься такой платформой смог бы Постоянный комитет по авторскому праву и смежным правам Всемирной Организации Интеллектуальной Собственности посредством своих представительств в каждой стране. Такая платформа позволит получить согласие на переработку или использование какого-либо произведения конкретного автора без нарушений международного и большинства национальных законодательств.

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of 18.12.2006 № 230-FZ [as amended. dated 11.06.2021] // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. № 52. Art. 1263.
2. The Civil Code of the Russian Federation (part four) of 18.12.2006 № 230-FZ [ed. dated 11.06.2021] // Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. № 52. Art. 1270.3.
3. GOST 337072016 (ISO/IEC 2382:2015) Information Technology (IT).. Introduction. 2017-09-01. URL : <http://docs.cntd.ru/document/1200139532>
4. Copyright Law of Japan. URL : https://www.hmong.press/wiki/Copyright_law_of_Japan
5. US Copyright Law. URL : <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/19946>
6. *Kotenko E.S.* Multimedia product as an object of copyright : dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.03 protected 13.08.2012 / Kotenko Elena Sergeevna. M., 2012. 230 p.
7. *Kutlueva R.S.* Copyright on multimedia products: analysis of foreign and Russian experience / R.S. Kutlueva // Materials of the X International

Международной студенческой научной конференции. URL : <https://scienceforum.ru/2018/article/2018000548>

8. *Михайлов С.В.* Презумпция творческого характера (оригинальности) объектов авторских прав / С.В. Михайлов // *Lex Russica*. 2021. С. 9–24.

9. *Чурилов А.Ю.* Проблемы охраны программ для ЭВМ / А.Ю. Чурилов // *Вестник Саратовской государственной юридической академии: Саратовская государственная юридическая академия*. 2020. С. 94–101. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=42478099>

Student Scientific Conference. URL : <https://scienceforum.ru/2018/article/2018000548>

8. *Mikhailov S.V.* Presumption of the creative nature (originality) of copyright objects / S.V. Mikhailov // *Lex Russica*. 2021. P. 9–24.

9. *Churilov A.Y.* Problems of protection of computer programs / A.Y. Churilov // *Bulletin of the Saratov State Law Academy: Saratov State Law Academy*. 2020. P. 94–101. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=42478099>

Петрикин Владимир Юрьевич

кандидат юридический наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
юридического факультета
имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
vladimirpetrikin@yandex.ru

Шипицина Виктория Валерьевна

кандидат юридический наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
юридического факультета
имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
vladimirpetrikin@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ОБВИНЕНИЯ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. Изменение обвинения в судебных стадиях уголовного процесса всегда обусловлено невозможностью продолжения уголовного преследования в объёме предъявленного обвинения при наличии объективных обстоятельств. Правом изменить обвинение подсудимому обладает как суд, так и государственный обвинитель, которые в любом случае должны мотивировать своё решение и не допускать нарушение права подсудимого на защиту. Практика показывает, что при принятии судами решений об изменении обвинения часто допускаются ошибки, приводящие к нарушению права подсудимого на защиту. Исследуемая проблема требует решения в виде совершенствования правовой регламентации процессуального порядка изменения обвинения в ходе судебного разбирательства и повышения гарантий права на защиту от обвинения.

Ключевые слова: суд, обвинение, изменение обвинения, пределы обвинения, право на защиту.

Уголовно-процессуальный закон, закрепляя принцип состязательности, разделяющий функцию обвинения и защиты и предоставляющий сторонам обвинения и защиты равные права особо отмечает отсутствие связи суда с уголовным преследованием. Определённым результатом уголовного преследования как деятельности, направленной на изобличение подозреваемого в совершении преступления является выдвижение обвинения.

Обвинение, как правило, выдвигается в досудебных стадиях уголовного судопроизводства в определённом процессуальном порядке в виде

Vladimir Yu. Petrikin

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Faculty of Law
named after A.A. Khmyrova,
Kuban State University
vladimirpetrikin@yandex.ru

Victoria V. Shipitsina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Faculty of Law
named after A.A. Khmyrova,
Kuban State University
vladimirpetrikin@yandex.ru

ENSURING THE RIGHT TO A DEFENSE IN CASE OF A CHANGE IN CHARGES IN COURT PROCEEDINGS

Annotation. The change of the charge in the judicial stages of the criminal process is always due to the impossibility of continuing criminal prosecution to the extent of the charge in the presence of objective circumstances. Both the court and the public prosecutor have the right to change the charge against the defendant, who in any case must motivate their decision and prevent violation of the defendant's right to defense. Practice shows that when courts make decisions to change charges, mistakes are often made that lead to a violation of the defendant's right to defense. The problem under study requires a solution in the form of improving the legal regulation of the procedural procedure for changing the prosecution during the trial and increasing the guarantees of the right to defense against the prosecution.

Keywords: court, prosecution, change of charge, limits of charge, right to defense.

вынесения следователем постановления о привлечении в качестве обвиняемого. При этом следователь, предъявив обвинения уполномочен изменять и дополнять обвинение, как в сторону уменьшения его объёма, так и в сторону увеличения (ч. 1 ст. 175 УПК РФ).

Решения следователя, связанные с изменением обвинения, не могут быть предметом судебного обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ, что обусловлено правовой доктриной в уголовном судопроизводстве, согласно которой суд не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного

разбирательства по существу уголовного дела, и делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния [1].

В отличие от досудебных стадий возможность изменения обвинения в суде первой инстанции ограничена пределами судебного разбирательства. Согласно ч. 1 ст. 252 УПК РФ, судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

Случаи, когда в процессуальных документах, определяющих пределы судебного разбирательства, в том числе обвинительном заключении фигурируют лица, не являющиеся подсудимыми по данному уголовному делу, но, в тоже время, утверждается о совершении ими преступления довольно редки в судебной практике, но всё же имеют место.

Так, по одному из уголовных дел установлено, что Л. в промежуток времени с 06 часов до 13 часов 30 минут 17.03.2013 г., имея умысел на незаконное лишение свободы К., не связанное с её похищением, на почве возникшего с К. конфликта в связи с желанием последней сообщить о противоправных действиях Л. и М. в полицию, совместно с М. и И. по предварительному сговору удерживали К. в комнате дома, расположенного в г. Краснодаре не давая покинуть помещение, а именно закрыв межкомнатную дверь на ключ, тем самым, лишив свободы, незаконно удерживая примерно до 13 часов 30 минут.

Между тем, в ходе предварительного расследования обвинение И. предъявлено не было, в результате чего уголовное дело было возвращено судом прокурору по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, то есть обвинительное заключение составлено с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора [2].

Мы полагаем, что в любом случае, когда в обвинении, предъявленном конкретному лицу имеет место указание на участие в данном преступлении иных лиц, обвинение которым не предъявлялось (за исключением неустановленных лиц и лиц, уголовное дело в отношении которых выделено в отдельное производство), уголовное дело подлежит возвращению прокурору по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. В такой ситуации изменение обвинения подсудимому невозможно.

Уголовно-процессуальный закон, закрепляя пределы судебного разбирательства определяет также условия при которых возможно изменение обвинения. Согласно ч. 2 ст. 252 УПК РФ, изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Вышеуказанные условия являются оценочной категорией, поскольку другие нормы, регламентирующие процессуальные полномочия суда в

ситуации, когда возникает объективная необходимость изменения судом обвинения, в уголовно-процессуальном законе отсутствуют. В то же время, закон предусматривает ряд норм, предоставляющих право изменить обвинение прокурору. Так, согласно ч. 8 ст. 246 УПК РФ, государственный обвинитель может также изменить обвинение в сторону смягчения путем исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание; исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму УК РФ, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой УК РФ, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте; переквалификации деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание. При этом суд не может ухудшить положение подсудимого после изменения обвинения государственным обвинителем, позиция прокурора определяют принятие судом соответствующего решения.

На первый взгляд, положения ч. 8 ст. 246 УПК РФ и ч. 2 ст. 252 УПК РФ содержат общие условия, позволяющие суду смягчить положение подсудимого, но различие между условиями для изменения обвинения прокурором и судом всё же усматриваются. Так, ч. 8 ст. 246 УПК РФ предоставляет прокурору право изменить обвинение в сторону смягчения, а ч. 2 ст. 52 УПК РФ указывает на невозможность ухудшения положения подсудимого. Следовательно, суд при изменении обвинения вправе применить нормы материального и процессуального права как улучшающие положение подсудимого, так и являющиеся равнозначными изначально применённым при условии недопустимости ухудшения такого положения.

Возможность такого изменения обвинения судом подтверждается судебной практикой. Так, К. и Е. обвиняются в хищении чужого имущества путём злоупотребления доверием, – мебели, техники и иных предметов, принадлежащих С. и Ф. на праве собственности, совершённом в крупном размере и повлекшим причинение С. и Ф. ущерба на общую сумму 1900000 рубля. Судом первой инстанции установлено, что Е. получила от Сиваковой И.К. денежные средства в размере 6900000 рублей, что подтверждается договором купли-продажи недвижимости от 25.02.2016 г., а также распиской от 02.03.2016 г. При этом цена договора купли-продажи недвижимости от 25.02.2016 г. составляет 5000000 рублей. Оставшаяся часть суммы в размере 1900000 рублей была уплачена покупателем в счёт имущества, находящегося в доме. В период времени с 14.03.2016 г. по 06.04.2016 г. К. и Е. , действуя умышленно и согласованно, с корыстной целью, с помощью несведомлённых о преступлении Р. и Б., вывезли указанное имущество их домовладения Ф. и С., а имеено: тумбу для телевизора, кухонную мебель, двуспальную кровать, диван двухместный, стол обеденный и четыре стула обратив в свою пользу и установив в своем доме, а остальное имущество передали во владение и пользование их сына Р. Своими действиями К. и Е. причинён материальный ущерб С. и Ф. в сумме 1900000 рублей, что квалифицировано органами предварительного следствия как мошенничество по ч. 4

ст. 159 УК РФ. При постановлении приговора судом изменена квалификация преступления, то есть действия К. и Е., связанные с обращением в свою пользу тумбы для телевизора, кухонной мебели, двуспальной кровати, дивана двухместного, стола обеденного и четырех стульев оценены судом как присвоение чужого имущества, а передача своему сыну части мебели как его трата, в результате чего данные действия пере-квалифицированы на ч. 4 ст. 160 УК РФ [3].

Нет в законе и указания на нарушении права подсудимого на защиту при изменении судом обвинения. Как правило правоприменительная практика связывает нарушение права на защиту с лишением подсудимого возможности подготовиться к своей защите при изменении обвинения прокурором.

Изложенное может быть проиллюстрировано на следующем примере. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 30 июня 2016 г. приговор в отношении К. изменен. Постановлено считать К. осужденным по ч. 3 ст. 222 УК РФ за незаконное ношение боеприпасов, совершенное организованной группой. Постановлением президиума Московского городского суда от 22 августа судебные акты в отношении К. изменены. Из описательно-мотивировочной части приговора исключено указание суда об осуждении К. и А. по квалифицирующему признаку – «совершение преступлений организованной группой», предусмотренному п. «а» ч. 4 ст. 162 и ч. 3 ст. 222 УК РФ и постановлено указать о наличии в их действиях по каждому из указанных преступлений квалифицирующего признака «группой лиц по предварительному сговору». Судебная коллегия Верховного Суда РФ не согласилась с такими выводами, указав следующее. Как следует из материалов дела, фактические обстоятельства, связанные с ношением К. и другими лицами боеприпасов, не были указаны в предъявленном ему обвинении, и в том числе и в обвинительном заключении. При этом К. согласно предъявленному обвинению и по обстоятельствам дела, установленным судом, управлял транспортным средством, из автомобиля во время нападения не выходил, из оружия не стрелял.

Выводы нижестоящих судов о наличии в предъявленном осужденному обвинении фактических действий, образующих объективную сторону ношения боеприпасов, не соответствуют материалам уголовного дела. В описательно-мотивировочной части приговора также не приведены действия К., составляющие объективную сторону незаконного ношения боеприпасов, а также не приведены доказательства, подтверждающие предварительный сговор в действиях осужденных на ношение боеприпасов, что указанные судебные инстанции в своих выводах оставили без внимания.

При этом, как следует из протокола судебного заседания суда апелляционной инстанции, вопрос о существенном изменении обвинения в указанной части в судебном заседании не обсуждался, в связи с чем К. об этом не знал, что противоречит

п. 1 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, не имел возможности подготовиться к защите от обвинения в ношении боеприпасов, довести до суда свою позицию по данному вопросу.

Указание суда в апелляционном определении, что К. были совершены действия по незаконному ношению боеприпасов, является существенным изменением предъявленного осужденному обвинения, которое лишило его возможности возражать против новых обстоятельств, защищаться от него, приводить свои доводы, а также представлять доказательства, опровергающее данное обвинение.

Усматривая допущенное по делу существенное нарушение уголовно-процессуального закона, повлиявшее на исход дела - нарушение требований ч. 2 ст. 252 УПК РФ в суде апелляционной инстанции, Судебная коллегия приходит к выводу о незаконном осуждении К. по ч. 2 ст. 222 УК РФ за ношение боеприпасов и отмене приговора в этой части на основании ст. 401.15 УПК РФ, с признанием за К. права на реабилитацию [4].

Такая позиция высшей судебной инстанции не является новой и указывает, что суды основного и среднего звена не предоставляют подсудимому и его защитнику опровергать обвинение при его изменении. Следует отметить, что государственный обвинитель не всегда изменяет обвинение, руководствуясь требованиями ч. 8 ст. 246 УПК РФ. Известны случаи, когда в результате изменения обвинения подсудимому предъявляется фактически новое обвинение, хоть и связанное с первоначальным, не отвечающее ни одному из критериев, указанных в вышеприведенной норме. Во многом именно такое изменение обвинения прокурором и связано с необходимостью опровержения стороной защиты, фактически нового обвинения.

Проблемы формулирования своей позиции прокурором при изменении обвинения отмечены и представителями научной общественности. Так, Епихин А.Ю. и Тарханов И.Б. отмечают, что «в статье 246 УПК РФ отсутствует форма процессуального документа, в котором бы государственный обвинитель письменно изложил свои доводы о принятии решения об изменении обвинения. Такой документ необходим, например, в форме письменного ходатайства суду. Это обусловлено полнотой и точностью излагаемых государственным обвинителем формулировок и оснований изменения обвинения. В связи с этим авторы предлагают дополнить содержание статьи 246 УПК РФ новой частью 8.1: «Государственный обвинитель заявляет письменное ходатайство суду об изменении обвинения в сторону его смягчения» [5].

Другие авторы критически относятся к возможности изменения обвинения государственным обвинителем в принципе, поскольку это не соответствует публичному характеру обвинения. А.А. Михайлов полагает, что пределы прав прокурора в распоряжении обвинением в суде первой инстанции заключаются в необходимости обеспечения реализации публичных интересов при поддержке обвинения и в недопустимости нарушения

при распоряжении обвинением прав других сторон. Указанные пределы являются общими и могут быть конкретизированы применительно к отдельным распорядительным полномочиям прокурора. Регламентация отношения прокурора к обвинению в суде первой инстанции в действующем уголовно-процессуальном законодательстве России должна предусматривать уменьшение усмотрения прокурора при осуществлении распорядительных полномочий в отношении обвинения, в том числе посредством их формулирования в качестве обязанностей прокурора, и обеспечение защиты не только прав и законных интересов подсудимых, но и потерпевших [6].

Изложенные примеры судебной практики и мнения учёных-процессуалистов позволяют прийти к выводу о том, что изменение обвинения в ходе судебного разбирательства должно не только излагаться в письменном виде и быть мотивированным, но и предусматривать возможность подозреваемому согласовать дальнейшую позицию по делу со своим защитником, что связано с необходимостью отложения судебного разбирательства. Изменение обвинения влечет за собой как изменение фактических обстоятельств уголовного дела, довольно часто весьма существенных, а также квалификацию преступления, в результате чего изначально вменяемое подсудимому деяние, отнесённое законом к категории тяжких может перейти в категорию средней тяжести. В свою очередь изменение категории преступления на категорию небольшой или средней тяжести предоставляет подсудимому право при его желании ходатайствовать о прекращении уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим, назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа или других оснований, позволяющих избежать осуждения.

Органами расследования К. обвинялся в том, что 20.10.2014 г. он, являясь индивидуальным предпринимателем, заключил с О. договор № 20/1-14 на выполнение электромонтажных работ, согласно которому заказчик поручал, а исполнитель, К., принимал на себя обязательство по проведению работ по изменению схемы электропитания незавершенного строительством жилого дома, путем строительства трансформаторной подстанции 10/0,4 кВ, обеспечивающей отбор максимальной мощности в объеме – 100 кВА и строительства отпайки ВЛИ – 0,4 кВ от ТП 10/0,4 кВ до участка О., оформление необходимой проектно-сметной и технической документации. Согласно ч. 2 п. 2.1.3 договора № 20/1-14 от 20.10.2014 г., срок выполнения работ составлял 70 рабочих дней. Согласно ч. 3 п. 3.1 указанного договора стоимость работ составляла 1500000 рублей. П. 3.1.1 части 3 договора предоплата составляла 1000000 рублей. Оплата в размере 200000 рублей, согласно ч. 3 п. 3.1.2 передавалась исполнителю после получения заказчиком технических условий на мощность 85,0 кВт. Окончательный расчет в размере 300000 рублей осуществлялся согласно п. 3.1.3 ч. 3 договора, после полного окончания работ и подписания акта выполненных работ.

22.10.2014 года О. в ОАО «Кубаньэнерго» была подана заявка физического лица в целях технологического присоединения к электрическим сетям ОАО «Кубаньэнерго» энергопринимающих устройств, максимальная мощность которых составляет свыше 15 кВт. Согласно поданной заявки, О. имела право на получение от ОАО «Кубаньэнерго» технических условий, которые согласно части 3 пункта 3.1.2 передавались исполнителю заказчиком с денежной суммой 200000 рублей.

28.10.2014 года К. находясь в ОАО «Кубаньэнерго», имея умысел, направленный на мошеннические действия, сопряженные с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, из корыстных побуждений, с целью последующего хищения денежных средств путем обмана, подал от имени О. заявление об аннулировании ранее поданной ей заявки на технологическое присоединение по объекту незавершенного строительства жилой дом по этому адресу.

Продолжая реализовывать свой преступный умысел, К. понимая, что технические условия О. выданы не будут, 28.10.2014 года примерно в 11 часов 00 минут прибыл по месту жительства О., где получил от отца О. – Б. денежные средства в сумме 800000 рублей, выписав при этом квитанцию-договор № 032940 от 28.10.2014 года. 10.11.2014 года примерно в 14 часов 00 минут К., введя в заблуждение Б. о якобы имеющихся у него технических условиях, полученных в ОАО «Кубаньэнерго» обманным путем, согласно договора-квитанции № 032931 от 10.11.2014 года, получил от Б. денежные средства в сумме 200000 рублей. 24.01.2015 года примерно в 14 часов 00 минут. К., находясь в его домовладении, под предлогом получения предоплаты за электроматериалы, согласно квитанции-договора № 032932 от 24.01.2015 года, получил от Б. денежные средства в сумме 200000 рублей. В последующем договорные обязательства К. не выполнил, похитив денежные средства, принадлежащие Б. в сумме 1200000 рублей. При этом действия К. квалифицированы по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

В судебном заседании в связи с изменением обвинения К. с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 1 ст. 159.4 УК РФ суд 14 марта 2017 года постановил приговор, которым признал К. виновным в совершении преступления и освободил его от наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования [7].

Таким образом, при наличии у подсудимого времени на принятие решения о дальнейшей защите по уголовному делу даже при подтверждении его вины имеющимися в деле доказательствами могло повлиять на итоговый судебный акт по делу, поскольку истечение срока давности при совершении преступления небольшой к тяжести (ч. 1 ст. 159.4 УК РФ отнесена к категории преступлений небольшой тяжести и утратила силу в соответствии с Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 325-ФЗ), предоставляло подсудимому право на заявление ходатайства о прекращении

уголовного дела в связи с истечением срока давности.

В связи с этим, мы полагаем необходимым внести изменения в ст. 246 УПК РФ, дополнив её ч. 9.1 следующего содержания: «При изменении государственным обвинителем обвинения суд предоставляет подсудимому и его защитнику время для реализации права возражать против обвинения и откладывает судебное заседание».

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».
2. Уголовное дело № 1-130/2013. Архив Прикубанского районного суда г. Краснодара за 2013 г.
3. Уголовное дело № 1-4/2021. Архив Динского районного суда Краснодарского края за 2021 г.
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.10.2018 г. № 5-УД18-122.
5. *Епихин А.Ю.* Изменение обвинения и квалификации преступления в судебном производстве. Вестник Нижегородской академии МВД России / А.Ю. Епихин, И.А. Тарханов. 2017. № 4. С. 127.
6. *Михайлов А.А.* Право прокурора распоряжаться обвинением в суде и его пределы. Уголовная юстиция. 2013. № 1. С. 45–46.
7. Уголовное дело № 1-7/2017. Архив Темрюкского районного суда Краснодарского края за 2017.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что проблема изменения обвинения, защиты прав подсудимых при изменении обвинения, как государственным обвинителем, так и судом в настоящее время не разрешена. Подлежат дальнейшей регламентации вопросы увеличения гарантий прав как подсудимых, так и других участников судопроизводства, совершенствование единства судебной практики и устранения противоречивых позиций судебных органов.

Literature:

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 dated 10.02.2009 «On the practice of consideration by courts of complaints in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation».
2. Criminal case № 1-130/2013. Archive of the Prikubansky District Court of Krasnodar for 2013.
3. Criminal case № 1-4/2021. Archive of the Dinsky District Court of Krasnodar Krai for 2021.
4. Determination of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.10.2018 № 5-UD18-122.
5. *Epikhin A.Yu.* Change of the charge and qualification of the crime in court proceedings. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A.Yu. Epikhin, I.A. Tarhanov. 2017. № 4. P. 127.
6. *Mikhailov A.A.* The right of the prosecutor to dispose of the charge in court and its limits. Criminal Justice. 2013. № 1. P. 45–46.
7. Criminal Case № 1-7/2017. Archive of Temryuk-sky District Court of Krasnodar Krai for 2017.

Пшихожев Азамат Хасамбиевич
магистрант кафедры
финансово-экономического,
материально-технического
и медицинского обеспечения,
Академия управления МВД России,
подполковник полиции
milena.555@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ СОТРУДНИКОВ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

Аннотация. В статье отмечается, что одним из позитивных эффектов реформы российской полиции стал существенный прогресс в льготном обеспечении жильем сотрудников. Для расширения жилищных прав полицейских, начиная с 2011 г., был принят ряд нормативно-правовых актов, которые предусматривают не только льготное жилищное обеспечение, но единовременные выплаты государства для финансирования покупок или строительства жилья. Вместе с тем, на протяжении десятилетия, прошедшего после начала реформ, остается ряд проблемных аспектов и нерешенных противоречий жилищного обеспечения, которые должны стать предметом научно-управленческого анализа.

Ключевые слова: российское общество, модернизация, реформа полиции, эффективность преобразований, социальные льготы, жилищные льготы, единовременная социальная выплата, проблемы обеспечения жильем.

Государство заинтересовано в эффективной работе органов внутренних дел, которые обеспечивают социальный порядок и стабильность. В этой связи, важное значение имеет обеспечение социальных прав сотрудников органов внутренних дел, ключевым элементом которых выступают жилищные права. Следует отметить, что в Российской Федерации, согласно принятым нормативно-правовым актам, сотрудники органов внутренних дел обладают особыми жилищными правами по сравнению с другими гражданами. Такая ситуация стала результатом проводимой на протяжении десятилетий планомерной политики, направленной на повышение мотивации сотрудников органов внутренних дел и повышения престижа службы.

Следует отметить, что со времени возникновения Российской Федерации государственные власти предпринимали целенаправленные шаги по оптимизации жилищного обеспечения сотрудников,

Azamat Kh. Pshikhozhev
Undergraduate of the Department
Financial and Economic, Logistical
and Medical Support,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Police Lieutenant Colonel
milena.555@mail.ru

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF HOUSING RIGHTS OF RUSSIAN POLICE OFFICERS

Annotation. The article notes that one of the positive effects of the reform of the Russian police has been significant progress in providing preferential housing for employees. To expand the housing rights of police officers, since 2011, a number of regulatory legal acts have been adopted, which provide not only preferential housing provision, but one-time payments from the state to finance purchases or housing construction. At the same time, during the decade that has passed since the start of the reforms, there remain a number of problematic aspects and unresolved contradictions of housing provision, which should become the subject of scientific and managerial analysis.

Keywords: russian society, modernization, police reform, efficiency of transformations, social benefits, housing benefits, one-time social payment, problems of housing provision.

однако нередко этому препятствовала сложная социально-экономическая и социально-политическая обстановка.

В частности, анализ произошедших ранее событий показывает, что 18 апреля 1991 г. был принят закон Российской Федерации № 1026 «О милиции». Данный нормативно-правовой акт, по мнению исследователей, «в ст. 30 закрепил право сотрудников милиции на получение отдельной комнаты или дома в первоочередном порядке и ряд иных льгот» [2].

Однако ожидаемых позитивных эффектов принятия закона не принесло. Более того, вследствие тяжелого экономического кризиса 1990-х гг., возникли серьезные проблемы с финансированием обеспечения жильем сотрудников милиции. Как следствие – наблюдалась довольно высокая текучесть кадров и имела место весьма низкая мотивация сотрудников к несению службы.

Государство, в меру имевшихся на тот момент времени возможностей, пыталось решить данную проблему.

С точки зрения Р.Н. Данелян, в последующие годы «позапно принимались правовые акты, предусматривающие дополнительные гарантии в сфере жилищного обеспечения сотрудников милиции. В 2005 г. был принят Жилищный кодекс, коренным образом изменивший существующий порядок предоставления жилья гражданам. Основной новеллой ЖК РФ стала отмена существовавшего ранее порядка внеочередного и первоочередного предоставления жилья и упразднение ордера на занятие жилого помещения, а также, предоставление жилых помещений по договору социального найма только малоимущим и иным определенным законодательством категориям граждан. В результате указанных преобразований сотрудники милиции лишились ряда ранее им предоставляемых жилищных льгот» [2].

Как следствие, определенных противоречий, связанных с принятием Жилищного кодекса и иных нормативно-правовых актов, социальное обеспечение сотрудников органов внутренних дел несколько ухудшилось. При этом увеличивался экономический потенциал страны, что должно было способствовать, напротив, оптимизации ситуации с социальным обеспечением сотрудников органов внутренних дел. В этой связи, становилось очевидным, что необходимы серьезные реформы МВД России, которые должны были усилить, в том числе, и социальное обеспечение сотрудников.

В 2011 г. в стране началась масштабная реформа, в ходе которой были существенно усилены и социальные гарантии сотрудников органов внутренних дел. С учетом специфики службы полицейских, связанной с существенными рисками жизни и здоровью, а также, регулярно возникающими стрессовыми состояниями и перегрузками, эта мера оказалась весьма своевременной.

Следует отметить, что с момента начала реформы российской полиции в 2011 г. был принят ряд шагов, в результате которых социальное, в том числе и жилищное обеспечение сотрудников органов внутренних дел улучшилось. Расширились и их жилищные права. В частности, принятый в 2011 г. Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [3] в ст. 44 конструирует достаточно широкий круг источников и материальных ресурсов, за счет использования которых можно улучшить жилищное положение нуждающихся сотрудников (собственный специализированный жилищный фонд, а также - бюджетные ассигнования, единовременная социальная выплата). Кроме того, российским законодателем был принят ряд дополняющих нормативно-правовых актов, которые конкретизируют и детализируют положения закона «О полиции». В результате, в Российской Федерации была создана необходимая законодательная база для того, чтобы в достаточной мере решать жилищные потребности сотрудников полиции. Несмотря на некоторые проблемные аспекты, которые

связаны с процессом реализации жилищных прав сотрудниками полиции, в целом, ситуация в данной сфере улучшается.

Одним из инструментов повышения мотивации к службе стали особые жилищные права сотрудников МВД, которые существенно отличаются от жилищных прав остальных граждан России. В этой связи, исследователи отмечают, что «обеспечение сотрудников МВД доступным и комфортным жильем – важнейшее условие привлечения в ряды сотрудников органов внутренних дел молодых специалистов, а также, сохранения в рядах МВД России грамотных и опытных кадров. Потребность в решении указанной проблемы обусловлена необходимостью создания благоприятных условий сотрудникам МВД для выполнения ими своих основных функций: защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств» [4].

Принятые в нашей стране нормативно-правовые акты, не только очертили особый характер прав на жилищное обеспечение сотрудников полиции, но и сконструировали ситуации, в которых могут быть прекращены особые права полицейских в данной сфере. В этом контексте, стоит обратить внимание на ряд противоречивых моментов. Относительно прекращения жилищных прав сотрудников полиции законодательная ситуация должна быть предельно прозрачной и недвусмысленной – этого требует имидж государства, а также его характеристики как ключевого социального института. В этой связи, обоснованное беспокойство со стороны исследователей вызывают пробелы в законодательстве, в результате которых возникают неопределенные ситуации, могущие быть истолкованными не в пользу жилищного обеспечения человека, служащего государству.

Е.А. Чернов обращает внимание на такие ситуации. По мнению автора, «пробелом в правовом регулировании формулировка п. 7 ст. 4 № 247-ФЗ, а точнее, квалификация действий, направленных на ухудшение жилищных условий, совершенных как самим сотрудником, так и членами его семьи. Совершение таких действий позволяет жилищно-бытовым комиссиям отказать сотруднику в постановке на учёт для получения субсидии на срок не менее пяти лет с момента совершения таковых.

Во-первых, действия, направленные на ухудшение жилищных условий, должны быть произведены с умыслом на приобретение права постановки на учёт и последующим получением указанной субсидии. Как только будут установлены подобные факты, возникнут юридические основания для применения санкций.

Во-вторых, санкция может быть применена в отношении сотрудника даже в том случае, когда действия, направленные на ухудшение жилищных условий сотрудника, совершены членом его семьи» [4]. Этот аспект проблемы вызывает серьезное беспокойство исследователей и потенциально содержит в себе немало рисков, так как в число членов семьи относят совместно

проживающих лиц – это могут быть и старшие поколения, которые в бытовом плане зачастую ведут себя независимо от младших. Как нам представляется, эта и подобные противоречивые моменты, которые могут отразиться на дальнейшей судьбе сотрудника полиции, требуют более тщательной проработки и законодательного закрепления.

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации сотрудникам полиции предоставлен достаточно широкий выбор возможностей, каким образом можно реализовать свои жилищные права. В случае, если сотрудник объективно нуждается в улучшении жилищных условий – государство обладает необходимыми инструментами для этого. Так, нуждающиеся в жилье сотрудники МВД могут выбрать – получить единовременную выплату или готовую квартиру. Также, за ними сохраняется право на получение выплаты для приобретения или строительства жилья уволенным со службы в органах внутренних дел без права на пенсию по независящим от них обстоятельствам.

Как справедливо отмечает Л.В. Чернышова, «обеспечение сотрудников ОВД доступным и комфортным жильем может в полной мере способствовать привлечению в ряды органов внутренних дел молодых специалистов, а также – сохранению в рядах МВД России профессионального ядра. Иными словами, социальная политика в области жилищного обеспечения, проводимая в органах внутренних дел, должна быть адекватной жизни современного общества, способной воздействовать на мотивы и стимулы к повышению эффективности служебной деятельности» [5].

Подводя некоторые предварительные итоги, целесообразно отметить, что особые жилищные права сотрудников ОВД выступают элементом льготного социального обеспечения, объявленного в качестве приоритетного государственной

Литература:

1. *Быковская О.В.* Жилищное обеспечение сотрудников органов внутренних дел и членов их семей: современное состояние и направления развития / О.В. Быковская // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2. С. 200–207.
2. *Данелян Р.Н.* Становление системы жилищного обеспечения сотрудников полиции (милиции) России (историко-правовой аспект) / Р.Н. Данелян // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 3. С. 306–313.
3. Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32615> (дата обращения 12.04.2022).
4. *Чернов Е.А.* К вопросу о реализации права на получение единовременной социальной выплаты для приобретения и строительства жилого помещения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации / Е.А. Чернов // Вестник

властью в ходе реализации реформы российской полиции. Потенциальная возможность улучшения жилищных условий выступает мощным стимулирующим фактором для сотрудников ОВД, в том числе, и в качестве препятствующего противоправному поведению. Именно поэтому оптимизация процесса обеспечения жильем сотрудников ОВД для современного российского государства приобретает первостепенное значение. посредством данного инструмента государство может в большей мере влиять на служебную деятельность сотрудников.

Вместе с тем, многие аспекты заявленной государством реформы российской полиции, прежде всего, в плане практической реализации жилищных прав сотрудников, в настоящее время оказываются недостаточно эффективно реализуемыми. В частности, до настоящего времени значительное число сотрудников, несущих службу в ОВД, проживают на съемных квартирах в связи с отсутствием в собственности у органа внутренних дел жилого помещения по месту прохождения службы. Это отрицательно сказывается на их мотивации, установках, социальных практиках при несении службы в органах внутренних дел. Именно поэтому государство призвано осуществлять планомерную работу по формированию и использованию специализированного жилищного фонда в системе МВД России. И, наконец, стоит обратить внимание на специфику механизма жилищного обеспечения сотрудников полиции, где многое зависит от бюджетов субъектов РФ. Как нам представляется, подобное положение выглядит не в полной мере социально справедливым и нуждается в оптимизации за счет именно федерального, а не регионального бюджетного финансирования. Это позволит преодолеть возникающие риски государственного управления и будет способствовать повышению эффективности проводимой реформы.

Literature:

1. *Bykovskaya O.V.* Housing provision for employees of internal affairs bodies and their family members: the current state and directions of development / O.V. Bykovskaya // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 2. P. 200–207.
2. *Danelyan R.N.* Formation of the housing system for police officers (militia) Russia (historical and legal aspect) / R.N. Danelyan // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. Vol. 9. № 3. P. 306–313.
3. Federal Law № 3-FZ of February 07, 2011 «On the Police». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32615> (date of application 12.04.2022)
4. *Chernov E.A.* On the issue of the realization of the right to receive a one-time social payment for the purchase and construction of residential premises by employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation / E.A. Chernov // Bulletin of the

Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1. С. 117–120.

5. *Чернышова Л.В.* Совершенствование системы жилищного обеспечения в органах внутренних дел / Л.В. Чернышова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 5(24). С. 84–86.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1. P. 117–120.

5. *Chernyshova L.V.* Improvement of the housing supply system in the internal affairs bodies / L.V. Chernyshova // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 5(24). P. 84–86.

Ругина Ольга Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
rugina_olya@mail.ru

Olga A. Rugina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law,
North Caucasus branch
Russian State University of Justice
rugina_olya@mail.ru

**Роль актов конституционного
суда РФ в правоприменении
норм уголовного закона**

**THE ROLE OF ACTS
OF THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE
ENFORCEMENT OF CRIMINAL LAW**

Аннотация. В статье рассматривается значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации для отечественного уголовного права. В результате анализа ряда последних решений этого суда, посвященных толкованию норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ, автор приходит к выводу о том, что указанные акты, являясь дополнительным источником российского уголовного права, занимают особое место в механизме правового регулирования, поскольку выявление Судом конституционного смысла с последующим исключением из уголовного закона противоречащих Конституции норм приводит к изменению содержания всей формализованной системы уголовного права.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, источники уголовного права, правоприменение, конституционный контроль, судебная практика, судебное толкование, уголовный закон, уголовная ответственность.

Эффективная реализация норм уголовного закона немислива без адекватного восприятия того смысла, который стремился придать им законодатель. В этой связи, особое значение приобретает толкование уголовно-правовых норм высшими судебными инстанциями, особенно Конституционным Судом Российской Федерации, высокий статус которого как органа конституционного контроля предопределяет важность формулируемых им правовых позиций для правоприменения.

При этом интерпретационная деятельность Конституционного Суда РФ не сводится к простой конкретизации смысла законодательных положений, а представляет собой своеобразную форму нормотворчества, осуществляемую на правоприменительном уровне. Большинство ученых, в частности, А.В. Кряжков и Л.В. Лазарев [2, с. 242], определяют её как негативное правотворчество, состоящее в том, что признание нормы несоответствующей Конституции влечет утрату этой

Annotation. The article deals with the significance of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation for domestic criminal law. As a result of the analysis of a number of recent decisions of this court devoted to the interpretation of the norms of the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation, the author comes to the conclusion that these acts, being an additional source of Russian criminal law, occupy a special place in the mechanism of legal regulation, since the identification by the Court of the constitutional meaning with the subsequent exclusion from the criminal law of norms contrary to the Constitution leads to changing the content of the entire formalized system of criminal law.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, sources of criminal law, law enforcement, constitutional control, judicial practice, judicial interpretation, criminal law, criminal responsibility.

нормой силы именно с момента принятия Конституционным Судом соответствующего акта, хотя она изначально (ещё до такого признания) противоречила Основному закону РФ.

Не оспаривая правильность вышеизложенной позиции в целом, мы солидарны с В.В. Степченко [3, с. 155], наделяющим Конституционный Суд РФ не только функцией негативного законодателя, но и полномочиями по позитивному правотворчеству. С одной стороны, признание Судом нормы неконституционной влечет утрату её силы, а с другой – при установлении противоречия Конституции проверяемой нормы дается её истолкование, имеющее обязательный характер для всех субъектов права. Таким образом, изменение в законодательном регулировании базируется на соответствующем решении Конституционного Суда, которым фактически устанавливается новая правовая норма, что позволяет рассматривать акты Конституционного Суда РФ не только в качестве действенного инструмента интерпретации и

правореализации, но и как дополнительный источник права, обладающий свойствами общеобязательности и нормативности.

Хотя Конституционный Суд РФ в своей практике нечасто занимается интерпретацией уголовно-правовых норм, в его постановлениях и определениях можно встретить правовые позиции, анализ которых дает представление о качественном состоянии отечественного уголовного законодательства и позволяет выявить проблемы, возникающие в ходе правоприменения.

Акты Конституционного Суда РФ преимущественно посвящены толкованию Общей части УК РФ. Так, ценными для правоприменительной практики следует признать ряд решений Конституционного Суда относительно амнистии. В постановлении от 19 марта 2003 г. № 3-П [4] указано, что определение оснований и пределов амнистирования совершивших преступления лиц входит в компетенцию Государственной Думы, которая с учетом того, что Основным законом РФ не гарантируется право любому преступнику быть амнистированным, может объявлять амнистию ограниченного круга лиц, совершивших определенные преступные деяния, предусматривая те юридические последствия в отношении амнистированных, какие она посчитает необходимыми. К обстоятельствам, не охватываемым актом амнистии, сохраняют актуальность общие, предусмотренные УК РФ, правила освобождения от уголовной ответственности и наказания. В дальнейшем (определения от 20 декабря 2005 г. № 472-О, от 27 декабря 2005 г. № 534-О, 535-О и 536-О, от 07 декабря 2006 г. № 596-О) Суд, следуя ранее сформулированной позиции, последовательно отклоняет жалобы заявителей на нарушение их конституционных прав тем, что соответствующий акт об амнистии, действуя применительно к отдельным категориям лиц, не распространяется на других осужденных.

В актах Конституционного Суда РФ также нередко затрагивается институт помилования. В частности, в определениях от 11 января 2002 г. № 60-О и № 61-О, от 19 февраля 2003 г. № 77-О, от 21 декабря 2006 г. № 567-О отмечается, что декларируемая ст. 50 Конституции возможность каждого осужденного ходатайствовать о помиловании либо смягчении наказания не эквивалентна обязательному помилованию такого преступника. В определении от 4 декабря 2007 г. № 957-О-О [5] Судом разъяснено, что ч. 2 ст. 85 УК РФ не запрещает помиловать лиц, которым подлежащее отбыванию наказание было отсрочено, поскольку освобождение от дальнейшего отбывания наказания означает освобождение, как от продолжения отбывания, так и от будущего отбывания наказания, что возможно вне зависимости от того, отбывает уже наказание обратившийся за помилованием или нет. В этой связи прав А.В. Елинский [1, с. 33], считающий, что положения ст. 82 и 85 УК РФ не ограничивают возможности помилования лиц, к которым была применена отсрочка отбывания наказания.

При этом само помилование тоже не препятствует дальнейшему смягчению наказания, в

частности, условно-досрочному освобождению при наличии необходимых для этого оснований. К такому заключению пришел Конституционный Суд РФ в определении от 11 июля 2006 г. № 406-О [6], где было отмечено, что исходя из конституционного смысла ст. 79 УК РФ не исключает возможность применения УДО к осужденным, которым смертная казнь в результате помилования заменена на лишение свободы. Указанная правовая позиция получила дальнейшее развитие в определении от 21 февраля 2008 г. № 111-О-О, которым она была распространена на другие случаи осуществления лицом права ходатайствовать о смягчении своего наказания.

Во многих своих решениях Конституционный Суд подчеркивает важность соответствия уголовного закона и практики его применения таким базовым правовым принципам правового регулирования, как соразмерность (пропорциональность), формальная определенность и справедливость. В частности, в определении от 10 июля 2003 г. № 270-О [7] была сформулирована крайне важная позиция о том, что установление уголовной ответственности оправданно лишь в случае, когда применение норм иной отраслевой принадлежности оказалось несоразмерным содеянному.

Сказанное свидетельствует о принципиальной значимости соблюдения в области уголовного законодательства конституционных требований о формальной определенности правовых предписаний, их ясности и согласованности с нормами иной отраслевой принадлежности, на что неоднократно указывал Конституционный Суд в своих постановлениях, в частности, от 17 июня 2014 г. № 18-П [8] и от 16 июля 2015 г. № 22-П [9]. Действительно, любое преступление, а также наказание за его совершение должны быть исчерпывающим образом определены в законе так, чтобы любое лицо исходя текста нормы посредством толкования, в том числе в системе действующего нормативного регулирования и правоприменительной практики, могло предвидеть уголовно-правовые последствия своего поведения. В противном случае конституционные принципы равенства и справедливости будут нарушены.

Отдельным проявлением конституционного принципа справедливости, на что обращено внимание во многих актах Конституционного Суда (к примеру, в постановлениях от 19 марта 2003 г. № 3-П и от 08 декабря 2009 г. № 19-П), является вопрос об адекватности мер уголовной ответственности, с одной стороны, охраняемым уголовным законом ценностям, а с другой – порождаемым ими последствиям, в том числе, для лица, к которому данные меры были применены. Соответственно, конституционно значимым целям защиты интересов личности, общества и государства, а также предназначенности для этого уголовного закона не будут соответствовать ни неоправданная мягкость, ни чрезмерная суровость уголовно-правовых предписаний.

Так, постановлением Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2022 г. № 8-П [10] была признана противоречащей конституционному запрету дискриминации и декларируемым в Основном законе

РФ принципам справедливости и гуманизма часть 7 ст. 53.1 УК РФ в той степени, в которой, исключив осужденному ввиду достижения им 60-летнего возраста замену неотбытой части лишения свободы принудительными работами, при его соответствии остальным необходимым для такой замены критериям, она не сбалансирована в системе правового регулирования возможностью применения альтернативных вариантов смягчения наказания такому осужденному.

Хотя в сравнении с нормативными предписаниями Общей части нормы Особенной части УК РФ реже становятся предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, это не умаляет пользы соответствующих правовых позиций для правоприменительной практики. Так, определенные трудности имелись у судов при применении ст. 199 УК РФ. Поэтому в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. № 9-П [11] было указано, что в названной статье установлена ответственность лишь за умышленное с целью избежать уплаты налога деяние, состоящее в нарушении предусмотренных НК РФ правил и не сопровождавшееся применением соответствующих закону приемов уменьшения налоговых платежей. Примечательно, что в тексте закона ни один из названных признаков состава не упомянут, и был выявлен Конституционным Судом РФ посредством толкования.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 08 апреля 2021 г. № 11-П [12] констатируется несоразмерность в рамках действующей редакции ст. 116.1 УК уголовно-правовой защиты прав на личную неприкосновенность и охрану достоинства от бытового насилия при нанесении побоев лицом, которое имеет непогашенную либо неснятую судимость за предусмотренное в данной статье или аналогичное по объективным характеристикам преступление. В результате допущенного при конструировании этой нормы дефекта

Литература:

1. *Елинский А.В.* Вопросы помилования в решениях Конституционного Суда РФ / А.В. Елинский // Российский следователь. 2010. № 9. С. 31–33.
2. *Кряжков В.А.* Конституционная юстиция в Российской Федерации / В.А. Кряжков, Л.В. Лазарев. М., 1998. 462 с.
3. *Степченко В.В.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации в уголовном праве. Владимир, 2007. 172 с.
4. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан:

наблюдается необоснованное различие между потерпевшими от преступных посягательств, а лица с судимостью ставятся в более привилегированное положение в сравнении с лицами, подвергнутыми административному наказанию.

Для обеспечения справедливой и правомерной квалификации преступных деяний Конституционный Суд РФ в постановлении от 24 мая 2021 г. № 21-П [13] разъяснил, что действующая редакция ч. 1 ст. 293 УК РФ, альтернативно предусматривая в числе общественно опасных последствий описанного в ней деяния крупный ущерб в размере, установленном в примечании к данной статье, и оценочный признак неимущественного характера в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства – не предусматривает оценки не достигнутого указанной величины имущественного ущерба как неимущественного вреда. Исходя из этого, комментируемая норма не допускает наступления уголовной ответственности за халатность, если это не причинило крупного ущерба при отсутствии самостоятельного, выраженного в неимущественных последствиях криминообразующего признака существенности нарушения прав и законных интересов потерпевших.

В результате проведенного обзора решений Конституционного Суда РФ, можно резюмировать, что они, выступая дополнительным источником уголовного права при признании неконституционными и исключении из УК РФ отдельных нормативных предписаний либо в случае выявления их содержания путем толкования, играют особую роль в механизме правового регулирования, так как включают положения, непосредственно определяющие конституционно-правовой смысл и особенности применения с учетом Конституции РФ норм уголовного закона.

Literature:

1. *Elinsky A.V.* Pardon issues in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation / A.V. Elinsky // Russian investigator. 2010. № 9. P. 31–33.
2. *Kryazhkov V.A.* Constitutional justice in the Russian Federation / V.A. Kryazhkov, L.V. Lazarev. M., 1998. 462 p.
3. *Stepchenko V.V.* Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in criminal law. Vladimir, 2007. 172 p.
4. About of checking the constitutionality of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of a person's criminal record, repetition and recurrence of crimes, as well as paragraphs 1–8 of the Resolution of the State Duma of May 26, 2000 «On the announcement of amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945» in connection with the request of the Ostankino Inter-Municipal (District) Court of Moscow and complaints of a number of citizens: Resolution of the

Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 г. № 3-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2022).

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Степиной Елены Викторовны на нарушение её конституционных прав положениями статей 82 и 85 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 176 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Положения о порядке рассмотрения ходатайств о помиловании в Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 г. № 957-О-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2022).

6. По жалобе гражданина Груздева Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 79 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью третьей статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 г. № 406-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2022).

7. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 10.07.2003 г. № 270-О // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2022).

8. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации и статей 1, 3, 6, 8, 13 и 20 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой гражданки Н.В. Урюпиной: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2014 г. № 18-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.05.2022).

9. По делу о проверке конституционности положения статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О.Е. Недашковского и С.П. Яковлева: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 г. № 22-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2022).

10. По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Н. Егорова: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2022 г. № 8-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2022).

11. О проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса РФ в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2003 г. № 9-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2022).

Constitutional Court of the Russian Federation dated March, 19, 2003 № 3-P // Legal reference system «Consultant Plus» (date of application 11.05.2022).

5. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Elena V. Stepina about violation of her constitutional rights by the provisions of articles 82 and 85 of the Criminal Code of the Russian Federation, article 176 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation and paragraph 2 of the Regulation on the procedure for considering applications for pardon in the Russian Federation: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December, 4, 2007 No. 957-O-O // Legal reference system «Consultant Plus» (date of application 11.05.2022).

6. On the complaint of citizen Alexey A. Gruzdev about violation of his constitutional rights by Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation and part 3 of Article 399 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July, 11, 2006 № 406-O // Legal reference system «Consultant Plus» (date of application 11.05.2022).

7. On refusal to accept for consideration the request of the Kurgan City Court of the Kurgan Region to verify the constitutionality of Part 1 of Article 3, Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation and paragraph 13 of Article 397 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July, 10, 2003 № 270-O // Legal reference system «Consultant Plus» (date of application 11.05.2022).

8. In the case of checking the constitutionality of part 4 of Article 222 of the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 1, 3, 6, 8, 13 and 20 of the Federal Law «On Weapons» in connection with the complaint of citizen N.V. Uryupina: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June, 17, 2014 № 18-P // Legal reference system «Consultant Plus» (date of application 11.05.2022).

9. In the case of checking the constitutionality of the provision of Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens of the Republic of Kazakhstan O.E. Nedashkovsky and S.P. Yakovlev // Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July, 16, 2015 № 22-P // Legal reference system «Consultant Plus» (date of application 11.05.2022).

10. In the case of checking the constitutionality of part 7 of Article 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen V.N. Egorov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February, 24, 2022 № 8-P // Legal reference system «Consultant Plus» (date of application 11.05.2022).

11. On checking the constitutionality of the provision of Article 199 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens P.N. Beletsky, G.A. Nikova, R.V. Rukavishnikov, V.L. Sokolovsky and N.I. Talanov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May 27, 2003 № 9-P // Legal reference system «Consultant Plus» (date of application 11.05.2022).

12. По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2021 г. № 11-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2022).

13. По делу о проверке конституционности части первой статьи 293 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.В. Величенко: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2021 г. № 21-П // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.05.2022).

12. In the case of checking the constitutionality of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen L.F. Sakova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April, 8, 2021 № 11-P // Legal reference system «Consultant Plus» (date of application 11.05.2022).

13. In the case of checking the constitutionality of part one of article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen R.V. Velichenko: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated May, 24, 2021 № 21-P // Legal reference system «Consultant Plus» (date of application 11.05.2022).

Рябова Ольга Алексеевна

преподаватель кафедры
частноправовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
frau.leya2012@yandex.ru

Кузнецова Наталья Владимировна

старший преподаватель
кафедры частноправовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
kuznezova-1963@mail.ru

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ
КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ**

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов компенсации морального вреда, причиненного противоправным деянием, ответственность за которое предусмотрена нормами Уголовного кодекса РФ. Анализ научной литературы и судебной практики свидетельствует о том, что сложившаяся система компенсации морального вреда несовершенна и при применении судами норм о возмещении морального вреда, причиненного преступлением, мы сталкиваемся с различным подходом как к оценке степени причиненного вреда, так и к существенному расхождению в суммах компенсаций. Авторы указывают на отсутствие четко выстроенной системы реализации института морального вреда как в целом, так и применительно к компенсации морального вреда, причиненного преступным деянием. В работе предлагаются обоснованные варианты решения рассматриваемых вопросов.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация, потерпевший, преступление, защита гражданских прав.

Рассмотрение требований о компенсаций морального вреда в российской правоприменительной практике нередко превращается в сложный процесс субъективной оценки судом и сторонами спора, казалось бы, очевидного права потерпевшего относительно предмета разбирательства. Гражданский кодекс РФ (далее ГК РФ) определяет моральный вред как физические и нравственные страдания [2]. Однако установление наличия указанных категорий требует более расширенного толкования. Необходимость этого обусловлена тем, что при разрешении вопросов

Olga A. Ryabova

Teacher of the Department
of Private Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penal Enforcement Services
frau.leya2012@yandex.ru

Natalia V. Kuznetsova

Senior Lecturer of the Department
of Private Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penal Enforcement Services
kuznezova-1963@mail.ru

**ABOUT SOME ISSUES
OF COMPENSATION FOR MORAL
DAMAGE CAUSED BY A CRIME**

Annotation. The article is devoted to the study of issues of compensation for moral damage caused by an illegal act, responsibility for which is provided for by the norms of the Criminal Code of the Russian Federation. The analysis of scientific literature and judicial practice shows that the current system of compensation for moral damage is imperfect and when courts apply the norms on compensation for moral damage caused by a crime, we are faced with a different approach both to assessing the extent of the damage caused and to a significant discrepancy in the amounts of compensation. The authors point out the absence of a well-structured system for the implementation of the institution of moral harm, both in general and in relation to compensation for moral harm caused by a criminal act. The paper offers reasonable solutions to the issues under consideration.

Keywords: moral damage, compensation, victim, crime, protection of civil rights.

возложения на виновное лицо обязанности возмещения компенсации морального вреда суду важно оценить, в частности, факт причинения вреда, его тяжесть и степень причиненных потерпевшему страданий.

Нормативному регулированию компенсации морального вреда в российском правовом порядке отведено небольшое место. Содержащиеся в ГК РФ нормы, посвященные моральному вреду и его компенсации, содержат лишь общие понятия, исключая конкретику, что вызывает заметные

сложности при применении указанных норм. Есть упоминание о компенсации морального вреда в иных нормативных актах, но они не оказывают существенного влияния на понятие и характеристику морального вреда и того, что связано с его компенсацией, так как являются отраслевыми дополнениями к имеющимся положениям в гражданском законодательстве.

Институт морального вреда в России развивается медленно и неохотно, что, вероятно, связано с различными причинами. Указанная данность крайне негативно сказывается на защите гражданами своих личных неимущественных прав. В частности, хотелось бы отметить сложности, возникающие при компенсации морального вреда, причиненного преступлением.

Учитывая общие подходы к компенсации морального вреда, каких-то специфических отраслевых норм в уголовном или уголовно-процессуальном праве при реализации потерпевшими своего права на компенсацию морального вреда, причиненного преступлением, не содержится. Поэтому первоочередная проблема возникает при оценке вреда. Здесь необходимо указать на неоднозначность трактовки понятия морального вреда в российском праве. В научной литературе нет четкого определения морального вреда, более того не утихают споры, связанные с понятиями «моральный вред», «психический вред», «неимущественный вред», «физический вред» в контексте их взаимообусловленности. Ряд авторов полагает, что целесообразно использовать понятие «неимущественный вред» вместо понятия «моральный вред», учитывая четкое отграничения имущественной составляющей [8]. Другая точка зрения пролагает, что под моральным вредом необходимо понимать нарушение имущественных и неимущественных благ [9]. В свою очередь, С.М. Воробьев полагает, что психическое насилие в контексте рассмотрения объектов уголовно – правовой охраны указывает на нанесение «психического вреда», отмечая, что именно это, связанное с психическим насилием, нарушение здоровья потерпевшего определяет причинение ему страданий (нравственных и физических), из которых складывается моральный вред [7]. Данная точка зрения определяется нами как наиболее близкая к пониманию морального вреда. Однако отсутствие законодательно закрепленного развернутого понятия морального вреда всегда будет порождать различные подходы к пониманию сути этого института и приводить к ошибочному толкованию. Особенно это важно, когда речь идет о лицах, чьи права были нарушены уголовно - наказуемыми деяниями. Конкретизация термина «моральный вред» даст возможность правильно определить характер страданий, а исходя из этого и пределы компенсации морального вреда. Необходимо единообразие в трактовке столь серьезного понятия.

При рассмотрении вопросов, связанных с компенсацией морального вреда, причиненного преступлением нужно констатировать, что внимание в большей степени уделяется причинению вреда жизни и здоровью. Однако родовые объекты преступлений в российском уголовном праве более

обширны и необходимо понимать, что когда, например, в отношении имущества потерпевшего совершается кража, это также может вызвать нравственные страдания, которые станут основой причиненного морального вреда. При этом в большинстве случаев, по подобного рода преступлениям причинение морального вреда приходится долго доказывать в рамках судебного процесса. Мы полагаем, что право граждан, признанных потерпевшими в рамках уголовного дела, на компенсацию морального вреда должно быть презюмировано. На настоящий момент времени подобная презумпция установлена лишь в отношении причинения вреда здоровью гражданина [3]. Данная позиция указана в Постановлении Пленума ВС РФ от 20 декабря 1994 года № 10. При этом следует отметить, что право на компенсацию морального вреда не предполагается в отношении лиц, чей близкий родственник стал, например, жертвой преступления, повлекшего его смерть. В данном случае родственники должны доказать, что им были причинены нравственные и физические страдания таким преступлением. В определенных случаях такой подход является жестоким по отношению к лицам, потерявшим близкого человека. Процедура доказывания в суде того, какие страдания пришлось пережить при утрате, зачастую останавливает потерпевших подавать иски о возмещении морального вреда, что в свою очередь, лишает их права получить компенсацию в рамках защиты своих неимущественных прав. Такой подход необходимо менять. Вместе с тем, необходимо отметить, что российская правовая система не предполагает прецедентное право, а, следовательно, указанное Постановление не является источником права и носит разъяснительный характер.

Учитывая вышесказанное, мы приходим к выводу о том, что необходимо на законодательном уровне закрепить в отношении гражданина, признанного потерпевшим в рамках уголовного дела, безусловное право на компенсацию морального вреда, когда в суде необходимо будет определить лишь размер такой компенсации. Речь идет о потерпевших в результате всех без исключения преступлений, вне зависимости от тяжести и формы вины субъектов указанных преступных деяний. Сам факт того, что лицо в той или иной степени пострадало от противоправного деяния, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, должен указывать на причинение морального вреда.

В контексте предложения, представленного выше, разумным представляется решение вопроса на законодательном уровне о размерах компенсации морального вреда. Безусловно, причиненный вред от различных преступлений не является одинаковым. Учитывая, что в современных реалиях вопрос размера компенсации делегирован в качестве дискретных полномочий судьям, следует отметить различные подходы представителей судейского сообщества к оценке морального вреда. Здесь сказывается субъективный фактор каждого конкретного судьи при рассмотрении дела, отсутствие законодательно закрепленных ориентиров и судья в соответствии со своим внутренним убеждением решает, был ли причинен моральный вред и в каком размер его

необходимо компенсировать, исходя из ключевых принципов разумности и справедливости. Однако с учетом наличия субъективного фактора и отсутствия официально закрепленных критериев разумности и справедливости, несложно сделать вывод о том, что каждый судья использует свои представления о размерах компенсации морального вреда, лишь в общих чертах руководствуясь сложившейся практикой. Такой вынужденный «творческий» подход судьями при решении столь серьезного вопроса неуместен. Но существующее законодательство относительно компенсации морального вреда серьезно не ограничивает возможности судей. Следствием этого, как верно отметила Ирина Фаст, становится проблема определения размеров заявленной в иске и присуждаемой суммы компенсации морального вреда с точки зрения основных принципов разумности и справедливости [6]. Исходя из судебной практики, зачастую, суммы, заявляемые в исках о компенсации морального вреда, причиненного преступлением, существенно уменьшаются судами. Данное обстоятельство приводит к оправданному непониманию заявителей, которые оценили те страдания, которые были им причинены, того, что государство в лице конкретного судьи посчитало эту сумму завышенной.

Также, хочется отметить, что отсутствует единообразие в размерах компенсации морального вреда в зависимости от региона Российской Федерации. При схожих обстоятельствах в различных регионах сумма компенсации морального вреда, причиненного преступлением, может значительно различаться или при наступлении более тяжелых последствий преступления компенсация морального вреда может быть меньше, чем при более тяжелых последствиях. Так, приговором Переславского районного суда от 12 июля 2021 года в Ярославской области при причинении неосторожным преступлением, предусмотренным ст. 264 УК РФ, тяжкого вреда здоровью была назначена компенсация морального вреда в сумме 800 тысяч рублей [4], а приговором Чулымского районного суда от 28 июля 2021 г. в Новосибирской области при причинении смерти неосторожным преступлением, предусмотренным ст. 264 УК РФ компенсация морального вреда составила 600 тысяч рублей [5]. Данный пример позволяет говорить не только об отсутствии единообразия в оценке судами степени тяжести последствий преступления и причиненных страданий, но и о наличии субъективного «территориального» подхода к размеру присужденной компенсации. Данное обстоятельство вызывает недоумение и нарушает конституционный принцип равноправия [1].

Изучив судебную практику, стоит отметить, что при компенсации морального вреда суды иногда учитывают и материальное положение лица, совершившего преступление, что недопустимо.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всеобщим голосованием 12.12.1993. с изменениями, одобренными в ходе голосования 01.07.2020 // Гарант: справочная правовая система. URL :

Размер компенсации морального вреда, причиненного преступлением, зависит только от нравственных и физических страданий потерпевшего в каждом конкретном случае и не может быть уменьшен или увеличен по причине опосредованной от личности потерпевшего.

В свете вышесказанного нам представляется, что российской модели института морального вреда требуется серьезная законодательная доработка. Указанная необходимость должна быть реализована с целью недопущения нарушения конституционных прав граждан. Вероятно, что основным вектором развития института морального вреда в первую очередь является узаконивание единого понятия морального вреда и формирование обоснованных сумм компенсации морального вреда, которые будут единообразны и понятны. С этой целью представляется оптимальным разработка таблицы, которая разграничит возможные суммы компенсации морального вреда в зависимости от тяжести преступления и формы вины, а также в зависимости от тяжести наступивших последствий от совершенного преступления. В такой таблице в отношении каждого пункта должен быть указан нижний и верхний пределы компенсации морального вреда. Это необходимо, чтобы у судьи была возможность дать оценку субъективным обстоятельствам и не допустить «обезличивания» последствий причинения вреда. Таким образом, суды будут ограничены в компенсации морального вреда конкретными суммами, что позволит сделать процедуру прозрачной для заявителя. В свою очередь, есть надежда, что при доказанном факте совершения преступления возникнет тенденция к компенсации морального вреда во внесудебном порядке, поскольку субъект преступления будет иметь возможность самостоятельно оговорить с потерпевшим сумму, возмещаемую к возмещению, так как будет понимать, что и в судебном порядке определенный размер вреда будет находиться в пределах обозначенных законодателем. Данное обстоятельство, возможно, поможет снизить нагрузку на судебную систему, что в современных реалиях является одной из задач правоприменительной практики.

Резюмируя высказанное видение возможного развития обсуждаемого в статье института, хотелось бы заострить внимание на абсолютном приоритете достижения принципа справедливости при разрешении, как в судебном, так и в внесудебном порядке вопросов, связанных с присуждением компенсации морального вреда. Эта цель имеет шанс быть достигнутой исключительно при единообразном отношении законодательства к индивидуализации морального вреда, причиненного противоправными деяниями, предусмотренными Уголовным кодексом РФ, с одной стороны и сведениями к минимуму возможности субъективной его оценки правоприменителем, с другой.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by universal suffrage on 12.12.1993 with amendments approved during the voting on 01.07.2020 // Garant: reference legal system. URL :

<https://base.garant.ru/10103000> (дата обращения 05.05.2022).

2. Часть 1 Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ с изменениями и дополнениями // Гарант: справочная правовая система. URL : <https://base.garant.ru/403574330/> (дата обращения 05.05.2022).

3. Постановление Пленума ВС РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // Гарант: справочная правовая система. URL : <https://base.garant.ru/10103953/> (дата обращения 06.05.2022).

4. Приговор Переславского районного суда Ярославской области по делу № 1 – 6/2021 от 12 июля 2021 года. URL : http://pereslavsky.jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=30414814&case_uid=9281e24e-0b1d-433b-9f55-ba7ccde1d8e8&delo_id=1540006 (дата обращения 03.05.2022).

5. Приговор Чулымского районного суда Новосибирской области по делу № 1-122/2021 28 июля 2021 // SudAct: Судебные и нормативные акты. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/hS5z7WZcaWYT> (дата обращения 08.05.2022).

6. *Фаст И.А.* Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги после 25 лет существования института в РФ. При поддержке Федеральной палаты адвокатов РФ. При экспертной поддержке к.ю.н. И.В.Калининой. Научно-аналитическое исследование. Федеральная палата адвокатов РФ. М., 2018.

7. *Воробьев С.М.* О теоретико – правовых основах понятия «Моральный вред» / С.М. Воробьев // Вестник ВГУ. Серия: Право, 2017. № 2. С. 221–231.

8. *Кузнецова Н.В.* Проблемы компенсации морального вреда в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1997. С. 11.

9. *Михно Е.А.* Компенсация морального вреда во внедоговорных обязательствах : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 45.

<https://base.garant.ru/10103000> (date of application 05.05.2022).

2. Part 1 of the Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 № 51-FZ with amendments and additions // Garant: reference legal system. URL : https://base.garant.ru/403574330 (date of application 05.05.2022)

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 20, 1994 No. 10 «Some issues of the application of legislation on compensation for moral damage» // Garant: reference legal system. URL : https://base.garant.ru/10103953 (date of application 06.05.2022).

4. The verdict of the Pereslavsky District Court of the Yaroslavl region in case № 1 – 6/2021 of July 12, 2021. URL : http://pereslavsky.jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=30414814&case_uid=9281e24e-0b1d-433b-9f55-ba7ccde1d8e8&delo_id=1540006 (date of application 03.05.2022).

5. The verdict of the Chulymsky District Court of the Novosibirsk region in case № 1-122/2021 on July 28, 2021 // SudAct: Judicial and regulatory acts. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/hS5z7WZcaWYT> (date of application 08.05.2022).

6. *Fast I.A.* Compensation for moral damage in case of harm to life and health: practical results after 25 years of the Institute's existence in the Russian Federation. With the support of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. With the expert support of Candidate of Law I.V. Kalinina. Scientific and analytical research. Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. M., 2018.

7. *Vorobyov S.M.* On the theoretical and legal foundations of the concept of «Moral harm» / S.M. Vorobyov // Vestnik VSU. Series: Law, 2017. № 2. P. 221–231.

8. *Kuznetsova N.V.* Problems of compensation for moral damage in criminal proceedings : dis. ... cand. jurid. sciences'. Izhevsk, 1997. P. 11.

9. *Mikhno E.A.* Compensation for moral damage in non-contractual obligations : dis. ... cand. jurid. Sciences. SPb., 1998. P. 45.

Савин Андрей Александрович
старший преподаватель
кафедры публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

Семенов Сергей Александрович
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

ПОДРОБНО О СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ

Аннотация. Нормы права представляют собой формально определенные правила поведения, в своей межотраслевой взаимосвязи являющиеся одним из правовых институтов. Они отражают в себе те политические, экономические, социальные и культурные процессы, которые протекают в обществе и отражающие определенный этап его развития. Стоит отметить, что нормативность является тем свойством права, которое выявляет его смысл и сферу применения в процессе общественных отношений. Несмотря на то, что правовые нормы отражают в себе особенности и ключевые составляющие общественных отношений, они еще регламентируют условия общественных отношений, а также, регулируют их путем регламентации дозволенного и противоправного поведения. Уголовное право, как и иные отрасли права, направлено на регулирование общественных отношений путем запрета на совершение определенных действий и установление таких ограничений, основывается на нормах Конституции Российской Федерации (далее КРФ), а также Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ).

Ключевые слова: норма права, регулирование отношений, уголовное.

3 законодатель в УК РФ разделил уголовно-правовую норму на три элемента, а именно: на гипотезу, диспозицию и санкцию. Необходимо отметить, что учеными рассматривались вопросы по исключению гипотезы из уголовно-правовых норм. Так, в УК РСФСР 1960 г. не содержалось нормы, которая определяла бы основания уголовной ответственности лица. В настоящее время существует ст. 8 УК РФ [1], которая

Andrey A. Savin
Senior Lecturer of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
Aasavin33@mail.ru

Sergei A. Semenov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
kurlak09@rambler.ru

RESEARCH COMPETENCE OF THE ENGINEER OF THE AGRARIAN SECTOR

Annotation. The norms of law are formally defined rules of conduct, which in their intersectoral relationship are one of the legal institutions. They reflect the political, economic, social and cultural processes that take place in society and reflect a certain stage of its development. It is worth noting that normativity is the property of law that reveals its meaning and scope of application in the process of public relations. Despite the fact that legal norms reflect the features and key components of public relations, they still regulate the conditions of public relations, and also regulate them by regulating permissible and illegal behavior. Criminal law, like other branches of law, is aimed at regulating public relations by prohibiting the commission of certain actions and the establishment of such restrictions, is based on the norms of the Constitution of the Russian Federation (hereinafter KRF), as well as the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter the CC RF).

Keywords: rule of law, regulation of relations, criminal.

основанием для привлечения лица к уголовной ответственности предусматривает деяние, содержащее в себе признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Такая гипотеза является общей для каждой нормы, закрепленной в УК РФ.

В научной литературе можно встретить разделение гипотез на простые и сложные, когда

присутствует одно или несколько обстоятельств, позволяющих привлечь лицо к уголовной ответственности, а также – на определенные, относительно определенные и альтернативные, в зависимости от конкретизации обстоятельств, при наличии которых возможно привлечение к ответственности с учетом наличия возможности регулирования общественных отношений, мерой назначаемого наказания. Также, встречаются абстрактные и казуальные гипотезы, в основе которых лежат обобщения фактических обстоятельств и предписываемых действий [2].

Диспозиция (от лат. *dispositio* – расположение, размещение) – часть уголовно-правовой нормы, в которой изложено правило поведения [3].

Каждая норма уголовного законодательства содержит в себе запреты. Именно поэтому статьи уголовного закона необходимо трактовать в противоположном значении. Допустим, если статья описывает то или иное поведение, то лицо должно действовать противоположно поведению, описанному в данной статье. Не является новостью, что в рамках Российского законодательства закон опирается на принцип: разрешено все, что не запрещено. При таком принципе нормы уголовного права обязаны четко указывать на границы дозволенного поведения каждого лица.

В зависимости от характера изложения в диспозициях уголовно-правовых запретов, они Особенной частью УК РФ подразделяются на такие виды, как простые диспозиции, описательные диспозиции, ссылочные (или отсылочные) диспозиции и бланкетные диспозиции [4].

Таким образом, гипотеза и диспозиция является неотъемлемой частью уголовно-правовой нормы, которые подразделяются по ряду оснований, что дает возможность законодателю более четко урегулировать общественные отношения и указать на недопустимое поведение со стороны того или иного субъекта правоотношений.

Санкция (от лат. *sanctio* – строжайшее постановление) – часть нормы уголовного права, где четко закреплены правовые последствия совершения преступления [5]. При этом необходимо понимать, что санкция не всегда может быть применена к лицу, совершившему преступление, т.к. преступление данного лица было совершено для того, чтобы предотвратить иное более опасное общественное деяние.

Карательный характер санкции выражен в том, что она лишает лицо, совершившего преступление того или иного блага, имущества или возлагает на него те или иные обязанности. Зачастую санкции указываются в Особенной части УК РФ. Тому или иному составу преступления соответствует свое наказание. Указание той или иной санкции в рамках каждой отрасли права является неким упреждающим фактором, который воздействует на лицо и указывает, что если оно будет вести себя неподобающе, то к нему будут применены меры уголовно-правового характера.

Санкции уголовного закона в научной литературе подразделяются на: абсолютно-определенные и относительно-определенные; единичные и альтернативные; с дополнительными наказаниями (кумулятивные) и без них и абсолютно-неопределенные санкции [6].

Абсолютно определенные санкции определяют размер наказания точно, без тех или иных границ. В настоящее время в рамках УК РФ таких санкции отсутствуют, т.к. индивидуализировать каждое наказание просто невозможно, когда необходимо при назначении наказания учитывать личность виновного лица, характер и общественную опасность им содеянного.

Относительно-определенные санкции характеризуются тем, что наказание в них указывается в границах. Такие санкции устанавливают тот или иной вид наказания и его границы.

Альтернативной санкцией признается санкция, которая предполагает два и более вида основных наказаний. Кумулятивная санкция помимо основного вида наказания, содержит еще и дополнительные виды наказаний. Дополнительное наказание может быть обязательным или факультативным. Санкции без дополнительных наказаний иногда называют простыми санкциями.

Также, существует такой вид санкции как абсолютно неопределенный. Такой вид санкции не включает в себя ни вида, ни размера наказания. В настоящее время такой вид санкции также отсутствует в УК РФ, но в некоторых международных договорах, в которых участником является Россия, они присутствуют. Отсутствие данного вида санкции обуславливается тем, что в рамках правовой системы России, данная норма не будет применяться правоприменителем, т.к. законодательство России этого не предполагает.

Таким образом, санкция представляется собой часть нормы уголовного права, где точно закреплены правовые последствия совершения преступления. Для наиболее точного регулирования уголовного наказания, санкции бывают различных видов. При этом некоторые их виды отсутствуют. Такое отсутствие является объективным явлением, т.к. существование санкции без упоминания вида и размера наказания в условиях романо-германской правовой системы может отрицательно повлиять на реализацию правосудия. По своей сути, санкция объективно должна быть в каждой статье УК РФ с точки зрения того, что без санкции запрет того или иного действия не имеет как такового запрета. Например, если то или иное действие или поведение будет запрещено, но наказания за ним не последует, а значит, у потенциального преступника будет возможность совершать противоправные деяния, не боясь наказания, фактически это будет говорить о дозволенности запрещенного законом поведения.

Подводя итог, можно сделать ряд выводов, которые мы считаем обоснованными.

Так, норма уголовного права – это общеобязательное правило, сформулированное в статье или части статьи УК РФ или иного нормативно правового акта, рассчитанное на неопределен-

ный круг лиц и на неопределенное число случаев криминального характера. Уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за конкретные деяния, являются запретительными. Нормы уголовного права не только охраняют общественные отношения, но и регулируют их. Право, устанавливая определенные правила поведения, тем самым, их и регулирует. Уголовно-правовая норма – это общеобязательное предписание уголовно-правового характера, предоставляющее участникам общественных отношений комплекс прав и обязанностей.

Гипотеза – это установленное законом основание возникновения общественных отношений, регулируемых данной нормой (а в нашем случае – отраслю права).

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
2. *Сумачев А.В.* О структуре уголовно правовой нормы / А.В. Сумачев // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4(10).
3. Словарь-справочник уголовного права. М. : Норма Инфра-М. Т.А. Лесниевски-Костарева. 2000.
4. *Наумов А.В.* Уголовное право : в 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник для академического бакалавриата / А.В. Наумов [и др.] ; ответственные редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. С. 45.
5. *Густова Э.В.* Особенности понятия уголовно-правовой санкции и ее функций / Э.В. Густова // Вестник ВИ МВД России. 2017. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ponyatiya-ugolovno-pravovoy-sanktsii-i-ee-funktsiy> (дата обращения 06.05.2022).
6. *Наумов А.В.* Уголовное право : в 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник для академического бакалавриата / А.В. Наумов [и др.] ; ответственные редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство Юрайт, 2019. С. 49.

Диспозицией понимается содержание самого правоотношения, т. е. взаимные права и обязанности сторон

Санкция – это часть уголовно-правовой нормы, определяющая вид и размер наказания.

Уголовно-правовая норма не тождественна статье уголовного закона. Норма уголовного права – это логически завершенное правило поведения, а статья уголовного закона – это форма его изложения. В статье закона может содержаться часть нормы или даже часть ее элемента. Норма права, в связи с этим, может излагаться в ряде статей одного или даже нескольких нормативно-правовых актов.

Literature:

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 25.03.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 17.06.1996. № 25. Art. 2954.
2. *Sumachev A.V.* On the structure of the criminal law norm / A.V. Sumachev // Legal science and law enforcement practice. 2009. № 4(10).
3. Dictionary-handbook of criminal law. M. : Norm Infra-M. T.A. Lesnievsky-Kostareva. 2000.
4. *Naumov A.V.* Criminal law : in 2 vol. Vol. 1. General part : textbook for academic baccalaureate / A.V. Naumov [et al.]; responsible editors A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. 5th ed., reprint. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2019. P. 45.
5. *Gustova E.V.* Features of the concept of criminal-legal sanction and its functions / E.V. Gustova // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ponyatiya-ugolovno-pravovoy-sanktsii-i-ee-funktsiy> (accessed: 06.05.2022).
6. *Naumov A.V.* Criminal law : in 2 vol. Vol. 1. General part : textbook for academic baccalaureate / A.V. Naumov [et al.]; responsible editors A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. 5th ed., reprint. and add. M. : Yurayt Publishing House, 2019. P. 49.

Скрипниченко Дмитрий Александрович
ведущий специалист,
ООО Юридическое агентство «ТАН»
dmitriy@vip-civilist.ru

Куемжиева Елена Геннадьевна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
kuemzhieva-elena@yandex.ru

ПЕРЕХОД ИЗ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В ИСКОВОЕ ИЛИ АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРАВО ИЛИ ОБЯЗАННОСТЬ СУДА

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы перехода из упрощенного производства в исковое или административное производство в арбитражном процессе, выявлены особенности, когда суд обязан перейти из упрощенного производства в исковое или административное судопроизводство, установлены правовые алгоритмы, когда у суда по своему усмотрению возникает право, а не обязанность для перехода из упрощенного в исковое производство или производства, возникающие из административных и иных публичных правоотношений.

Ключевые слова: упрощенное производство, исковое производство, административное судопроизводство, суд, истец, ответчик.

Институт упрощенного производства регулируется гл. 29 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) [1]. Под рассмотрением дел в порядке упрощенного производства в арбитражном процессе понимается специальный порядок рассмотрения исковых дел, а также дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

Само название «упрощенное производство» предусматривает то, что производство по делам, рассматриваемых в порядке гл. 29 АПК РФ происходит с определенными процессуальными особенностями, упрощающими процедуру рассмотрения дел в арбитражном процессе по исковым заявлениям и заявлениям по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. «Правосудие не должно осуществляться в спешности, поэтому нигде не говорится о быстроте и оперативности процесса. Но идеей соблюдения разумных сроков рассмотрения

Dmitry A. Skripnichenko
leading specialist,
LLC Legal Agency «TAN»
dmitriy@vip-civilist.ru

Elena G. Kuemzhieva
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Civil Procedure,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
kuemzhieva-elena@yandex.ru

TRANSFER FROM SUMMARY PROCEEDINGS TO ACTION OR ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN THE ARBITRATION PROCESS: THE RIGHT OR DUTY OF THE COURT

Annotation. The article considers the issues of transition from simplified proceedings to action or administrative proceedings in the arbitration process, reveals the features when the court is obliged to move from simplified proceedings to action or administrative proceedings, establishes legal algorithms when the court, at its discretion, has the right, and not obligation to transfer from simplified to action proceedings or proceedings arising from administrative and other public legal relations.

Keywords: simplified proceedings, action proceedings, administrative proceedings, court, plaintiff, defendant.

гражданских дел пронизаны в равной мере и ГПК РФ, и АПК РФ» [2].

Дела, рассматриваемые в порядке упрощенного производства, закреплены в ст. 227 АПК РФ. Законодатель определил в данную группу дел наименее сложные для рассмотрения суда категории споров. Данные дела либо ограничены заявленной истцом суммой ко взысканию, или финансовые санкции по административным и иным публичным правоотношениям ограничены не значительной суммой штрафа или иного взыскания, или имеются неопровержимые доказательства денежных обязательств ответчика перед истцом, которые признаются, но не исполняются.

В последнем случае, заявленные истцом требования, не ограничены максимальной суммой взыскания, но должны содержать бесспорные доказательства задолженности, признаваемые ответчиком.

В ч. 1 ст. 227 и ч. 2 ст. 228 АПК РФ законодатель императивно закрепил обязанность суда, при соблюдении условий, указанных в настоящих статьях, принимать иски, заявления и заявления в порядке упрощенного производства. Иными словами, арбитражный суд, принимая дело к своему производству и выявив соблюдение требований (условий), закрепленных в данных статьях, должен начать рассмотрение дела в порядке упрощенного производства. Соответственно, при принятии искового заявления или заявления, вытекающего из административных и иных публичных правоотношений, арбитражный суд не может осуществить выбор в рамках какого производства подлежит рассмотрению данное дело, так как оно должно быть принято в порядке упрощенного производства.

В первую очередь, это сделано для того, чтобы разгрузить судебную систему и дать возможность судьям рассматривать часть дел, с учетом их специфики, в упрощенном порядке, что сэкономит время и силы суда, так как основным отличием упрощенного производства от того же искового производства является рассмотрение дел без вызова сторон в судебное заседание.

Но одно дело, установить условия для отнесения дела к рассмотрению в порядке упрощенного производства и принять его к рассмотрению, и другое дело, рассмотреть иск или заявление в таком производстве.

На этапе рассмотрения дела арбитражным судом в порядке упрощенного производства, возникает закономерный вопрос: обязан ли суд, принявший иск или заявление к своему производству, рассмотреть дело в порядке только упрощенного производства, или имеет право, а может быть и вовсе обязан в определенных случаях, осуществить переход из упрощенного производства в исковое или производство, возникающие из административных и иных публичных правоотношений. В свою очередь, возникает сложный процессуальный механизм, который накладывает на суд как обязанность по переходу из упрощенного производства в исковое или административное производство, так и предоставляет суду право на такой переход.

При наступлении каких же условий арбитражный суд обязан перейти из упрощенного производства к иным видам судопроизводства?

В качестве первого условия, при котором арбитражный суд обязан перейти из упрощенного производства к исковому производству или к административному судопроизводству, выступает условие, при котором в ходе рассмотрения дела в порядке упрощенного производства от третьего лица заявлено самостоятельное требование относительно предмета спора, подано встречное исковое заявление, которое принято судом и не подпадает под условия, закрепленные в ст. 227, 228 АПК РФ в части рассмотрения иска в порядке упрощенного производства.

Данное условие абсолютно закономерно и вытекает из существа заявленных исковых

требований, так как в данном случае встречный иск по своей правовой природе является отдельным иском, со своими требованиями и должен содержать в себе условие, обязывающее рассмотреть его судом по правилам упрощенного производства. Соответственно, если иск не содержит в себе условия, позволяющие рассмотреть его в таком порядке, он должен рассматриваться по правилам искового производства, о чем суд выносит соответствующее определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства. Первоначальный иск при таких условиях, также подлежит рассмотрению по правилам искового производства, хоть и принят в порядке упрощенного производства.

Следующим условием, обязывающим арбитражный суд перейти из упрощенного производства к исковому или административному судопроизводству, выступает установление в рамках рассмотрения дела в порядке упрощенного производства сведений, которые содержат государственную тайну и при рассмотрении дела в порядке упрощенного производства может быть разглашена такая тайна. В этом случае, суд обязан перейти из упрощенного производства в иное и вынести определение о разбирательстве дела в закрытом судебном заседании.

В ходе упрощенного производства в случае, если суд установит, что заявленные требования связаны с иными требованиями, в том числе, к другим лицам или судебным актом, принятым по данному делу, могут быть нарушены права и законные интересы других лиц, суд обязан осуществить переход из упрощенного производства к исковому или административному судопроизводству. Данное основание является обязательным для суда, так как при принятии решения затрагиваются права иных лиц, которые не являются участниками процесса или требования, заявленные в рамках иска, связаны с иными требованиями и к другим лицам. Суд обязан в таком случае привлечь всех заинтересованных лиц к участию в процессе и назначить судебное заседание в рамках рассмотрения дела по правилам искового производства или производства, возникающего из административных и иных публичных правоотношений.

В качестве существенного условия, при наступлении которого суд также обязан перейти из упрощенного производства к исковому или административному судопроизводству выступает условие, связанное с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств, в том числе, при необходимости проведения осмотра и исследование доказательств по месту их нахождения, при необходимости проведения экспертизы или вызова свидетелей в суд. В какой-то степени, данные обстоятельства связаны непосредственно с судом. Ведь, именно суд решает необходимость предоставления тех или иных доказательств, назначения судебной экспертизы при рассмотрении дела, исследования доказательств или вызов свидетелей.

Таким образом, суд будет обязан перейти из упрощенного производства в иное, если

установит, что необходимо выяснить дополнительные обстоятельства, исследовать дополнительные доказательства, иными словами, если решит, что представленных в материалы дела документов недостаточно для вынесения законного и обоснованного решения.

Необходимо отметить, что любая из сторон, в установленный срок, до вынесения решения судом в порядке упрощенного производства, имеет право направить в адрес суда ходатайство о необходимости предоставления тех или иных доказательств другой стороной или их истребования у третьих лиц, назначения экспертизы в рамках спора и соответственно перехода из упрощенного производства в исковое или административное. В свою очередь, для суда данное ходатайство от стороны не является обязательным условием для перехода к иному судебному производству, суд исключительно на основании собственных доводов осуществляет переход из упрощенного в исковое или административное судопроизводство.

АПК РФ не содержит более норм, обязывающих арбитражный суд осуществить переход от упрощенного производства к исковому или административному судопроизводству. Но на практике имеются и иные условия, обязывающие суд осуществить данный переход.

Дополнительные условия, обязывающие суд перейти из упрощенного производства в исковое или административное судопроизводство, закреплены в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» [3].

Правоприменитель обязывает суд перейти из упрощенного производства, если у суда отсутствует информация о получении лицами, участвующими в деле, определения о рассмотрении дела в порядке упрощенного производства, или имеется информация, свидетельствующая, что лицо, получило такое определение значительно позже и не имело возможности в установленные судом сроки подготовить свои возражения и представить доказательства в обоснование своей позиции по спору.

Ещё одним обязательным условием для перехода к исковому или административному судопроизводству Пленум ВС РФ называет увеличение исковых требований, в результате которых цена иска превысит пределы, установленные п. 1 ч. 1 ст. 227 АПК РФ. И здесь, как нам кажется, правоприменитель вступает в противоречие с законодателем. В п. 1 ч. 2 ст. 227 АПК РФ законодатель закрепляет возможность рассматривать иски в независимости от суммы заявленных требований, в случае предоставления документов, устанавливающих денежные обязательства ответчика, которые ответчиком признаются, но не исполняются, и (или) на документах, подтверждающих задолженность по договору. Говоря

другими словами, если у истца, есть неопровержимые доказательства всей суммы задолженности в независимости от её размера, и эта задолженность подтверждена документально со стороны ответчика, суд обязан рассмотреть дело по правилам упрощенного производства.

В то же время, Пленум ВС РФ не ставит в зависимость наличие неопровержимых доказательств, свидетельствующих о задолженности ответчика независимо от суммы заявленных требований, а указывает на обязанность перехода из упрощенного производства в иное в случае увеличения заявленных требований на сумму, превышающую лимит на основании п. 1 ч. 1 ст. 227 АПК РФ. Тем самым, правоприменитель ограничивает возможности суда, рассматривать категории дел, которые выходят за установленные финансовые ограничения, что вновь способствует дополнительной нагрузке на судебную систему.

Считаем, что в данном случае суду необходимо руководствоваться нормами АПК РФ, как основному нормативно-правовому акту, регламентирующему деятельность суда в арбитражном процессе.

В качестве последнего обязывающего условия для перехода из упрощенного производства в исковое или производство, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, правоприменитель «расширяет» ч. 5 ст. 227 АПК РФ и указывает на обязанность суда осуществить переход к иному производству, если от третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, поступило ходатайство о вступлении его в начавшийся процесс. В свою очередь, в этом же Постановлении Пленум ВС РФ, закрепляет на необязательность перехода из упрощенного производства, если третье лицо, привлекается к участию в процессе по ходатайству лица, участвующего в деле или по инициативе суда.

И вновь, как нам кажется, мы видим противоречие в части перехода из упрощенного производства к иному, в случае вступления в дело третьего лица по своему ходатайству или по ходатайству лица, участвующего в деле или инициативе суда. Пленум ВС РФ не ставит в зависимость удовлетворение данного ходатайства судом или нет, а главным условием указывает от кого исходит ходатайство о привлечении третьего лица. С процессуальной точки зрения такая трактовка правоприменителя кажется нам не рациональной, ведь в первом случае суд обязан перейти к исковому или административному судопроизводству, а во втором нет. Но с точки зрения вступления третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования в процесс, начавшийся процесс не изменяется, он идет абсолютно идентично, что при вступлении третьего лица по своему ходатайству, что по ходатайству лица или инициативе суда.

Рассмотрев все обязательные для суда условия перехода из упрощенного производства в исковое или административное судопроизводство, остается открытым вопрос, а если у суда право, а не обязанность для перехода. Ведь, как отмечено

ранее, обязанностей для перехода законодатель и правоприменитель предусмотрели большое количество.

В гл. 29 АПК РФ законодатель не наделяет правом суд по своему усмотрению осуществить переход из упрощенного производства в исковое или административное судопроизводство. Проанализировав Пленум Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10, возможно установить только наличие одного основания, предоставляющего право суду осуществить переход из упрощенного производства в иное. При отсутствии у суда возможности установить срок, необходимый лицам, участвующим в деле, для ознакомления с представленными в материалы дела доказательствами, суд имеет право вынести определение о рассмотрении дела по общим правилам искового производства или по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств или исследования дополнительных доказательств. Данное условие является единственным правом суда, дающим возможность по

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

2. *Куемжиева Я.Н.* Разумный срок судопроизводства и разумный срок исполнения постановлений как принцип гражданского и арбитражного процессуального права / Я.Н. Куемжиева; Под общей ред. В.П. Очередько, Л.В. Войтович, В.И. Кайнова // Актуальные проблемы современного развития гражданского, арбитражного и административного судопроизводства : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции : в 2-х ч. Санкт-Петербург, 18 октября 2013 года. СПб. : Издательский дом «Петрополис», 2013. С. 203–209.

3. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 // Российская газета от 25 апреля 2017 г. № 88.

своему внутреннему усмотрению осуществить переход из упрощенного производства в иное.

Законодатель и правоприменитель закрепили для суда в арбитражном процессе значительное количество обязательных условий для перехода из упрощенного производства в исковое или административное судопроизводство, предоставив минимум прав. В свою очередь, обязательные условия для перехода в части увеличения исковых требований или поданного ходатайства от третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, считаем необходимыми отнести из обязанности суда в его право, ведь главное значение упрощенного производства снизить нагрузку на суды, упростить рассмотрение дела, а не создавать двухступенчатую систему производства, при которой суд первоначально принимает иск или заявление в порядке упрощенного производства, рассматривает дело, устанавливает сроки для сторон, а потом обязан перейти к исковому или административному производству и рассмотреть дело с самого начала.

Literature:

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation dated July 24, 2002 № 95-FZ // SZ RF. 2002. № 30. Art. 3012.

2. *Kuemzhieva Ya.N.* Reasonable term of proceedings and a reasonable term for the execution of decisions as a principle of civil and arbitration procedural law / Ya.N. Kuemzhieva; Under the general editorship of V.P. Ocheredko, L.V. Voitovich, V.I. Kainov // Actual problems of the modern development of civil, arbitration and administrative proceedings: a collection of articles based on materials from the International Scientific and Practical conference : in 2 parts, SPb., October 18, 2013. SPb. : Publishing House «Petropolis», 2013. P. 203–209.

3. On some issues of application by the courts of the provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation on summary proceedings: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 18, 2017 № 10 // Rossiyskaya Gazeta of April 25, 2017 № 88.

Старцев Петр Сергеевич
аспирант кафедры криминалистики
и правовой информатики,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕРВИСА КАРШЕРНИГА

Аннотация. В статье автором рассмотрены отдельные особенности производства осмотра транспортного средства в процессе расследования преступлений, совершенных в сфере каршеринга. Проанализированы организационные и тактические особенности осмотра. Предложены рекомендации, направленные на повышение эффективности производства данного следственного действия.

Ключевые слова: тактика производства отдельных следственных действий; осмотр транспортного средства; расследование преступлений, совершенных с использованием сервиса каршеринга; методика расследования отдельных видов преступлений.

На современном этапе развития российской экономики одним из важных направлений является развитие интеллектуальных транспортных городских систем, в частности электронных сервисов краткосрочной аренды автомобилей – каршеринга, который за последние несколько лет претерпел качественные изменения, преобразовавшись из обычного коммерческого проката в целую интеллектуальную информационную систему для использования автомобилей [1]. Только в 2021 году выручка операторов краткосрочной аренды транспортных средств достигла 41 млрд рублей, что выше показателя 2020 года на 82 %.

Вместе с тем, активное использование услуг в сфере каршеринга нередко сопряжено и с совершением отдельных противоправных деяний. В частности, в 2021 году количество ДТП с участием каршеринговых транспортных средств увеличилось на 40,8 % (891), число погибших – на 137 % (64), раненых – на 46,6 % (1133) [2].

Анализ практики расследования данной категории преступлений, а также методологический подход к разработке рекомендаций по производству осмотра места происшествия, позволяет выделить два ключевых объекта осмотра. Первым и непосредственным выступает самоавтотранс-

Pyotr S. Startsev
Postgraduate Student of the Department
of Criminalistics and Legal Informatics,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

CERTAIN ASPECTS OF VEHICLE INSPECTION IN THE PROCESS OF INVESTIGATING CRIMES COMMITTED IN THE FIELD OF CARSHARING

Annotation. In the article, the author considers certain features of the vehicle inspection in the process of investigating crimes committed in the field of carsharing. The organizational and tactical features of the inspection are analyzed. Recommendations aimed at improving the efficiency of the production of this investigative action are proposed.

Keywords: tactics of individual investigative actions; vehicle inspection; investigation of crimes committed in the field of carsharing; methods of investigation of certain types of crimes.

портное средство, а вторым – территория, прилегающая как к автомобилю.

Как и при производстве любого другого следственного действия, добиться высокой результативности при осмотре места происшествия возможно только в случае тщательной подготовки к нему. В частности, при расследовании фактов совершения преступлений с использованием сервиса каршеринга, на подготовительном этапе надлежит обеспечить следственно-оперативную группу необходимыми технико-криминалистическими средствами, без которых изъятие следов с места происшествия будет невозможно. Минимально необходимым здесь будет использование стандартных криминалистических чемоданов, ориентированных на изъятие традиционных следов (трасологических, биологических, одорологических и других).

Прежде чем приступить к непосредственному осмотру, надлежит произвести ряд важных действий направленных на:

- определение границ осматриваемой территории;
- формирование первоначального представления о механизме произошедшего события и

вероятном нахождении следов преступления путём обхода территории предстоящего осмотра;

– принятие необходимых мер к сохранности возможной следовой информации в условиях воздействия агрессивной внешней среды (осадки, сильный ветер и пр.);

– закрепление общей обстановки места происшествия путём производства обзорной и ориентирующей фотосъемки;

– определение порядка использования имеющихся в распоряжении технико-криминалистических средств.

Границы осмотра должны быть определены с учетом обнаружения всех возможных следов подхода и отхода преступника к месту происшествия.

На месте происшествия следователь осуществляет руководство следственно-оперативной группой и определяет порядок ее работы, а также обеспечивает качество, полноту и результативность осмотра места происшествия, достоверное отражение сведений в заполняемых им документах [3].

Рабочий этап осмотра места происшествия по общим тактическим рекомендациям начинается со статической стадии, задачами которой является определение границ осмотра, расположения объекта осмотра на участке местности, сбор сведений о транспортном средстве (модель, марка, тип кузова, цвет, расположение двигателя, особенности электроснабжения, используемый вид топлива, компоновка салона, данные государственного регистрационного знака, номер кузова) [4].

Начинать осмотр места нахождения автомобиля следует концентрическим методом. Исследуется территория от прилегающих границ к непосредственному месту стоянки автомобиля, возможные пути подхода преступника к автотранспортному средству, а также оставленные при этом следы. Здесь следует обращать внимание на обнаружение трасологических следов обуви, следов протектора шин автомобиля, возможно оставленных преступником предметов, в том числе и следов биологического происхождения (например, окурки со следами слюны).

Производство детального осмотра возможно только после того, как следователем будет зафиксирована вся обстановка произошедшего события. Здесь анализируют следы протектора, масляные пятна, фрагменты осыпи с днища автомобиля и прочие следы.

Наибольшую ценность представляет осмотр обнаруженного автомобиля в связи с тем, что на его деталях чаще всего остаются следы преступника.

Помимо осмотра прилегающей к автомобилю территории, а также внешнего осмотра транспортного средства, особое внимание должно быть уделено обследованию его салона. Так в салоне автомобиля (на рулевом колесе управления, ручке переключения передач, поверхности сидений, ручках открывания дверей, подлокот-

никах и прочих элементах) могут быть обнаружены различные микрообъекты. Их изъятие и последующий анализ позволит судить как о лице, непосредственно управлявшем угнанным транспортным средством, так и иных пассажиров, которые могли быть его сообщниками. Например, производится сравнение волокон одежды, оказавшихся на водительском сиденье, с одеждой подозреваемого и наоборот, волокон обивки сиденья, обнаруженных на одежде подозреваемого, с непосредственной структурой самого сиденья автомобиля.

Микрообъекты с сидений изымаются вместе с чехлами либо, при их отсутствии, с использованием липкой ленты. Аналогичные манипуляции производят и с частицами грунта, которые в изобилии остаются на ковриках автомобиля. Впоследствии их сравнивают с частицами грунта, обнаруженными на подошвенной части обуви подозреваемых.

Тщательному осмотру подлежат также все предметы находящиеся в автомобиле. На них могут быть обнаружены микрообъекты, одорологические следы, следы рук, следы биологического происхождения (пот, кровь и пр.). Нередко в салоне автомобиля обнаруживаются волосы с тела подозреваемого.

При выявлении следов рук в ходе осмотра транспортного средства в целях криминалистической идентификации с помощью специалиста-криминалиста необходимо произвести дактилоскопирование лиц, которые предположительно управляли осматриваемым транспортным средством или находились в нем на момент совершения преступления[5].

Важным является не только правильность составления протокола осмотра места происшествия, но и процессуально грамотное изъятие обнаруженных объектов и приобщение их к материалам уголовного дела. Например, неправильная упаковка объекта, ее повреждение или утеря зачастую может являться поводом для сомнения в подлинности какого-либо вещественного доказательства и ставит под сомнение допустимость протокола осмотра места происшествия [6].

Только тщательное и качественное проведение осмотра места происшествия по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием сервиса каршеринга, позволит следователю судить не только о механизме совершенного преступления, но и связать личность подозреваемого с предметом преступного посягательства. Тем самым именно результаты осмотра места происшествия станут базовой основой для эффективного производства следственных действий на первоначальном этапе расследования факта угона автотранспортного средства.

Таким образом осмотр места происшествия по делам исследуемой категории позволяет решить следующие задачи:

1) определить механизм совершенного преступления;

- 2) установить, использовались ли меры по сокрытию преступления;
- 3) установить возможные источники получения других доказательств;
- 4) получить информацию для выдвижения следственных версий;

Литература:

1. *Баладин В.И.* К вопросу о квалификации незаконного оборота поддельных документов в целях использования сервисов каршеринга / В.И. Баладин // К 300-летию российской прокуратуры: Прокурорский надзор в сфере безопасности на транспорте. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 14 мая 2021 г. / Приволж. трансп. прокуратура, Самар. нац. исслед. ун-т им. С.П. Королева, Самар. регион. отд-ние Ассоц. юристов России; Под ред. А.Г. Безверхова, Д.Е. Авдеева, А.В. Юдина. 2021. С. 21–29.
2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2021 год. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022. 126 с.
3. *Гонтарев А.А.* Организационные основы подготовительного этапа осмотра места дорожно-транспортного происшествия / А.А. Гонтарев // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 136–141.
4. *Третьякова Е.И.* Следственный осмотр транспортного средства как объекта пожара / Е.И. Третьякова, В.С. Крапивин // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2(34). С. 127–132.
5. *Грибунов С.П.* Участие специалиста-криминалиста в осмотре транспортных средств при расследовании преступлений, предусмотренных статьей 191.1 УК РФ / С.П. Грибунов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 4-2. С. 115–121.
6. *Коселева Т.В.* Основные ошибки при проведении осмотра места происшествия / Т.В. Коселева // Modern Science. 2022. № 3-2. С. 141–144.

- 5) решить вопрос о приобщении к уголовному делу того или иного предмета в качестве вещественного доказательства;
- 6) проверить другие источники доказательств по уголовному делу.

Literature:

1. *Balandin V.I.* On the issue of the qualification of illegal trafficking of forged documents in order to use carsharing services / V.I. Balandin // To the 300th anniversary of the Russian Prosecutor's Office: Prosecutor's supervision in the field of transport security : materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference on May 14, 2021 / Privolzh. transp. prosecutor's Office, Samar. nats. research. S.P. Korolev University, Samar. region. otd-nie Assoc. Lawyers of Russia; Edited by A.G. Bezverkhov, D.E. Avdeev, A.V. Yudin. 2021. P. 21–29.
2. Road traffic accidents in the Russian Federation for 2021. Informational and analytical review. M. : FCU «NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2022. 126 p.
3. *Gontarev A.A.* Organizational bases of the preparatory stage of the inspection of the place of a traffic accident / A.A. Gontarev // Legal Bulletin of Samara University. 2021. Vol. 7. № 4. P. 136–141.
4. *Tretyakova E.I.* Investigative inspection of a vehicle as an object of fire / E.I. Tretyakova, V.S. Krapivin // Altai Legal Bulletin. 2021. № 2(34). P. 127–132.
5. *Gribunov S.P.* Participation of a forensic specialist in the inspection of vehicles during the investigation of crimes under Article 191.1 of the Criminal Code of the Russian Federation / S.P. Gribunov // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2017. № 4-2. P. 115–121.
6. *Kosheleva T.V.* The main mistakes during the inspection of the scene of the accident / T.V. Kosheleva // Modern Science. 2022. № 3-2. P. 141–144.

Ткачева Юлия Сергеевна
преподаватель кафедры юриспруденции,
Российский университет кооперации
Milena.555@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «КРИМИНАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ»

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные с понятием «насилие» и его регулированием в УК РФ. Отмечается, что насилие как признак преступного поведения трактуется в уголовно-правовой литературе неоднозначно, вследствие чего законодатель никаким образом не раскрывает его в уголовном законе, что представляется неправильным, учитывая, что многие преступления совершаются с использованием насильственных действий.

Ключевые слова: насилие, физическое насилие, психическое насилие, уголовный закон, преступное поведение, способ совершения преступления, принуждение, пытка.

Прежде всего, отметим, что словесная основа термина «насилие» сохраняется с древнейших времен («насильство»). В обыденной жизни общества среди его жителей насилие имеет довольно много значений. Так, в толковом словаре В.И. Даля это понятие раскрывается через базовое слово «сила», при этом в интересующем нас контексте В.И. Даль указывает как на устаревшие, как он сам отмечает, лексические элементы: «насилно, насильственно, своевольно, с бою, приневолив, либо заставив властью, нравственно силою или силою вещественною ... насильник, обидчик, своевольник или притеснитель» [1]. Как видно, здесь однозначно негативное значение, хотя В.И. Даль дает в довольно обширной статье своего словаря и позитивные примеры использования слов на основе термина «сила». Но в рассматриваемом смысле («насилие»), как мы отмечали, этому понятию изначально был придан противоправный смысл.

В этой связи, следует согласиться с Л.В. Сердюком, полагающим, что в правовой сфере недопустимо полагать за насилием некие социально-полезные свойства [2]. А те объективно сходные с насилием действия, имеющие социально-полезное назначение, должны именоваться по-иному. Так, преступные насильственные действия в форме боевого приема борьбы могут быть по реализации идентичными действиям сотрудников правоохранительных органов при осуществлении своих функций, однако действия последних имеют иную терминологию – «меры государственного принуждения», имеющие социально-полезное назначение [3]. Если такой же боевой прием борьбы проводит лицо в рамках

Yulia S. Tkacheva
Lecturer of the Department of Jurisprudence,
Russian University of Cooperation
Milena.555@mail.ru

ON THE QUESTION OF THE CONCEPT OF CRIMINAL VIOLENCE

Annotation. The article examines issues related to the concept of «violence» and its regulation in the Criminal Code of the Russian Federation. It is noted that violence as a sign of criminal behavior is interpreted ambiguously in the criminal law literature, as a result of which the legislator does not disclose it in any way in the criminal law, which seems wrong, given that many crimes are committed using violent actions.

Keywords: violence, physical violence, mental violence, criminal law, criminal behavior, method of committing a crime, coercion, torture.

необходимой обороны, то оно применяет не насилие, а физические меры защиты, и в этом смысле мы не можем согласиться с авторами, которые полагают, что насилие в уголовном праве в равной степени может относиться как к преступникам, совершающим преступление, сопряженное с насильственными действиями, так и к лицам, которые защищаются в рамках той же необходимой обороны [4].

Кроме того, толкование по словарю В.И. Даля, а именно, одно из значений («насильственно») дало основание для некоторых исследователей в сфере уголовного права использовать его для обозначения большой группы однородных преступлений – «насильственная преступность» [5]. Однако такой подход, по мнению А.И. Бойцова, недопустим в уголовном праве, поскольку, как считает этот автор, «любое (во всяком случае, умышленное) преступление, представляя собой разновидность антисоциального поведения человека, посягающего на жизненно важные условия существования человеческого сообщества, может быть охарактеризован как попытка изменить насильственным (внеправовым) путем существующий в этом сообществе порядок отношений между людьми» [6] (позже эта мысль была повторена в известном монографическом труде этого автора, выпущенном в 2002 г. [7]). В этом же ключе и подход А.В. Тюменева, согласно которому «все преступления, так или иначе, совершаются против или помимо воли потерпевшего, что в принципе и есть насилие. Именно такое понимание насилия выступает парадигмой для его изучения с позиций любой науки, в том числе уголовного права» [8]. И, в целом, на наш взгляд, здесь

абсолютизация не пойдет на пользу дела. Нужно учитывать реальности, а они таковы, что термин «насильственная преступность» уже давно вошел в оборот в науке уголовного права. Более этого, это понятие уже используется в правовых актах органов государственной власти разного уровня и разных ветвей власти. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 25 марта 2015 г. «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» [9] речь идет о необходимости «принимать меры по предупреждению преступлений и происшествий в полку (на корабле); в каждом случае обнаружения происшествия или признаков преступления немедленно докладывать об этом старшему командиру (начальнику), незамедлительно уведомлять военного прокурора, руководителя военного следственного органа Следственного комитета Российской Федерации, органы военной полиции и принимать меры, предусмотренные законодательством Российской Федерации; лично участвовать в расследовании катастроф и других происшествий, связанных с гибелью людей или повлекших иные тяжкие последствия, а также **насильственных преступлений** в воинских коллективах» [10]. В Постановлении Правительства Российской Федерации от 29 июня 1996 г. «О заключении Соглашений о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и компетентными ведомствами иностранных государств» [11] в ст. 2 указывается, что «Стороны будут осуществлять взаимодействие в предупреждении, выявлении, пресечении и раскрытии преступлений, в том числе совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), прежде всего: **насильственных преступлений** против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» [12]. Другой пример, когда нужно принять как данность сложившееся положение с терминологией в уголовном праве, касающейся насилия, в некоторой степени не совпадающем с формально-филологическими

Литература:

1. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / Автор-сост. В.И. Даль. СПб., 1880–1882. Т. 2. С. 164.
2. *Сердюк Л.В.* Криминологическое и уголовно-правовое исследование насилия : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 36–37.
3. *Турицын И.В.* Виды государственного принуждения, применяемого правоохранительными органами, и принципы его реализации / И.В. Турицын, И.В. Упоров // Право и практика. 2013. № 4. С. 21–28.
4. Насильственная преступность / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М. : Спарк, 1997. С. 51–52.
5. См., напр.: *Алексеев А.А.* Насильственная преступность и карательная практика : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1998; *Щербак Л.М.*

правилами, связывается с понятием «насильник» – это отнюдь не лицо, совершающее акт насилия любого вида, как это может следовать из формальных правил русского языка, а лицо, применяющее насилие в очень узкой уголовно-правовой сфере – при совершении преступлений против половой свободы [13]. Почему именно так сложилось понимание «насильника» в уголовном праве – никто сказать не может, поскольку такого рода понятия складываются десятилетиями, и наука не в состоянии это уловить. Можно лишь предположить, что истоки уходят в глубь веков, когда само понятие «насилие», относилось, прежде всего, к семейным отношениям, которые регулировались, к тому же, не государством, а церковью, и касалось, как раз, принуждения в сфере половых отношений.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что во всех приведенных примерах (равно как и в не приведенных), содержащихся в правовых актах органов власти разного уровня и разных ветвей власти, речь идет *исключительно о преступлениях, сопряженных с насильственными действиями*, то есть, сложилось вполне определенное (узкое) понимание насильственной преступности, и поэтому нет никакой необходимости отказываться от этого, тем более, что широкое понимание насильственности преступности, о котором пишет А.И. Бойцов и другие сторонники его позиции (неправовое нарушение существующего порядка) не всегда осуществляется насильственно даже в таком широком понимании насилия (например, бездействие должностного лица в рамках преступной халатности или преступное неказание помощи лицом, которое обязано оказать такую помощь, трудно, невозможно определять как насильственный акт при любом понимании насилия). Это не значит, конечно, что широкое понимание насильственной преступности не должно иметь место – оно вполне уместно в более объемных гуманитарных дисциплинах (философия, социология, культура и др.).

Literature:

1. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols. / Author-compiler V. And Dal. SPb., 1880–1882. Vol. 2. P. 164.
2. *Serdyuk L.V.* Criminological and criminal law research of violence : dis. ... dr. jurid. sciences. Saratov, 2003. P. 36–37.
3. *Turitsyn I.V.* Types of state coercion used by law enforcement agencies and principles of its implementation / I.V. Turitsyn, I.V. Uporov // Law and Practice. 2013. № 4. P. 21–28.
4. Violent crime / Ed. by V.N. Kudryavtsev, A.V. Naumova. M. : Spark, 1997. P. 51–52.
5. See, for example: *Alekseev A.A.* Violent crime and punitive practice : dis. ... cand. jurid. sciences. Omsk, 1998; *Shcherbakova L.M.* Female violent

- Женская насильственная преступность в современной России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008; *Писаревская Е.А.* Насильственная преступность несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006; *Пестерева Ю.С.* К вопросу о понятии «Насильственная преступность» / Ю.С. Пестерева, Е.И. Чекмезова // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 2. С. 63–65; *Побегайло Э.Ф.* Насильственная преступность: современные тенденции, перспективы борьбы // Советское государство и право. 1998. № 9. С. 69–73 [и др.].
6. *Бойцов А.И.* Понятие насильственного преступления / А.И. Бойцов // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. Л., 1988. С. 136.
7. *Бойцов А.И.* Преступления против собственности. СПб. : ЮЦП, 2002. С. 428.
8. *Тюменев А.В.* Виды криминального насилия. Рязань, 2002. С. 9.
9. Указ Президента Российской Федерации от 25.03.2015 № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 13. Ст. 1909.
10. Указ Президента Российской Федерации от 25.03.2015 № 161 «Об утверждении Устава военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 13. Ст. 1909.
11. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.06.1995 № 653 (ред. от 12.04.2010) «О заключении Соглашений о сотрудничестве между Министерством внутренних дел Российской Федерации и компетентными ведомствами иностранных государств» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 30.03.2017).
12. Там же.
12. Лексикон секса. Словарь сексуальных терминов // Журнал «Твое здоровье». 1994. № 3. С. 59.
- crime in modern Russia : dis. ... dr. jurid. M., 2008; *Pisarevskaya E.A.* Violent crime of minors : dis. ... cand. jurid. sciences. Tomsk, 2006; *Pestereva Yu.S.* On the question of the concept of «Violent crime» / Yu.S. Pestereva, E.I. Chekmezova // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2014. № 2. P. 63–65; *Pobegailo E.F.* Violent crime: modern trends, prospects of struggle / E.F. Pobegailo // The Soviet State and law. 1998. № 9. P. 69–73 [et al.].
6. *Boitsov A.I.* The concept of violent crime / A.I. Boitsov // Criminological and criminal-legal problems of combating violent crime. L., 1988. P. 136.
7. *Boitsov A.I.* Crimes against property. SPb. : SCP, 2002. P. 428.
8. *Tyumenev A.V.* Types of criminal violence. Ryzan, 2002. P. 9.
9. Decree of the President of the Russian Federation No. 161 of 25.03.2015 «On approval of the Charter of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation and Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. № 13. Art. 1909.
10. Decree of the President of the Russian Federation of 25.03.2015 № 161 «On approval of the Charter of the Military Police of the Armed Forces of the Russian Federation and Amendments to certain Acts of the President of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. № 13. Art. 1909.
11. Decree of the Government of the Russian Federation of 29.06.1995 N 653 (ed. of 12.04.2010) «On the conclusion of cooperation agreements between the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and competent departments of foreign states» // Legal reference system «ConsultantPlus» (date of application 30.03.2017).
12. Ibid.
13. The lexicon of sex. Dictionary of sexual terms // Journal «Your health». 1994. № 3. P. 59.

Хачак Бэла Нальбиевна
Адыгейский государственный университет
beldyk1965@mail.ru

Цеева Светлана Касимовна
Адыгейский государственный университет
beldyk1965@mail.ru

Шадже Лейла Азаматовна
Адыгейский государственный университет
beldyk1965@mail.ru

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. В статье анализируются проблемы обеспечения эпидемиологической безопасности в современном российском обществе, которые приобрели особую актуальность в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Система здравоохранения и охрана здоровья населения в целом выступают в качестве основополагающих направлений обеспечения национальной безопасности, а различные эпидемии и пандемии необходимо рассматривать как значимые угрозы национальной безопасности страны. Авторы показывают, что реализуемые на территории России меры, которые определенным образом ограничивают права и свободы граждан и принимаются с целью обеспечения эпидемиологической безопасности, соответствуют складывающейся ситуации, возникшей вследствие распространения массовой инфекции и продолжающей создавать реальную угрозу жизни и здоровью граждан.

Ключевые слова: правовое обеспечение, правовое регулирование, права человека, государственная политика, безопасность, национальная безопасность, эпидемиологическая безопасность, чрезвычайное положение, чрезвычайная ситуация.

Правовое обеспечение эпидемиологической безопасности населения в современном российском обществе приобретает особую актуальность в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), которое обусловило необходимость в принятии правовых мер, необходимых для противодействия данной инфекции. В рамках анализа понятия «эпидемиологическая безопасность» следует обратиться в первую очередь, к Федеральному закону «О безопасности», в рамках которого раскрываются различные виды безопасности, а также, закрепляется содержание основных направлений деятельности уполномоченных государственных

Bela N. Khachak
Adygea State University
beldyk1965@mail.ru

Svetlana K. Tseeva
Adygea State University
beldyk1965@mail.ru

Leila A. Shadzhe
Adygea State University
beldyk1965@mail.ru

PROBLEMS OF LEGAL PROVISION OF EPIDEMIOLOGICAL SAFETY IN MODERN RUSSIA

Annotation. The article analyzes the problems of ensuring epidemiological safety in modern Russian society, which have become particularly relevant in the context of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19). The healthcare system and public health protection as a whole act as fundamental directions of ensuring national security, and various epidemics and pandemics should be considered as significant threats to the national security of the country. The authors show that the measures implemented on the territory of Russia, which restrict the rights and freedoms of citizens in a certain way and are taken in order to ensure epidemiological safety, correspond to the current situation that has arisen as a result of the spread of mass infection and continues to pose a real threat to the life and health of citizens.

Keywords: legal support, legal regulation, human rights, state policy, security, national security, epidemiological security, state of emergency, emergency situation.

органов, направленных на обеспечение тех или иных видов безопасности [1]. В соответствии с рассматриваемым законом, политика в области обеспечения безопасности реализуется органами власти различных уровней на основе Стратегии национальной безопасности РФ и иных концептуальных документов. Все виды безопасности охватываются понятием «национальная безопасность», которое, в свою очередь, раскрывается в тексте указанной стратегии.

Как следует из данной Стратегии, национальная безопасность представляет собой «состояние защищенности национальных интересов

Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечивается реализация конституционных прав и свобод, достойные качество и уровень жизни и т.д.». Здесь в качестве одного из важнейших направлений государственной политики рассматривается «повышение качества и доступности медицинской помощи, включая вакцинацию, и лекарственного обеспечения», а также «обеспечение устойчивости системы здравоохранения, ее адаптации к новым вызовам и угрозам, в том числе связанным с распространением инфекционных заболеваний, создание резервов лекарственных препаратов и медицинских изделий». С учетом содержания рассматриваемой Стратегии можно утверждать, что система здравоохранения и охрана здоровья населения в целом выступают в качестве основополагающих направлений обеспечения национальной безопасности, а различные эпидемии и пандемии рассматриваются как значимые угрозы национальной безопасности страны [2].

Необходимо отметить, что распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) было охарактеризовано Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) как пандемия, которая затронула и Российскую Федерацию, что обусловило необходимость в принятии мер, направленных на достижение санитарно-эпидемиологического благополучия граждан, обеспечение эпидемиологической безопасности страны в целом. Накопленный в период пандемии опыт противодействия распространению массовой инфекции свидетельствует о том, что основная проблема в этой сфере связана с необходимостью оптимального распределения полномочий органов власти различных уровней в области борьбы с пандемией и различными ее последствиями. Как следует из ст. 71 Конституции РФ, вопросы обеспечения безопасности относятся к исключительному ведению Российской Федерации, однако, в то же время, ст. 72 относит координацию вопросов здравоохранения и осуществление мер, направленных на борьбу с эпидемиями, к совместному ведению России и ее субъектов [3]. Соответственно, распространение коронавирусной инфекции, создавшее угрозу для эпидемиологической безопасности населения, обусловило необходимость принятия комплекса нормативно-правовых актов на уровне федерации, регионов и отдельных муниципалитетов.

Как отмечается в специальных исследованиях, в России, с учетом особенностей ее федеративного устройства, меры, направленные на обеспечение эпидемиологической безопасности, базируются на принципе централизации, основывающейся на единстве системной организации исполнительной власти, и на принципе децентрализации, предусматривающей организационную самостоятельность государственных органов власти отдельных субъектов. С точки зрения С.Б. Аникина и А.И. Пермякова, эффективное противодействие пандемии предполагает наличие оптимально короткого юридического алгоритма действий органов государственного управления [4, с. 103–104]. Иными словами, обеспечение эпидемиологической безопасности предполагает оптимизацию правового регулирования

деятельности исполнительных органов власти на федеральном уровне и аналогичных органов на региональном уровне для эффективного противодействия пандемии и минимизации ее негативных последствий. Борьба с последствиями распространения коронавирусной инфекции, в частности, требует координации политики органов власти всех уровней, «овладение искусством управления региональным развитием», необходимое для того, чтобы произошло восстановление нормального функционирования различных сфер общественной жизни в разных субъектах Российской Федерации. По справедливому замечанию Т.Б. Владиславлевой и В.А. Керова, опыт регионального развития в чрезвычайных ситуациях приобретает большой интерес в современных условиях, характеризующихся постоянными изменениями, ростом неопределенности и различных рисков [5, с. 23].

Нельзя не согласиться с позицией данных авторов, в соответствии с которой, именно в условиях кризиса происходит рост значимости предпринимаемых действий, ориентированных на эффективное решение возникающих проблем, к числу которых можно отнести и проблему обеспечения эпидемиологической безопасности. Опыт противодействия распространению новой коронавирусной инфекции на различных уровнях властной организации включает себя в качестве неотъемлемых компонентов, с точки зрения Т.Б. Владиславлевой и В.А. Керова, качество принимаемых управленческих решений, их своевременный характер, а также, степень соответствия данных решений целям и задачам проводимой политики, что выступает в качестве предпосылок его успешной их реализации на практике [5, с. 24].

Пандемия COVID-19 выступает для системы российской власти в качестве своеобразной проверки способности органов власти различных уровней осуществлять эффективное управление страной, когда требуется принимать сложные решения и реализовать чрезвычайные меры, оказывающие, в том числе, негативное воздействие на экономику и способствующие ограничению экономического роста, но позволяющие успешно противодействовать распространению массовой инфекции. По мнению Т.Б. Владиславлевой и В.А. Керова в качестве основы эффективной модели развития страны, в целом, должна выступать сбалансированная государственная политика, осуществляемая на уровне регионов [5, с.25]. Оптимальная модель управления должна, следовательно, включать определенные гарантии для населения в области как экономической, так и медико-биологической, эпидемиологической безопасности.

Уже на начальной стадии пандемии COVID-19 в Российской Федерации регионы получили право принимать решения, направленные на противодействие распространению, содержание которых находится в зависимости от характера эпидемиологической обстановки в каждом конкретном регионе, плотности населения и т.д. Многие указанные мероприятия фактически сопровождались ограничениями прав и свобод российских граждан, в том числе, отменой сообщения между

странами, сокращением перемещения людей через государственные границы и даже через административные границы субъектов РФ, отменой различных массовых мероприятий (политических, культурных, спортивных и т.д.), ограничением свободы передвижения граждан, введением QR-пропусков для посещения различных общественных мест и т.д. Отметим, что на начальном этапе пандемии многими экспертами высказывались опасения, в соответствии с которыми «под угрозой борьбы с пандемией могут совершаться действия, которые, лишь имитируя активную борьбу с угрозой, угрожают правам и свободам человека, но не дадут необходимого эффекта в борьбе с заболеванием» [6]. В настоящее время очевидно, что данные ограничения в целом являлись оправданными, поскольку объективно способствовали защите граждан от инфекции, содействовали обеспечению эпидемиологической безопасности.

В то же время, нельзя не согласиться с утверждением тех авторов которые справедливо отмечают, что пандемия COVID-19 проверила на прочность не только экономическую и политическую системы российского общества, но и существующие механизмы реализации и защиты основополагающих прав и свобод человека [7, с. 144]. Так, по оценкам некоторых представителей Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ), несмотря на особую значимость вводимых в рамках борьбы с распространением коронавирусной инфекции мер, их влияние на основные права человека, закрепленные в Конституции Российской Федерации и международных актах, в ряде случаев являлось неоднозначным и спорным. Как было отмечено в докладе СПЧ: «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина», изначально существовало три возможных варианта реагирования на возникшие эпидемиологические вызовы:

- 1) введение на всей территории России или ее части режима чрезвычайного положения;
- 2) введение в субъектах РФ режима повышенной готовности;
- 3) введение дополнительных ограничительных и санитарно-противоэпидемических мероприятий [8].

Что касается чрезвычайного положения, то содержание данного понятия раскрывается в тексте соответствующего Федерального закона «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 г. Чрезвычайное положение, в соответствии с данным законом, представляет собой особый правовой режим деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, который допускает отдельные ограничения прав и свобод граждан, а также возложение на них дополнительных обязанностей. Согласно ст. 3 данного закона, чрезвычайное положение вводится лишь в том случае, когда имеются обстоятельства, представляющие собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан: к числу данных обстоятельств закон относит, в том числе,

«чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии и эпизоотии». Как следует из содержания ФЗ «О чрезвычайном положении», последнее представляет собой особый правовой режим, предусматривающий возможность введения ряда мер и временных ограничений, предусматривающих как полное или частичное приостановление полномочий органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, установление ограничений на свободу передвижения, усиление охраны общественного порядка, установление ограничений на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, установление особого порядка продажи, приобретения и распределения продовольствия и предметов первой необходимости, запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий, запрещение забастовок и иных способов приостановления или прекращения деятельности организаций, ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра [9].

Как видим, режим чрезвычайного положения представляет собой принципиально иной вид функционирования общества, предусматривающий фактически прекращение работы ряда гражданских структур, предоставление чрезвычайных полномочий специально назначенным лицам с переподчинением им армии, силовых структур и т.д. Наконец, следует учитывать то обстоятельство, что введение режима чрезвычайного положения предусматривает определенные гарантии имущественных и социальных прав граждан в период действия данного положения. Так, в частности, лицам, пострадавшим в результате обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения, или в связи с применением мер по устранению таких обстоятельств или ликвидации их последствий, предоставляются жилые помещения, возмещается причиненный материальный ущерб, оказывается содействие в трудоустройстве и предоставляется необходимая помощь (ст. 29) [9]. Отметим, что с точки зрения ряда авторов, рассматриваемое обстоятельство, связанное с необходимостью для государства осуществлять возмещение ущерба от введения режима чрезвычайного положения, выступает в качестве основной причины отказа от его введения в период пандемии [7, с. 145]. Не вызывает сомнений тот факт, что в ситуации, когда на начальном этапе пандемии производились приостановки деятельности большого количества хозяйствующих субъектов в регионах, введение рассматриваемого режима предполагало бы огромную финансовую нагрузку на бюджет государства.

Вместо введения режима чрезвычайного положения российским парламентом были внесены изменения в Закон № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»: к категории чрезвычайных ситуаций, в соответствии с новой редакцией закона обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате распро-

ранения заболевания, представляющего опасность для окружающих, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [10]. Правительство, в соответствии с поправками к данному закону, получило дополнительные полномочия, связанные с принятием решения о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, а также установлении обязательных для граждан и юридических лиц правил поведения, применяющихся в случае введения рассматриваемого режима. Фактически поправками к закону о чрезвычайных ситуациях была создана возможность для правового обоснования определенных ограничений прав и свобод граждан, которые вводились на территории нашей страны с целью противодействия распространению массовой инфекции и обеспечения эпидемиологической безопасности.

Что касается различных ограничительных мероприятий, реализуемых в различных субъектах Российской Федерации, то правовой основой для них выступил Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». В тексте данного указа, в частности, содержатся предписания, адресованные руководителям высших органов власти субъектов РФ и предписывающие им осуществлять, в соответствии со складывающейся санитарно-эпидемиологической обстановкой и характером распространения коронавирусной инфекции, разработку и практическую реализацию определенных мероприятий ограничительного характера [11]. На практике режим повышенной готовности в России был введен во всех 85 субъектах РФ, причем в 44 регионах данный режим был признан обстоятельством непреодолимой силы (форс-

мажором). По мнению представителей СПЧ, с позиции которых солидарны и авторы настоящей статьи, избранная модель регулирования в целом является адекватной возникшим угрозам, вызванным распространением COVID-19.

Необходимо отметить, что с самого начала пандемии у некоторых юристов и правозащитников возникли определенные сомнения, касающиеся законности некоторых введенных ограничений конституционных прав и свобод граждан. Данные сомнения возникли не только вследствие того, что различные ограничительные мероприятия, касающиеся гражданских прав и свобод, должны вводиться федеральными законами, а не подзаконными актами, к разновидности которых относятся указы и постановления глав субъектов, а по причине расширительного толкования органами власти и полицейскими структурами ряда положений региональных актов, связанных с режимом повышенной готовности (так, много критических замечаний было высказано по поводу ограничительных мероприятий, проводимых в г. Москва). В то время Министерство юстиции РФ в рамках поручения, включающего проверку практики применения принятых в целях противодействия распространению коронавирусной инфекции нормативно-правовых актов, пришло к выводу о том, что данные ограничительные меры, в целом, соответствовали компетенциям рассматриваемых органов власти и были направлены на реализацию конституционных целей, связанных с охраной жизни и здоровья граждан.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что реализуемые на территории России меры, которые определенным образом ограничивают права и свободы граждан и принимаются с целью обеспечения эпидемиологической безопасности, соответствуют складывающейся ситуации, возникшей вследствие распространения массовой инфекции и продолжающей создавать реальную угрозу жизни и здоровью граждан.

Литература:

1. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета – Федеральный выпуск № 295(5374). 29 декабря 2010 г.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL : [Consultant.ru:document/cons_doc_LAW_389271](https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271) (дата обращения 07.03.2022).
3. Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе российского голосования 01 июля 2020 г. // Российская газета – Федеральный выпуск № 144(8198). 04 июля 2020 г.
4. *Аникин С.Б.* Некоторые аспекты административно-правового обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в России / С.Б. Аникин, А.И. Пермяков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 6(137).

Literature:

1. Federal Law № 390-FZ of December 28, 2010 «On Security» // Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue № 295(5374). December 29, 2010.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation». URL : [Consultant.ru:document/cons_doc_LAW_389271](https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271) (date of application 07.03.2022).
3. The Constitution of the Russian Federation with amendments approved during the Russian vote on July 1, 2020 // Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue № 144(8198). July 04, 2020.
4. *Anikin S.B.* Some aspects of administrative and legal provision of sanitary and epidemiological welfare of the population in Russia / S.B. Anikin, A.I. Permyakov // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. № 6(137).

5. *Владиславлева Т.Б.* Государственное управление региональным развитием в условиях пандемии COVID-19 / Т.Б. Владиславлева, В.А. Керов // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. Вып. № 83.
6. *Бабушкин А.* Актуальные проблемы соблюдения прав человека в условиях борьбы с эпидемией. URL : <https://www.7x7-journal.ru/posts/2020/03/27> (дата обращения 07.03.2022).
7. *Попов М.Ю.* К дискуссии об ограничении прав и свобод человека в условиях пандемии / М.Ю. Попов, П.С. Самыгин, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 4.
8. Доклад «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав человека и гражданина». Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL : www.president-sovet.ru (дата обращения 07.03.2022).
9. Федеральный Конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» //Российская газета – Федеральный выпуск № 0(2717).
10. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ (последняя редакция). URL : www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295 (дата обращения 07.03.2022).
11. Указ Президента Российской Федерации от 02 апреля 2020 года № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Российская газета – Столичный выпуск № 72 (8126). 03 апреля 2020 г.
5. *Vladislavleva T.B.* State management of regional development in the context of the COVID-19 pandemic / T.B. Vladislavleva, V.A. Kerov // Public administration. Electronic bulletin. Issue № 83. December 2020.
6. *Babushkin A.* Actual problems of respect for human rights in the fight against the epidemic. URL : <https://www.7x7-journal.ru/posts/2020/03/27> (date of application 07.03.2022).
7. *Popov M.Yu.* To the discussion on the restriction of human rights and freedoms in a pandemic / M.Yu. Popov, P.S. Samygin, S.I. Samygin // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2020. № 4.
8. Report «Lessons of the epidemic from the point of view of respect for human and civil rights». Council under the President of the Russian Federation for the Development of Civil Society and Human Rights. URL : www.president-sovet.ru (date of appeal 07.03.2022).
9. Federal Constitutional Law № 3-FKZ of May 30, 2001 «On the State of Emergency» // Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue № 0(2717).
10. Federal Law «On the Protection of the population and territories from natural and man-made emergencies» dated 21.12.1994 № 68-FZ (latest edition). URL : www.Consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295 (date of application 07.03.2022).
11. The decree of the President of the Russian Federation of April 2, 2020, № 239 «On measures to ensure the sanitary and epidemiological welfare of the population in the territory of the Russian Federation in connection with the spread of the new coronavirus infection (COVID-19)» // Rossiyskaya Gazeta – Capital issue № 72(8126). 03 Apr. 2020.

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Бялт Виктор Сергеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
victorkvr@mail.ru

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
НЕКОТОРЫХ СУЖДЕНИЙ
О ПРИЗНАКАХ СОВРЕМЕННОГО
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА
В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА**

Аннотация. В статье представлен анализ отдельных положений отечественной и зарубежной философско-правовой мысли на область развития современного демократического государства. На основе проведенного теоретико-правового осмысления некоторых концептуальных суждений философов права на характер государства XXI в. и эвентуальных угроз развитию в обществе демократии, авторы акцентируют внимание на важности государственного обеспечения роста экономики, уровня образования населения и расширения ареала гражданского общества. По мнению авторов, отмеченные признаки должны быть оформлены в правовом отношении в качестве обязательных нормативных установлений, предопределяющих позитивный характер закономерных изменений в механизме современного государства.

Ключевые слова: право, государство, демократия, совещательная демократия, гражданское общество, экономический рост, уровень образования.

Динамичный ход изменений, происходящих в современном мироустройстве, неотделим от нового осмысления социального предназначения современного государства в плане его миссии и базовых оснований, определяющих нацеленность государственного механизма на решение многих животрепещущих проблем человека и гражданина XXI в. Наряду с указанным,

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Viktor S. Byalt

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg university of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
victorkvr@mail.ru

**THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF
SOME JUDGMENTS ABOUT FEATURES
MODERN DEMOCRATIC STATE IN
THE CONTEXT PHILOSOPHY OF LAW**

Annotation. The article presents an analysis of certain provisions of domestic and foreign philosophical and legal thought in the field of development of a modern democratic state. On the basis of the theoretical and legal understanding of some conceptual judgments of philosophers of law on the nature of the state of the XXI century. and eventual threats to the development of democracy in society, the authors focus on the importance of state support for economic growth, the level of education of the population and the expansion of the area of civil society. According to the authors, the noted signs should be formalized in legal terms as mandatory normative regulations that predetermine the positive nature of regular changes in the mechanism of the modern state.

Keywords: law, state, democracy, deliberative democracy, civil society, economic growth, level of education.

актуальным представляется апеллирование к некоторым теоретико-правовым аспектам демократического вектора развития современной парадигмы государства. Как отмечает отечественный правовед В.С. Нерсесянц, демократическое основание государства тождественно математике свободы, позволяющей гражданину избежать негативного воздействия государственных институций,

проявляемого в явлениях деспотизма, тирании и тоталитаризма. В этой связи, указанный ученый обращает наше внимание на важность учета «исторического процесса генезиса права и его бытия» и их сопряженности с системой координат, осями которой для человека и всего его рода выступают:

а) общекультурное формирование;

б) дальнейшее развитие в направлении осмысления права как компонента общечеловеческой культуры [1, с. 65].

По нашему представлению, отмеченные суждения философа права позволяют заключить о динамизме и несомненной подвижности теоретико-правовых представлений относительно перманентности развития государства по пути упрочения его конструкции, включая каркас (от фр. «*carcasse*» – остов сооружения) демократизма. Вместе с тем, действие в обществе демократических тенденций и соответствующего им проявления либерализма неотделимо от порождения ряда угроз процессу демократии. На отмеченное обстоятельство акцентирует наше внимание замбийский специалист в области международных отношений Д. Мойо, констатирующая на примере США и ряда других западных стран о следующих признаках угрозы для демократического государства в его «либеральном выражении» [3]:

1) снижение уровня электоральной активности в государствах либерального типа;

2) возрастание фактора денежного подкупа необходимого политического влияния;

3) ослабление исполнительной, законодательной и судебной власти как легитимных столпов либеральной демократии. К примеру, амбивалентный характер системы уголовного правосудия:

а) для богатых и белых;

б) для бедных меньшинств, число которых составляет крайне непропорционально большой процент заключенных: в настоящее время численность заключенных составляет более 2,3 миллиона чел.;

4) сокращение политического срока избранных лидеров. К примеру, средний срок пребывания в должности политических лидеров государств G20 находится на рекордно низком уровне: с шести лет в 1946 г. до, примерно 3,7 лет в настоящее время. В этой связи, пребывание лидеров на политическом Олимпе на срок, меньший протяженности нормального экономического цикла в пять-семь лет, приводит к несоответствию между краткосрочными горизонтами политиков, объективно проявляющих системную близорукость, и долгосрочным характером экономических проблем (внедрение новых технологий, растущий долг, неравенство доходов и быстрые демографические сдвиги), многие из которых являются препятствием для глобального роста;

5) всплеск волн популизма, снижение роли традиционных СМИ и гипертрофированность действия фактора социальных сетей, содействующего изменению моделей потребления, раздробленности своей аудитории, распространению «фейковых новостей» и, как следствие, к опустошению «демократического колодца» (англ. «the democratic well»);

6) возрастание уровня доверия граждан к лидерам авторитарного типа.

Размышляя о ключевых признаках современного демократического государства в контексте философии права, представляется необходимым обратить внимание на его роль в решении актуальных задач по обеспечению роста материального благополучия граждан и уровня их образования.

По нашему мнению, неспособность государства к кардинальному росту экономики страны и завуалированная политика снижения образованности граждан определяют:

– во-первых, эрозию массива демократических ценностей;

– во-вторых, отход государства в своем движении от подлинно демократического пути;

– в-третьих, «проникновение» на ареопаг политической власти различного рода популистских деятелей.

Как отмечает индийский философ А. Сен, экономическое развитие как фактор упрочения основ современного демократического государства, согласованные и устойчивые действия политиков и широкой массива палитры гражданского общества в направлении повышения уровня жизни людей и повышению уровня их образования, способствуют приращению объема человеческого капитала, позитивным инфраструктурным изменениям в обществе и укреплению региональной конкурентоспособности [5]. Созвучная мысль проводится и в работе нигерийского ученого Г.А. Нвогу, выделяющего такие признаки современного демократического государства как высокий уровень экономического развития, образования населения и разветвленность гражданского общества [4, р. 134]. По нашему представлению, указанные выводы данных ученых сохраняет свою актуальность и в условиях современного времени. Размышляя о некоторых признаках современного демократического государства, американский философ Д. Коэн презентует свое видение такого фундаментального его политического идеала как «совещательная демократия» (англ. «*Deliberative Democracy*»), понимаемого в качестве ассоциации, ареал функционирования которой регулируется публичным обсуждением ее членов [2, р. 67]. Рассматривая основные черты совещательной демократии, ее описание в терминах совещательной процедуры и общую характеристику структуры, отмеченный автор акцентирует внимание на следующих чертах указанной разновидности государственной парадигмы [2, р. 72]:

1) постоянное действие и независимость совещательной демократии;

2) приверженность членов ассоциации идее, сводимой к тому, что свободный характер обсуждения проблемных вопросов является основой легитимности совещательной демократии;

3) плюралистический характер ассоциации, проявляемый в возможности выражения различных предпочтений, убеждений и идеалов, касающихся бытия и условий жизни ее членов и основанных на совещательном решении ими проблем коллективного выбора;

4) очевидность необходимости существования тех государственных институтов, результаты деятельности которых корреспондируют ожиданиям членов ассоциации;

5) признание равного права членов ассоциации на демонстрацию своих совещательных способностей, необходимых как для вступления в публичный обмен мнениями, так и для адекватных действий на основе таких публичных рассуждений.

Востребованность идеи совещательной демократии как очевидного признака современного демократического государства подтверждается научными суждениями китайских ученых Л. [Лили] Сун и Л. [Линглинг] Сун, отмечающих на примере такой организации гражданского общества как Шанхайская женская федерация эффективность

совещательной демократии в отстаивании интересов китайских женщин [6].

Подводя итог изложенному, мы считаем необходимым резюмировать следующее:

– во-первых, современное государство неизбежно характеризуется устойчивостью своего развития в направлении утверждения демократии, несмотря на некоторые отклонения от намеченного пути или снижение темпа динамики указанной эволюции;

– во-вторых, базовыми условиями и одновременно признаками современного демократического государства выступают должный уровень экономического роста, образования населения и обширность сети «ячеек» гражданского общества;

– в-третьих, признавая в теоретико-правом смысле государство в качестве юридического отношения, представляется оправданным свести современную тенденцию демократического развития государства к отношениям публичного права, устанавливающего необходимые правовые пределы интегрирования ценностей демократии и ее совещательного характера в строгие очертания нормативного закрепления, способствующего максимально полному удовлетворению потребностей и запросов социума на реализацию демократической повестки дня.

Литература:

1. *Нерсесянц В.С.* Философия права : учебник. М. : Норма, 2008. 848 с.

2. *Cohen J.* Deliberation and Democratic Legitimacy / J. Cohen // *Deliberative Democracy. Essays on Reason and Politics.* Cambridge : The MIT Press, 1997. P. 67–91.

3. *Moyo D.* Ten Warning Signs that Democracies Are Under Siege / Официальный сайт «AspenInstitute» / D. Moyo // *World Affairs.* 2018, June 11. URL : <https://www.aspeninstitute.org/blog-posts/ten-warning-signs-that-democracies-are-under-siege> (date of application 07.05.2022).

4. *Nwogu G.A.I.* Democracy: Its Meaning and Dissenting Opinions of the Political Class in Nigeria: A Philosophical Approach / G.A.I. Nwogu // *Journal of Education and Practice.* 2015. – Vol. 6. № 4. P. 131–142.

5. *Sen A.* Development: Which Way Now? / A. Sen // *The Economic Journal.* 1983. № 93. Iss. 372. P. 745–762.

6. *Sun L.* Deliberative Democracy: A Probe into Female Interests Demands and Response Mechanism in Shanghai / L. Sun, L. Sun // *Open Journal of Political Science.* 2017. Vol. 7. № 1. P. 170–177.

Literature:

1. *Nersesyanc V.S.* Philosophy of law : textbook. M. : Norma, 2008. 848 p.

2. *Cohen J.* Deliberation and Democratic Legitimacy / J. Cohen // *Deliberative Democracy. Essays on Reason and Politics.* Cambridge : The MIT Press, 1997. P. 67–91.

3. *Moyo D.* Ten Warning Signs that Democracies Are Under Siege / Официальный сайт «AspenInstitute» / D. Moyo // *World Affairs.* 2018, June 11. URL : <https://www.aspeninstitute.org/blog-posts/ten-warning-signs-that-democracies-are-under-siege> (date of application 07.05.2022).

4. *Nwogu G.A.I.* Democracy: Its Meaning and Dissenting Opinions of the Political Class in Nigeria: A Philosophical Approach / G.A.I. Nwogu // *Journal of Education and Practice.* 2015. – Vol. 6. № 4. P. 131–142.

5. *Sen A.* Development: Which Way Now? / A. Sen // *The Economic Journal.* 1983. № 93. Iss. 372. P. 745–762.

6. *Sun L.* Deliberative Democracy: A Probe into Female Interests Demands and Response Mechanism in Shanghai / L. Sun, L. Sun // *Open Journal of Political Science.* 2017. Vol. 7. № 1. P. 170–177.

Чунихина Татьяна Николаевна
кандидат политических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
tanithbook77@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННАЯ МАТРИЦА ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В работе рассматриваются проблемы трансформации духовных ценностей современного российского общества и возможности нормативного, институционального управления этим процессом со стороны государства и институтов гражданского общества. В условиях системного кризиса особое внимание приобретают нравственные ориентиры молодежи, от которой зависит дальнейшее развитие страны. Отечественные духовно-нравственные ценности декларируются на всех уровнях системы непрерывного образования, но в практику образовательных систем внедряются с трудом. Вследствие этого, наблюдается противоречие между потребностью в позитивных социокультурных преобразованиях общества и недостатком высокодуховных, патриотически настроенных людей, готовых их осуществлять. Авторы обращают внимание, что отсутствие стабильных ценностей может негативно отразиться на состоянии политической, экономической и социальной сфер общества. Для борьбы с подобными явлениями необходимо формирование и реализация конституционной матрицы духовных ценностей.

Ключевые слова: духовные ценности, конституционные поправки, патриотизм, гражданственность, нравственность, историческая память.

Потеря ценностных ориентиров, нравственных и духовных идеалов, составляющих смысл существования любого общества, является большой социальной трагедией современности. Сознание современного человека формируется под воздействием информационного манипулирования, сомнительных политических призывов, исторических мистификаций. «Исторические войны» подрывают доверие к научному знанию, негативно влияют на историческую память, подрывают основы этнической и государственной идентичности, искажают представления отдельных социальных групп о гражданственности и патриотизме [1, с. 394]. Средства массовой информации навязывают унификацию мыслей и чувств, что особенно влияет на молодежь, наблюдается

Tatiana N. Chunikhina
Candidate of Political Science,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Sociology, Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
tanithbook77@mail.ru

CONSTITUTIONAL MATRIX OF SPIRITUAL VALUES RUSSIAN SOCIETY

Annotation. The article deals with the problems of transformation of the spiritual values of modern Russian society and the possibility of normative, institutional management of this process by the state and civil society institutions. In the context of a systemic crisis, special attention is paid to the moral guidelines of the youth, on which the further development of the country depends. Domestic spiritual and moral values are declared at all levels of the system of continuous education, but they are introduced into the practice of educational systems with difficulty. As a result, there is a contradiction between the need for positive socio-cultural transformations of society and the lack of highly spiritual, patriotic people who are ready to implement them. The authors draw attention to the fact that the lack of stable values can negatively affect the state of the political, economic and social spheres of society. To combat such phenomena, it is necessary to form and implement a constitutional matrix of spiritual values.

Keywords: spiritual values, constitutional amendments, patriotism, citizenship, morality, historical memory.

процесс направленной манипуляции с целью расширения и создания искусственных потребностей: человек должен стремиться к удовольствию и комфорту. Проецирование нравственных ценностей и социального опыта стран Запада без учета российского исторического опыта оказывает негативное влияние на формирование и функционирование системы духовных ценностей у подавляющего большинства населения.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, на сегодняшний день в России налицо «размытие традиционных российских духовно-нравственных ценностей», ослабление единства многонационального народа Российской Федерации», осуществляемое путем «внешней культурной и информационной

экспансии», «пропагандой вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости», «попытками фальсификации российской и мировой истории...» и еще целым рядом негативных факторов [2]. Вследствие этого, одной из стратегических целей обеспечения национальной безопасности государства должно выступать «сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности».

Становится очевидной необходимость продуманной, аргументированной, целенаправленной государственной политики в области формирования нравственных ценностей. Такая политика должна быть напрямую связана с позитивным развитием национальной культуры, просвещения и воспитания, а также институтов гражданского общества, обуславливающих эффективное функционирование общественных механизмов сплочения граждан.

Не вызывает сомнений, что основной социального взаимодействия любого общественного объединения выступают единые нравственные установки. Устройство или уклад того или иного социума формируется усвоением каждым его членом определенных духовных ценностей, которые, по определению И.А. Ерзылевой, представляют собой совокупность личных качеств индивида, формирующих культурные, этические, интеллектуальные атрибуты личностного характера, не имеющие качественного измерения, объективно эксплицированные разумной активностью и целеполаганием человека [3, с. 74].

Задача современного государства, как центрального политического института, создать законодательную базу, осуществляющую «бесперебойное» регламентирование, упорядочивание социальных, экономических и политических процессов. Должное регулирование внешних факторов существования человека обеспечивает нормальное, целостное формирование высоконравственной личности. Только уверенный в стабильности, порядке, государственной защите, справедливом миропорядке гражданин будет морально поддерживать власть, соблюдать интересы окружающих, ценить свою свободу и собственность наравне со свободой и собственностью окружающих. По мнению В.В. Барабанова, «только правовое государство может способствовать полному развитию личности, а значит, и ее морально-нравственных качеств» [4, с. 11].

Конституция государства является оплотом целостности и стабильного развития страны и общества в целом. Принятый в 1993 г. Основной закон России определил высшей ценностью государства человека, его права и свободы, в условиях демократического политического режима. Но современное кризисное состояние духовности и нравственности вызвало необходимость создания новой системы организационных и правовых мер, обеспечивающих защиту жизненно важных социальных ценностей. Речь идет о конституционных поправках 2020 г. [5]. Они привнесли в

Основной закон «дополнительные смыслы, вытекающие:

- во-первых, из опыта четвертьвекового действия Конституции РФ;
- во-вторых, уровня зрелости политической системы и велений переживаемой страной эпохи;
- в-третьих, тенденций мирового развития» [6, с. 8].

Наше внимание обращено, прежде всего, к поправкам, которые затрагивают идейные, духовно-нравственные аспекты:

- признание правопреемства в развитии российского государства, объединенного тысячелетней историей, памятью предков, передавших идеалы и веру в Бога (ч. 2 ст. 67.1);
- обеспечение защиты исторической правды (ч. 3 ст. 67.1);
- закрепление в качестве важнейшего приоритета государственной политики детей, воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, обеспечения семейного воспитания (ч. 4 ст. 67.1);
- закрепление культуры в Российской Федерации как уникального наследия ее многонационального народа (ч. 4 ст. 68);
- сохранение общероссийской культурной идентичности (ч. 3 ст. 69); создание условий для взаимного доверия государства и общества, социального партнерства, социальной солидарности (ст. 75.1).

Кроме указанных положений конституционно-правовое значение для эффективной реализации государственной политики в духовно-нравственной сфере имеют нормы, закрепленные в ст. 72 (о защите института брака как союза женщины и мужчины), ст. 114 (о проведении единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей).

Включение в текст Конституции России понятий «память предков», «историческая правда», «патриотизм», «гражданственность», «культура как уникальное наследие» означает поиск собственной модели конституционного развития и формирует представление о новых духовно-нравственных ориентирах как для самого государства, общества в целом, так для и отдельной личности. Государству необходимо здоровое и трудоспособное общество, готовое принимать вызовы и отражать угрозы, формировать компетенции в соответствии с профессиональными стандартами современности [7, с. 49]. Закрепление таких нравственных установок выражает актуальную потребность современного российского общества в признании государства как защитника общего блага и национальной идентичности. Следствием конституционных поправок стало юридическое осмысление ряда важнейших духовных и

морально-нравственных категорий. А само конституционное законодательство наполнилось духовной и нравственной составляющей.

Центром матрицы духовных конституционных ценностей стал патриотизм. Еще в 2012 г. Президент России В.В. Путин отметил, что наша страна должна «строить свое будущее на прочном фундаменте. И такой фундамент – это патриотизм» [8].

Возложение на конституционном уровне государством на себя обязанности чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды предполагает обязательность реализации более широкой задачи по обеспечению сохранения исторической памяти народов России.

Одна из наиболее значимых составляющих матрицы духовных ценностей Конституции России – создание организационных и правовых условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Дети выступают в качестве особого приоритета государственного развития, а не просто слабозащищенной категории. И задача государства – формирование у детей необходимой гражданской сознательности с раннего возраста, возложение на себя ответственности за их моральное становление как граждан. Усвоение необходимых ценностей берет начало на раннем этапе развития личности, именно в детстве закладываются основы социальной адаптации и культурной оценки существующего порядка.

Признание культуры уникальным наследием многонационального народа и установление обязанности Правительства России проводить единую социально ориентированную государственную политику в области культуры (п. «в» ч. 1 ст. 114) формулирует задачу государства по созданию эффективных механизмов поддержки и охраны культуры в интересах общества, в том числе, по

Литература:

1. *Яковлева И.П.* Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне в условиях информационных войн / И.П. Яковлева // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы IV Международной научной конференции, посвященной 75-летию победы в Сталинградской битве. Волгоград, 2017. С. 393–398.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 04.01.2016. № 1 (Ч. II). Ст. 212.
3. *Ерзылева И.А.* Роль вузов в формировании духовных ценностей студентов / И.А. Ерзылева // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 40. С. 73–76.

защите граждан Российской Федерации от злоупотреблений свободой творчества и правом свободно производить и распространять информацию любым законным способом.

Направление государственной политики в области сохранения общероссийской культурной идентичности народа Российской Федерации предполагает работу по решению важнейшей стратегической задачи по формированию такой идентичности у детей и молодежи.

Государству предстоит организационно и законодательно обеспечить реализацию всех этих конституционных установок, причем в самых приоритетных сферах общественной деятельности: воспитании, образовании, творчестве, защите семьи и детей, функционировании средств массовой информации.

В заключении следует отметить, что какие бы ни происходили политические, экономические и социальные процессы, как бы они ни влияли на содержательную интерпретацию духовных ценностей, они не могут изменить сути, ядра этих ценностей. По мнению А.А. Гуссейнова, «ценности предельны, абсолютны, равны самим себе. Это – то, что в обыденной речи называют словом «святое» [9, с. 19]. Ценность – это то, что имеет для человека значимость в духовном, нравственном, эстетическом и познавательном отношении: вера, добро, любовь, справедливость, патриотизм, ответственность за себя, своих близких, свою страну. Наполнение новым содержанием существующих ценностей выразило потребность российского общества в стабильности, единении, отторжении навязанных и бездумно скопированных чужих идеалов. Признание на конституционном уровне идеалами нравственности, морали, духовности свидетельствует о том, что жизнь и интересы отдельного человека, соотношение личного и общественного находятся в сфере государственных интересов, что существует общественный запрос на устойчивое социальное единство и правопорядок.

Literature:

1. *Yakovleva I.P.* The historical memory of youth about the Great Patriotic War in the context of information wars / I.P. Yakovleva // Military history of Russia: problems, searches, solutions. Proceedings of the IV International scientific conference dedicated to the 75th anniversary of the victory in the Battle of Stalingrad. Volgograd, 2017. P. 393–398.
2. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 № 683 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01/04/2016. № 1 (Part II). Art. 212.
3. *Erzyleva I.A.* The role of universities in the formation of students' spiritual values / I.A. Erzyleva // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2021. Vol. 11. № 40. P. 73–76.

4. *Барабанов В.В.* Духовно-нравственные ценности в образовании как приоритет государства / В.В. Барабанов // Вестник Герценовского университета. 2010. № 8(82). С. 10–14.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 27.04.2022).

6. *Эбзеев Б.С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона / Б.С. Эбзеев // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24.

7. *Хронова И.А.* Актуальные вопросы трудового права и его практикоприменимость / И.А. Хронова // Кадровик. 2020. № 9. С. 48–59.

8. *Путин В.В.* Выступление на совещании представителей власти и общественности по вопросам нравственного и патриотического воспитания молодежи 2012. URL : <http://ros-idea.ru/site> (дата обращения 30.04.2022).

9. *Гусейнов А.А.* Философия: между знаниями и ценностями / А.А. Гусейнов // Философия науки. 2001. № 2. С. 15–21.

4. *Barabanov V.V.* Spiritual and moral values in education as a priority of the state / V.V. Barabanov // Bulletin of Herzen University. 2010. № 8(82). P. 10–14.

5. The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of application 27.04.2022).

6. *Ebzeev B.S.* Actualization of the Constitution of Russia: a collective image of the amendments of President V.V. Putin and new meanings of the Basic Law / B.S. Ebzeev // State and Law. 2020. № 4. P. 7–24.

7. *Khronova I.A.* Topical issues of labor law and its practical applicability / I.A. Khronova // Kadrovik. 2020. № 9. P. 48–59.

8. *Putin V.V.* Speech at a meeting of representatives of the authorities and the public on the issues of moral and patriotic education of youth in 2012. URL : <http://ros-idea.ru/site> (date of application 30.04.2022).

9. *Huseynov A.A.* Philosophy: between knowledge and values / A.A. Huseynov // Philosophy of Science. 2001. № 2. P. 15–21.

Штырхунова Наталья Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
Milena.555@mail.ru

Попов Евгений Александрович

кандидат юридических наук,
начальник кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
Milena.555@mail.ru

Сыротюк Майя Валерьевна

старший преподаватель кафедры
гражданского и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
Milena.555@mail.ru

Анализ понятия «БЕЗОПАСНОСТЬ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ» В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Аннотация. В статье проведен комплексный анализ методологических подходов к определению понятия «безопасность дорожного движения», исследован генезис его образования и развития в отечественной правовой науке; посредством использования методологии сравнительно-правового исследования, проведен анализ закрепления рассматриваемого понятия в действующем законодательстве. Исследованы основные закономерности системы обеспечения безопасности дорожного движения, факторы (детерминанты) влияющие на эффективность её функционирования и состояние, а также определяются предпосылки формирования концептуальных организационно-правовых основ обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации.

Ключевые слова: государство, транспорт, безопасность, безопасность дорожного движения, понятие, обеспечение, реализация, норма, законодательство.

В настоящее время, когда демократические принципы выходят в нашем государстве на первое место, а современные опасности и угрозы кардинально отличаются от рисков прошлого столетия, роль безопасности для становления социума, развития экономики и обеспечения качества

Natalya A. Shtyrkhunova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil and International Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
Milena.555@mail.ru

Evgeny A. Popov

Candidate of Legal Sciences,
Head of the Department
of Civil and International Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
Milena.555@mail.ru

Maya V. Sirotyuk

Senior Lecturer of the Department
of Civil and International Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
Milena.555@mail.ru

ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «ROAD SAFETY» IN THE CURRENT LEGISLATION OF RUSSIA

Annotation. The article provides a comprehensive analysis of methodological approaches to the definition of the concept of «road safety», the genesis of its formation and development in domestic legal science is investigated; through the use of the methodology of comparative legal research, the analysis of the consolidation of the concept in question in the current legislation is carried out. The main regularities of the road safety system, factors (determinants) affecting the effectiveness of its functioning and condition are investigated, and the prerequisites for the formation of conceptual organizational and legal foundations for road safety in the Russian Federation are determined.

Keywords: state, transport, safety, road safety, concept, provision, implementation, norm, legislation.

жизни значительно возрастает. Сегодня в числе ключевых направлений государственной деятельности стоит обеспечение социальной, личной и государственной безопасности, выступающей обязательным условием существования сформировавшегося мироустройства.

Государством постоянно предпринимается ряд мер в направлении по созданию условий для безопасности дорожного движения. Одним из приоритетных направлений данной государственной деятельности является выстраивание правовых норм в единую систему, качество правовой основы непосредственно влияет на состояние безопасности на дорогах нашей страны.

Современное состояние безопасности дорожного движения в Российской Федерации представляет собой вызывает озабоченность. В ряде регионов продолжает сохраняться тенденция к увеличению количества совершаемых административных правонарушений и дорожно-транспортных происшествий. Сложившаяся ситуация вызывает необходимость пересмотра содержания ключевых понятий и дефиниций в этом направлении.

У учёных отсутствует единое мнение понимания безопасности дорожного движения, несмотря на длительный период исследований в данной области. Практически все определения акцентируются на значимости данного явления для жизни общества, однако носят поверхностный характер или не имеют единых подходов понимания терминов в области дорожного движения и безопасности. В данном вопросе важна терминология, при помощи которой можно раскрыть сущность понятия безопасность дорожного движения. Само по себе, понятие «безопасность» является отраслевым термином, так как используется в технической, социальной, юридической и иных сферах и определяет общественные связи, при которых существуют необходимые условия для реализации жизненно важных интересов граждан. В упрощённом варианте, безопасность – это определённое состояние, при котором отсутствует угроза опасности и присутствует состояние защищенности. Ряд исследователей считают, что безопасное состояние и защищенности личности, общества и государства должно быть обеспечено уполномоченными субъектами, путем использования сил и средств, предусмотренных законодательной базой, а угрозы при этом могут быть как природного, так и техногенного характера.

В статье 2 Федерального закона № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» даётся следующее определение безопасного дорожного движения: «Состояние процесса, отражающее степень защищённости его участников от дорожно-транспортных происшествий и их последствий».

Смысл, вкладываемый в указанное понятие, вполне чётко отражает цели безопасности как состояния, несмотря на то, что выступает труднодостижимым образцом безопасного движения на дорогах. Это обусловлено тем, что абсолютное исключение любой рискованной ситуации – это эталонная цель в создании безопасных условий движения в каждой демократической стране.

В.В. Головкин, изучая терминологию в области безопасного движения на дорогах, подчеркивает, что безопасность – это состояние процесса движения, исключающее возможность дорожно-транспортных происшествий и их отрицательных

последствий, поскольку водитель способен справиться с управлением, действуя на основании предписаний законодательства [2, с. 62].

Здесь же, учёный рассматривает и другие трактовки понятия «безопасность дорожного движения» При рассмотрении безопасного дорожного движения следует сделать акцент на исследовании именно юридической стороны данного вопроса, рассмотренной во множестве научных трудов. Большое значение имеет правильность определения нужной степени безопасности государства. В данном контексте следует подробнее остановиться на концепции, предложенной О.Е. Губенковым. Учёный создал концепцию безопасности, аргументируя возможность допустимого риска, т.е. такого объема рискованной ситуации, которые входят в допущенную государственным аппаратом норму [2, с. 63].

Следовательно, рассмотрев различные трактовки безопасного дорожного движения некоторых авторов, мы делаем вывод, что данное понятие может заключаться в наличии защищенности всех субъектов, принимающих участие в дорожном движении. Слово «обеспечение» толкуется в словаре как «снабжение, предоставление, ограждение от каких-либо факторов» и пр. Под рассматриваемым словосочетанием понимается возможность оградить определенный сегмент правоотношений от появления отрицательных результатов и ситуаций, касающихся перемещения на дорогах.

Например, Я.В. Васильева в своих трудах отмечает, что под обеспечением безопасного движения на дорогах следует понимать действия, направленные на сокращение общей численности аварий, количества пострадавших в них людей, а также других негативных последствий [2, с. 64].

Ю.Н. Калужный рассматривает обеспечение безопасного движения в качестве мер, основной целью которых выступает минимизация возникновения дорожно-транспортных происшествий, а также сокращение их отрицательных последствий [2, с. 64].

Исследовав условия взаимодействия лиц, участвующих в дорожном движении, учёный заключил, что деятельность по обеспечению безопасного движения на дорогах отличается своим многогранным характером, она охватывает большое количество отраслей и нацелена на сокращение всех потенциально возможных рисков, возникающих в рассматриваемой области отношений.

Анализируя рассматриваемое понятие в административном контексте, будет справедливым назвать его совокупностью мероприятий, целью которых выступает выполнение предписаний, регулирующих процедуру появления, становления и защиты формирующих ее правоотношений.

Проанализировав доктринальные положения, а также терминологию, установленную действующей в Российской Федерации нормативной базой, мы считаем, что под «обеспечением

безопасного движения на дорогах» следует рассматривать определенные действия субъектов властных полномочий, выражающиеся в оказании влияния на правоотношения в сфере дорожного движения через реализацию комплекса мероприятий, нацеленных на предотвращение предпосылок возникновения аварий, сокращения численности пострадавших и минимизацию имущественных потерь.

На наш взгляд, имеющееся в действующем законодательстве понятие «безопасность дорожного движения» не включает весь перечень

Литература:

1. *Васильева Я.В.* Обеспечение безопасности дорожного движения / Я.В. Васильева // Наука в Центральной России. 2017. № 45.
2. *Головко В.В.* К вопросу о понятии безопасности дорожного движения / В.В. Головко // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1.

охраняемых законом общественных отношений, которые возникают в сфере и в связи с транспортной потребностью общества.

Следует дополнить содержание дефиниции «дорожное движение» за и включить в него общественные отношения, которые формируются в процессе планирования, подготовки и функционирования процесса о пространственного перемещения. Считаем, что в данном контексте предпочтительнее использовать понятие «сфера дорожного движения».

Literature:

1. *Vasilyeva Ya.V.* Ensuring road safety / Ya.V. Vasilyeva // Science in Central Russia. 2017. № 45.
2. *Golovko V.V.* On the question of the concept of road safety / V.V. Golovko // Law and order: history, theory, practice. 2015. № 1.

Штырхунова Наталья Александровна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры гражданского
и международного права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
Milena.555@mail.ru

Голубкина Ксения Вячеславовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
Milena.555@mail.ru

Абрамян Сюзанна Кароевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Государственный морской университет
имени адмирала Ф.Ф. Ушакова
Milena..555@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНТРОЛЬНО-
НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ**

Аннотация. Обеспечение безопасности дорожного движения входит в круг первоочередных задач любого государства. В статье анализируются проблемы, связанные с контрольно-надзорной деятельностью в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Раскрываются вопросы дорожно-транспортной аварийности и эффективности применения видеофиксации правонарушений, проблема которых является актуальной на сегодняшний день. Делается вывод о том, что выяснение причин дорожно-транспортных происшествий является неотъемлемым компонентом системы их сдерживания и условием их эффективного предупреждения.

Ключевые слова: государство, транспорт, безопасность, безопасность дорожного движения, обеспечение, законодательство, контроль, надзор, видеофиксация, правонарушения.

В вопросах повышения эффективности безопасности дорожного движения в рамках системы государственного управления контролю и надзору отводится важная роль. В практике МВД качество контрольной деятельности связывается с установлением высоких требований к сотрудникам полиции, выполняющим эту функцию. В связи с этим важным является противостояние

Natalya A. Shtyrkhunova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil and International Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
Milena.555@mail.ru

Ksenia V. Golubkina

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor of Theory
and the History of the State and Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
Milena.555@mail.ru

Syuzanna K. Abramyan

Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor of Theory
and the History of the State and Law,
State Maritime University
named after Admiral F.F. Ushakov
Milena.555@mail.ru

**SOME ASPECTS OF CONTROL
AND SUPERVISORY ACTIVITIES
IN THE FIELD OF ROAD SAFETY**

Annotation. Ensuring road safety is one of the primary tasks of any state. The article analyzes the problems associated with control and supervisory activities in the field of road safety. The issues of road traffic accidents and the effectiveness of the use of video recording of offenses, the problem of which is relevant today, are revealed. It is concluded that finding out the causes of road accidents is an integral component of the system of their containment and a condition for their effective prevention.

Keywords: state, transport, safety, road safety, provision, legislation, control, supervision, video recording, offenses.

коррупционным факторам и «административным барьерам», препятствующим эффективному решению возникающих проблем.

В последние годы наблюдается снижение аварийности. Во многом это объясняется изменением движения транспорта в условиях пандемии. Передвижение автотранспорта на дорогах

снизились. При этом изменился скоростной режим транспортных средств. Оценивая уровень аварийности в предыдущие годы в период с 2008 по 2020 г. география распределения значений основных показателей дорожно-транспортной аварийности позволяет выделить сформировавшиеся зоны риска, стабильно локализованные в центральной и восточной части Российской Федерации. Кроме того, зоны риска следует рассматривать в ракурсе увеличения зоны рисков в крупных городах. Так, можно предположить, что высокий транзитный потенциал дорожно-транспортной системы территориального субъекта оказывает влияние на количество ДТП, а его социально-экономическое развитие определенным образом влияет на структуру травмирования и, в свою очередь, на тяжесть последствий ДТП.

Основой обеспечения безопасности дорожного движения в перспективе должны выступать концептуальные организационно-правовые основы, направленные на решение двух значимых задач. Во-первых, необходимо устранение угроз безопасности дорожного движения, а во-вторых, в способности надежно им противостоять на основе повышения защищенности от угроз сферы безопасности дорожного движения.

Одним из перспективных направлений контрольно-надзорной деятельности ГИБДД является включение в его работу современных управленческих и техногенных технологий, которые будут способствовать повышению качества выполнения своих обязанностей сотрудниками ГИБДД.

Такой вариант решения проблемы позволит противостоять автолюбителям, злоупотребляющим своим правом в целях уклонения от административной ответственности.

Другой проблемой, связанной с привлечением к административной ответственности лиц, действия которых зафиксировали технические средства слежения, является иностранное гражданство водителя. Согласно действующих правил только личное установление факта административного правонарушения сотрудником ДПС может быть основанием для привлечения к административной ответственности иностранного гражданина.

Много сейчас говорят и пишут о, так называемой, компьютерной зависимости человека. Особенно у молодых: оболваненные ЕГЭ и уничтоженной системой начального образования, игнорируя книги, они существовать не могут без Интернета и всего того, что к нему прилагается: компьютера, планшета, смартфона, игр, Скайпа, так называемых, «социальных сетей» и всяких-разных гаджетов. И их еще и довоспитывают наши средства массовой информации. Участники дорожного движения, выросшие на компьютерных играх, отложили у себя в сознании, что жизнью очень много, как в компьютерной игре. А на дороге такой метод не подходит, дорога, как говорят, не прощает. Конечно же, от научного прогресса нам уже никуда не деться, да и не надо, однако, воспитывать в участниках дорожного движения, что дорога – это опасно нужно на всех этапах развития человека.

Что говорить о наших фильмах и телесериалах, если даже в автомобильных программах пристегиваться стали совсем недавно, да и то не во всех. Нет у нас, к сожалению, не то, что государственной программы – они есть, миллиардные, затратные, многолетние – нет у нас не писанных, но жестких традиций. Переходить на зеленый сигнал светофора и в положенном месте, а также, быть пристегнутым в автомобиле сидя на любом месте и в любом возрасте нужно не для сотрудников ГИБДД, а для собственной безопасности. Это нужно воспитывать у людей, тем самым меняя сознание.

С 90-х годов двадцатого века в РФ резко снизилось число погибших в ДТП с 36 до 20 тыс. человек в год, это один из лучших показателей в мире, так как практически ни одна страна в мире не сокращает смертность на дорогах такими быстрыми темпами. Однако наступил момент, когда снижать смертность становится все сложнее и сложнее, каждая сотня погибших в ДТП это большой комплекс мер:

- строится большое количество дорог по новым технологиям и требованиям;
- дороги оборудуются искусственным освещением, даже в мелких населенных пунктах, большое количество пешеходных переходов оборудовано светофорами и искусственными неровностями, круглогодичное содержание дорог в пригодном для безопасного движения транспортных средств;
- установка технических средств фото-видеофиксации нарушений ПДД;
- своевременное нанесение горизонтальной и вертикальной разметки по всем категориям дорог;
- создание общественных организации по выявлению нарушений ПДД;
- периодическое оснащение подразделений ГИБДД новыми техническими средствами;
- для осуществления БДД, проведение на всех уровнях обучения грамотности по ПДД;
- ужесточение мер наказания за несоблюдения требований ПДД;
- совершенствование процедуры обучения по профессии «Водитель автомобиля» и получения водительского удостоверения. Максимальное исключение кандидатов в водители, не готовых к реальным условиям движения по дорогам общего пользования, постоянное обновление машино-тракторного парка, отвечающего требованиям БДД, в целом по стране, как на предприятиях так и у физических лиц, своевременное внесение изменений в нормативно-правовые документы, регулирующие БДД РФ.

Хотелось бы отметить, что несмотря на то, что в стране снижаются социально-экономические показатели, государственные органы находят средства для обеспечения БДД. С момента

применения видеокамер в механизме надзорной деятельности количество выявляемых правонарушений выросло в 200 раз. В 2017 г. было выявлено 48 млн. нарушений, в 2018 – 60,7, в 2019 – 60,9, в 2020 г. – 61 млн нарушений [1, с. 23]. Эффективность применения видеотраскрипции правонарушений несомненна. Однако в практике их применения имеются и правовые проблемы применения. Среди таковых назовем невозможность привлечь к ответственности лиц, действия которых зафиксировали камеры в автоматическом режиме, если они являются несовершеннолетними или иностранными гражданами. Выход в данной ситуации видится в привлечении к административной ответственности совершеннолетних лиц, которые внесены в полис обязательного страхования автогражданской ответственности. Смысл внедряемого подхода к проведению контрольно-надзорных мероприятий состоит в изменении ориентиров в общении контролирующих органов

Литература:

1. *Галаева О.В.* Анализ структуры, причин и условий дорожно-транспортной аварийности в Российской Федерации за период с 2008 по 2020 год: аналитический обзор / О.В. Галаева, В.С. Боронина, И.Н. Смирнова. М., 2020.

и подконтрольных лиц. В основе их отношений должно лежать взаимное сотрудничество, отказ от стремления добиться всеобщего подчинения. Путем разъяснения правил законодательства о безопасности дорожного движения сотрудники ДПС должны ориентировать участников правоотношений на их соблюдение. В результате их добросовестного выполнения можно добиться снижения количества ДТП.

Таким образом, вышеизложенное дает основания полагать, что для эффективного использования имеющихся сил и средств осуществления контрольно-надзорной деятельности в сфере безопасности дорожного движения целесообразно использовать внести изменения в законодательство, которые будут способствовать снижению уровня аварийности, а также защите жизни и здоровья граждан.

Literature:

1. *Galaeva O.V.* Analysis of the structure, causes and conditions of road traffic accidents in the Russian Federation for the period from 2008 to 2020: an analytical review / O.V. Galaeva, V.S. Boronina, I.N. Smirnova. M., 2020.

Экономюк Виктория Сергеевна
аспирантка,
Российский государственный
университет правосудия
zistabloom@yandex.ru

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ СОВЕРШЕНИИ ТЕЛЕФОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО С ТЕРРИТОРИИ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. Как и любому виду преступлений, телефонному мошенничеству присуща обособленная криминалистическая характеристика. Данный вид преступлений еще недостаточно изучен, особенно в части портрета потенциального потерпевшего. В статье рассматривается криминалистическая характеристика телефонного мошенничества в контексте личности потерпевшего: пол, возраст, семейное положение, место жительства, финансовые привычки, наличие высшего образования.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, телефонное мошенничество, личность потерпевшего, уголовно-исполнительная система.

Проблема телефонного мошенничества все еще не теряет своей актуальности. В течение 2021 года проблема телефонного мошенничества не решилась и не исчезла. Наиболее достоверными представляются статистические данные, заявленные заместителем начальника следственного департамента Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) полковником юстиции Данилом Филипповым: «Всего за 11 месяцев текущего [2021] года сумма причиненного ущерба по данному виду преступлений составляет 45 млрд рублей» Вместе с тем, также были опубликованы данные по количеству совершенных преступлений – 494 тысячи [2].

О проблеме телефонного мошенничества давно известно не только в правоохранительных органах, но и в крупных российских банках. Специалисты банков пристально изучают механизм совершения преступления с позиции движения денежных средств. В годовом отчете ПАО «Сбербанк» за 2017 г., в разделе «лидерство в безопасности», указано, что «Эксперты службы безопасности Сбербанка в режиме 24/7 проводят сбор и анализ наиболее значимой информации по фактам мошенничества, совершаемым в отношении банка и его клиентов» [3].

Viktoriya S. Ekonomiyk
Postgraduate,
Russian State University of Justice
zistabloom@yandex.ru

FORENSIC CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF THE VICTIM DURING THE COMMISSION OF TELEPHONE FRAUD, CARRIED OUT FROM THE TERRITORY OF INSTITUTIONS OF THE PENITENTIARY SYSTEM

Annotation. Like any type of crime, telephone fraud has a distinct criminalistic characteristic. This type of crime has not yet been sufficiently studied, especially in terms of the portrait of the potential victim. The article considers the criminalistic characteristics of telephone fraud in the context of the personality of the victim: sex, age, marital status, place of residence, financial habits, higher education.

Keywords: forensic characteristics, telephone fraud, identity of the victim, penal system.

Таким образом, эксперты Сбербанка через пеленгацию средств сотовой связи и комплектующих к ним, видят напрямую транзакции, связанные с перемещением денежных средств, например, из колоний, тюрем и следственных изоляторов в режиме реального времени.

Для целей понимания актуальности исследуемой проблемы представляется логичным провести подсчеты: численность населения в возрасте от 20 до 60 лет в России составляет около 80 миллионов человек [5]. Необходимо принять условие, что мошенники производят в течение одного года около 70 млн звонков, за один день получается – около 192 тысяч звонков, то есть в час около 8 тысяч звонков. Целесообразно принять за условие, что продолжительность телефонного разговора зависит от реакции потенциальной жертвы. Таким образом, следует предусмотреть три варианта развития событий:

1. Потенциальная жертва уже в начале разговора понимает, что звонок идет от мошенников – длительность соединения одна минута.
2. Потенциальная жертва понимает, что звонят мошенники не сразу, а в процессе общения – длительность соединения три минуты.

3. Потенциальная жертва доверяет мошенникам и сообщает данные о кредитных учреждениях, где открыты банковские счета или производит с ними манипуляции – длительность соединения свыше 10 минут.

Таким образом, для развития доверительного разговора и последующего обмана необходимо как минимум 10 минут непрерывного общения, связанного с возможностью выхода в сеть Интернет для реализации функций банковских приложений. Следует также отметить, что основная часть звонков не дает мошенникам результата, поскольку общество имеет представление о телефонном мошенничестве и быстрее прерывает разговор на фразы «сотрудник безопасности» и другие. Тогда можно принять, что средняя продолжительность телефонного разговора составляет 2 минуты. Дальнейшие расчеты показывают, что каждые 2 минуты в сутки совершается 270 звонков от мошенников, а если брать только дневное время, то количество звонков в течение 2 минут составит около одной тысячи. Такую плотность звонков могут обеспечить только организованные колл-центры (CALL – англ. звонить), которые в своем суммарном составе имеют не одну тысячу человек. Такое количество людей, свободных от официальной трудовой деятельности, имеется только в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

Изучение портрета потенциальной жертвы телефонного мошенничества позволит в будущем эффективнее организовывать и проводить профилактические и просветительские мероприятия по отношению к гражданскому населению с целью предупреждения новых преступлений.

Под угрозу совершения мошенничества попадают чаще всего те лица, сим-карты которых зарегистрированы в городах-миллионниках. Вышесказанное исходит из разумного предположения, что заработная плата и уровень жизни в мегаполисах существенно выше, к примеру, в поселках городского типа, деревнях. Следовательно, указанная категория лиц имеет возможность откладывать на банковские счета накопленные денежные средства на крупные покупки (квартира, машина, предметы роскоши, бытовая техника, дорогостоящее лечение), которые и интересуют злоумышленников.

По данным исследований компании ООО «Бизон» (дочерняя организация ПАО «СБЕРБАНК»), самыми уязвимыми регионами в России оказались города федерального значения: Москва и Санкт-Петербург. На столичный регион приходится 28,8 % всех звонков. Далее идут: Санкт-Петербург и Ленинградская область (8,7 %), Краснодарский край (3,4 %), Свердловская область (3,1 %), Ростовская область (2,4 %), Самарская область (2,3 %). Среди целей мошенников также жители Челябинской, Нижегородской и Новосибирской областей (по 2%), Татарстана и Башкирии (по 1,9 %), а также Красноярского края (1,5 %) [6].

Также, наиболее уязвимой категорией населения при осуществлении мошенничества следует считать пенсионеров, предпенсионеров, инвалидов.

Уважительное обращение по телефону, представление сотрудником службы безопасности крупнейшего банка страны уже заочно вызывает доверие у последних, а уверенный тон и отсутствие времени на размышление лишь способствуют совершению преступления. Однако в категорию потенциальных жертв также может и попасть более молодое работающее население России, поскольку уровень доверия к банковской системе, в целом, достаточно велик. Основной фактор в данных ситуациях – отсутствие времени на принятие решения, а также – страх потери возможности расплачиваться за товары или услуги. Жертва полагает, что простой телефонный звонок способен решить проблему «несанкционированного перевода денежных средств», поскольку на вооружении банков есть, например, системы распознавания голоса, узнающие звонящих и разговаривающих клиентов банка. Исходя из вышесказанного, потерпевшие без подозрений сообщают цифры, приходящие по СМС, и теряют доступ к интернет-банку.

Таким образом, типичными потерпевшими становятся легко внушаемые граждане как молодого, так и старшего поколения, как владеющие, так и невладеющие информационно-коммуникационными технологиями, проживающие в крупных городах и имеющие возможность накапливать капитал.

Жертвами телефонных мошенников могут стать и мужчины, и женщины любого возраста, профессии. Однако существует ряд исследований, обосновывающих определенные возрастные рамки, предположительный пол и род занятий потенциальных жертв. Указанные характеристики формируются исходя из анализа жалоб и заявлений, получаемых от пострадавших. В данном случае, предпочтение следует отдать отчетам банков, поскольку изначально именно они сталкиваются с обманутыми людьми.

Например, ОТП Банк отмечает, что «часто жертвами телефонных преступников становятся мужчины, а люди, состоящие в браке, попадают на уловки социальной инженерии в 2 раза реже, чем неженатые. В сети преступников чаще попадают люди младше 33 лет и старше 68. Кроме того, мошенники чаще пытаются связаться с владельцами кредитных карт, а средний чек успешного мошенничества составляет около 10000 рублей. Наиболее бдительные клиенты ОТП Банка живут на Дальнем Востоке, а самые доверчивые – в южных регионах и на Урале» [4].

Помимо прочего, важным критерием для выбора жертвы является высшее образование. Как правило, люди с высшим образованием зарабатывают больше и, соответственно, сумма подозрительной операции, которая испугает жертву, будет значительно выше. Главным критерием выступает то, что мошенник должен назвать такую сумму, которая теоретически может находиться на банковском счете у жертвы и потеря которой заставит ее нервничать, паниковать и принимать неверные решения. «Чаще всего жертвами

телефонных мошенников, притворяющихся сотрудниками банков, становятся одинокие мужчины в возрасте 28–37 лет с высшим образованием» [1].

Таким образом, существуют объективные и субъективные причины, по которым указанные преступления продолжают совершаться. Более того, число таких злодеяний из года в год имеет

Литература:

1. В России описали портрет типичной жертвы телефонных мошенников URL : <https://lenta.ru/news/2020/12/06/victim/> (дата посещения 17.10.2021).
2. В МВД назвали сумму ущерба от телефонного мошенничества URL : <https://iz.ru/1264176/2021-12-14/v-mvd-nazvali-summu-ushcherba-ot-telefonogo-moshennichestva-s-nachala-goda> (дата посещения 12.03.2022).
3. Годовой отчет ПАО «Сбербанк». URL : <https://2017.report-sberbank.ru/ru/performance-overview/technology/cybersecurity> (дата посещения 27.02.2021).
4. ОТП Банк составил социальный портрет жертвы телефонных мошенников. URL : <https://www.otpbank.ru/about/press-centr/news/0115384/> (дата посещения 17.10.2021).
5. Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 01 января 2020 года URL : https://gks.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm (дата посещения 22.06.2021).
6. Эксперты назвали самые популярные среди телефонных мошенников регионы. URL : https://xco.news/article/2020/12/29/eksperty-nazvali-samy-e-populyarnye-sredi-telefonnyh-moshennikov-regiony?utm_source=email&from=email (дата посещения 18.03.2021).

тенденцию к увеличению. Для наиболее успешной профилактики и раскрытия вышеописанных преступлений необходима научная разработка портрета потенциальной жертвы на основе наполняемых статистических данных о поле, возрасте, семейном положении, месте жительства, финансовых привычках, наличии высшего образования и других характеристиках.

Literature:

1. In Russia they described the portrait of a typical victim of telephone scammers. URL : <https://lenta.ru/news/2020/12/06/victim/> (date of visit 17.10.2021).
2. The Ministry of Internal Affairs named the amount of damage from phone fraud. URL : <https://iz.ru/1264176/2021-12-14/v-mvd-nazvali-summu-ushcherba-ot-telefonogo-moshennichestva-s-nachala-goda> (date of visit 12.03.2022).
3. Annual report of Sberbank PJSC. URL : <https://2017.report-sberbank.ru/ru/performance-overview/technology/cybersecurity> (date of visit 27.02.2021).
4. OTP Bank compiled a social portrait of a victim of telephone fraudsters. URL : <https://www.otpbank.ru/about/press-centr/news/0115384/> (date visited 17.10.2021).
5. Federal State Statistics Service. Population of the Russian Federation by gender and age as of January 01, 2020. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b20_111/Main.htm (date visited 22.06.2021).
6. Experts named the most popular regions among phone scammers. URL : https://xco.news/article/2020/12/29/eksperty-nazvali-samy-e-populyarnye-sredi-telefonnyh-moshennikov-regiony?utm_source=email&from=email (date visited 18.03.2021).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бытко Матвей Александрович
аспирант,
Академия труда и социальных отношений
matveybytko@gmail.com

ОЦЕНКА СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ОСВЕЩЕНИЕМ В ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА

Аннотация. Электричество для освещения составляет 20–60% от общего потребления электроэнергии гостиничными зданиями, а использование надлежащих источников освещения и интеллектуальной системы освещения в большинстве случаев игнорируется дизайнерами и отельерами. Освещение в здании является одним из доминирующих источников потребления электроэнергии, и в связи с этим, требует особого внимания при оптимизации энергопотребления. Автоматическое управление освещением может осуществляться по уровню дневного света, движению людей или расписанию. Эффективное регулирование освещения может обеспечить экономию электроэнергии на 30–40 %.

Ключевые слова: энергоэффективность, энергопотребление, управление освещением, сценарии освещения.

Путь к восстановлению доходов гостиниц после пандемии будет сложным. Отели сталкиваются с реальными проблемами в плане прибыльности из-за снижения доходов и резкого увеличения операционных расходов в результате сбоев в цепочках поставок, нехватки рабочей силы и расходов, связанных с COVID-19. Одним из жизнеспособных и эффективных решений перед лицом этого сценария является повышение энергоэффективности объекта – это оптимальный подход к решению этой проблемы в сегодняшние беспрецедентные времена восстановления после пандемии. Кроме того, понижая энергопотребляемость гостиницы, можно сбросить природные ресурсы. Эффективное регулирование энергопотребления в гостиничной индустрии помогает не только защитить окружающую среду, но и увеличить размер прибыли для гостиничного сектора. В жилом и коммерческом секторах используется почти 40 % всей энергии, используемой в мире, в то время как в европейских странах – 76 % энергии идет на обеспечение комфорта в зданиях и домах: отопление, вентиляцию и кондиционирование воздуха

Согласно исследованию, проведенному в Китае, в гостиничных зданиях следует выбирать соответствующий источник света из-за высоких требований к внутреннему освещению. Светодиодные (LED) источники света могут привести к значительному сокращению потребления электро-

Matvei A. Bytko
Graduate Student,
Academy of Labor and Social Relations
matveybytko@gmail.com

EVALUATION OF LIGHTING CONTROL SYSTEMS IN THE HOSPITALITY INDUSTRY

Annotation. Electricity for lighting is up to 20–60 % of the total hotel buildings' electricity consumption, and the use of proper lighting sources and smart lighting systems is largely ignored by designers and hoteliers. Thus, lighting in a building is one of the dominant sources of electricity consumption, and therefore requires special attention when optimizing energy consumption. Automatic lighting control can be based on daylight levels, people movement or schedule. Efficient lighting control can provide energy savings of 30–40 %.

Keywords: energy efficiency, energy consumption, lighting control, lighting scenarios.

энергии в зданиях. Отмечается, что ключом к эффективному проектированию освещения зданий является замена источников искусственного освещения источниками естественного освещения. Значительную долю в потреблении электроэнергии в коммерческих зданиях занимают системы освещения, а контроль за использованием освещения определяет энергоэффективность коммерческих зданий.

Хоть и существует ряд публикаций, касающихся потребления электроэнергии в гостиничных зданиях, лишь немногие исследователи касаются факторов, влияющих на потребление электроэнергии для освещения, и стремятся разработать подходы к снижению потребления электричества [2].

В последние годы, растущие глобальные экологические проблемы диктуют необходимость принятия экологически чистой политики в отношении недвижимости. Были разработаны некоторые системы оценки «зеленых» зданий, направленные на защиту и сбережение окружающей среды, такие как «Зеленая звезда» в Австралии, «Метод экологической оценки строительных научно-исследовательских учреждений» (BREEAM) в Великобритании, «Комплексная система оценки экологической эффективности зданий» (CASBEE) в Японии, GB/T50378-2014 в Китае и Leadership in Energy and Environmental Design (LEED) в США.

Эти системы учитывают как алгоритм, так и фактические действия для устойчивого ресурсосберегающего развития гостиницы [5].

Компьютеризованное здание или же система «умный дом» — достойное решение для эффективного регулирования энергопотребления в гостиничном секторе. Благодаря системе автоматического управления освещением сокращается время работы осветительного оборудования на основе различных факторов. Наряду с повышением энергоэффективности, автоматическое управление освещением также обеспечивает комфорт гостей. И хотя эффективная экономия энергии может достигать 25–40 %, современные технологии автоматического управления освещением по-прежнему являются слишком дорогими для старых зданий [6]. Автоматическое управление освещением включает в себя переключение или приглушение освещения в зависимости от времени суток, присутствия людей, по уровню освещенности или комбинацию всех трех факторов. Управление, базирующееся на уровне освещенности, позволяет обеспечить большую экономию энергии по сравнению с другими методами, поскольку при этом используется естественный свет в купе с искусственным освещением для максимального комфорта жильцов [1].

При сценарии управления освещением по расписанию, свет включается и выключается в соответствии с рабочим периодом помещений. Управление освещением по расписанию лучше всего подходит для помещений, где требования к освещению могут быть предсказуемы и заранее определены. Управление на основе расписания можно использовать как для внутренних, так и для наружных площадей, например, автоматическое переключение света на парковках, территории перед входом в здание или в открытом саду в зависимости от времени заката и восхода солнца. Аналогичным образом, общие возможности применения такой системы внутри здания могут включать в себя переключение света в комнате для гостей, ресторане, лобби и торговых объектах, график работы которых является фиксированным и предопределенным. Эта методология управления внутренним освещением на основе расписания обычно включает возможность ручного контроля. Сценарий управления светом на основе присутствия гостей использует движение в пространстве для включения/выключения освещения. Например, в вестибюле система управления освещением включает свет при обнаружении любого движения в помещении, в противном случае свет будет либо выключен, либо приглушен до минимального уровня. Данная стратегия лучше всего подходит для помещений, где характер пребывания людей крайне непредсказуем и сильно колеблется. Датчики присутствия/движения используются для обнаружения любого движения людей, и таким образом пространство будет освещаться, только если в помещении находится человек.

Системы управления освещением на основе уровня дневного света управляют освещением в зависимости от наличия дневного света. Данная стратегия позволяет эффективно использовать

любой доступный дневной свет и регулирует количество электрического света таким образом, чтобы можно было достичь целевого уровня освещения. Для этого метода сначала необходимо установить целевое значение яркости, а затем, в соответствии с разницей доступного дневного света и целевого освещения, будет контролироваться мощность электроосвещения. Управление освещением на основе уровня дневного света может быть представлено в двух вариантах: переключение на естественное освещение и диммирование. Система управления переключением дневного света выключит оборудование искусственного освещения, если доступного дневного света достаточно для достижения целевых уровней освещения, с другой стороны, система управления затемнением дневного света будет непрерывно регулировать уровень искусственного освещения, чтобы соответствовать заданному уровню освещенности. Это означает, что переключение на дневной свет осуществляется между двумя фиксированными уровнями светоотдачи, в то время как для затемнения дневного света светоотдача меняется в зависимости от рабочего диапазона. Настройка целевого уровня выходной мощности осветительных приборов зависит от помещения. Например, уровень освещения, необходимый для ресторана и номера, будет абсолютно разным. Проект системы управления на основе дневного света зависит от географического положения здания, ориентации здания относительно сторон света, архитектуры здания (окна, вентиляция и т.д.), размера здания, времени года и т.д., поскольку именно эти факторы и определяют количество доступного дневного света и необходимость в искусственном свете [2].

Система освещения предназначена не только для визуального комфорта гостей, но и для ряда других преимуществ. Согласно оценке ENERGY STAR, если использовать энергоэффективные системы освещения во всех возможных сферах, потребность стран в электроэнергии может сократиться более чем на 30 %, что, в свою очередь, может привести к ежегодному сокращению загрязнения на 202 миллиона тонн двуокиси углерода, более чем на 1,3 миллиона тонн двуокиси серы и на 600000 тонн оксидов азота и т.д. Модернизация освещения — это инвестиции не только в снижение потребления электроэнергии, но и в улучшение характеристик здания в плане поддержки его гостей. Освещение здания напрямую влияет на комфорт, настроение, продуктивность, здоровье и безопасность его посетителей [7].

Кроме того, все системы освещения производят тепло. Освещение, как правило, является крупнейшим источником обработанного тепла, часто называемого «притоком тепла», внутри коммерческих зданий. Повышение эффективности освещения снижает приток тепла, что, в свою очередь, влияет на здание гостиницы: с одной стороны, выработанное тепло является полезным дополнением, когда зданию требуется нагрев, но оно же должно отводиться системой ОВиКВ (отопление, вентиляция и кондиционирование воздуха), когда здание необходимо охладить.

Влияние этого компромисса (потери из-за увеличения затрат на охлаждение по сравнению с бонусом на снижение затрат на отопление) зависит от типа здания, его географического положения и системы ОВиКВ. Хотя затраты на отопление могут возрасти, они редко превышают результирующую экономию на охлаждении, даже в зданиях в северном климате, в которых используется электрическое отопление [6].

В Республике Индия было проведено исследование, ставящее своей целью подтвердить эффективность системы управления освещением на основе уровня дневного света. Данное исследование проводилось с помощью «DesignBuilder». Это уникальный программный инструмент для создания и оценки проектов зданий. Он использует механизм моделирования EnergyPlus для расчета энергоэффективности здания. Согласно данным исследования было установлено, что автоматическое управление освещением может снизить общее годовое потребление энергии на 37,08 % и потребление в освещении на 55,5 %.

Автоматическое управление освещением компенсирует потерю тепла, получаемую от системы освещения за счет сокращения времени работы. Применение автоматического управления освещением снижает потребление энергии для охлаждения помещений гостиницы на 73,41 МВтч, но

Литература:

1. *Чебан А.Н.* Система интеллектуального управления освещением в учебных зданиях / А.Н. Чебан // Наука, образование и экспериментальное проектирование. 2020. № 1. С. 464–465.
2. *Ju J.Q.* Discussion on lighting engineering design of urban buildings / J.Q. Ju, D.H. Chen // Lamps & Lighting. 2019. Vol. 9. № 3. P. 8–10.
3. *Lowry G.* Energy saving claims for lighting controls in commercial buildings / G. Lowry // Energy and Buildings. 2016. Vol. 133. P. 489–497.
4. *Verma N.* Optimized automatic lighting control in a hotel building for energy efficiency / N. Verma, A. Jain // International Conference on Power Energy, Environment and Intelligent Control (PEEIC). 2018. P. 168–172.
5. On optimization of thermal sensation satisfaction rate and energy efficiency of public rooms: A case Study / X. Wang, Y.Qiao, N.Q. Wu, Z.W. Li, T. Qu // Journal of Cleaner Production. 2017. Vol. 176. P. 990–998.
6. *Wen Y.J.* Wireless networked lighting system for optimizing energy saving and user satisfaction / Y.J. Wen, A.M. Agogino // Wireless Hive Networks Conference, 2008. WHNC 2008. IEEE. 2008. P. 1–7.
7. Building Upgrade Manual // Energy Star. URL : <https://www.energystar.gov/buildings/tools-and-resources/building-upgrade-manual> (date of the application 15.01.2022).

при этом одновременно увеличивает потребление тепловой энергии на 30,67 МВтч. Таким образом, потери для охлаждения здания примерно в два раза больше по сравнению с потерями для отопления, поэтому технология управления освещением обеспечивает повышение энергоэффективности. Теперь это компромисс между энергопотреблением охлаждения и отопления здания, который в свою очередь зависит от географического расположения недвижимости [4].

В заключение хотелось бы отметить, что электроэнергия для освещения составляет значительную долю от общего потребления электричества гостиничными зданиями. Тем не менее, разумный выбор источников освещения и применение интеллектуальной системы освещения в большинстве случаев игнорируются дизайнерами и персоналом по управлению недвижимостью, что приводит к огромным потерям энергии.

В ходе тематического исследования было показано, что управление освещением может снизить годовое общее потребление энергии на 30–40 %, а потребление энергии на освещение – на 50–55 %. Однако фактическая экономия за счет управления освещением зависит от типа системы управления освещением, а также географического расположения здания гостиницы.

Literature:

1. *Cheban A.N.* System of intelligent lighting control in educational buildings / A.N. Cheban // Science, education and experimental design. 2020. № 1. P. 464–465.
2. *Ju J.Q.* Discussion on lighting engineering design of urban buildings / J.Q. Ju, D.H. Chen // Lamps & Lighting. 2019. Vol. 9. № 3. P. 8–10.
3. *Lowry G.* Energy saving claims for lighting controls in commercial buildings / G. Lowry // Energy and Buildings. 2016. Vol. 133. P. 489–497.
4. *Verma N.* Optimized automatic lighting control in a hotel building for energy efficiency / N. Verma, A. Jain // International Conference on Power Energy, Environment and Intelligent Control (PEEIC). 2018. P. 168–172.
5. On optimization of thermal sensation satisfaction rate and energy efficiency of public rooms: A case Study / X. Wang, Y.Qiao, N.Q. Wu, Z.W. Li, T. Qu // Journal of Cleaner Production. 2017. Vol. 176. P. 990–998.
6. *Wen Y.J.* Wireless networked lighting system for optimizing energy saving and user satisfaction / Y.J. Wen, A.M. Agogino // Wireless Hive Networks Conference, 2008. WHNC 2008. IEEE. 2008. P. 1–7.
7. Building Upgrade Manual // Energy Star. URL : <https://www.energystar.gov/buildings/tools-and-resources/building-upgrade-manual> (date of the application 15.01.2022).

Владимиров Дмитрий Юрьевич

студент 4 курса,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
vladimiroff1111@gmail.com

Мисиркаева Карина Рахмановна

студентка 4 курса,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
misirkaevakr@gmail.com

**СИСТЕМА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ
ПЛАТЕЖЕЙ ПРИ НЕГАТИВНОМ
ВОЗДЕЙСТВИИ НА ОКРУЖАЮЩУЮ
СРЕДУ, ЕЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В данной статье рассмотрены тенденции развития экологических сборов в России и Европейском Союзе, а также их проблемы и недостатки. Основной упор авторами статьи делается на негативных сторонах придания платежам статуса налоговых, в частности, на отсутствие целевого характера потенциального налога. Актуальность статьи заключается в возросшей необходимости переосмысления концепции экологических платежей, а также переориентации развитых стран в данном направлении. Научная новизна состоит в детальном изучении и анализе новейших изменений, связанных с экологической концепцией.

Ключевые слова: «Зеленая сделка», экологический налог, плата за негативное воздействие на окружающую среду, трансграничное углеродное регулирование, экологические сборы, неналоговые платежи, экология, принцип «загрязнитель платит».

Введение.

В XXI веке особенно актуальными стали проблемы охраны окружающей среды.

Неналоговые платежи являются неотъемлемой частью доходов страны, и, в частности, имеют колоссальное значение в регулировании экологических вопросов. Основными экологическими платежами смело можно назвать плату за негативное воздействие на окружающую среду, утилизационный и экологический сборы. Они указаны в Федеральном законе «Об отходах производства и потребления» и «Об охране окружающей среды». Несмотря на то, что первые экологические неналоговые платежи были введены уже более 20 лет назад, данный механизм постоянно совершенст-

Dmitry Yu. Vladimirov

4th year Student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
vladimiroff1111@gmail.com

Karina R. Misirkaeva

4th year Student,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
misirkaevakr@gmail.com

**SYSTEM OF ENVIRONMENTAL
PAYMENTS WITH NEGATIVE IMPACT ON
THE ENVIRONMENT, ITS IMPROVEMENT
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Annotation. This article considers the trends in the development of environmental charges in Russia and the European Union, as well as their problems and shortcomings. The article focuses on the negative aspects of making payments tax, in particular, the lack of a targeted nature of the potential tax. The relevance of the article lies in the increased need to rethink the concept of environmental payments, as well as the reorientation of developed countries in this direction. The scientific novelty consists in the detailed study and analysis of the latest changes related to the ecological concept.

Keywords: «Green Deal», environmental tax, negative environmental impact fee, Carbon Fiber Adjustment Mechanism, environmental fees, non-tax payments, ecology, «polluter pays» principle.

уется и с каждым годом вносятся все новые и новые изменения.

Внедрение новых неэкологических производств, продолжение работы устаревших предприятий, которые создавались, когда экологические проблемы еще не поднимались на обсуждение ведущими странами мира – все это пагубно влияет на общую экологическую обстановку в отдельных странах и мире в целом, а значит, влияет на качество жизни населения.

Каждое государство заинтересованно в экологическом регулировании, именно поэтому введение и применение различных экологических сборов и налогов становятся важной задачей налоговых систем стран. Таким образом, совершенство-

вание систем налогообложения с целью осуществления должного регулирования национальной экологической обстановки становится одной из приоритетных государственных задач.

В статье рассмотрены существующие неналоговые платежи, возможные нововведения, а также опыт зарубежных стран в сфере экологического налогообложения.

Целью статьи является анализ системы платежей в экологической сфере Российской Федерации, а также формирование направлений развития этой системы.

Исходя из цели исследования, были поставлены такие задачи, как:

- выявление и характеристика основных элементов неналоговых экологических платежей;
- рассмотрение последних тенденций развития экологического законодательства в Российской Федерации и Европейском Союзе;
- имплементация зарубежного экологического опыта в отечественную практику.

Объектом исследования работы является система неналоговых экологических платежей в России и за рубежом.

Предметом исследования работы являются пути становления и механизм реализации экологического налогообложения в современных условиях.

Теоретические и методологические аспекты вопроса экологического налогообложения изучались в работах таких экономистов, как У. Баумоля, Л.Х. Гоулдера, Дж. Стиглица, А. Пигу, Р. Коза, Л.И. Якобсона, Р.Г. Ахмадеева, Н.В. Васильевой, С.П. Колчина, М.Е. Косова, Я.Я. Ивановой, Е.Б. Шуваловой, Н.Н. Яшаловой. Видение системы налогообложения в России, в том числе, в части системы экологических платежей, на современном этапе развития рассматривается в работах Н.Н. Башкировой, М.С. Гордиенко, В.В. Громова,

А.П. Кириенко, Т.А. Малининой, Н.В. Сибатулиной, Ю.Н. Солнышковой, Е.С. Суровцевой, А.О. Титовой и других. Кроме того, для изучения темы были использованы данные по поступлениям экологических платежей Российской Федерации из открытых источников в сети «Интернет», отечественное и европейское законодательство по данному вопросу.

Научная новизна состоит в рассмотрении альтернативных подходов к реализации механизма экологического налогообложения с учетом позитивного опыта зарубежных стран и общей мировой тенденции.

Действующая система экологических неналоговых платежей и ее проблемы в России.

На данный момент российская система экологических сборов и платежей включает в себя:

- плату за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС);
- экологический сбор;
- утилизационный сбор.

Кроме того, экологический характер имеют и следующие неналоговые платежи:

- плата за пользование лесными ресурсами/водными объектами;
- сбор за участие в аукционе на пользование недрами;
- платежи за пользование недрами (разовые и регулярные).

Все указанные платежи стимулируют плательщика к рациональному использованию окружающей среды и сокращению негативного воздействия на нее. Динамика поступлений в консолидированный бюджет России по экологическим платежам за несколько лет представлена в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Поступления неналоговых платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации (млрд руб.)

Неналоговый платеж	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Утилизационный сбор	84,70	137,10	205,90	263,20	225,78	364,3	537,21
Экологический сбор	–	–	1,30	2,60	2,47	3,99	5,24
Плата за негативное воздействие на окружающую среду	5,40	1,10	0,70	0,65	0,65	0,68	0,73

В своём докладе Бато-Жаргал Жамбалнимбуев [6, с. 68] прояснил, что уменьшение доходов по плате за НВОС с 2016 года произошло в связи с тем, что в законодательство были внесены некоторые изменения, а именно:

- было исключено использование специального коэффициента при исчислении платы за НВОС к юридическим лицам, которые работают на территории Крайнего Севера;

- из перечня загрязняющих веществ были исключены некоторые вещества, оказывающие пагубное воздействие на здоровье человека и экологическую среду (например, были исключены сажа (углерод) и оксид железа, которые относятся к III классу опасности).

Плата за негативное воздействие на окружающую среду (плата за НВОС) – метод осуществления контроля за состоянием экологии в Российской Федерации со стороны государства. Другими

словами, благодаря ей теоретически должен реализовываться принцип «загрязнитель платит».

Негативное воздействие на окружающую среду представляет собой:

- выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, созданные перемещаемыми источниками;
- загрязнение водных объектов;
- сокрытие отходов производства путем их захоронения.

Ставки платы за НВОС, как и повышающие коэффициенты, определяются Правительством Российской Федерации, варьируются от непосредственно загрязняющего вещества (отхода) и изменяются каждый год.

Стоит отметить, что целевое назначение данного платежа не предусмотрено, а, следовательно, доходы от него могут идти на различные нужды.

Сам Федеральный закон «Об охране окружающей среды» с момента своего появления изменялся 55 раз без учета изменений, внесенных определением Конституционного суда Российской Федерации от 10.12.2002, которое изменило налоговый статус данного платежа на неналоговый. Последнее изменение Закона датируется 26 марта 2022 года, что говорит о несомненной актуальности и важности проблемы охраны окружающей среды.

Стоит учесть, что плата за НВОС может быть снижена до нуля. Это возможно, если предприятия применяют наилучшие доступные технологии (НДТ).

Следующим рассматриваемым неналоговым платежом, направленным на сохранение окружающей среды, является экологический сбор. Сущность экологического сбора заключается в уплате компаниями условного «штрафа» за нарушение или невыполнение норм утилизации отходов, возникших в результате производства или импорта товаров, включая их упаковку.

Не все предприятия платят экологический сбор. Законодательство устанавливает конкретный перечень товаров, которые подлежат обложению данным платежом [11]. Необходимость взимания сбора возникает, если импортеры и/или производители данных товаров не могут самостоятельно обеспечить утилизацию отходов от их использования, а также в случае несоответствия установленных нормативов утилизации.

Утилизационный сбор был введен в 2012 году, после вступления Российской Федерации во Всемирную Торговую Организацию. В результате присоединения к ВТО, России пришлось снизить ввозные таможенные пошлины, что, несомненно, могло сказаться на многих отраслях, среди которых автомобильная промышленность [12]. Соответственно, новый неналоговый платеж вводился в большей степени для поддержки автопрома.

Утилизационный сбор представляет собой разовый платеж, выплачиваемый:

1. Производителями транспортных средств, изготовленных в России;
2. Импортерами т/с, ввезенных в Россию.
3. Покупателями транспортных средств, по которым не уплачен утилизационный сбор. Это означает, что сбор уплачивается, если транспортное средство было приобретено у тех, кто:
  - не уплатил утилизационный сбор при условии, что должен был это сделать;
  - был освобожден от уплаты сбора.

Если данный платеж не будет уплачен, то транспортное средство не будет зарегистрировано.

С каждым годом проблема экологии, как в России, так и в странах третьего мира и Азии, ощущается все сильнее. Этому способствует человеческий фактор, а именно, свалки отходов, технологические катастрофы, а также высокоэффективные, но вредные производства. Нельзя не отметить, что чрезмерное использование природных ресурсов приводит к истощению Земли, увеличению степени ее загрязнения, а также повышению концентрации парниковых газов.

Однако существующая модель взимания денежных средств на экологические нужды нельзя назвать эффективной. В системе налогов и сборов Российской Федерации главенствующей является фискальная функция. Кроме того, для большинства платежей не установлено целевое назначение. Экологические проблемы страны невозможно решить путем простого повышения ставок, поскольку полученные за счет экологических платежей средства «растворяются» в общем объеме поступлений и далеко не всегда идут на предотвращение экологических проблем.

В Российской Федерации дважды предпринимались попытки ввести в НК РФ главу «Экологический налог», но сложность реализации механизма эффективного влияния на состояние экологии через налоговые механизмы пока не позволяет изменить статус этих платежей.

Зарубежный опыт.

Европейские страны, в отличие от Российской Федерации, преуспели в создании и развитии экологических платежей. Так, в нашей стране нет четкой трактовки понятия «экологический платеж», не созданы условия для эффективного распределения полученных средств в пользу решения экологических проблем. Другими словами, на данный момент можно заявлять, что экологическая политика государства малоэффективна.

Статистическая служба Европейского союза в 2013 году в журнале «Smarter, greener, more inclusive. Indicators to support the Europe 2020 strategy» [13, с. 22–26] определила дефиницию «экологический налог». Она трактует его как обязательный платеж, взимаемый с «физической

единицы», то есть конкретного объекта, оказавшей негативное влияние на окружающую среду.

Как уже было отмечено ранее, российские платежи, которые должны были быть направлены на восстановление окружающей среды, по своей сути выполняют лишь фискальную функцию. С другой стороны, если рассматривать опыт стран Евросоюза, экологические платежи могут и способны стимулировать предприятия к снижению токсичных и вредных производств в пользу более экологически чистых вариантов.

Основной принцип, по которому строится экологическое налогообложение в развитых странах, называется «загрязнитель платит». Суть его состоит в финансировании мероприятий по восстановлению экосистемы со стороны фирм-загрязнителей, а также, обложение налогами тех объектов, которые вызывают непосредственно загрязнение. Что касается России, данный принцип соблюдается лишь косвенно. Предприятия платят сборы не для восстановления окружающей среды, а, чтобы иметь право ее загрязнять. Такой вывод можно сделать, поскольку платежи не имеют целевого характера, и, кроме того, ввиду их небольшого размера, они не способны существенно стимулировать плательщиков отказываться от вредных производств в угоду решению экологических проблем.

Российское природоохранное законодательство может использовать опыт Германии в вопросе решения экологических проблем на практике. Для сравнения проанализируем транспортный налог в двух странах. В России данный платеж не направлен на защиту окружающей среды, а лишь на восстановление и создание дорожного покрытия. Расчет налога в Германии специфичен. Его сумма зависит от объема и типа двигателя, наличия или отсутствия каталитического нейтрализатора, уровня выбросов в атмосферу CO₂ и срока полезного использования автомобиля. Жители Германии – владельцы старых автомобилей, двигатель которых морально устарел, а его вред окружающей среде велик, платят довольно внушительную сумму налога. Соответственно, можно сделать вывод, что немецкое правительство старается сократить влияние загрязняющих транспортных средств на экологию. В Российской Федерации указанной зависимости практически нет.

Экологическую модель исчисления транспортного налога приняло множество стран, среди которых Германия, США и Израиль. В России налоговая база по транспортному налогу практически никак не коррелирует с вредом, наносимым транспортным средством окружающей среде. Несмотря на то, что в НК РФ введен пункт, согласно которому регионы могут изменять ставки налога в зависимости от экологического вреда транспорта, на практике такая система применяется в ничтожно малом количестве субъектов. Так, происходят ситуации, когда владельцы старых автомобилей с высокими выбросами CO₂ в атмосферу платят меньшие налоги, чем те, что пользуются более экологически безвредным транспортом.

Последние инициативы в области экологического налогообложения и их влияние на Россию.

1. Экологический налог.

Как говорилось ранее, на данный момент экологический налог не введен, несмотря на то, что дискуссии о поправках в первую и вторую главы Налогового кодекса ведутся почти 20 лет. Тем не менее, не только неналоговые платежи при природопользовании, но и некоторые налоги и сборы можно считать экологическими, в какой-то мере косвенно. Так, к «экологическим» налогам можно отнести:

- НДС (налог на добычу полезных ископаемых);
- НДС (налог на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья);
- сбор за пользование объектами животного мира;
- сбор за пользование объектами водных биологических ресурсов;
- водный налог.

Отнесение данных налогов к разряду «экологических» неслучайно. Каждый из этих платежей, так или иначе, связан с использованием природных ресурсов, либо направлен на то, чтобы в той или иной степени компенсировать вред, причиненный экологии. Однако упор на фискальную функцию не позволяет данным платежам оказывать должное влияние на проведение мероприятий по улучшению экологического состояния страны. Основным компонентом системы платежей за НВОС является собственно плата за негативное воздействие на окружающую среду.

Как было отмечено ранее, размер платы зависит от вида и степени нанесенного экологии ущерба, а также - непосредственно количества выбросов. Также, предусмотрены льготы и вычеты компаниям, проводящим мероприятия по снижению выбросов вредных веществ. Данный неналоговый платеж, несомненно, схож на экологические налоги в зарубежных странах.

Однако существенным отличием, не позволяющим говорить об эффективности платы, можно считать отсутствие целевого назначения. Без него невозможно создать эффективный механизм поддержания и восстановления экосистемы. Кроме того, ставки неналогового платежа несоизмеримо малы по сравнению с нанесенным экологии ущербом, что не дает возможности создать резервы для перехода на экологически безопасное производство.

Существенные попытки изменить текущее положение были предприняты в 2018 году вместе с внесением законопроекта о преобразовании платы за негативное воздействие на окружающую среду в экологический налог, а также, внесением в НК РФ 5 неналоговых платежей [14]. Однако на данный момент его реализация отложена на

неопределенный срок в связи существенным экономическим спадом, вызванным спорными политическими решениями, последующим финансовым кризисом и нежеланием правительства увеличивать налоговое бремя в столь тяжелое время.

По сути, происходит дублирование существующих норм в части платы за НВОС в новой главе НК РФ [14]. Но при этом увеличивается ответственность (административная, налоговая, уголовная) по данным платежам при присвоении им статуса налога. Это приведет к росту бюджетных поступлений, которые далее могут помочь в реализации экологической политики в государстве. Еще одним достоинством закрепления неналоговых платежей в НК РФ является то, что в одном нормативно-правовом акте будет собрана вся необходимая информация относительно этих платежей, в частности, порядок взимания. А также – немаловажно то, что такое нововведение способно оказать стимулирующее воздействие на предприятия по внедрению современных экологически чистых технологий, так как организации не выгодно увеличивать свою налоговую нагрузку из-за «грязного» производства. Для реализации стимулирующей функции необходимо применять метод «кнута и пряника»: поощрять экологичные производства теми или иными льготами, и подвергать санкциями в случае значительного ущерба национальной экологической системе.

Следовательно, введение экологического налога в налоговую систему Российской Федерации имеет как плюсы, так и минусы.

Во-первых, главная цель любого налога – это финансирование деятельности как государства в целом, так и субъектов Российской Федерации, а также – муниципальных образований. Полученные средства от нового налога будут направляться в общие доходы государства, что может привести к их неэффективному распределению.

Во-вторых, введение экологического налога способно снизить темпы роста производства и не лучшим образом сказаться на экономической ситуации в стране, потому что дополнительный налог – это дополнительная нагрузка на бизнес. В таком случае введение экологического налога справедливо сопровождается снижением налоговой нагрузки по иным налогам, так как общая налоговая нагрузка налогоплательщиков должна измениться не столь существенно.

В-третьих, мелкие предприятия не смогут обеспечить инвестирование в экологически чистые способы производства, что будет провоцировать их платить налог (так как он окажется дешевле новых вложений), а это, наоборот, приведет к большему загрязнению окружающей среды, что противоречит экологической политике России.

2. Трансграничное регулирование углеводородов («Зеленые налоги» ЕС).

Ко второму кварталу 2021 года Европейская комиссия опубликовала проект трансграничного углеродного регулирования (ТУР). Эта инициатива

предполагает введение налога на выбросы углекислого газа, образующегося в результате ввоза на территорию ЕС определенных видов продукции.

Цель данного нововведения – уменьшение выбросов парниковых газов до уровня начала 20 века. В процентном соотношении это сокращение будет составлять 55 % к 2030 году. Кроме того, к 2050 году в Европейском союзе планируется достичь так называемой «углеродной нейтральности». Она представляет собой обязанность предприятий к сокращению выбросов вредных газов до нуля, или же компенсировать их за счет специальных проектов, направленных на поглощение данных газов из атмосферы.

Налог планируется ввести с января 2023 года, но пока неопределенным остается размер его ставки. Предварительно её величина должна составлять 52 евро за тонну CO₂. ЕС намерен путем введения ТУР защитить интересы своих компаний, так как, по мнению Еврокомиссии, им придется вступать в конкурентную борьбу с компаниями из других стран, углеродное регулирование в которых является менее жестким, чем в ЕС. Однако власти Российской Федерации готовы оспаривать ТУР в рамках этой организации, так как видят в подобных действиях нарушение положений ВТО. В первую очередь, при создании данного механизма не учитываются проводимые Россией меры по внедрению НДТ, потенциал российских лесов, которые в большей степени нейтрализуют выбросы газов не только российских, но и зарубежных производителей.

Что касается Российской Федерации, отечественные поставщики, несомненно, почувствуют влияние данного налога, ведь доля Европейского союза в экспорте Российской Федерации составляет уже более 46 % на 2021 год, даже, несмотря на санкции. И негативное влияние нового механизма станет ощутимо не только непосредственно экспортерам, но и их поставщикам сырья, комплектующих или материалов. Прямые потери российских экспортеров оценивают на уровне \$3–4,8 млрд в год [2].

Однако из-за очередной напряженной ситуации в мировом сообществе, вопрос о введении трансграничного регулирования углеводородов откладывается снова.

Несмотря на сложности, представляется, что введение трансграничного углеродного регулирования может дать российским компаниям преимущества по отношению к некоторым конкурентам, в частности к одному из главных мировых экспортеров – Китаю. Это связано с тем, что большая часть поставок из КНР – это электроника, машиностроение, а также – товары массового потребления. Их производство, несомненно, связано с неоднократным выделением углеродного следа, что может повысить средний уровень налога, уплачиваемого в Китае. Для сравнения, в России основными статьями экспорта являются минеральные ресурсы (43,7 %) [10], в том числе, сырая нефть, природный газ и уголь. Эти производства

можно отнести к первичным, следовательно, количество вырабатываемых выбросов CO₂ будут существенно ниже.

Трансграничное углеродное регулирование является частью «Зеленой сделки» (European Green Deal). Она представляет собой стратегию экономического развития, целью которой является достижение упомянутой выше «углеродной нейтральности». Основными задачами данного соглашения можно назвать:

- повышение эффективности использования ресурсов;
- создание циркулярной экономики;
- восстановление биосферы, биологического разнообразия;
- уменьшение загрязнения атмосферы.

Следует отметить, что реализация сделки затронет экономики стран не только ЕС, но и их контрагентов. Результатом этого будет являться отказ от использования загрязняющих энергоресурсов в пользу более экологических источников.

Выводы и направления совершенствования.

Система экологического налогообложения, которая действует в России сейчас, не отвечает требованиям эффективности экологического производства, не может обеспечить устойчивое развитие в современной ситуации и не справляется со своей основной задачей – минимизацией вреда, оказываемого окружающей среде.

Попытки Правительства исправить ситуацию с экологическими сборами путем введения налога, не смогут обеспечить достижение главной цели экологических платежей – снижение негативного воздействия при повышении уровня комплексного экологического производства. На государственном уровне целесообразно ставить цель

Литература:

1. *Анисимов А.* Правовая природа платежей за негативное воздействие на окружающую среду и перспективы перехода России к экологическому налогу / А. Анисимов, Д. Моторин. М. : Юридические науки. 2019. С. 97–104.
2. В Россию приходит внешнее углеродное регулирование. Электрон. текстовые дан. М. : [б.и.], 2020. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4433491>
3. *Копайгородская А.* Особенности экологического налогообложения в России и за рубежом / А. Копайгородская. М. : Скиф. Вопросы студенческой науки, 2020. № 4. С. 302–307.
4. *Кутырев Г.* Пограничный корректирующий механизм ЕС как фактор влияния на внешнеэкономическую деятельность РФ / Г. Кутырев, А. Апасова // Вестник Московского университета имени

повышения эффективности экологического налогообложения посредством формирования экологического фонда, который позволит финансировать природоохранные мероприятия и поможет в восстановлении окружающей среды.

Из приведенного анализа можно вывести несколько принципов эффективного построения системы экологического налогообложения:

- то, что оказывает вред окружающей среде, а именно источник загрязнения или объект, непосредственно связанный с этим источником, признается объектом налогообложения, то есть, реализуется принцип «загрязнитель платит»;
- справедливая градация налоговых ставок в зависимости от вида и величины наносимого ущерба, таким образом, чтобы более «тяжелому» загрязнению окружающей среды соответствовали более высокие ставки, как, например, в части транспортного налога в Германии;
- экологическое налогообложение должно быть в равной степени рационально и справедливо как для крупных и мелких предприятий, так и физических лиц;
- применение системы различного рода льгот с целью поощрения экологически направленных предприятий, а для тех, кто не готов ответственно относиться к экологии, необходимо применение различных санкций;
- полученные от экологических налогов средства, которые поступают в бюджет, должны направляться исключительно на мероприятия по улучшению экологической обстановки в стране.

Налоговые механизмы, действующие в стране, также должны оказывать стимулирующее воздействие на граждан с целью применения инновационных ресурсосберегающих, а главное – эффективных технологий.

Literature:

1. *Anisimov A.* Legal Nature of Payments for Negative Impact on the Environment and Prospects of Russia's Transition to Environmental Tax / A. Anisimov, D. Motorin. M. : Legal Sciences. 2019. P. 97–104.
2. External carbon regulation comes to Russia. Electron. text dan. M. : [b.i.], 2020. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/4433491>
3. *Kopaygorodskaya A.* Features of environmental taxation in Russia and abroad / A. Kopaygorodskaya. M. : Skif. Student Science Issues, 2020. № 4. P. 302–307.
4. *Kutyrev G.* Border adjustment mechanism of the EU as a factor of influence on foreign economic activity of the Russian Federation / G. Kutyrev, A. Apasova // Vestnik of S. Y. Witte Moscow University.

- С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2020. № 4(35). С. 58–64.
5. Налоговый кодекс РФ. Часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ // КонсультантПлюс. URL : <http://www.consultant.ru/>
6. Отчет о работе счетной палаты за 2018 год. URL : <https://ach.gov.ru/promo/annual-report-2018/annual-report-2018.pdf>
7. Пискулова Н. «Зеленая сделка»: риски и возможности для ЕС и России / Н. Пискулова, // Российский совет по международным делам. 2021. URL : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zelenaya-sdelka-riski-i-vozmozhnosti-dlya-es-i-rossii/> (дата обращения 18.02.2022).
8. Попков В. По углеродному следу / В.Попков // Эксперт. 2021. №16. С. 33–38.
9. ТЭК России: функционирование и развитие за 2021 год. Электронные текстовые данные. М. : [б.и.], 2022. URL : <https://minenergo.gov.ru/system/download-pdf/20322/154189>
10. Экспорт из России за 2021 год. Электронные текстовые данные. М. : [б.и.], 2022. URL : <https://ru-stat.com/>
11. Постановление Правительства РФ от 09.04.2016 № 284 («Об установлении ставок сбора по каждой группе товаров, группе упаковки товаров, отходы от использования которых подлежат утилизации, уплачиваемого производителями товаров, импортерами товаров, которые не обеспечивают самостоятельную утилизацию отходов от использования товаров (экологического сбора»)). URL : <http://www.consultant.ru>
12. Письмо Минэкономразвития Российской Федерации от 20.12.2011 № ОГ-Д12-2548.). URL : <http://www.consultant.ru>
13. Smarter, greener, more inclusive. Indicators to support the Europe 2020 strategy, Eurostat, 2013. P. 22–26.
14. Проект Федерального закона «О внесении изменений части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» от 13.08.2018. URL : <https://regulation.gov.ru/projects#npa=83016>
- Series 1: Economics and Management. 2020. № 4(35). P. 58–64.
5. Tax Code of the Russian Federation. Part One. Dated 31.07.1998 146-F3 // ConsultantPlus. URL : <http://www.consultant.ru>
6. Account report for 2018. URL : <https://ach.gov.ru/promo/annual-reportr2018/annual-reportr2018.pdf>
7. Piskulova N. «Green Deal»: Risks and Opportunities for the EU and Russia / N. Piskulova // Russian Council for International Affairs. 2021. URL : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zelenaya-sdelkariski-i-i-vozmozhnosti-yadl-yabasedi-rossii/> (date of application 18.02.2022).
8. Popkov V. Carbon Footprint / V. Popkov // Expert. 2021. № 16. P. 33–38.
9. The Russian TES: functioning and development for 2021. Electronic text data. M. : [b.i.], 2022. URL : <https://minenergo.gov.ru/system/download-pdf/20322/154189>
10. Exports from Russia for 2021. Electronic text data. M. : [b.i.], 2022. URL : <https://ru-stat.com/>
11. Decree of the Government of the Russian Federation dated 09.04.2016 № 284 («On establishing collection rates for each group of goods, group of packaging of goods, waste from the use of which is subject to disposal, paid by manufacturers of goods, importers of goods that do not ensure independent disposal of waste from the use of goods (environmental collection»)). URL : <http://www.consultant.ru>
12. Letter from the Ministry of Economic Development of the Russian Federation from 20.12.2011 OG-D12-2548. URL : <http://www.consultant.ru>
13. Smarter, greener, more inclusive. Indicators to support the Europe 2020 strategy, Eurostat, 2013. P. 22–26.
14. Draft Federal Law «On Amendments of Parts 1 and 2 of the Tax Code of the Russian Federation» from 13.08.2018. URL : <https://regulation.gov.ru/projects#npa=83016>

Попова Юлия Александровна

старший преподаватель,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
yropova1212@gmail.com

Julia A. Popova

Senior Lecturer,
Financial University under the Government
of the Russian Federation Federations
yropova1212@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЁТА ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ

PROBLEMS OF ACCOUNTING OF FIXED ASSETS

Аннотация. С начала 2022 года все без исключения хозяйствующие субъекты (исключение – бюджетные организации) должны применять в системе учёта ФСБУ 6/2020 «Основные средства». Трансформация национальной системы учёта определяет объект исследования – федеральная система бухгалтерского учёта. Предмет исследования – объекты основных средств, как комплексный элемент системы бухгалтерского учёта. Цель исследования – представить и раскрыть содержание особенностей в части изменения бухгалтерского учёта основных средств. Задачи исследования: 1. Изучение и теоретический анализ работ отечественных специалистов и учёных; 2. Выявление проблемных областей новой системы учёта основных средств; 3. Формулирование объективных и научно-обоснованных результатов исследования. Методология исследования – предметно-концептуальный подход, базирующийся на общенаучных методах бухгалтерского учёта. Результаты исследования – выявлены проблемные области, представлены эвристические и научно-обоснованные способы решения проблем учёта.

Annotation. From the beginning of 2022, without exception, all economic entities (with the exception of budgetary organizations) must apply the accounting system of FSB 6/2020 «Fixed assets». The transformation of the national accounting system determines the object of the study – the federal accounting system. The subject of the study is the objects of fixed assets as a complex element of the accounting system. The purpose of the study is to present and disclose the content of the features in terms of changes in the accounting of fixed assets. Research objectives: 1. Study and theoretical analysis of the works of domestic specialists and scientists; 2. Identification of problem areas of the new system of fixed assets accounting; 3. Formulation of objective and scientifically based research results. The research methodology is a subject-conceptual approach based on general scientific accounting methods. The results of the study – identified problem areas, presented heuristic and scientifically-based ways to solve accounting problems.

Ключевые слова: оценочные значения, амортизация, балансовая стоимость, учёт объектов, способ ведения бухучёта.

Keywords: estimated values, depreciation, book value, accounting of objects, method of accounting.

Основная часть. Начиная с 2022 года, утвержден обязательный порядок применения стандартов бухучёта ФСБУ 6/2020 для всех субъектов экономических отношений (за исключением бюджетных организаций). В данном стандарте меняется группировка (состав) основных средств, также система и порядок учёта амортизации для целей воспроизводства основных фондов. В отечественных исследованиях справедливо отмечается, что в ФСБУ 6/2020: «...ввёл отдельные новые понятия и нормативно закрепил ряд понятий, которые традиционно использовались на практике» [1, с. 371]. Действительно, с 2022 года возник ряд дискуссионных предметных областей: «...сохраняющиеся дискуссионные аспекты» [2, с. 49]. Выделим две основных проблемных области:

и её трактовка на законодательном и нормативном уровне реализована в России впервые. Фактически, справедливая стоимость, это зафиксированная рыночная стоимость на момент совершения сделки. То есть, законодательно справедливая стоимость наиболее близка к понятию «рыночная стоимость» как наиболее вероятной цены сделки, а справедливая стоимость – цена свершившейся сделки. Проблемой является механизм оценки справедливой стоимости, который хоть и представлен в Международном стандарте финансовой отчетности (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости» [4], но реализовано это в крайне «размытой» технической форме, то есть, чёткого количественного алгоритма определения справедливой стоимости не представлено. Подобный факт вызывает определённые методические сложности переоценки основных средств.

1. Переоценку основных средств по справедливой стоимости. Сама концепция справедливой стоимости не нова [3], но содержание концепции

На рисунке 1 представим справедливую стоимость, исходя из переоценки основных средств.

Оценка основных средств по переоценённой стоимости	Справедливая стоимость таких ОС	п. 15 ФСБУ 6/2020
Капитальные вложения по договорам, предусматривающим исполнение обязательств (оплату) полностью или частично неденежными средствами	Справедливая стоимость передаваемых имущества, имущественных прав, работ, услуг или Справедливая стоимость приобретаемых имущества, имущественных прав, работ, услуг, включаемых в состав капвложений, если первый вариант невозможен	п. 13 ФСБУ 26/2020
Имущество, включаемое в состав капвложений, которое организация получает безвозмездно	Справедливая стоимость этого имущества	п. 14 ФСБУ 26/2020
Продукция, вторичное сырье, другие материальные ценности, которые получены в ходе осуществления капитальных вложений и которые организация намерена продать или иным образом использовать и материальные ценности, оставшиеся неиспользованными при осуществлении капитальных вложений	Справедливая стоимость таких активов (либо их чистая стоимость продажи, стоимость аналогичных ценностей), но не выше суммы затрат, из которой эта стоимость вычитается	абз. 2, 3 п. 15 ФСБУ 26/2020
Иное (неденежное) встречное предоставление арендатора по договору аренды	Справедливая стоимость встречного предоставления, определённая на дату предоставления предмета аренды	пп. «в» п. 7 ФСБУ 25/2018
<p>Стоимость предмета аренды:</p> <ul style="list-style-type: none"> • При определении возможности применения упрощённого порядка учёта у арендатора; • при определении приведённой стоимости будущих арендных платежей; • при классификации аренды в качестве неоперационной (финансовой); • при классификации аренды в качестве операционной; • при оценке чистой стоимости инвестиции; • при признании выручки арендодателем, если предмет неоперационной (финансовой) аренды перед началом аренды отражался в бухгалтерском учёте арендодателя в качестве запасов (готовой продукции, товаров); • при признании права пользования активом в момент начала применения ФСБУ 25/2018 	Справедливая стоимость предмета аренды	п.12, 15, 25, 26, 33- 35, 50 ФСБУ 25/201

Рисунок 1 – Переоценка основных средств по справедливой стоимости

Очевидно, что при отсутствии чёткой расчётной методики определения справедливой стоимости, оценочных значений, параметров переоценки, существующая проблематика будет актуальна долгое время.

2. Следующей значительной проблемной областью бухгалтерского учёта основных средств по ФСБУ 6/2020, это учёт амортизации и оценка ликвидационной стоимости. Ликвидационная стоимость является величиной чистой денежной суммы, которая получена при выбытии основных средств и окончании срока их полезного использования (СПИ). Условно процесс формирования

ликвидационной стоимости можно разделить на три категории:

- **Упорядоченная**, когда реализации основных средств проводится в течение неограниченного периода времени, с целью извлечения максимально возможной цены ликвидации (продажи);
- **Принудительная**, когда в максимально короткий промежуток времени осуществляется реализация основных средств, что минимизирует потенциальные выгоды для собственника и величину ликвидационной стоимости;

- **Прекращение физического существования объекта**, когда происходит списание основных средств и последующая физическая утилизация основных средств. В подобном случае хозяйствующий субъект извлекает отрицательную величину стоимости (расходы на ликвидацию).

Здесь возникает сразу несколько проблем:

1. Неясно как в будущем будут ликвидированы основные средства.

2. В случае физического уничтожения основных средств, ликвидационная стоимость будет иметь отрицательную величину, тогда, исходя из логики расчёта амортизации по ФСБУ 6/2020, сумма амортизации будет прирастать на величину ликвидационной стоимости, а не уменьшаться. Рассмотрим этот момент подробнее, формула 1 (составлена автором):

$$CA_t = (BC - LC) / T,$$

где CA_t – сумма амортизации на отчётный период t , руб.; BC – балансовая стоимость основных средств, руб.; LC – ликвидационная стоимость основных средств, руб.; T – оставшийся срок полезного использования, лет.

Но в случае, если основные средства физически прекращают своё существование, то формула будет выглядеть так (при отрицательном значении ликвидационной стоимости):

$$CA_t = (BC - (-LC)) / T,$$

то есть, записывая в привычных обозначениях (два минуса – плюс):

$$CA_t = (BC + LC) / T.$$

Возникает дискуссионный вопрос, может ли сумма амортизации CA_t прирастать на величину ликвидационной стоимости, которая по своему значению не отражает получение экономической выгоды и в целом, срока полезного использования объекта основных средств. Этот вопрос в ФСБУ 6/2020 не раскрывается, тем не менее, он крайне важен, потому что в реальной практике часть основных средств практически всегда прекращают физическое существование. В масштабах национальной экономической систем это значительные суммы денежных средств каждый год.

Далее, не совсем раскрыт вопрос определения величины ликвидационной стоимости для целей учёта амортизации основных средств, а именно: принимать её по цене текущего года или будущего года. Следуя формальной логике, балансовая стоимость отражает всегда стоимость текущего года, в то время как ликвидационная стоимость фактически всегда отражает стоимость будущего года (год окончания срока полезного использования и извлечения экономической выгоды). Тогда возникает методический вопрос соответствия стоимостей при расчёте ликвида-

ционной стоимости, а именно, формула 2 (составлена автором):

$$LC = (CM - PB) * (1 + i)^n,$$

где LC – ликвидационная стоимость основных средств, руб.; CM – стоимость остаточных ресурсов на дату оценки основных средств, руб.; PB – стоимость расходов на выбытие на дату оценки основных средств, руб.; i – коэффициент приведения за весь срок полезного использования, доли; n – срок полезного использования, лет.

Обращает на себя внимание в формуле 2 то, что мы приводим стоимость отчётного периода к стоимости будущего периода, а не наоборот. Логика такого построения формулы 2 заключается в том, что ликвидационная стоимость будущего периода, как конкретная величина нам недоступна, но существует объективная необходимость расчёта суммы амортизации (формула 1). Тогда мы исходим из величины ликвидационной стоимости текущего года, что очевидно, с точки зрения учёта будет неверным действием: ликвидацию мы осуществляем через t лет, а стоимость принимаем на $t = 1$ год. Следуя формальной логике, при сроке службы, условно – 10 лет, необходимо в стоимости ликвидации основных средств учесть ценовой фактор за 10 лет. Если этого не сделать то возникнет следующий ценовой казус: за 10 лет один рубль обезличенных средств изменит свою стоимость: $1 \times (1 + i)^{10}$, а 1 руб. амортизационных отчислений, если не учитывать ценовой фактор:

$$CA_t = 1 \times (1 + 0)^{10}.$$

Тогда, в будущем периоде, очевидно, возникнет лаг расходов, так как, мы начисляли амортизацию по ликвидационной стоимости действительной 10 лет назад. Отсюда, нужно учитывать будущую стоимость ликвидации, а не отчётную – и поэтому, мы полагаем, в формуле должно быть не дисконтирование величины, а приведение к будущей стоимости – умножение. Это вторая значительная проблематика в бухгалтерском учёте основных средств по ФСБУ 6/2020 – нет чёткого определения и порядка расчёта ликвидационной стоимости. Ведь, если стоимость ликвидации учитывать по цене текущего года, то экономически величина сумм амортизации по каждому году будет иметь погрешность вида (условно примем 10 лет): $LC_0 = LC_{10}$, тогда CA_t фактически будет иметь заниженное значение на величину:

$$LC_{10} / (1 + i)^{10}.$$

Заключение. Переход к стандартам ФСБУ 6/2020 является значимым этапом сближения с международными стандартами финансовой отчётности. Трансформация стандартов, это объективный и эволюционный этап развития национальных стандартов бухгалтерского учёта, но, как показано в исследовании, подобная трансформация генерирует методические и технические проблемные области, детекцию которых мы представили в данной работе.

Литература:

1. Гапон М.Н. Изменения в учете основных средств согласно ФСБУ 6/2020 «Основные средства» / М.Н. Гапон, Ю.А. Рычкова // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 1. С. 370–376.
2. Дружилловская Т.Ю. ФСБУ 6/2020: решенные вопросы бухгалтерского учета основных средств и сохраняющиеся дискуссионные аспекты / Т.Ю. Дружилловская, Э.С. Дружилловская // Учет. Анализ. Аудит. 2021. Т. 8. № 1. С. 49–68.
3. Хайруллин В.А. Оценка справедливой стоимости предприятий строительства объектов нефтяной и газовой промышленности / В.А. Хайруллин, Н.Н. Ривкина, Э.В. Шакирова // Нефтегазовое дело. 2014. Т. 12. № 2. С. 188–192.
4. Международный стандарт финансовой отчетности (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости». URL : https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=117324-mezhdunarodnyi_standart_finansovoi_otchetnosti_ifrs_13_otsenka_spravedlivoi_stoimosti (дата обращения 25.05.2022).

Literature:

1. Gapon M.N. Changes in the accounting of fixed assets according to FSB 6/2020 «Fixed assets» / M.N. Gapon, Yu.A. Rychkova // Topical issues of the modern economy. 2021. № 1. P. 370–376.
2. Druzhilovskaya T.Yu. FSB 6/2020: resolved issues of accounting of fixed assets and remaining controversial aspects / T.Yu. Druzhilovskaya, E.S. Druzhilovskaya // Accounting. Analysis. Audit. 2021. Vol. 8. № 1. P. 49–68.
3. Khairullin V.A. Assessment of the fair value of oil and gas industry construction enterprises / V.A. Khairullin, N.N. Rivkina, E.V. Shakirova // Oil and gas business. 2014. Vol. 12. № 2. P. 188–192.
4. International Financial Reporting Standard (IFRS) 13 «Fair value assessment». URL : https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=117324-mezhdunarodnyi_standart_finansovoi_otchetnosti_ifrs_13_otsenka_spravedlivoi_stoimosti (date of application 25.05.2022).

Расулова Загират Дибиргаджиевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
налогов и налогообложения,
Дагестанский государственный
университет народного хозяйства
zairarasulova120667@mail.ru

Zagirat D. Rasulova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
of the Department Taxes and Taxation,
Dagestan State University
of National Economy
zairarasulova120667@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ВЫЧЕТА ПО НАЛОГУ НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

PROMISING AREAS OF SOCIAL DEDUCTION FOR PERSONAL INCOME TAX

Аннотация. Налоговое законодательство Российской Федерации предусматривает возврат из бюджета части уплаченных в виде НДФЛ налогов. В статье рассматривается налог на доходы физических лиц (НДФЛ) как один из основных инструментов формирования доходной части бюджетов большинства стран мира. Выполняя функцию перераспределения национального дохода, НДФЛ также является центральным инструментом экономической и социальной политики государства. Социальный характер подоходного налогообложения проявляется в его прямом воздействии на уровень реальных доходов населения через механизм налоговых вычетов, льгот и пониженных ставок по НДФЛ социально незащищенным или малообеспеченным слоям населения. В работе рассмотрена социальная направленность налоговой политики, приведены характеристики налоговых льгот. Развита стимулирующая роль налогов в отношении налоговых вычетов по НДФЛ.

Annotation. The tax legislation of the Russian Federation provides for the refund from the budget of part of the taxes paid in the form of personal income tax. The article considers the personal income tax (personal income tax) as one of the main tools for the formation of the revenue side of the budgets of most countries of the world. Fulfilling the function of redistributing national income, personal income tax is also a central tool of the state's economic and social policy. The social nature of income taxation is manifested in its direct impact on the level of real incomes of the population through the mechanism of tax deductions, benefits and reduced personal income tax rates for socially unprotected or low-income segments of the population. The paper considers the social orientation of tax policy, the characteristics of tax benefits are given. The issue of the stimulating role of taxes in relation to personal income tax deductions has been developed.

Ключевые слова: налог на доходы физических лиц, налоговые вычеты, механизм налогообложения, Социальный вычет, налоговые льготы, санкции, государственная поддержка, налоговое законодательство.

Keywords: personal income tax, tax deductions, taxation mechanism, Social deduction, tax benefits, sanctions, state support, tax legislation.

Социальный вычет является одним из наиболее важных вычетов НДФЛ, которым доступно пользоваться только тем лицам, которые производят ежемесячные отчисления в бюджет страны и являются налогоплательщиками НДФЛ.

[3]. В условиях формирования рыночных механизмов господствующими в государственном управлении становятся не административные, а экономические методы, основанные преимущественно на системе налогов. Роль льгот резко возрастает. Ведь установление основной части льгот связано с регулирующей функцией налогов в различных сферах жизнедеятельности: хозяйственной, предпринимательской, финансовой, социальной, научно-технической, демографической, культурной, благотворительной и т.д.

Доходы каждого официально трудоустроенного человека в РФ облагаются налогом на доходы физических лиц. Уплату налога производит не сам сотрудник, а его организация, в котором работает налогоплательщик и автоматически, вычитывая из его заработка. Соответственно, сотруднику выдается на руки заработок за вычетом налога на доходы физических лиц и с учетом всех преференций, по способу уплаты – у источника дохода. Налоговые льготы и вычеты являются одним из важных элементов налоговой политики, проблеме которых придается значение как в теории права, так и в финансовом и налоговом праве

Налогоплательщиками НДФЛ могут являться не только рядовые граждане, но и индивидуальные предприниматели, выплачивающие налог на доходы физических лиц вместо налога на прибыль, тем самым они могут оказаться и получателями социального вычета.

Немаловажное значение социальный вычет имеет для лиц, относящихся к категории малоимущих так, как социальный налоговый вычет – это льгота физическому лицу от государства при совершении определенных действий – чья часть дохода, которого не облагается налогом на доходы физических лиц.

Налоговое законодательство Российской Федерации предусматривает возврат из бюджета части уплаченных в виде НДФЛ налогов. В тех или иных случаях, определенных законом, у физических лиц возникает такое право на налоговые вычеты, а порядок оформления, размеры и сроки возмещения сумм строго регламентируются НК РФ. Вычетенные средства идут в госбюджет, которые направляются на социальные цели – лечение, обучение, благотворительные нужды. Но в ряде ситуаций государство освобождает гражданина от такой выплаты полностью либо частично.

С 2022 года от 26 марта Указом Правительства РФ введено большое количество льгот, в том числе и по НДФЛ. Федеральным Законом № 67 статьи 5 предусмотрено освобождение от налога на доходы физических лиц от материальной выгоды, полученной физическими лицами в период на 2021–2023 годах. Сюда будут включены такие доходы, как материальная выгода, полученная от приобретения товаров, работ и услуг между взаимозависимыми лицами, выгода от экономии на процентах по вкладам, а также от приобретения ценных бумаг. Что касается начисления НДФЛ с процентов с 2023 года, то правила тоже изменились. Действующая ранее статья НК РФ предусматривала, что с процентов по вкладам в банках, находящихся на территории РФ, НДФЛ платится не со всей суммы, а только с процентов, превышающих произведение 1 млн рублей на ключевую ставку ЦБ РФ. Сейчас Закон № 67-ФЗ корректирует это правило и для расчета необлагаемой суммы будет использоваться максимальное значение ключевой ставки ЦБ РФ из действующих на 1-е число каждого месяца налогового периода. К числу льготников с 2022 года в РФ отнесены инвалиды ВОВ, труженики тыла, ветераны, вдовы военнослужащих, погибших в войне с Японией и Финляндией, а также вдовы погибших инвалидов ВОВ. Их освободили от налогов на доходы физических лиц, предоставленные государством в качестве помощи в разных формах: таких как в денежной, натуральной и виде подарков. Освобождения предоставляются при следующих условиях: средства должны быть выплачены за счет бюджетных средств и средств иностранных государств в полном размере или за счет средств иных лиц – в части, не превышающей 10000 руб. за налоговый период. Право на получение социальных вычетов по НДФЛ в 2022 году могут иметь лица, которые в течение года получали доходы, облагаемые по ставке 13 %, 15 % и израсходовали на свое обучение или обучение близких родственников. На сегодняшний день Налоговым кодексом РФ предусмотрены такие социальные налоговые вычеты, которые классифицируются по следующим группам таким как:

– оплата за лечения – своего и родственников; оплата обучения;

– взносы на накопительную часть трудовой пенсии;

– взносы за добровольное пенсионное страхование;

– взносы за негосударственное пенсионное обеспечение; частичное возмещение средств, направленных на благотворительные цели.

В оплату за свое лечение или лечение родственников входит возмещение за полученные медицинские услуги, лекарственные препараты, медицинское страхование, оформленное в добровольном порядке (п. 3 ст. 219 НК РФ) [1].

Согласно положениям НК РФ, частичный возврат налога при получении платных медицинских услуг и приобретении медикаментов полагается:

– трудоустроенным гражданам страны, уплачивающим НДФЛ;

– пенсионерам, не завершившим свою трудовую деятельность;

– иностранцам, проводящим в РФ не меньше 180 дней в году и перечисляющим НДФЛ;

– родителям, опекунам, если пациентом является несовершеннолетний.

В оплату за обучения входит возврат за оплату услуг образовательного характера (п. 2. ст. 219 НК РФ) [1].

Предельный объем возврата расходов на обучение самого налогоплательщика – 120000 руб., опекаемых и детей – 50000 руб.

Главным условием при получения права на вычет – наличие у образовательного учреждения государственной лицензионного документа на ведение данной деятельности. Если человек получает образование за пределами РФ, для подтверждения ему потребуется перевод лицензии, заверенный у нотариуса.

Социальный налоговый вычет предоставляется в случаях:

• возврата при финансировании гражданином своей будущей пенсии;

• взносы на накопительную часть трудовой пенсии (п. 5 ст. 219 НК РФ) [1]. Социальные налоговые вычеты предоставляются на накопительную часть пенсии, если пенсионер завершил трудовую деятельность. Возмещение предназначено для лиц, перечислявших НДФЛ в установленном порядке и оплачивавших взносы собственными средствами. Максимальный размер вычета – 15600 руб. (13 % от 120000 руб.);

• взносы за добровольное пенсионное страхование;

• взносы за негосударственное пенсионное обеспечение (п. 4. ст. 219 НК РФ) [1]. Возврат за выплату взносов негосударственного пенсион-

ного и остальных перечисленных видов страхования выплачивается в размере 13 % от реальных расходов, но с лимитом в 120000 руб.;

- частичное возмещение средств, направленных на благотворительные цели; (п. 1 ст. 219 НК РФ). Благотворительность тоже является основанием для предоставления льготы. Предельный размер вычета составляет 25 % доходов, полученных в рамках налогового периода.

То есть, государство готово вернуть вам часть средств, потраченных вами на лечение, обучение и прочее. Общий размер социальных вычетов не может превышать 120 тыс. рублей в год. На счет налогоплательщика возвращается 13 % от фактических расходов, но не более 15600 рублей (это 13 % от 120 тыс. рублей).

Исходя из вышеизложенного, хотелось бы отметить, что в классификацию групп социального вычета напрашивается еще одна группа – это вычет для одиноких лиц в возрасте за 50 лет. На сегодняшний день это самая уязвимая и незащищенная часть населения, которая по медицинским показателям может находиться в зоне риска.

Следовало бы учесть, еще и то, что категория налогоплательщиков этого возраста являлись плательщиками подоходного налога Советских времен, когда им приходилось платить налог на холостяков до введения нового законодательства РФ 1992 года. В таком случае должно быть и реформирование налоговых вычетов.

Не является ли главной задачей нашего государства оказывать реальную помощь и проявлять заботу незащищенным слоям населения, особенно в столь тяжелое время – в период пандемии, когда многие подорвали здоровье и потеряли близких, когда в средствах массовой информации слышат, что организм человека после сорока лет становится низкокачественным, когда человек постепенно теряет работоспособность, когда увеличен пенсионный возраст для мужчин и женщин и когда уровень жизни на сегодняшний день намного выше, чем получаемых доходов основной массой населения.

Российское налоговое законодательство изначально развивалось с учетом опыта других стран, у которых налоговое законодательство формировалось веками, и это позволило избежать многих типичных ошибок. Социальные налоговые вычеты по налогу на доходы физических лиц (на лечение, обучение, формирование пенсионных накоплений, благотворительность) представляют собой своеобразную форму участия государства в софинансировании социально значимых расходов граждан [5].

Учитывая зарубежный опыт таких стран как, Объединенные Арабские Эмираты, где оказывают существенную материальную помощь для своих коренных жителей, у которых вообще отсутствует налоговая система и проявляют чрезмерную заботу для жителей своей страны, чей семейный бюджет ниже прожиточного минимума, то и законодателям нашей страны РФ следовало бы,

учесть те или иные факты и в Налоговый кодекс РФ в группу классификации социальных вычетов включить такой вычет как – льготу для одиноких лиц в возрасте за 50 лет.

Для дальнейшего исследования, если мы рассмотрим одну из европейских стран такую как Германия, то увидим, что в этой стране государство пытается оказать ощутимую помощь семейным людям, у кого на иждивении находятся дети – освобождая их даже от уплаты некоторых налогов.

С 01.01.2022 размер ежемесячного налога в Германии с зарплаты доходит до 45 %. В стране действует прогрессивная система налогообложения: чем больше получает работник, тем большую сумму он вносит в государственную казну, тем самым освобождая от уплаты малоимущих.

Налог на доходы с физических лиц в Германии платят с любого вида деятельности: работа по найму; самозанятость; предпринимательство; сдача недвижимости в аренду. Освобождают от обязанности уплачивать налог в государственный бюджет самых бедных граждан страны. Если общий доход супружеской пары не достигает 9 тыс. евро, то налоговая ставка будет равняться нулю.

Таким образом, учитывая сегодняшнюю позицию нашего государства в предоставлении многочисленных льгот для лиц разных сфер, было бы целесообразным улучшить и положение одиноких людей в возрасте за 50 лет. Для улучшения их морального и материального благополучия будет актуальным, оптимальным и справедливым ввести законодателям РФ в 2022 году дополнительную графу в разновидности социального вычета – вычет для одиноких лиц в возрасте за 50 лет и принять закон о предоставлении социального вычета по НДФЛ в размере 300 тысяч рублей за налоговый период, а также предоставить для них и многие другие разновидности льгот, которые могут послужить для них облегчением в социально-экономической жизни.

Для получения социальной льготы предусмотрен специальный механизм, который предусматривает необходимость налогоплательщика обратиться в налоговую инспекцию и подготовить пакет документов за получением социального вычета. Переход к прогрессивной шкале налогообложения является социально значимой мерой [4].

Возможность получения социального налогового вычета для налогоплательщика является ежегодной. Однако документы положено подавать только за предыдущий год.

В настоящее время механизм получения налоговых вычетов предполагает подачу декларации 3-НДФЛ с подтверждающими право на вычеты документами по итогам налогового периода. Это сложно и долго, решили в Министерстве финансов и решили упростить процедуру. Так, в частности, в Налоговом кодексе Российской Федерации с 20 мая 2021 года появилась новая статья 221.1 «Упрощенный порядок получения налоговых вычетов». Для получения вычета теперь будет

направить в налоговую инспекцию заявление по установленной законодательством Российской Федерации форме. Данные из заявления налоговики будут проверять, добывая сведения из следующих источников: 1. от налоговых агентов и банков; 2. из кассовых чеков. 6 Заявление может быть представлено в налоговый орган не более чем за 3 года, предшествующих году подачи такого заявления. Для реализации этого нововведения будет доработана АИС «Налог-3» в части автоматизации внедрения упрощенной процедуры получения налоговых вычетов. Такое нововведение распространяется на правоотношения по предоставлению социальных и имущественных налоговых вычетов, возникшие с 1 января 2020

Литература:

1. Налоговый кодекс РФ. Части 1 и 2. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671 (дата обращения 12.05.22).
2. *Акимова Н.Р.* НДФЛ: порядок предоставления социальных и имущественных налоговых вычетов / Н.Р. Акимова // *Налоговая политика и практика.* 2020. № 7. С. 18–23.
3. *Залибекова Д.З.* Правовое регулирование налоговых льгот и вычетов / Д.З. Залибекова // *Теория и практика общественного развития.* 2013. № 4. С. 297–299.
4. *Залибекова Д.З.* Проблемы налоговой нагрузки налога на доходы физических лиц / Д.З. Залибекова // *Наука и бизнес: пути развития.* 2013. № 12(30). С. 78–80.
5. *Казьмин А.Г.* Налоговая политика России на современном этапе / А.Г. Казьмин // *Вестник Воронежского государственного аграрного университета.* 2016. № 2(49). С. 205–211.
6. *Юрченкова Н.В.* Налоговые вычеты по НДФЛ как элемент социализации налоговой политики / Н.В. Юрченкова // *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки.* 2013. № 4-1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-vychety-po-ndfl-kakelement-sotsializatsii-nalogovoy-politiki> (дата обращения 18.05.2021).

года. То есть уже за 2020 год вычеты можно будет получить в упрощенном порядке [2].

Реализовать свое право на возврат налога в связи с получением социального налогового вычета налогоплательщик может не позднее 3 лет с момента уплаты НДФЛ за налоговый период, когда им были произведены социальные расходы, но следует отметить и то, что для рассмотрения заявления налоговиками отводится до 3-х месяцев времени со дня подачи заявления, но отведенное время для перепроверок документов не является значимым для налогоплательщиков по сравнению с предоставляемых льгот.

Literature:

1. The Tax Code of the Russian Federation. Parts 1 and 2. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671 (date of application 12.05.22).
2. *Akimova N.R.* Personal income tax: the procedure for granting social and property tax deductions / N.R. Akimova // *Tax policy and practice.* 2020. № 7. P. 18–23.
3. *Zalibekova D.Z.* Legal regulation of tax benefits and deductions / D.Z. Zalibekova // *Theory and practice of social development.* 2013. № 4. P. 297–299.
4. *Zalibekova D.Z.* Problems of the tax burden of the personal income tax / D.Z. Zalibekova // *Science and business: ways of development.* 2013. № 12(30). P. 78–80.
5. *Kazmin A.G.* Tax policy of Russia at the present stage / A.G. Kazmin // *Bulletin of the Voronezh State Agrarian University.* 2016. № 2(49). P. 205–211.
6. *Yurchenkova N.V.* Tax deductions for personal income tax as an element of socialization of tax policy / N.V. Yurchenkova // *Izvestiya TulSU. Economic and legal sciences.* 2013. № 4-1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovye-vychety-po-ndfl-kakelement-sotsializatsii-nalogovoy-politiki> (date of application 18.05.2021).

Таранов Петр Владимирович

доктор экономических наук,
профессор кафедры международной
торговли и таможенного дела,
Ростовский государственный
экономический университет
kmtitd@yandex.ru

Басенко Александр Михайлович

доктор экономических наук,
профессор кафедры международной
торговли и таможенного дела,
Ростовский государственный
экономический университет
kmtitd@yandex.ru

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА XXI ВЕКА
В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению цифровой трансформации мировой экономики как процессу формирования мирового экономического пространства нового типа, переходу к новому мировому технологическому укладу. В статье приведены 10 R цикличной мировой экономики с преимущественным использованием цифровых технологий. Трансформационное (цифровое) развитие мировой экономики обнаруживается во многих сферах: в производственной и транспортной; в секторе мировых финансовых услуг; в сфере государственного управления; здравоохранения и образования.

Ключевые слова: мировая экономика, мировое экономическое пространство, цифровые технологии, цифровая трансформация, 10 R.

XXI век ознаменовался бурным и интенсивным развитием цифровых технологий, ставших катализатором крупнейших социально-экономических трансформационных преобразований глобального пространства мировой экономики. Новая макроэкономическая парадигма «умной экономики» запустила «новую промышленную революцию» или «эпоху», в рамках которой традиционная (аналоговая) мировая экономика трансформировалась в цифровую – умную мировую экономику [1, с. 29].

В свою очередь, «умная экономика» трансформировала практически все пространство мировой экономической реальности, породив инновационные цифровые технологии (ЦТ), в числе которых:

– компоненты робототехники и сенсорики (роботизация);

Petr V. Taranov

Doctor of Economics,
Professor of the Department
of International Trade and Customs,
Rostov State
University of Economics
kmtitd@yandex.ru

Alexander M. Basenko

Doctor of Economics,
Professor of the Department
of International Trade and Customs,
Rostov State
University of Economics
kmtitd@yandex.ru

**WORLD ECONOMY
OF THE XXI CENTURY IN THE AGE
OF DIGITAL TRANSFORMATION**

Annotation. The article is devoted to the consideration of the digital transformation of the world economy as a process of formation of a new type of world economic space, the transition to a new global technological order. The article presents 10 R of a cyclical world economy with the predominant use of digital technologies. The transformational (digital) development of the world economy is found in many areas: in production and transport; in the global financial services sector; in the field of public administration; health and education.

Keywords: world economy, global economic space, digital technologies, digital transformation, 10 R.

– умный город, беспилотная машина, Интернет вещей; промышленный Интернет; экспотенциальный рост;

– доставка беспилотными мобильными средствами (дронами, мультикоптерами);

– технологии виртуальной, дополненной и смешанной реальности; голограмма; технологии беспроводной связи;

– 3D-печатный цех;

– нейротехнологии и искусственный интеллект;

– блокчейн и пр. [2].

Цифровая экономика была озвучена Всемирным банком в 2016 году в «Докладе о мировом развитии – 2016: цифровые дивиденды».

Цифровизация является глобальным мейнстримом, охватывающим все сферы социально-экономической деятельности. По предложению Всемирного экономического форума, для оценки готовности стран к цифровой экономике используется последняя версия международного индекса сетевой готовности, представленная в докладе «Глобальные информационные технологии» (2016–2017 гг.). Усовершенствованный международный индекс I-DESI, опубликованный Европейской комиссией в 2016 году, измеряет фактор успешности использования цифровых технологий экономикой мировых стран для повышения конкурентоспособности и благосостояния (подчеркивается значение инвестиций в трансформационные инновации наряду с развитием инфраструктуры, навыков и эффективных рынков), кроме того, оцениваются факторы, влияющие на развитие цифровой экономики.

Как известно, основными компонентами индекса I-DESI являются связь, человеческий капитал, использование сети «Интернет», внедрение цифровых технологий в бизнесе и цифровые услуги для населения, т.е. тотальная цифровизация мирового экономического пространства.

Само понятие «цифровизация» интерпретируется как преобразование информации в цифровую форму [3]. Всемирный банк указывал на такие признаки цифровизации в мировой экономике, как открытые данные, система электронного правительства, работа цифровых гигантов, службы онлайн-заказов и пр. В этих условиях отдельные мировые компании и страны начинают активно включаться в процесс формирования и реализации стратегических решений в области цифровизации мировой экономики, стремясь обеспечить свои долгосрочные конкурентные преимущества на вновь формируемых рынках новых видов технологий, товаров и услуг. В то же время необходимо решить ряд вопросов, связанных с оценкой последствий реализации преимуществ цифровой экономики в разрезе отдельных отраслей мирового экономического пространства. «Цифровая экономика – это виртуальная среда, дополняющая нашу реальность», т.е. современную социально-экономическую реальность [4, с. 58].

Л.А. Петрова и Т.Е. Кузнецова, говоря о цифровых технологиях в мировой экономике, выделяют четыре общих аспекта динамики трансформационного развития данных технологий:

- 1) технологии значительно «расширяют и преобразуют цифровые системы;
- 2) технологии распространяются с экспоненциальной скоростью, проникая во все материальные объекты»;
- 3) деструктивная «мощь технологий усиливается по мере того, как они комбинируются и запускают очередной цикл инноваций;
- 4) разные технологии создают похожие преимущества и проблемы» [5, с. 75].

Под мировой цифровой экономикой нами понимается вся совокупность отраслей мировой экономики, сопряженных с внедрением инновационных технологий, развитием робототехники, смарт-технологий и распространением Больших данных (Big Data), в которых используются цифровые платформы. Все эти инновационные технологии в умной экономике имеют одну общую черту: они генерируют колоссальное количество данных и отражаются на ВВП. Как подчеркивают Е.Б. Стародубцева и О.М. Маркова, «на долю цифровой экономики в узком смысле слова приходится около 5 % ВВП, а на долю цифровой экономики в широком смысле слова – 22 % мирового ВВП» [6, с. 7].

Что же представляет собой цифровая трансформация мировой экономики XXI века?

В первую очередь, необходимо заметить, что это процесс формирования мировой экономики нового типа, переход к новому мировому технологическому укладу. Интенсивность цифровизации, происходящей в экономике, находит свое отражение в следующих показателях:

- состояние информационно-коммуникационной инфраструктуры;
- развитие человеческого потенциала; доля валовой добавленной стоимости в ВВП.

Следует отметить, что важным показателем, характеризующим процессы цифровой трансформации экономики, выступает удельный вес валовой добавленной стоимости (ВДС) сектора информационно-компьютерных технологий в ВВП.

В соответствии с понятием «цифровизация» (диджитализация) самой цифровой экономикой в макроэкономическом пространстве является экономика США, 33 % ее ВВП подвержены влиянию ЦТ, порядка 60 % финансово-экономического сектора США переведены на цифровые платформы, что, собственно, свидетельствует в пользу экономического сектора США как наиболее цифрового в мировой экономике [1; 6].

Хосе Поттинг в своей работе «Циклическая экономика» описывает десять R – это способы с использованием ЦТ более бережного обращения с ресурсами, градуированные от 0 до 9 по степени повышения эффективности.

Согласно Хосе Поттингу, 10 R циклической мировой экономики следующие «R» с преимущественным использованием ЦТ (от англ.) [7, с. 15]:

- refuse (R0 – отказ от устаревших технологий). Так, «умное» производство и использование предусматривает: R0 – отказ (вывод продукции из употребления посредством отказа от ее использования или предоставления современной альтернативы);
- rethink (R1 – переосмысление в рамках Big Data), интенсификация использования продукта, в т.ч. с применением ЦТ. Так, потребители осознают актуальную необходимость изменений в упаковке товаров электронной коммерции;

– reduce (R2 – сокращение: например, экономия использования энергии путем применения информационно-технологических систем) или R2 – повышение эффективности и скорости производства с параллельным сокращением затрат посредством тех или иных ЦТ;

– reuse (R3 – повторное применение). Например, в отличие от линейной модели мировой экономики, останавливающейся на потребителе, – циклическая модель продолжает функционировать, оптимизируя и максимизируя повторное использование ресурсов и товаров, редуцируя к минимуму разрушение стоимости посредством пользования товаром по назначению другим пользователем;

– repair (R4 – ремонт) – обслуживание и ремонт бывшего у употреблении и сломанного товара для дальнейшего его применения;

– refurbish (R5 – обновление) – вторичное использование обновленного и усовершенствованного товара;

– remanufacture (R6 – новое производство) – использование частей сломанного товара для изготовления нового продукта того же назначения;

– repurpose (R7 – производство другого продукта) – использование частей сломанного товара для изготовления нового продукта с уже иным функциональным предназначением;

– recycle (R8 – переработка) – «переработка материалов в вещи того же или низшего качества»;

– recover (R9 – утилизация) – использование товара с целью производства дешевой энергии» [1, с. 79].

Эти способы свидетельствуют о трансформационном развитии глобального экономического пространства с применением цифровых технологий, что обнаруживается во многих отраслях мировой экономики, изменяющих повседневную жизнедеятельность человека [8]. В частности:

– В торгово-экономической сфере, в которой ЦТ распространяются на весьма высокую долю всех торгово-экономических и финансовых услуг. Так, в секторе мировых финансовых услуг отмечается наибольший спрос на искусственный интеллект; технологии беспроводной связи; системы распределенного реестра.

– В производственной сфере («умное» производство и использование) – интенсификация использования продукта, например, путем совместного потребления.

– В транспортной сфере (логистике – стремительный рост интернет-магазинов сделал логистический процесс намного более сложным и точным), внедрение логистических технопарков.

Литература:

1. *Йонген В.* Onlife. Ритейл будущего: что нужно сделать сегодня, чтобы быть лидером отрасли завтра / В. Йонген; Пер. Д.А. Шалаевой. М., 2021. 320 с.

– В сфере государственного управления и создания «умных городов», включая контрольно-надзорную деятельность; также, в сфере государственных и муниципальных услуг в рамках мирового экономического пространства уже достигли значительного развития цифровые платформы, в том числе за счет установления требований об интероперабельности систем, использования информации из других систем, в том числе платежных.

Так, например, в Российской экономике успешно развиваются федеральная государственная система «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» и платформы для проведения платежей, создаваемые кредитными организациями [9, с. 7].

– В сфере образования вводится цифровая информационно-образовательная среда (информационно-коммуникативные технологии внедряются в программы общего, средне-специального и высшего образования, ведется подготовка кадров для цифровой экономики) [10]. Наибольшим спросом в образовании пользуются такие ЦТ, как: искусственный интеллект; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальности. Перспективными областями применения являются индивидуальные образовательные траектории; иммерсивный («создающий эффект присутствия») образовательный опыт; дистанционное обучение; индивидуальные образовательные помощники; интерактивные образовательные комплексы [10; 11].

– В сфере здравоохранения: внедрение телекоммуникационных технологий, нейротехнологий и искусственного интеллекта; компонентов робототехники и сенсорики; технологий беспроводной связи. Перспективными областями применения являются: предиктивное здравоохранение; телемедицина; «второе мнение» при постановке диагноза; голосовые ассистенты для врачей; 3D-моделирование и печать органов; роботизированная хирургия; индивидуальные лекарства [9].

В целом, конфигурация глобальных рынков мировой экономики претерпевает серьезные трансформационные изменения под действием цифровизации различных отраслей. Многие традиционные индустрии утрачивают свою значимость в структуре мировой экономики на фоне быстрого роста новых секторов, генерирующих кардинально новые потребности. Определяющее значение в происходящей цифровой трансформации мировой экономики приобретают новые исследования и разработки в области цифровой макроэкономики.

Literature:

1. *Jongen V.* Onlife. Retail of the future: what needs to be done today to be the industry leader tomorrow / V. Jongen; Transl. D.A. Shalavaeva. M., 2021. 320 p.

2. *Таранов П.В.* Инновационные технологии в мировой экономике XXI века / П.В. Таранов, А.М. Басенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 2.
3. Applying of information and communication technologies in the education process / Collection: E3S Web of Conferences. 13. Ser. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2020» / N. Gafiatulina [et al.]. 2020. P. 15031.
4. *Гулямов С.С.* Цифровое образование в ракурсе цифровой экономики / С.С. Гулямов, А.Т. Шермухамедов // Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития в условиях цифровой экономики. Сб. статей XIV междунар. научно-практической конференции. Мн., 2020. С. 58–60.
5. *Петрова Л.А.* Цифровые технологии в экономике / Л.А. Петрова, Т.Е. Кузнецова // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2020. С. 74–89.
6. *Стародубцева Е.Б.* Цифровая трансформация мировой экономики / Е.Б. Стародубцева, О.М. Маркова // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2018. № 2. С. 7–15.
7. Circulaire Economie: Innovatie meten in de keten, J. Potting [et al.]. PBL/Universiteit Utrecht, Den Haag, 2016. P. 15.
8. *Таранов П.В.* Мировая экономика и особенности ее глобализации / П.В. Таранов, Л.Х. Попова, И.В. Куликова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 146–150.
9. Правительство РФ: Распоряжение от 28 июля 2017 г. № 1632-р. М., «Утвердить прилагаемую программу «Цифровая экономика Российской Федерации». URL : <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1653473612&tld=ru&lang=ru&name=9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf&text=repair%20>
10. *Гафиатулина Н.Х.* Вектор разработки образовательной парадигмы в контексте персонализированного образования в эпоху развития цифровых технологий / Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // В сборнике: Образование и молодежь в условиях цифровой экономики будущего. Материалы Международной научной конференции. Южно-Российский государственный политехнический университет (НИИ) имени М.И. Платова. 2020. С. 17–21.
11. *Задорожная И.В.* Применение цифровых технологий в образовательном пространстве высших учебных заведений / И.В. Задорожная, В.Н. Власова // Вестник Университета Российской академии образования. 2021. № 2. С. 98–107.
2. *Taranov P.V.* Innovative technologies in the world economy of the XXI century / P.V. Taranov, A.M. Basenko // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. № 2.
3. Applying of information and communication technologies in the education process / Collection: E3S Web of Conferences. 13. Ser. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2020» / N. Gafiatulina [et al.]. 2020. P. 15031.
4. *Gulyamov S.S.* Digital education from the perspective of the digital economy / S.S. Gulyamov, A.T. Shermukhamedov // Modern innovative technologies and problems of sustainable development in the digital economy: Sat. Articles of the XIV Intern. scientific and practical conference. Mn., 2020. P. 58–60.
5. *Petrova L.A.* Digital technologies in the economy / L.A. Petrova, T.E. Kuznetsova // STAGE: economic theory, analysis, practice 2020. P. 74–89.
6. *Starodubtseva E.B.* Digital transformation of the world economy / E.B. Starodubtseva, O.M. Markova // Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economy. 2018. № 2. P. 7–15.
7. Circulaire Economie: Innovatie meten in de keten, J. Potting [et al.]. PBL/Universiteit Utrecht, Den Haag, 2016. P. 15.
8. *Taranov P.V.* World economy and features of its globalization / P.V. Taranov, L.Kh. Popova, I.V. Kulikova // State and municipal management. Scientific notes. 2019. № 1. P. 146–150.
9. Government of the Russian Federation: Order of July 28, 2017 № 1632-r. M., Approve the attached program «Digital Economy of the Russian Federation». URL : <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1653473612&tld=ru&lang=ru&name=9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf&text=repair%20>
10. *Gafiatulina N.Kh.* The vector of developing an educational paradigm in the context of personalized education in the era of digital technology development / N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // In the collection: Education and youth in the digital economy of the future. Materials of the International scientific conference. South Russian State Polytechnic University named after M.I. Platov. 2020. P. 17–21.
11. *Zadorozhnaya I.V.* The use of digital technologies in the educational space of higher educational institutions / I.V. Zadorozhnaya, V.N. Vlasova // Bulletin of the University of the Russian Academy of Education. 2021. № 2. P. 98–107.

Фирсова Анна Евгеньевна
преподаватель,
Московский государственный университет
спорта и туризма
annafrank1504@gmail.com

Солнцева Оксана Глебовна
кандидат экономических наук,
доцент,
Государственный университет управления
ogsolntse@mail.ru

Ковалева Наталья Иосифовна
кандидат педагогических наук,
доцент,
Московский государственный университет
спорта и туризма
nata60iosif@list.ru

ПОИСКОВОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ И КОНТЕКСТНАЯ РЕКЛАМА В СФЕРЕ ГОСТЕПРИИМСТВА

Аннотация. В настоящее время сфера гостеприимства находится в условиях жесткой конкуренции, и для успешного развития и продвижения необходимо использовать современные инструменты, технологии и стратегии. При обзоре инновационных способов продвижения гостиничных услуг авторы анализируют влияние современных цифровых технологий на продвижение гостиничного предприятия на примере использования контекстной рекламы, выявляя её преимущества.

Ключевые слова: поисковое продвижение, контекстная реклама, таргетинг, сфера гостеприимства.

В условиях современной информационной парадигмы и эры жестокой конкуренции предприятий гостиничного бизнеса важным направлением развития гостиничных предприятий является обеспечение рекламной деятельности гостиницы нового формата. Благодаря высокой конкуренции в сфере гостеприимства маркетологам приходится искать новые пути продвижения гостиничного предприятия. Интернет – это площадка, где можно представить свои услуги максимально развернуто и наглядно, поэтому реклама гостиницы в сети сегодня очень популярна. Она имеет свои особенности, которые связаны со спецификой гостиничного бизнеса. Информационно-техническая революция изменила характер и методы ведения бизнеса [1].

Человечество стоит на пороге формирования поколения людей, которые будут неразрывно связывать свой быт и отдых с сетью интернет,

Anna E. Firsova
Teacher,
Moscow State University
Sports and Tourism
annafrank1504@gmail.com

Oksana G. Solntseva
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
State University of Management
ogsolntse@mail.ru

Natalia I. Kovaleva
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Moscow State University
Sports and Tourism
nata60iosif@list.ru

SEARCH PROMOTION AND CONTEXTUAL ADVERTISING IN THE HOSPITALITY

Annotation. Currently, the hospitality industry is in a highly competitive environment, and for successful development and promotion it is necessary to use modern tools, technologies and strategies. When reviewing innovative ways of promoting hotel services, the authors analyze the impact of modern digital technologies on the promotion of a hotel enterprise using contextual advertising as an example, revealing its advantages.

Keywords: search promotion, contextual advertising, targeting, hospitality.

получая доступ к ней посредством многочисленных мобильных устройств [3]. Уже существует новый термин always on generation – поколение людей, которое имеет постоянный доступ к электронным услугам [7].

Тотальное распространение гаджетов уже сейчас создает качественно иную потребность обращения к Сети. Этот факт вызвал существенные изменения во взаимоотношениях продавца и клиента, в том числе и в гостиничном бизнесе [6]. Внедрение мобильных устройств и приложений смогло радикально изменить взаимоотношения в так называемой сфере B2C (Business-to-Consumer) и оказало на эту сферу даже большее влияние, чем само появление Интернета. Благодаря стремительному развитию цифровых технологий, в маркетинге появляется множество новых направлений. Тенденции направлены на создание свежих возможностей взаимодействия с

аудиторией. Вновь появляющиеся инструменты так же быстро появляются, как и теряют свою актуальность [2].

Наиболее распространенными, результативными и вместе с тем дорогостоящими являются поисковое продвижение и контекстная реклама. Их сочетание обеспечивает охват максимальной целевой аудитории. Остальные средства интернет-маркетинга чаще всего применяются как дополнительные.

Контекстная реклама бывает двух видов: на поиске и в сетях. Контекстная реклама на поиске (в поисковых системах) – это реклама прямого отклика на запрос. То есть, она показывается только тем людям, которые в данный момент интересуются услугой или могут интересоваться. Рекламные объявления состоят из заголовка, ссылок, основного текста и дополнительных элементов.

Контекстная реклама в сетях – это реклама почти прямого отклика. То есть она показывается тем, кто вбивал поиск определенные запросы в течение последних 30 дней. Стоит учитывать этот срок, потому что, если человек искал что-то по теме 29 дней назад, он к этому моменту может быть уже «не горячим», т.е., ему уже может быть просто неинтересна тема. Рекламодатели платят за клик по объявлению. Чья реклама будет показываться по данной фразе решается с помощью аукциона: кто больше платит – тот и показывается [4].

Контекстная реклама предоставляет широкие возможности настройки: география, время показов, стратегия показов и многое другое.

Существуют различные методы таргетинга в контекстной рекламе. Таргетинг – рекламный механизм, позволяющий выделить из всей имеющейся аудитории только ту часть, которая удовлетворяет заданным критериям, и показать рекламу именно ей.

Самый банальный метод таргетинга в контексте – по поисковым словам. Применять его можно и на поиске, и в сетях. То есть, если человек вбивал эту фразу (по которой показывают рекламу) недавно или вбивает здесь и сейчас.

По ключевым словам, на сайте. То есть человек сидит на сайте, в тексте которого есть ключевые слова/ фразы, которые нам интересны.

Ретаргетинг. Работает с помощью инструментов аналитики. Каждого человека, который заходит на сайт, они «метят» и отслеживают их поведение. Таким образом можно таргетироваться на людей, которые зашли на сайт, но не оставили заявку.

Аудитории. Возможно показывать рекламу собранному списку людей (например, клиентам из CRM-системы) – для этого достаточно иметь их номера телефонов и адреса e-mail.

Look-a-like (похожие на). Программа автоматически находит людей, чье поведение в сети похоже

на загруженный список людей. На любой сегмент можно настроить look-a-like.

Дополнительные источники данных – для кросс-маркетинговых мероприятий и очень больших компаний.

Гиперлокальный таргетинг. Работает только в сетях. Позволяет поставить точку на карте (допустим район города), выбрать радиус и показывать рекламу тем, кто находится в данный момент в радиусе действия рекламы.

Автоматический таргетинг показывает рекламу тем, кому это может быть интересно (по мнению рекламной системы).

Рекламодатели выставляют ставки, и когда человек делает запрос, система оценивает: у кого максимальная ставка на данный момент и при этом у него есть деньги на балансе, чтобы эту ставку оплатить – тот будет первым, кто на втором месте – тот будет вторым. Помимо денег считается эффективность рекламы, вероятность клика и так далее. Важную роль здесь играет CTR – отношение кликов к показам.

Коэффициенты по ставкам: чем выше Ваш CTR и чем лучше статистика – тем дешевле обойдется клик. Рекламодатель выставляет максимально возможный предел платы за клик-ставку. Списывается минимальная необходимая сумма, чтобы перебить другие ставки [5].

В первую очередь, необходимо осуществить сбор поисковых фраз, чтобы собрать те фразы, по которым в итоге мы будем показывать нашу рекламу. Если этот пункт проигнорировать и вручную написать фразы, то будет много кликов, но они будут дороже, потому что показ будет проходить по самым дорогим и горячим запросам.

Первый шаг в сборе фраз – это составление масок ключевых фраз. Можно воспользоваться встроенной базой поисковых фраз в ContextGen, либо сделать вручную. Сначала нужно определиться с горячими фразами, состоящими из 2–3 слов (или из 2 слов + предлог). Существует понятие «вложенности». Вложением считается ключевой запрос, в который целиком входит исходное слово или фраза. Используя понятие вложенности далее нужно собрать все слова/словосочетания, которые могут содержаться во всех фразах, которые будут полезны. Список составляется в столбик без знаков препинания.

Когда список «масок» готов, необходимо отправить его на парсинг. Парсинг – это сбор информации. В данном случае это автоматический сбор вложенных фраз через сервисы Магадан Парсер или Key Collector.

Следующий этап – чистка фраз от мусора. Наверно будет собрать все фразы и выгрузить их в рекламную кампанию. Потому что помимо составленных ключей с целевыми запросами притянутся нерелевантные запросы. Для того, чтобы показывать рекламу людям, которые планируют воспользоваться услугой проживания, нам нужно

почистить собранные фразы от мусора и составить список минус-слов. Минус-слова – это набор слов, по которым НЕ будут показываться объявления.

Ключевым пунктом в контексте является рекламное объявление. Оно должно быть привлекательным, и соответствовать содержанию сайта. Потому что, если удастся привлечь клиента на сайт, а там не будет ни слова из того, что указано в объявлении - человек почувствует себя обманутым и просто уйдёт. Рекламодатель заплатит за этот пустой клик.

Контекстная реклама – это реклама прямого отклика. Человек сделал запрос по Вашей теме и

Литература:

1. *Ганусич К.В.* Искусственный интеллект как новая индустриальная платформа сферы гостеприимства / К.В. Ганусич // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. М. : ГУУ, 2020. С. 211–217.
2. *Кожухов И.С.* Инновационные концепции развития технологий в индустрии гостеприимства / И.С. Кожухов // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. М. : ГУУ, 2021. С. 272–278.
3. *Оганесян А.П.* Аспекты использования искусственного интеллекта в гостиничном бизнесе (статья) / А.П. Оганесян // «Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика». М. : Издательский дом ГУУ, 2017. С. 295–300.
4. Преимущества и недостатки интернет рекламы. URL : <http://www.iwix.ru/rus/public/reklamainternet>
5. Проблемы современной экономики. Цифровые технологии и диджитал-маркетинг: новые возможности для гостиничного бизнеса. URL : <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6375>
6. *Солнцева О.Г.* Искусственный интеллект на современном этапе развития гостиничной индустрии / О.Г. Солнцева // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. М. : ГУУ, 2018. С. 134–140.
7. *Фирсова А.Е.* Электронные каналы продаж как инструмент продвижения гостиничных услуг / А.Е. Фирсова // Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика. М. : ГУУ, 2018. С. 288–295.

увидел Ваше объявление. По сравнению с другими способами, интернет-продвижения гостиницы, контекстная реклама имеет два преимущества.

Во-первых, кампания запускается сразу после создания объявления.

Во-вторых, текст объявления увидит лишь целевая аудитория – потенциальные гости.

Таким образом, диджитал маркетинг открывает массу новых возможностей для гостиничного бизнеса, улучшая при этом качество сервиса и делая его более персонализированным для гостей.

Literature:

1. *Ganusich K.V.* Artificial intelligence as a new industrial platform of the hospitality industry / K.V. Ganusich // Step into the future: Artificial Intelligence and Digital Economy. M. : GUU, 2020. P. 211–217.
2. *Kozhukhov I.S.* Innovative concepts of technology development in the hospitality industry / I.S. Kozhukhov // Step into the future: artificial intelligence and the digital economy. M. : GUU, 2021. P. 272–278.
3. *Oganesyan A.P.* Aspects of the use of artificial intelligence in the hotel business (article) / A.P. Oganesyan // «Step into the future: artificial intelligence and digital economy». M. : GUU Publishing House, 2017. P. 295–300.
4. Advantages and disadvantages of online advertising. URL : <http://www.iwix.ru/rus/public/reklamainternet>
5. Problems of the modern economy. Digital technologies and digital marketing: new opportunities for the hotel business. URL : <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6375>
6. *Solntseva O.G.* Artificial intelligence at the present stage of development of the hotel industry / O.G. Solntseva // Step into the future: artificial intelligence and the digital economy. M. : GUU, 2018. P. 134–140.
7. *Firsova A.E.* Electronic sales channels as a tool for promoting hotel services / A.E. Firsova // Step into the future: artificial intelligence and the digital economy. M. : GUU, 2018. P. 288–295.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 20.05.2022
Подписано в печать 24.05.2022
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 14
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 89

e-mail: id.yug2016@gmail.com